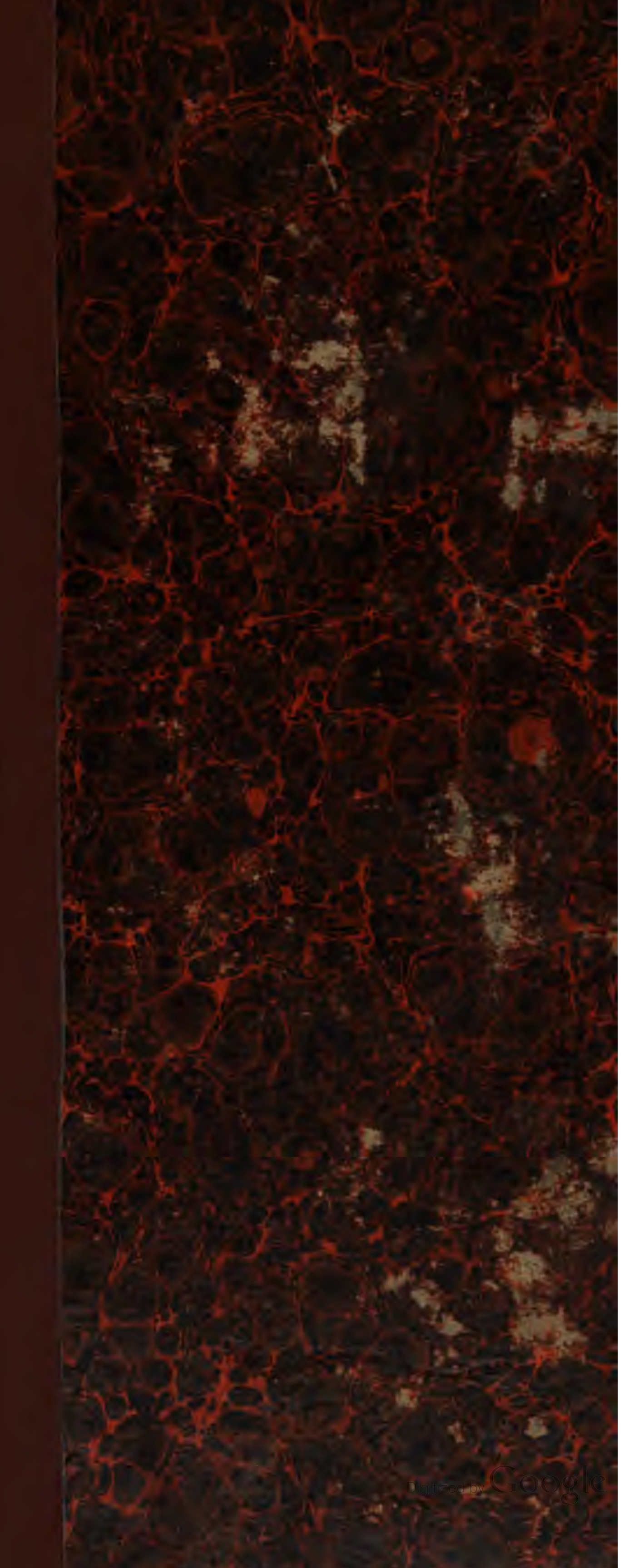
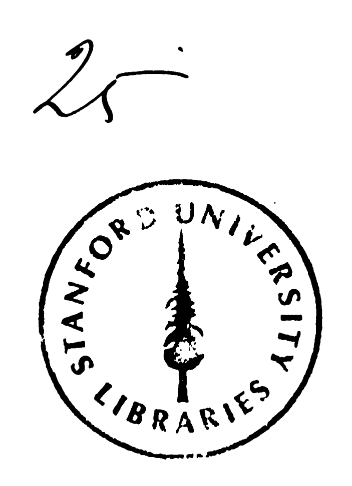

25

25

І. Покровскій
14 Генв. 1841

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

ГЕОГРАФІЯ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Н. П. БАРСОВА,

БИБЛІОТЕКАРЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВАРШАВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВАРШАВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
На Медовой улицѣ № 487.

1873

Дозволено Цензурою.

Варшава, 4 Августа 1872 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Трудъ, предлагаемый теперь на судъ читателей, имѣлъ цѣлью не полное и всестороннее изложеніе исторической географіи Руси въ эпоху, обнимаемую Начальною лѣтописью; но главнымъ образомъ разъясненіе только тѣхъ вопросовъ этаго обширнаго предмета, которые ставитъ самая лѣтопись, и потому ограничивается разборомъ географическаго матеріала, который она представляетъ. Но и въ этихъ размѣрахъ исполненіе принятой нами задачи, затруднялось прежде всего относительною скудостью несомнѣнныхъ, критически утвержденныхъ данныхъ, которыя могли бы послужить прочнымъ основаніемъ при разъясненіи географическаго кругозора и географическихъ понятій лѣтописца и при постановкѣ въ надлежащемъ свѣтѣ сообщаемыхъ имъ извѣстій и указаній. Мы должны были пополнять этотъ недостатокъ, сопоставляя извѣстія Начальнаго лѣтописца съ извѣстіями позднѣйшихъ лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ XII—XIV в. При этомъ богатый матеріалъ, который надо ожидать для изученія вообще древне-русской геогра фіи и географіи Начальной лѣтописи въ частности отъ мѣстныхъ археологическихъ изысканій, оставался къ сожалѣнію, предметомъ, для насъ мало доступнымъ. Наконецъ иного рода затрудненія представляло обиліе такихъ данныхъ, которыя сами требуютъ предварительной провѣрки и разработки. Между ними главное мѣсто принадлежитъ указаніямъ и свидѣтельствамъ современной географической номенклатуры, за которыми признается обыкновенно важное значеніе въ вопросахъ исторической географіи,—но, собственно говоря,—признается больше на вѣру, чѣмъ по сознательному и оправданному критикой убѣжденію. Мы увѣрены, что эти

свидѣтельства и указанія получатъ только тогда прочность и несомнѣнность, когда будутъ провѣрены путемъ филологическаго изученія. Но, не смѣя основывать безусловно на нихъ никакихъ положеній и заключеній, мы все таки не считали себя въ правѣ оставить ихъ вовсе безъ вниманія, и старались собрать ихъ возможно больше—въ той надеждѣ, что они могутъ быть не совсѣмъ безполезны, какъ матеріалъ для другихъ болѣе счастливыхъ и болѣе подготовленныхъ изслѣдователей.

Варшава, 6 (18) декабря 1873.

Н. Барсовъ.

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

ГЕОГРАФІЯ НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

Глава I. Начальная Лѣтопись, какъ географическій источникъ. Ея общій характеръ и затрудненія, которыя онъ представляетъ при изслѣдованіи ея географіи. Міръ, извѣстный Начальной Лѣтописи. Перечень земель и народовъ: а) космографическій отрывокъ изъ Георгія Амартола; б) вставка о западѣ и сѣверѣ Европы. Предѣлы Афетовой части. Варяжское море по понятіямъ Начальной Лѣтописи. Его положеніе и объемъ. Сходство представленій о немъ начальнаго лѣтописца и мусульманскихъ писателей того же времени. Восточно-европейская равнина. Угорскія горы. Оковскій лѣсъ. Волокъ. Первое извѣстіе о Уральскомъ хребтѣ. Верхъ или Верхнія Земли. Низовская земля. Днѣпровскія и другія горы; значеніе слова „гора." Внутреннія горы восточной равнины по Начальной Лѣтописи. Значеніе рѣкъ для движенія населенія. Черноморскій бассейнъ. Днѣпръ. Связь его бассейна съ бассейнами другихъ рѣкъ. Рѣки балтійской полости. Направленіе Западной Двины по понятіямъ лѣтописца. Пути изъ Двины: къ Днѣпру, къ озерной области и къ Поволжью. Воды южной части озерной области. Связь ихъ съ Варяжскимъ моремъ, Подвиньемъ и Поволжьемъ. Волжскій бассейнъ. Водныя сообщенія въ предѣлахъ верхняго Поволжья, какъ возможные пути древнѣйшей славянской колонизаціи. Связь съ Подесеньемъ, Озерной областью и Заволочьемъ. Заволоцкіе пути.

Какъ у всѣхъ народовъ, и у насъ первая отечественная лѣтопись, обыкновенно приписываемая Нестору, составляетъ въ тоже время и первую отечественную географію. Въ ея простой и безъискусственный разсказъ о событіяхъ съ отдаленнѣйшихъ временъ вошли существеннымъ элементомъ извѣстія о территоріи, гдѣ они совершались. При первомъ взглядѣ эти извѣстія имѣютъ видъ со-

вершенно случайныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ мимоходомъ въ разсказѣ о томъ или другомъ событіи; но тѣмъ не менѣе, при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ, они обнаруживаютъ полноту и систематичность, какой, по видимому, отъ нихъ нельзя было бы ожидать. Отвлекая географическія данныя отъ событій, по поводу которыхъ они упоминаются, и, приводя ихъ въ естестенный порядокъ, изслѣдователь входитъ въ особый міръ географическихъ понятій и представленій, который, разъясняя одну изъ сторонъ міросозерцанія народа въ разсматриваемую эпоху, вмѣстѣ съ тѣмъ проливаетъ свѣтъ на географическія условія его историческаго существованія.

Самый характеръ нашей первой лѣтописи ручается за то, что она передала съ достаточною полнотою географическія понятія и представленія своего времени по крайней мѣрѣ по отношенію къ той территоріи, на которой былъ призванъ жить и дѣйствовать русскій народъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, она возникла въ началѣ XII в., въ ту переходную эпоху, когда только что окончился „великій трудъ," по выраженію Ярослава, первыхъ князей—собраніе восточно-славянскихъ племенъ въ одно государство, когда эти племена слились уже въ единый народъ подъ вліяніемъ княжеской власти, церковныхъ учрежденій и возникавшаго образованія, и когда едва только начиналъ утверждаться удѣльный порядокъ, впослѣдствіи расчленившій молодое государство на независимыя другъ отъ друга княженія. Это было время преобладанія идеи единства русской земли, выражавшейся и въ политическихъ отношеніяхъ и въ начинавшейся литературѣ. Мѣстные областные интересы, развитые удѣльною жизнью Руси, еще молчали. Несторъ оканчивалъ свой трудъ въ то время, когда постановленіемъ Любецкаго сейма, князья въ-первые признали наслѣдственность удѣловъ, и тѣмъ упрочили ихъ дальнѣйшее обособленіе; но когда утвержденный ими порядокъ принадлежалъ еще будущему. Какъ выраженіе народнаго самосознанія, Начальная Лѣтопись вся проникнута этой идеей единства, сознаніемъ цѣлости русской земли. Она не ограничивается интересами какой нибудь одной области уже тогда обширнаго государства; но заноситъ на свои страницы все, что можно было узнать изъ народнаго преданія и немногихъ письменныхъ источниковъ о прошедшихъ судьбахъ всего русскаго народа. Она чужда областной исключительности, и, если она останавливается

чаще всего на Кіевѣ, то только потому, что туда тяготѣли событія, и тамъ сильнѣе всего бился пульсъ русской исторической жизни. Ея разсказъ обнимаетъ все пространство русскаго государства, и, слѣдя за отношеніями его къ сосѣдямъ,—весь извѣстный тогда на Руси міръ.

Впрочемъ, при разсмотрѣніи ея, какъ географическаго источника, открываются нѣкоторыя затрудненія. Какъ извѣстно, Начальная Лѣтопись есть не что иное, какъ лѣтописный сводъ, составленный изъ отдѣльныхъ сказаній, замѣтокъ, оффиціальныхъ документовъ и мѣстныхъ извѣстій [1]). Древнѣйшій текстъ ея дошолъ до насъ въ такъ называемомъ Лаврентьевскомъ спискѣ, сдѣланномъ въ 1377 году въ Суздальскомъ княжествѣ, монахомъ Лаврентіемъ. Изъ приписки, находящейся въ немъ подъ 1110 годомъ, видно, что разсказъ о событіяхъ до этого года писанъ игуменомъ Кіевскаго Свято-Михайловскаго монастыря Сильвестромъ въ 1116 году. Трудно рѣшить, былъ ли игуменъ Сильвестръ только переписчикомъ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и составителемъ всего свода, давшимъ ему ту редакцію, въ какой онъ дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ. Послѣднее вѣроятнѣе [2]), хотя различіе разныхъ списковъ даетъ основаніе полагать, что позднѣйшіе переписчики и компиляторы не довольствовались Сильвестровскою редакціею свода, и измѣняли ее вставками и сокращеніями. Въ основаніе его положены „Повѣсти временныхъ лѣтъ,“ которыя судя по ихъ заглавію [3]), должны были заключать въ себѣ сказанія о славянахъ до образованія русскаго государства, о призваніи Варяговъ, о первыхъ Кіевскихъ князьяхъ. По всей вѣроятности „*Повѣсти*“ составляли первоначально цѣльное изложеніе, и только впослѣдствіи были разбиты по годамъ, дополнены и распространены отдѣльными сказаніями, мѣстными извѣстіями (Кіевомонастырскими, Ростовскими, Новгородскими, Черниговскими), и извлеченіями изъ Греческихъ хронографовъ. Вслѣдствіе того, въ настоящее время едва ли возможно опредѣлить не только первоначальный видъ, но и самый объемъ ихъ,—кѣмъ именно изъ русскихъ князей оканчивался разсказъ о томъ, „кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду русская земля стала есть.“ Также разнообразно и по содержанію и по характеру продолженіе „Повѣсти,“ или, вѣрнѣе сказать, другая часть Сильвестровскаго свода. Рядомъ съ краткими погодными замѣтками,

мы имѣемъ въ немъ подробное изложеніе событій въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, разсказы очевидцевъ, и литературные памятники (Поученіе Мономаха, его письмо къ Олегу). Видно, что все это вошло въ сводъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, что составитель вносилъ въ него имѣвшіеся подъ рукой матеріалы цѣликомъ, располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Въ этой массѣ разнообразныхъ и разъединенныхъ фактовъ личность лѣтописца теряется. Изслѣдователь не имѣетъ возможности судить ни о его подготовкѣ, ни о средствахъ, которыми онъ располагалъ для своего труда. Этотъ важный пробѣлъ представляетъ значительныя затрудненія между прочимъ и для изученія лѣтописной географіи. Имѣя дѣло съ лѣтописнымъ трудомъ однаго человѣка, было бы возможно пріурочить открывающійся въ немъ кругъ географическихъ знаній къ опредѣленному времени и мѣсту, и отдѣливъ то, что лѣтописецъ могъ почерпнуть изъ народнаго преданія и письменныхъ источниковъ, отъ того, что онъ зналъ по личнымъ наблюденіямъ, что принадлежитъ собственно ему,—тѣмъ самымъ съ большею точностью возстановить географическій кругозоръ времени, въ которое онъ жилъ. Теперь же приходится имѣть дѣло съ разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей слишкомъ два съ половиною столѣтія. Сверхъ того разновременные списки, въ которыхъ дошла до насъ Начальная Лѣтопись, не одинаковы: въ однихъ сообщаются факты, о которыхъ умалчиваютъ другіе, или передается подробно то, что въ другихъ разсказано кратко. Никоновскій напр. списокъ гораздо полнѣе Лаврентьевскаго, а Татищевскій сводъ такъ богатъ данными, неизвѣстными древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ, что именно это богатство навлекло на него подозрѣніе въ подлогѣ, подозрѣніе, до сей поры еще не разсѣянное, но въ то же время и не оправданое историческою критикой [4]). Очевидно, что позднѣйшіе переписчики передавали Сильвестровскій сводъ одни вполнѣ, другіе въ сокращеніи, а компиляторы имѣли, можетъ быть, подъ рукою и такіе источники, какихъ не зналъ или оставилъ безъ вниманія составитель первоначальнаго свода. Все это заставляетъ насъ имѣть постоянно въ виду всѣ—даже позднѣйшіе—списки начальной лѣтописи, не ограничиваясь однимъ только древнѣйшимъ Лаврентьевскимъ, хотя и при этомъ необходимо будетъ обращаться за разъясненіями къ свидѣтельствамъ

позднѣйшаго времени, и придется во многомъ ограничиться одними предположеньями и догадками.

Міръ, извѣстный начальной лѣтописи, можетъ быть нанесенъ на нынѣшнюю географическую карту въ слѣдующихъ предѣлахъ: *на сѣверъ* границею его служитъ параллель отъ уральскаго хребта къ невскому устью, (приблизительно по 60° с. ш.), затѣмъ побережье Балтійскаго моря, южное побережье Нѣмецкаго моря и Британія; *съ запада* океаническіе берега Европы и частью Африки; *на югъ* крайнія страны, извѣстныя ей: въ Африкѣ—побережье Средиземнаго моря и теченіе Нила, въ Азіи—Аравія и Индія; *на востокъ*—Бактрія, Каспійское море и Волга. Выработанное уже древними географами дѣленіе земли на *части свѣта* Начальной Лѣтописи не извѣстно. Она не знаетъ ни Европы, ни Азіи, ни Африки. Она дѣлитъ извѣстный ей міръ по *странамъ свѣта*,* на *востокъ*, страны *полуденныя*, *полунощныя* и *западныя*, при чемъ въ общихъ чертахъ востокъ долженъ соотвѣтствовать Азіи, югъ—Африкѣ, западъ и полунощье—Европѣ. Начиная разсказъ свой раздѣленіемъ земли по потопѣ между сыновьями Ноя, „Повѣсть" даетъ при этомъ перечень областей и народовъ, поселившихся въ каждомъ жребіи. Внимательное разсмотрѣніе связи, въ которой стоитъ этотъ перечень къ общему ходу лѣтописнаго разсказа, приводитъ однако къ мысли, что онъ внесенъ въ Повѣсть позднѣе, и что въ ея первоначальной, для насъ утраченной редакціи его могло и не быть. Онъ не только не вызывается задачею повѣсти, такъ ясно выраженною въ заглавіи, но и противорѣчитъ послѣдовательности разсказа. Прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что перечень исчисляетъ земли и народы, которые достались (яшася) Симу, Хаму и Афету, тотчасъ по потопѣ, т. е. именно въ то время, когда по словамъ Повѣсти же „бысть языкъ единъ." Вслѣдъ за тѣмъ Повѣсть переходитъ къ смѣшенію языковъ, и снова говоритъ о раздѣленіи земли между Ноевыми сыновьями, но уже весьма кратко и просто, очевидно съ единственною цѣлію связать происхожденіе Славянъ съ библейской этнографіей. „По разрушеніи же столпа и по раздѣленіи языкъ, говоритъ она (Лавр. 3), пріяша сынове Симови восточныя страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне." Очевид-

но, что эта замѣтка и предшествующій ей перечень исключают друг друга, при чемъ или замѣтку, или перечень надо признать позднѣйшею вставкой, и конечно скорѣе всего подробный перечень, такъ какъ краткая замѣтка составляетъ естественный приступъ „Повѣсти" къ разсказу,—и безъ нея „Повѣсть," не смотря на перечень, все таки не имѣла бы начала. Тѣмъ не менѣе не льзя отказать перечню въ весьма раннемъ происхожденіи. Уже то одно обстоятельство, что онъ встрѣчается почти во всѣхъ дошедшихъ до насъ спискахъ Начальной Лѣтописи, даетъ поводъ думать, что онъ внесенъ въ нее первымъ составителемъ свода, можетъ быть, игуменомъ Сильвестромъ, а продолженіе его, описаніе западной и особенно сѣверовосточной Европы, могло возникнуть не позже конца XI или начала XII вѣка.

По своему происхожденію и содержанію, перечень земель и народовъ раздѣляется на двѣ части. Исчисленіе восточныхъ и полуденныхъ странъ и областей Балканскаго полуострова съ нѣкоторыми островами Архипелага и Іоническаго моря заимствовано у греческихъ хронографовъ, а свѣдѣнія о западной и восточной Европѣ взяты изъ мѣстныхъ источниковъ. Въ греческой исторической литературѣ сказаніе о дѣленіи земли между сыновьями Ноя появляется въ IV вѣкѣ, и съ того времени, говоритъ Шлецеръ: „сею сказкою, соединенною съ вавилонскомъ столпотвореніемъ, начинаются произведенія всѣхъ греческихъ и латинскихъ писателей исторіи, а за ними толпою слѣдуютъ даже до XV столѣтія позднѣйшіе восточные, западные и сѣверные хронографы." [5]).

Шлецеръ не могъ съ полною увѣренностью опредѣлить, у кого именно изъ Византійскихъ хронографовъ взятъ нашимъ лѣтописцемъ этотъ географическій отрывокъ, и полагалъ вѣроятнымъ, что здѣсь Кедринъ списывалъ Синкелла, а Несторъ Кедрина [6]). Дословное сходство нашего лѣтописнаго перечня съ космографіей хронографа IX вѣка Георгія Амартолы дало однако основаніе считать ее первоначальнымъ его источникомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ хронографъ былъ хорошо извѣстенъ составителю лѣтописнаго свода, который сдѣлалъ изъ него и другія извлеченія. Это открытіе принадлежитъ г. Строеву [7]). Греческій космографическій отрывокъ въ исчисленіи земель ограничивается историческимъ міромъ временъ римской имперіи, удерживая номенклатуру классическихъ геогра-

фовъ. При этомъ онъ соблюдаетъ естественный порядокъ расположенія земель, и ведетъ ихъ перечень съ юга на сѣверъ, и съ востока на западъ [8]). Только въ исчисленіи полунощныхъ и западныхъ странъ онъ отступаетъ нѣсколько отъ этого порядка: отнеся къ нимъ южное побережье Чернаго моря отъ истоковъ Ефрата, онъ переходитъ къ восточному и сѣверному его берегамъ, называетъ здѣсь *Колхиду, Воспоръ, Меотисъ, Деревы, Сарматію, Тавриду, Скиѳію*, и за тѣмъ исчисляетъ области Балканскаго полуострова въ порядкѣ съ сѣвера на югъ. Остальной Европы, какъ было замѣчено выше, онъ не знаетъ. Этому сухому перечню дана — особенно въ Начальной Лѣтописи — столь несовершенная редакція, что едва-ли переписчики и читатели его могли составить себѣ ясное понятіе о положеніи упоминаемыхъ имъ земель и областей. Называя извѣстную землю, онъ перечисляетъ и области, на которыя она дѣлилась, не указывая однако, что они составляютъ только часть ея. Такъ мы видимъ въ немъ въ одномъ ряду Аравію старѣйшую, Елмаисъ, Инди и Аравію сильную; Египетъ и Ѳиваиду; Пелопонисъ и Аркадію.— Мидія и Вавилонія отнесены къ востоку, (къ Азіи), и вслѣдъ за тѣмъ въ странахъ полунощныхъ и западныхъ (въ Европѣ) показана Мидія и рѣка Тигръ, отдѣляющая ее отъ Вавилоніи. Въ ряду европейскихъ земель мы видимъ малую и великую Арменію, Пафлагонію, Галатію, часть Асійской страны, нарицаемую Онія (Іонію), тогда какъ европейскіе острова *Саръдани* (Сардинія), *Критъ* и *Кипръ* упомянуты въ Азіи. *Египетъ* лежитъ въ хамовой части,— а рѣка *Геонъ*, зовомая *Нилъ*, отчислена къ „сущимъ ко востокомъ.“

Отъ извѣстій греческаго хронографа существенно отличаются свѣдѣнія, сообщаемыя космографическою вставкою о восточной и западной Европѣ. Они не могли быть заимствованы у греческихъ хронографовъ, которые или не знаютъ упоминаемыхъ нашею лѣтописью земель, или же — если и знаютъ — то подъ другими названіями. Они очевидно почерпнуты изъ домашнихъ, отечественныхъ источниковъ, что отразилось между прочимъ и на самомъ ихъ изложеніи. Тогда какъ въ греческомъ отрывкѣ мы имѣемъ почти исключительно [9]) названія *областей* (большей частью провинцій б. римской Имперіи),—здѣсь говорится только *о народахъ и племенахъ*. При разсмотрѣніи этой части перечня, нельзя однако не замѣтить большой разницы между свѣдѣніями, предлагаемыми имъ о

восточной и о западной Европѣ.—Исчисленіе племенъ въ восточной половинѣ ея есть почти дословное повтореніе того исчисленія ихъ, которое не разъ дѣлаетъ начальная лѣтопись въ дальнѣйшемъ разсказѣ о Славянахъ и о ихъ инородческихъ сосѣдяхъ [10]). Названія нѣкоторыхъ племенъ, которыхъ не знаетъ текстъ начальной лѣтописи, могли быть вставлены позднѣйшими переписчиками; но во всякомъ случаѣ этою стороною перечень неотъемлемо примыкаетъ вообще къ лѣтописной географіи, объясняется и дополняется ею. Онъ представляетъ полную картину разселенія племенъ по всему пространству восточно-европейской равнины, въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка [11]). Между тѣмъ, говоря о западной Европѣ, лѣтописецъ ограничивается ея побережьями и называетъ только племена, живущія вдоль береговъ внутреннихъ морей и Атлантическаго океана. Континентальнаго населенія ея онъ не знаетъ. Это обстоятельство открываетъ самый источникъ свѣдѣній на Руси о западной Европѣ. По справедливому замѣчанію извѣстнаго изслѣдователя отечественной старины, И. Д. Бѣляева [12]), они могли быть получены только отъ норманов, которымъ, какъ извѣстно, были близко знакомы европейскія побережья, съ VIII вѣка посѣщаемыя ими для торговли, а больше для грабежа и разбоевъ, но которые мало знали внутреннія земли Европы, поднимаясь въ глубину ихъ весьма рѣдко, по теченію только значительнѣйшихъ рѣкъ. Свое знакомство съ западной Европой они передали русскимъ, водворившись сперва въ Новгородѣ, а за тѣмъ въ Кіевѣ. Иного источника этихъ свѣдѣній не видно. Приписывать ихъ нашимъ сѣверо-западнымъ торговымъ городамъ (Новгороду, Полоцку, Смоленску) нѣтъ основанія, такъ-какъ морская торговля Руси съ западной Европой началась, можетъ быть, только въ XI вѣкѣ, ограничиваясь первоначально ближайшимъ Балтійскимъ моремъ. Еще яснѣе Норманское происхожденіе ихъ выступаетъ въ описаніи такъ называемыхъ водныхъ путей „изъ Варягъ въ Греки" (Волховомъ, Ловатью, Днѣпромъ) и „въ Хвалисы" (къ Каспійскому морю Волгою). Эти пути, извѣстные у Норманов подъ именемъ austurweg [13]), Норманы узнали, безъ всякаго сомнѣнія, отъ восточныхъ Славянъ, которые могли пользоваться ими ранѣе своихъ мореходныхъ сосѣдей, для внутреннихъ сношеній; — но поставить ихъ въ связь съ морскими путями въ Грецію, знать, что великимъ воднымъ путемъ на восто-

вѣ (Волховъ, Ловать, или Западная Двина и Днѣпръ) и Варяжскимъ моремъ съ другихъ сторонъ,—можно „ити до Рима, а изъ Рима по тому же морю къ Царю-граду, а отъ Царя-града прити въ Понтъ море, въ не же течетъ Днѣпръ рѣка“ (Лавр. 3), которымъ на югѣ оканчивается водный путь восточной равнины,—знать это могли только Норманы. Свѣдѣнія о западной Европѣ, занесенныя ими на Русь, сложились въ народное преданіе, и оттуда уже они вошли въ лѣтопись, которая получила ихъ такимъ образомъ изъ вторыхъ рукъ. Если бы лѣтописецъ записалъ ихъ по разсказамъ очевидцевъ, изложеніе ихъ было бы полнѣе, обстоятельнѣе, и навѣрное изобиловало бы подробностями, которыми вообще характеризуются разсказы бывалыхъ людей.

Западныя и полунощныя страны, составившія часть Афетову, на востокѣ и на юго-востокѣ примыкаютъ къ Симову предѣлу, а съ сѣвера, запада и юго-запада омываются моремъ, которому Начальная Лѣтопись даетъ общее названіе *Варяжскаго* [14]). Восточная граница идетъ отъ крайняго восточнаго пункта на Варяжскомъ побережьи къ Поволжью, отдѣляя Югру, Пермь, Черемису, Мордву и Мещеру, племена Афетовой части, отъ *Болгаръ Волжскихъ* и *Камскихъ*, область которыхъ находится уже въ Симовомъ предѣлѣ, и Славянское племя *Вятичей* (на Окѣ) отъ *Казаръ* (на Дону и нижней Волгѣ) [15]). Съ паденіемъ Казарскаго царства (X вѣкъ) и съ утвержденіемъ русскихъ въ *Тмутаракани* восточные предѣлы Афетовой части раздвинулись далѣе до Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ. За тѣмъ восточная граница переходитъ черезъ Кавказскія горы въ верховьямъ Ефрата. Что касается границъ съ остальныхъ трехъ сторонъ, то направленіе и очертаніе ихъ открывается непосредственно изъ лѣтописнаго перечня заселившихъ его народовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открывается и пониманіе лѣтописцемъ положенія и вида западной Европы. По Варяжскому морю, говоритъ онъ (Лавр. 2), сидятъ *Ляхи*, *Прусы* и *Чудь*; по тому же морю сидятъ *Варяги* съ одной стороны до Симова предѣла, съ другой до земли *Агнянски* и до *Волошьски*. За тѣмъ, оставляя Ляховъ, Прусовъ и Чудь, очевидно занимавшихъ побережье, противуположное тому, на которомъ жила часть Варяговъ до Агнянской земли [16]), онъ переходитъ къ исчисленію племенъ этаго Афетова колѣна, при чемъ держится естественнаго порядка, въ какомъ они заселяли, по

его свѣдѣніямъ, Варяжское побережье. „Афетово бо и то колѣно, говоритъ онъ,— *Варязи* [17]): *Свѣи, Урмяне, Готъ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Веньдици, Фрягове и прочіи*“ (Ibid). Свѣи (Свое), Урмяне, и, весьма вѣроятно, Русь пріурочиваются къ Скандинавіи (Шведы и Норвежцы); Готы— къ Готланду, ибо Новгородъ рано завязалъ торговлю съ этимъ островомъ, называвшемся *Гочкымъ берегомъ*, и уже въ началѣ XI вѣка Готы (Гъты, Гты)имѣли постоянное пребываніе въ Новгородѣ и несли на равнѣ съ горожанами нѣкоторыя городскія повинности [18]). Агнянъ (Анъглянъ) слѣдуетъ, кажется, считать послѣднимъ племенемъ на крайнемъ западѣ Варяжскаго побережья, которое здѣсь должно измѣнять отмѣченное прежде лѣтописцемъ направленіе по широтѣ (съ востока на западъ) на меридіональное (съ сѣвера на югъ): Галичане и слѣдующіе за ними народы—именно тѣ, которые, по показанію лѣтописца, „присѣдятъ отъ запада къ полуденью.“ Подъ именемъ *Галичанъ* скрываются или жители испанской области Галиціи, или, можетъ быть, Галлы или Галаты, главное племя Кельтовъ, отъ которыхъ Варяжское море у восточныхъ писателелей XIV вѣка получило свое другое названіе Галатскаго [19]); Волхвы (Волхва, Лавр. 2) обозначаютъ общее населеніе Италіи, къ которому принадлежатъ Римляне, Веньдици (Венеціане) и Фрягове (Генуезцы) [20]). Загадочные Нѣмцы, Корлязи, которыхъ Шлецеръ считаетъ за одно племя,—могутъ быть единственный народъ континента западной Европы, извѣстный лѣтописцу. Названіе „Нѣмцы“ съ половины XI вѣка начинаютъ употребляться вообще для обозначенія западно-европейскаго населенія и вытѣсняетъ собою Варяговъ. Въ Корлязахъ же Кругъ предполагаетъ племена, подчинившіеся Каролингамъ [21]).

Такимъ образомъ Варяжское море лѣтописца, начинаясь на сѣверо-востокѣ у Симова предѣла, близь Волжскихъ и Камскихъ Болгаръ, тянется на западъ до береговъ Англіи, отдѣляя здѣсь Чудь, Пруссовъ и Ляховъ отъ Варяжскихъ племенъ, за тѣмъ у береговъ Англіи оно поворачиваетъ на югъ, охватывая берега Франціи, Испаніи и Италіи. Эти свѣдѣнія пополняются нѣсколько описаніямъ воднаго Варяжскаго пути. Изъ него видно, что лѣтописцу была извѣстна связь Средиземнаго моря съ Чернымъ. Его Варяжское море на югѣ отдѣляетъ Афетову часть отъ Хамова пре-

дѣла, ближайшимъ пунктомъ къ которому онэ называетъ Римъ; и за тѣмъ близь Царяграда оно сливается съ Понетьскимъ или Русскимъ моремъ. Но гдѣ начало Средиземнаго моря, гдѣ Варяжское побережье перемѣняетъ снова меридіанальное направленіе на направленіе по широтѣ,—лѣтопись не указываетъ. Въ разсмотрѣнномъ выше греческомъ космографическомъ отрывкѣ крайнею западною областью въ Хамовомъ предѣлѣ названа Мавританія; противъ нея, слѣдовательно въ Афетовой части, лежитъ Гадиръ. Этимъ только и опредѣляется отчасти пунктъ поворота Варяжскаго побережья лѣтописи на востокъ.

Таковы очертанія Европейскаго побережья, по понятіямъ лѣтописца. Вообще они близки къ истинѣ. Только Балтійскому морю въ связи съ Нѣмецкимъ онъ очевидно даетъ неправильное положеніе. Доводя его на востокъ до Симова предѣла, онъ въ тоже время даетъ теченію Западной Двины, которая беретъ начало вмѣстѣ съ Волгою и Днѣпромъ изъ Оковскаго лѣса, сѣверное направленіе, и такимъ образомъ заставляетъ впадать въ Балтійское море не съ востока, а съ юга [22]); но при этомъ должно измѣниться и положеніе Скандинавскаго полуострова, какъ справедливо замѣтилъ г. Соловьевъ. „Скандинавскій полуостровъ,—говоритъ этотъ наблюдательный историкъ Россіи,—мы должны положить поперекъ; Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составляетъ одно цѣлое съ Нѣмецкимъ; это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря,—при чемъ сѣверный скандинавскій берегъ (Варяжскаго) моря будетъ соотвѣтствовать европейскому берегу Средиземнаго; южный берегъ Варяжскаго—африканскому берегу Средиземнаго; слѣдовательно Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ,— около Уральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою [23]).“ Такое же положеніе имѣетъ Варяжское море отчасти у западныхъ писателей XI—XII вѣка [24]), но болѣе всего у восточныхъ географовъ,—и если послѣдніе не придаютъ ему такого широкаго значенія, какъ нашъ лѣтописецъ, пріурочивая его собственно къ Балтійскому морю въ связи съ Нѣмецкимъ [25]), то отъ этого нисколько не измѣняется сущность дѣла. *Абуръ-Риганъ Бируни* или *Коресми*, писавшій въ Индіи, не задолго до составленія нашей лѣтописи (въ 1030 г.), го-

ворить, что море, которое Греки называли Океаномъ, у береговъ Саклабы (Славянской земли) отдѣляетъ отъ себя каналъ или рукавъ, простирающійся до Булгаръ,—мусульманскаго края, то есть до Поволжья и Камы. Этотъ заливъ называется Варяжскимъ, по имени народа, живущаго на его берегахъ. Отъ Болгаріи онъ поворачиваетъ на востокъ [26]). Тоже извѣстіе, вслѣдъ за Абуръ-Риганомъ повторяютъ *Абульфедова* географія, *Ибнъ-эль-Варди* (въ половинѣ XIV вѣка) и *Ибнъ Шабибъ*, не называя впрочемъ Варяжскаго моря. — *Ибрагимъ-бенъ-Весифшахъ*, жившій въ первой четверти XIII вѣка, говоритъ о двухъ прѣсныхъ моряхъ, омывающихъ берега Славянской земли, изъ которыхъ одно течетъ съ сѣвера на югъ; другому же онъ даетъ направленіе съ запада на востокъ; оно стоитъ въ связи съ третьимъ моремъ, прилегающимъ къ области Болгаръ [27]), можетъ быть, съ Каспійскимъ. Второе море бенъ-Весифшаха несомнѣнно Варяжское. Астрономъ *Насиръ-едъ-динъ* изъ Туса (ум. въ 1274 г.), упомянувъ о Варяжскомъ морѣ, подалъ своему комментатору, *Шерифу Джорджани* поводъ къ его описанію, которое совпадаетъ отчасти съ извѣстіемъ Бируни, съ тѣмъ только различіемъ, что Варяжское море Джорджани тянется на востокъ за непроходимыми горами и необитаемыми землями даже до границъ Китая. Джорджани писалъ въ началѣ XV вѣка (1409 г.); но, по замѣчанію Френа, извѣстія, сообщаемыя имъ, могутъ быть отнесены и къ XII—XIV вѣкамъ [28]). Такое представленіе господствовало у восточныхъ писателей до конца XVI вѣка.

Сходство показаній нашего лѣтописца о положеніи Варяжскаго моря съ извѣстіями современныхъ ему западныхъ историковъ и восточныхъ географовъ,—съ одной стороны заставляетъ видѣть въ текстѣ лѣтописи, на которомъ основано выше сдѣланное заключеніе, подлинныя слова ея, а не описку или ошибку переписчика, какъ то можно было-бы подумать, и объяснить ихъ по ихъ прямому смыслу и значенію,—а съ другой—указываетъ на одинъ общій источникъ, изъ котораго черпали свои свѣдѣнія, какъ нашъ лѣтописецъ, такъ и мусульманскіе писатели. Мы видѣли, что свѣдѣнія о западной Европѣ и о водныхъ путяхъ съ сѣвера въ Грецію получались на Руси отъ Норманновъ; отъ нихъ же получили ихъ и восточные географы: арабы узнали норманновъ на югѣ, на побере-

жьяхъ Средиземнаго моря, и еще ранѣе (въ IX в.) на востокѣ, на Волгѣ, въ Болгаріи и Казаріи, и въ Персіи.

Объ *устройствѣ поверхности* извѣстныхъ ей земель Начальная Лѣтопись сообщаетъ весьма немногое. Тутъ извѣстія ея касаются исключительно восточно-европейской равнины, простирающейся отъ „*Кавкаисинскихъ* [30]) *рекше Угорскихъ*" горъ (Лавр. 265) и *Чешскаго Лѣса* (103) до Варяжскаго моря съ одной стороны, *Понта* и *Хвалискаго моря* (3) съ другой. Изъ того, что перечень племенъ, переходя къ полуночнымъ странамъ, прежде всего упоминаетъ *Угорскія* (Карпатскія) *горы*, видно, что лѣтописецъ понималъ важное значеніе ихъ, какъ естественной границы славянорусскаго міра на юго-западѣ; по высотѣ ихъ, онъ называетъ ихъ „великими" (10). *Чешскій Лѣсъ* сдѣлался извѣстенъ русскимъ во второй половинѣ XI вѣка, когда въ 1076 году до него доходила дружина Мономаха въ походѣ „Ляхомъ въ помощь на Чехы" (Лавр. 85): „Ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, говоритъ онъ въ своемъ поученіи (103), ходивъ въ землѣ ихъ (Чеховъ) 4 мѣсяци [31]). Гораздо ранѣе должны были стать извѣстными на Руси *Кавказскія* горы, у подошвы которыхъ съ X вѣка образовалось русское владѣніе *Тмутаракань*. Лѣтопись не упоминаетъ ихъ; но сношенія русскихъ князей съ ихъ населеніемъ Ясами и Косогами, начавшіяся со времени Святослава, не допускаютъ сомнѣнія въ томъ, что уже тогда возникло на Руси ихъ названіе Ясскихъ горъ, подъ которымъ они извѣстны въ позднѣйшихъ памятникахъ. Какъ отличительную особенность восточной равнины, лѣтопись отмѣтила на ней центральное плоскогорье, съ котораго въ различныхъ направленіяхъ стекаютъ главныя рѣки равнины: на востокъ—Волга, на югъ—Днѣпръ; на сѣверъ, къ Варяжскому морю, Двина (3). Она называетъ его *Оковскимъ* (Воковскимъ, Волоковскимъ) *лѣсомъ*. Цѣпь покрытыхъ дѣвственными лѣсами холмовъ, которая связуетъ это плоскогоріе съ естественными границами равнины, Уральскимъ хребтомъ (на в.), Олонецкими горами (на с. з.), и (на ю. з.) съ Карпатами, и которая составляетъ водораздѣлъ между бассейнами четырехъ окраинныхъ морей равнины, была въ глубокой древности извѣстна подъ именемъ *Волока*, и имѣла важное значеніе, какъ естественная этнографическая граница разнообразныхъ племенъ, населившихъ равнину. Слѣды этаго древнаго названія сохранились до сей

поры въ наименованіяхъ живыхъ урочищъ и рукозданныхъ мѣстностей, которыя тянутся непрерывною полосою отъ Авратынскихъ горъ на юго-востокѣ черезъ Оковскій лѣсъ къ Бѣлуозеру и верхнему бассейну сѣверной Двины [32]). Впрочемъ Волокомъ обозначался преимущественно лѣсистый водораздѣлъ между сѣверными притоками Волги (Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Кама) съ одной стороны, и озерной областью (Мста, Сясь съ Тихвинской) и Бѣломорскимъ бассейномъ съ другой. Вся обширная сѣверная покатость на с. в. отъ озера Онѣжскаго и на с. отъ Бѣлоозера, бассейнъ Онѣги, сѣверной Двины, Мезени и Печоры, уже въ XI вѣкѣ носила названіе *Заволочья* (1078. Лавр. 85), т. е. страны лежащей по ту сторону Волока, и перечень племенъ обозначаетъ Финнскіе народцы, жившіе на этомъ пространствѣ, общимъ именемъ *Заволоцкой Чуди* [33]). Въ эпоху составленія Начальной Лѣтописи русскіе (Новгородцы) только что стали утверждаться въ Заволочьи, и лѣтописецъ имѣлъ о немъ, какъ видно, весьма неясное представленіе. Онъ не знаетъ ни одной изъ большихъ рѣкъ пересѣкающихъ этотъ край, и первыя свѣдѣнія его о Уральскомъ хребтѣ, полученныя имъ изъ Заволочья, отъ жившаго тамъ племени Югры, имѣютъ баснословный характеръ, и служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что русскіе не доходили еще тогда до Урала, и знали о немъ только по слухамъ, изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Какъ увидимъ ниже, крайнія поселенія ихъ въ сѣверо-восточномъ Заволочьи даже во второй четверти XII вѣка, не переходили за Мезень, и оканчивались на Пинѣгѣ. Поэтому, сопоставляя извѣстія начальной лѣтописи о Заволочьи, съ тѣмъ, что она говоритъ о положеніи Варяжскаго моря, нельзя не придти къ тому заключенію, что составитель ея представлялъ себѣ Заволочье узкою полосою между Поволжьемъ (Бѣлоозеро) и Варяжскимъ моремъ, побережье котораго тянулось, не измѣняя своего направленія отъ устья озера Нево (Ладожскаго) къ предѣламъ Волжскихъ Болгаръ, и, упираясь гдѣ-то на крайнемъ сѣверѣ въ горный хребетъ, образовывало заливъ: „Суть горы, такъ занесенъ въ лѣтопись разсказъ Югры (Лавр. 107)—*зайдуче луку моря*, имъ же высота аки до небесе.... Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же подаль и *на полунощьи*.“

Области, расположенныя на центральной возвышенности назы-

вались, по отношенію къ Поднѣпровью и Поволжью, *Верхними землями* или *Верхомъ*. Какъ, кажется названіе это возникло первоначально на югѣ; по крайней мѣрѣ въ-первые оно встрѣчается въ южнорусскомъ извѣстіи о сборахъ Владиміра Святославича на Печенѣговъ, о его походѣ въ Новгородъ по „верховніѣ (верхніе) вои“ (Лавр. 54). Для ближайшаго опредѣленія пространства, которому придавалось это названіе, служатъ лѣтописныя извѣстія XII вѣка. Изъ нихъ видно, что Верхними землями и Верхомъ назывались собственно Новгородская и Смоленская области (1147 Ипат. Лѣт. 36), и что имъ противуполагалась тогда Русская земля (1148 ibid. 39) въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. все теченіе Днѣпра внизъ отъ верховьевъ Десны и отъ устьевъ Березины и Сожи, княженія Кіевское, Черниговское и Переяславское. Въ тоже время съ развитіемъ исторической жизни на сѣверѣ, все Поволжье внизъ отъ Тверцы стало называться по отношенію въ Верху-Низомъ и Низовскою землею. Такъ въ 1196 г., Ярославъ княжилъ „на Торъжку въ своей волости, и дани поима по всему Върху и по Мстѣ и за Волокомъ възми дань“ (Новг. 1-я стр. 23). Въ 1131 году Мстиславъ съ Низовцы ходилъ на Литву (Новгор. IV. 4); въ 1185 году великій князь Святославъ Всеволодовичъ изъ Карачева (въ области верхней Десны) собиралъ „отъ верхнихъ земель вои“ (Ипат. 132). Изъ другихъ возвышенностей восточно-европейской равнины, въ начальной лѣтописи упоминаются: на правомъ берегу Днѣпра—*Кіевская гора*, на которой стоялъ Кіевъ (Лавр. 4, 7, 9, 23, 73, 75), и близь нея *Щекавица* (4, 16), *Хоревица* (4) и *Угорское* (10), названныя въ лѣтописи холмами (31); далѣе, на югъ отъ Кіева,—холмъ нарицаемый *Выдобичи* (1096. 99,—въ 2 верстахъ отъ Печерскаго монастыря) и *Вытечевъ* (Вытечевскій, Витчевъ) холмъ (1095. 97); наконецъ на восточной сторонѣ Днѣпра, на Деснѣ, подъ Черниговомъ *Болдицы* горы, на которыхъ св. Антоній основалъ монастырь св. Богородицы (1074. 83). Замѣтимъ здѣсь, что слово „гора“ не имѣла тогда такого исключительнаго значенія, какъ теперь; горою назывался также берегъ, береговой путь, и вообще сухопутье,—смыслъ, который имѣетъ это слово въ Новгородскомъ извѣстіи 1201 года о приходѣ Варяговъ въ Новгородъ „горою“ на миръ (Новгор. Перв. 25), и, какъ кажется, въ преданіяхъ о пути Апостола Андрея изъ Корсуни въ Новгородъ по Днѣпру горѣ“ (Лавр. 4), и Угровъ—„мимо Кіева горою“ (10) [34]).

Изъ обширныхъ бассейновъ равнины, вершины которыхъ сходятся у Оковскаго лѣса и примыкающихъ къ нему волоковъ, въ эпоху начальной лѣтописи первое мѣсто занимали западная часть бассейна Черноморскаго, часть бассейна Балтійскаго на югъ отъ Финскаго залива и Ладожскаго озера и верхнее Поволжье. Это было мѣсто первоначальнаго разселенія восточныхъ Славянъ, и здѣсь главнымъ образомъ совершались событія, обусловившія возникновеніе и сложеніе русскаго государства. На ходъ этого разселенія и на направленіе событій могущественное вліяніе имѣли *рѣки*. Въ странѣ, покрытой дѣвственными лѣсами и пересѣченной болотами, они представляли, если не единственные, то главные пути для движенія населенія и распространенія въ немъ началъ цивилизаціи. Населенныя мѣста группировались почти исключительно по ихъ побережьямъ. Съ другой стороны обиліе лѣсовъ поддерживало въ нихъ полноводіе. Они были шире и глубже, и удобнѣе для судоходства, чѣмъ теперь, при ихъ видимомъ обмеленіи; оно начиналось ближе къ ихъ истокамъ, и производилось по многимъ побочнымъ рѣкамъ, которыя въ настоящее время или пересохли, или обратились въ болота. Таковы между прочимъ, притоки Десны *Сновь*, теперь болото *Замглай*, и *Вострь* (Остеръ), у самыхъ истоковъ которыхъ находятъ обломки большихъ судовъ [35]). При полноводіи, и пороги не представляли такихъ затрудненій, какъ теперь. По крайней мѣрѣ еще въ XIII вѣкѣ было свободное судоходство верхъ и внизъ по Днѣстру и былъ возможенъ вводъ судовъ по порогамъ Днѣпровскимъ [36]). Все это служило къ значительному сокращенію волоковъ, и облегчало связь между населеніемъ различныхъ бассейновъ и колонизаціонное распространеніе Славянства на сѣверо-востокъ равнины. Изъ рѣкъ Черноморскаго бассейна, извѣстныхъ начальной лѣтописи — *Дунай* (Лавр. 2, 4, 5, 27) съ *Моравою* (3), *Днѣстръ* (2, 5), *Богъ* (Бугъ восточный или южный въ Поуч. Моном. 104), *Донъ* (104, 121), — болѣе другихъ имѣлъ значенія *Днѣпръ* и его система. Занимая своими развѣтвленіями пространство въ 9,500 кв. миль, Днѣпръ послужилъ главнымъ путемъ при разселеніи восточныхъ Славянскихъ племенъ, вытѣсненныхъ на с. в. съ береговъ Дуная, и частью осѣвшихся въ его области, частью же перешедшихъ въ озерную область, верхнее Поволжье и на Оку. По возникновеніи на с. з. равнины русскаго государства онъ обусловилъ бы-

строе распространеніе его границъ до этнографическихъ предѣловъ Славянства, быстрое подчиненіе ему разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ. Наконецъ своимъ теченіемъ на югъ, къ Понту, онъ поставилъ Русь въ связь съ христіанскимъ востокомъ и его цивилизаціей. Этимъ объясняется, почему въ начальной лѣтописи мы встрѣчаемъ наиболѣе данныхъ о его системѣ. Въ великомъ водномъ пути, соединявшемъ окраинныя моря восточной равнины, Днѣпръ составлялъ главное звѣно. Его вершины стояли въ связи съ одной стороны съ Западною Двиною и черезъ нея съ озерною областью, а съ другой съ Поволжьемъ. Отъ первой онъ отдѣляется только 30 верстнымъ волокомъ отъ Смоленска къ Касплѣ и Касплинскому озеру, а отъ Волги волокомъ, который шелъ, по всей вѣроятности, отъ сел. Волочка къ верховьямъ Волжскаго притока Вазузы (Ср. Ходак. Пути сообщ. 24). Сверхъ того южный притокъ Днѣпра Осма, на которомъ находятся безъ сомнѣнія старинныя поселенія Ховрачь, Гаврики (ср. Гаврики на Касплѣ, о которыхъ будетъ ниже, и Норманскіе Hawrik въ Англіи, Havre въ Нормандіи), Городокъ, Рославль,— подходитъ своими вершинами къ Угрѣ, притоку Оки въ Дорогобужскомъ и Юхновскомъ уѣзд., и такимъ образомъ связываетъ Поднѣпровье съ Окскою областью. Наконецъ южные притоки, сближаясь съ источниками Десны (въ Ельнинскомъ у.), ставили верхній Днѣпръ въ непосредственную связь съ Подесеньемъ. При такомъ выгодномъ расположеніи вершинъ, Днѣпръ былъ судоходенъ на всемъ своемъ теченіи, только въ порогахъ (Лавр. 31) представляя значительныя затрудненія при спускѣ и взводѣ судовъ. Впрочемъ затрудненія эти не были непреодолимы, какъ это видно изъ описанія Днѣпровскаго пути, сдѣланнаго Константиномъ Порфиророднымъ, и изъ нашихъ отечественныхъ извѣстій, свидѣтельствующихъ о живомъ движеніи внизъ и вверхъ по Днѣпру. Какъ пристани могутъ быть отмѣчены на этой рѣкѣ: у Смоленска *Смядинъ* (1015 Лавр. 59), *Любечъ* (882. 10), *Вышеградъ* (Лавр. 25, 34, 53; Const. Porph. de Adm. Imp. Cap. 9) у Кіева *Угорское* и устье ручья *Почайны* или *Ручая* (955. 26), *Треполь* (1093. 94, т. Триполье, при устьи Стугны), въ которомъ въ XII вѣкѣ были *Водныя ворота* (1177 Ипат. 119), *Витичевъ* (въ 57 верстахъ ниже Кіева), о которомъ упоминаетъ Константинъ Порфирородный (ibid), *Каневъ* (Патерикъ Печерскій въ житіи Θеодосія) *Хортичъ* островъ (1103. Лавр. 118) и

островъ *св. Елферія* (945. 22, — теп. Березань) на Днѣпровскомъ лиманѣ. Изъ рѣчныхъ урочищъ на Днѣпрѣ лѣтопись называетъ *Перунову рѣнь* ниже пороговъ (988. 50) и *Бѣлобережье* (945. 22, 31), какъ называлось, кажется, вообще все побережье Днѣпровскаго и Бужскаго лимана. Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра лѣтопись знаетъ *Припеть* (2, 3, 120) съ притокомъ *Горинoю* (1097, 112), *Звижденъ* (1097. 111 Здвижь рѣка, черезъ Тетеревъ вливающаяся въ Днѣпръ), ручей *Почайна* или *Ручай* подъ Кіевомъ (26, 50) со впадающимъ въ него ручьемъ *Сѣтомлею* (1036. 65), *Лыбедь* (4, 34, теп. граница съ ю. з. и з. Кіевскаго городскаго владѣнія, впадаетъ въ Днѣпръ нѣсколько ниже Печерской крѣпости), *Стугна* (988. 52, 94) и *Рось* (980. 33, 65, 97, 103); это — съ правой стороны; съ лѣвой: *Сожъ* (Съжа, 5) съ *Пищанью* (984. 34, теп. Пещань руч. въ Старобыховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи, беретъ начало въ 6 верстахъ отъ Пропойска и въ 79 отъ Могилева; течетъ на в.), *Десну* (2, 3, 26, 120) съ *Сеймомъ* (3), *Сновью* (1067, 72, теп. ручей или болото Замглай см. выше прим. 35) и *Вѣстрью* (988. 52, Въстрь 116), рѣчку *Радосынь*, которая вливается въ *Черторыю*, протокъ, идущій изъ устья Десны въ Днѣпръ (противъ Угорскаго [37]); *Долобское озеро* (1103 Лавр. 118; ср. ibid. 143), сливающееся съ Черторыею; *Золотчу* (110. 1. 117), небольшой ручей, или, скорѣе, прибрежное проточное озеро нѣсколько ниже Долобьскаго озера, *Трубежъ* (988, 52) съ *Льтою* или *А (о) льтою* (1015. 55. 62), *Супой* (Поуч. Мономаха 103), *Сулу* (3, 52, 103, 120) и (притоки Псела:) *Хоролъ* (Поуч. Мон. 103, 107) *Голта* (Гольтва въ Поуч. Моном. Гольтавъ; Лавр. 103, — 1111 Ипат. 2. 37), и протокъ *Протолче*, ниже острова Хортицы (1103. Лавр. 113. на лѣвомъ берегу Днѣпра).—Какъ пути сообщенія, наибольшее значеніе имѣли Припеть, Сожъ и Десна. Припеть связывала съ среднимъ Поднѣпровьемъ племена Древлянъ, Дреговичей и Волынянъ, и вершинами своими сближалась съ западнымъ Бугомъ и притокомъ Днѣстра, Серетомъ, т. е. съ Повислянскою и Прикарпатскою областями, а Сожъ и Десна съ землями Кривичей, и Вятичей, т. е. съ верхнимъ Поднѣпровьемъ и областью Оки. Черезъ Сожъ шелъ путь въ Поволжье, который въ XII вѣкѣ обозначался путемъ „на Радимичѣ“ (1169 Ипат. 97.); онъ соединялся съ путемъ, проходившимъ черезъ верхнюю Десну, при посредствѣ или Ипути, или же

другого притока Сожи, Остра,— вершины которыхъ сближаются съ Десною. Десна, вершинами притока своего Болвы, подходитъ къ Угрѣ, а Снѣжатью (на с. в. отъ Брянска) сближается съ правымъ притокомъ Жиздры, Ресетою. Что именно по этимъ рѣкамъ шелъ Подесенскій путь изъ Поднѣпровья въ область Оки и Москвы, могутъ подтверждать селл. *Стайки* и *Стой* на верховьяхъ Болвы, *Стайки* на Ресетѣ (въ Жиздринскомъ уѣздѣ); на Угрѣ: *Стайки* (въ Ельненскомъ у. верстахъ въ 15 на в. отъ у. г.) близь верховьевъ Десны, — и близь верховьевъ Болвы (въ томъ же уѣздѣ) — *Станы*, *Всходы* и пр ,—названія, которыя — своимъ этимологическимъ значеніемъ — могутъ указывать на пролегавшіе здѣсь пути сообщенія. Изъ событій XII вѣка видно, что путь изъ Новагорода Сѣверскаго въ землю Вятичей шолъ черезъ Карачевъ, что на Снѣжати. Лѣвые притоки Десны Сеймъ и Остеръ (Вострь) служили проводникомъ для славянскаго населенія Поднѣпровья и для христіанской цивилизаціи на востокъ къ области Дона, къ кочевьямъ Азіатскихъ номадовъ.

Изъ рѣкъ Балтійскаго бассейна Начальная Лѣтопись называетъ *Вислу* (Лавр. 3), въ которую впадаютъ *Санъ* съ *Вягромъ* (1097. 115) и *Бугъ* (Западный, 3, 5, 63) съ *Нуромъ* (1102. 111), Двину (2, 3) съ притокомъ *Полотою* (3), *Ловать* (3), притокъ Шелони *Судомъръ* или Судому [38]), на которой Брячиславъ Полоцкій былъ разбитъ Ярославомъ въ 1021 году (63), *Волховъ* (2, 3) съ ручьемъ *Пидьбою* (Пидблянинъ 988 Новгор. 111. 207), впадающій въ озеро *Нево* (Ладожское), устье котораго „внидетъ въ море Варяжское (Лавр. 3),—*Лугу* и *Мсту* (947. 25). Изъ нихъ Двина и связанныя озеромъ *Ильмеремъ* (3) Ловать, Волховъ и Мста входили въ систему великаго воднаго пути восточной равнины, — „изъ Варягъ въ Греки,“ по выраженію лѣтописи. Какъ мы уже видѣли, Начальная Лѣтопись имѣетъ о положеніи Западной Двины невѣрное представленіе; изъ описанія же Варяжскаго пути обнаруживается, что лѣтописецъ, принявъ ея сѣверное направленіе, не знаетъ, что она должна составлять неминуемое звѣно между Днѣпромъ и Ловатью въ озерной области,—и между этими рѣками онъ полагаетъ волокъ: „а верхъ Днѣпра волокъ до Ловати“ (3). По этому только на основаніи позднѣйшихъ извѣстій XII — XIII вѣка можно представить нѣкоторыя соображенія объ этой части Варяжскаго пути. Относи-

тельно пути изъ Двины въ Поднѣпровье мы находимъ въ нихъ указаніе, хотя и косвенное, на то, что онъ лежалъ именно по р. *Каспль*, о которой было говорено выше. По извѣстію Новгородской (Первой) лѣтописи (стр. 24), въ 1198 году князь Ярославъ съ Новгородцами ходилъ войною изъ Новгорода на Полоцкъ, но Полочане встрѣтили его съ поклономъ на озерѣ Касплѣ (Касоплѣ), и заключили съ нимъ миръ. Извѣстіе это очевидно не вѣрно, ибо озеро Каспле лежитъ на пути изъ Полоцка не въ Новгородъ, а въ Смоленскъ, и Полочане могли встрѣтить Новгородцевъ только при устьи рѣки Каспли, а не на озерѣ Касплѣ, черезъ которое эта рѣка протекаетъ; но во всякомъ случаѣ оно важно для насъ, какъ несомнѣнное свидѣтельство того, что въ Новгородѣ знали озеро Каспле, какъ урочище, лежащее на обычномъ пути изъ озерной области къ югу. Селенія по Касплѣ и ея южному притоку Выдрѣ—*Волоковая*, *Гаврики*, *Зарубинцы*, *Городокъ* и др., сколько можно судить по ихъ названіямъ, должны принадлежать къ древнѣйшимъ на Руси [39]). Что касается *связи Западной Двины съ озерной областью*, то она поддерживалась нѣсколькими путями, сдѣлавшимися извѣстнымъ весьма рано. По указаніямъ лѣтописей эти пути проходили черезъ *Еменецъ*, гор. *Лучинъ*, селл. *Дубровну* въ Торопецкой волости, и *Муравійну* въ Новгородской, и черезъ *Торопецъ*. О первомъ изъ нихъ, *черезъ Еменецъ*, говоритъ Новгородская лѣтопись подъ 1185 годомъ (стр. 19): „Поиде Давидъ къ Полотьску съ Новгородци и Смольняны, и умиривъшеся, воротишася на Еменьци.“ Озеро *Еменецъ* и на немъ село *Еменецъ* находятся въ теп. Невельскомъ у., въ 9 верстахъ къ югу отъ у. г. Оно лежитъ между верховьями Ловати и праваго притока Двины, Оболи, сближающимися между собою цѣпью озеръ и протоковъ. Еменецкій путь могъ идти такимъ образомъ отъ устьевъ Оболи, нѣсколько выше Полоцка, вверхъ по Оболи къ озеру Езерищу или Озерищу, изъ котораго вытекаетъ эта рѣка, и на которомъ островъ Городище и Древнее Укрѣпленіе (XV в.),—оттуда волокомъ или къ Яменцу и Одрову озеру, связаннымъ съ озеромъ Еменцемъ, или прямо къ озеру Еменцу, отстоящему отъ Езерища не болѣе 10-ти верстъ; изъ Еменца рѣкой Еменкой въ озеро Невель; изъ Невеля вверхъ по Еменкѣ между озеръ Воротна и Череповицы къ озеру Молосно, и отъ Молосна къ озеру Камшину, связанному съ Ловатью, на которой въ двухъ верстахъ ниже находит-

ся село *Бродки:* Этотъ путь могъ служить только для непосредственныхъ сношеній между Новгородомъ и Полоцкомъ. Имъ шелъ на Полоцкъ войною Новгородскій князь Мстиславъ Ростиславичъ въ 1178 г. (Ипат. 120). Другой путь лежалъ *черезъ городъ Лучинъ;* о немъ мы имѣемъ указаніе въ извѣстіи о поѣздкѣ князя Рюрика Ростиславича изъ Новагорода въ Смоленскъ, въ 1173 году, когда у этого князя на дорогѣ, въ городѣ Лучинѣ, родился сынъ Михаилъ, которому онъ и отдалъ этотъ городъ (Ипат. 107). Лучинъ пріурочивается къ теп. селу *Лучани* на Лучанскомъ озерѣ, которое сближается съ одной стороны съ Западною Двиною, а съ другой съ верховьями Полы, праваго притока Ловати. Въ такомъ случаѣ эта вѣтвь великаго воднаго пути могла идти отъ устья Каспли Двиною вверхъ до озера Жаденья или Жадоре, оттуда р. Вологдою въ озеро Отолово, и волокомъ и протоками черезъ Лучанское озеро къ верховьямъ Полы и ея притоковъ. Наконецъ о третьемъ пути *черезъ Дубровну* и *Муравіинъ*—мы находимъ указанія въ описаніи Литовскаго набѣга на Старую Русу въ 1234 году. Оно дало Д. Ходаковскому основаніе предположить, что путь этотъ лежалъ отъ Двины вверхъ по р. Торопѣ до Желна, оттуда 30-ти верстнымъ волокомъ къ р. Сережѣ (въ Холмскомъ уѣздѣ), впадающей въ Ловать. Этотъ путь дѣйствительно былъ извѣстенъ въ древности, и мы находимъ положительное свидѣтельство о немъ въ лѣтописномъ извѣстіи о походѣ князя Ростислава Мстиславича въ 1169 г. изъ Смоленска въ Новгородъ черезъ Торопецъ [40]); но—какъ кажется, именно въ объясненіи событія 1234 года, предположеніе Д. Ходаковскаго — не вѣрно; напротивъ, лѣтописный разсказъ открываетъ здѣсь иную вѣтвь Варяжскаго пути, совершенно отличную отъ указанной Ходаковскимъ. Рѣка Сережа, о которой говоритъ онъ здѣсь, впадаетъ въ Ловать не прямо, а черезъ р. Кунью (у сел. Зуева, въ Торопецкомъ уѣздѣ). По разсказу лѣтописи (Новгор. I стр. 49) Литва, ограбивши Русу, отступила на *Клинъ*, который мы находимъ на одномъ изъ притоковъ верхней Куньи, миляхъ въ трехъ къ западу отъ озера Двинья, сообщающагося съ Западною Двиною. Когда преслѣдовавшіе Литву Новгородскіе лодейники воротились, за недостаткомъ хлѣба, съ Моравійна на Ловати (теп. Муравейка къ с. отъ Холма), Ярославъ съ конниками продолжалъ преслѣдованье, ,,и постиже я на Дубровнѣ на селищи въ Торопечской волости, и ту ся

би съ безбожными, оканьною Литвою.“ Въ предѣлахъ бывшей Торопецкой волости мы находимъ Даброву или Дубровну на Куньи, но уже выше впаденія въ нее Сережи. Все это подвергаетъ сомнѣнію догадку Д. Ходаковскаго объ этой вѣтви великаго воннаго пути, и заставляетъ предполагать ее отъ Ловати вверхъ по р. Куньи до Клина, и оттуда уже волокомъ (черезъ Городецъ къ ю. отъ Клина) на городъ *Жижицы* или Жижчь (тамъ гдѣ теп. сел. Жесцо-Живецъ, близь западнаго берега озера Жесца), или прямо къ озеру *Двинье*, изъ котораго протокъ Двинка, въ Двину. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что лѣтописецъ, указывая на Клинъ, какъ на пунктъ отступленія Литвы, долженъ былъ имѣть въ виду мѣстность общеизвѣстную, какою дѣйствительно могъ быть Клинъ на Куньи, составляя какъ бы узелъ въ сообщеніи между Ловатью и Подвиньемъ. Лежавшій на этомъ пути Жижичь уже въ XII вѣкѣ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ, и платилъ, кромѣ подгородья и почестья, 130 гривенъ княжеской дани, какъ то видно изъ Уставной Грамоты Смоленской Епископіи 1150 г. Сношенія *Двинской области съ Поволжьемъ* шли вѣроятно черезъ озеро Жаденье, на сѣв. берегу котораго находится село Извозъ, и которое отдѣляется незначительнымъ волокомъ (черезъ село Волокъ или Красное) отъ Волжскаго озера Пено. Такимъ образомъ Западная Двина и Ловать съ притоками служили главными путями изъ Поднѣпровья къ озеру Ильменю; Волховъ и озеро Нево завершали на сѣверѣ великій водный путь, пересѣкавшій всю русскую землю отъ Финскаго залива до Чорнаго моря.

Озерная область, въ своихъ многочисленныхъ рѣкахъ и озерахъ, имѣла превосходные водные пути, какъ для внутреннихъ сношеній, такъ и для сношеній съ Поволжьемъ, и съ Чудскимъ побережьемъ Варяжскаго моря. Какъ пути отъ озера Ильменя къ этому побережью, служили кромѣ Волхова — *Луга*, на верхнемъ теченіи котораго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сближается съ Собою, черезъ Мшагу впадающею въ Шолонь, находятся сел. Больщой и Малый *Волочекъ*, и на западъ р. *Шелонь*, которая подходитъ притокомъ своимъ *Узою* (у сел. Большой и Малый Волочекъ, къ западу отъ Порхова) къ *Черехъ*, впадающей въ р. Великую (1352. Новгор. 1. 85), служившую также путемъ въ область западной Двины (черезъ лѣвый притокъ Велью, на которой *Вороначь*, см. 1350 г. Псковск. 1-я стр. 190). Въ этой сторонѣ рѣки, вливающіяся въ Чудское озеро съ запада, ставили Новгород-

скихъ Славянъ въ связь съ Чудскимъ населеніемъ Варяжскаго поморья. Съ другой стороны озерная область стояла въ связи съ *Поволжьемъ* и отдаленнымъ *Заволочьемъ*. Съ Заволочьемъ она издавна имѣла прямое сообщеніе по *Волхову*, *Ладожскому озеру*, *Свири*, *Онѣжскому озеру* и *Водлѣ* [41]), — и черезъ Поволжье. Туда главные пути вели по *Волхову* же (*Ладожское озеро*, *Сясь* и *Воложа*) къ сѣвернымъ притокамъ Волги, — по р. *Мстѣ*, верховья которой сближаются съ притокомъ Волги, Тверцою (Волокъ, теп. Вышній Волочокъ), и по озеру *Селигеру*. Объ этомъ послѣднемъ Селигерскомъ пути, весьма обычномъ въ XII и XIII в., какъ увидимъ ниже, лѣтописи не сообщаютъ подробныхъ указаній; но можно предположить, что въ озерной области онъ шелъ отъ Ильменя по р. Ловати и ея правому притоку *Полѣ* до сліянія съ *Явонью*, которая своими вершинами и связанными съ нею озерами Истошинымъ, Стромиловымъ, Саминцовымъ, Долгимъ и *Велоцкимъ* подходитъ къ сѣверному берегу Селигера, отдѣляясь отъ него холмистымъ, (не болѣе 5 верстъ) волокомъ.

Поволжье было извѣстно Славянамъ еще за — долго до начала русскаго государства. Поселенія Кривичей захватывали верхнюю Волгу, а первыя событія во вновь возникшемъ государствѣ указываютъ на старинную связь Славянъ съ инородческими племенами, занимавшими ея среднее теченье. Начальная лѣтопись знаетъ, что Волга, начинаясь въ Оковскомъ лѣсу, течетъ въ земли Болгаръ и Хвалисовъ, и впадаетъ въ Хвалисское море „семьюдесятью жерелы“ (гирлами). Эта послѣдняя подробность, помимо извѣстій арабскихъ писателей о сношеніяхъ русскихъ съ прикаспійскими областями, была бы достаточнымъ свидѣтельствомъ близкаго знакомства ихъ со всѣмъ теченіемъ Волги. Впрочемъ подробныхъ извѣстій о Поволжскомъ краѣ лѣтопись не сообщаетъ: въ эпоху ея весь интересъ исторической жизни сосредоточивается преимущественно на югѣ, и только въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка начинаютъ обнаруживаться признаки общественнаго развитія на сѣверо-востокѣ равнины. Изъ водъ Волжскаго бассейна лѣтопись называетъ только притоки Волги *Медвѣдицу* (1096 Лавр. 109), *Шексну* (1071. 75), *Оку* (4, 5, 27) съ *Клязмой* (1096. 109), и озера: *Бѣлоозеро* (Лавр. 3), *Клещино*, (ibid. Плещеево) и *Ростовское* (ibid. Неро). Какъ путь сообщенія, Волга имѣла неизмѣримое зна-

ченіе, поставляя славянское Поднѣпровье и озерную область въ связь съ одной стороны съ тюркскимъ востокомъ, и финскимъ сѣверомъ и сѣверо-востокомъ — (Бѣломорскимъ бассейномъ) съ другой. Съ *Поднѣпровьемъ* она сближалась, какъ мы видѣли, Угрою и Вазузою; съ озерной областью Тверцой и Мологой, — съ *Подвиньемъ* — р. Селижаровкою, и озеромъ Селигеремъ, служившими также и для сообщенія съ Ильменемъ. О Селегерскомъ (Селигерскомъ) пути находится нѣсколько указаній въ изложеніи событій XII—XIII вѣка. Такъ въ 1199 году на Серегери преставился архіепископъ Новгородскій Меркурій, на пути изъ Новгорода въ Владиміръ на Клязмѣ (Новгор. 1. 25); въ 1216 году Новгородцы ходили Серегеремъ на верхъ Волги (ibid. 34); въ 1237 году Татары шли къ Новгороду отъ Торжка Серегерскимъ путемъ. На Серегери путь раздвоялся; одна вѣтвь его вела по сѣвернымъ развѣтвленіямъ озера къ Новгороду; другая шла въ Подвинье, можетъ быть, отъ западнаго развѣтвленія Селигера черезъ озера Ямаnецъ и Стержъ, на югъ, черезъ озеро Вселугъ, въ озеро Пено, и отъ Цена волокомъ, черезъ *Волокъ* (Красное) къ Извозу на сѣверномъ берегу озера Жаденья. Впрочемъ для озерной области гораздо важнѣе былъ другой путь въ Поволжье, черезъ Мсту и Тверцу. Тверца представляла ключь къ Новгороду, и занятіе ея *вършп на Торжку* (т. е. верхняго теченія отъ города Торжка) враждебными Новгороду Низовскими князьями каждый разъ прекращало торговыя сношенія съ Поволжьемъ, и вело за собою общее возвышеніе цѣнъ въ Новгородской области, нерѣдко голодъ. Многочисленныя развѣтвленія Волги вообще открываютъ превосходные пути сообщенія не только съ другими рѣчными областями, но и въ самихъ предѣлахъ ея бассейна; особенно богата ими часть верхняго Поволжья, ограниченная съ сѣв. Волокомъ до Бѣлоозера, съ с. в. Шексною съ ю. и ю. в. Угрою и Окою, — и пересѣкаемая Мологою и важнѣйшими притоками Оки, Клязмою и Москвою. Многочисленные притоки этихъ рѣкъ, сближающіеся между собою верховьями, покрываютъ какъ бы сѣтью все омываемое ими пространство, представляя такимъ образомъ въ высшей степени выгодныя условія для движенія населенія въ этой области. Они безъ сомнѣнія, съ отдаленнѣйшихъ временъ, послужили главными путями для славянской колонизаціи верхняго Поволжья. Движеніе Славянъ въ этомъ краѣ отъ коренныхъ ихъ обита-

лищъ, съ Днѣпра, верховьевъ Волги и Оки, могло совершаться по нимъ шагъ за шагомъ, небольшими массами. Вызываясь исключительно стремленіемъ къ болѣе удобнымъ мѣстамъ для поселеній, къ болѣе выгоднымъ промысламъ, оно никогда не было здѣсь общимъ единовременнымъ движеніемъ всего племени, даже болѣе или менѣе значительной части его; напротивъ оно имѣло характеръ, если не личнаго дѣла отдѣльныхъ семей переселенцовъ, то, по большей мѣрѣ, частнаго дѣла отдѣльной славянской общины; — постоянство, общность и сила, съ которыми оно является въ исторіи, зависитъ именно отъ выгоднаго расположенія рѣкъ верхняго Поволжья.

Хотя колонизація этой области осталась незамѣченною Начальной Лѣтописью, а повѣсть временныхъ лѣтъ называетъ въ своихъ перечняхъ только финскія племена, состовлявшія первобытное ея населеніе, — тѣмъ не менѣе изъ лѣтописныхъ извѣстій, хотя и скудныхъ, о сѣверо восточныхъ событіяхъ конца XI вѣка, открывается, что уже въ то время Славянство было тамъ господствующимъ и преобладающимъ элементомъ, а ходъ событій XII—XIII вѣка указываетъ отчасти, какія рѣки имѣли наиболѣе значенія, какъ *пути сообщенія* въ этомъ краѣ. Для связи съ областью *Москвы рѣки верхней Оки* и черезъ нее *Угры*, составлявшей, какъ мы видѣли, путь изъ Подесенья и верхняго Поднѣпровья, служили, кажется, *Лопасня* (1176. Ипат. 118) сближающаяся съ притокомъ Москвы, *Пахрою* (на границахъ Подольскаго и Серпуховскаго уѣздовъ) и еще болѣе *Поротва* (Протва), которая подходитъ своими верховьями непосредственно къ Москвѣ рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ); на ней видимъ старинное поселеніе *Вышгородъ*, и на устьи ея *Лобыньскъ* (Люблинецъ Амосовъ), существовавшій уже въ первой половинѣ XII вѣка (1146. Ипат. 29). Съ другой стороны Москва рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ *Рузою*,—и *Ламою*, вмѣстѣ съ *Шошею* вливающеюся въ Волгу. Здѣсь извѣстный *Волокъ Ламскій* (1135. Лавр. 132). Въ область Клязмы шли отъ нея пути вѣроятно по р. *Сходнѣ*, которая вливается въ Москву р. выше столицы, и на вершинахъ которой находится сел. *Черкизово*, и по *Яузѣ*. Путь *отъ Клязмы къ верхнему Поволжью* шолъ по *Яхромѣ* и *Дубнѣ*, впадающимъ въ притокъ Волги, *Сестру*. На Яхромѣ мы видимъ Юрія Долгорукаго на полюдьи въ 1154 году (Никон. лѣт. въ П. С. Лѣт. IX 198); притокомъ Дубны Вленою

шли въ 1181 году Новгородцы на Всеволода Суздальскаго (Лавр. 164). Старинныя Славянскія колоніи на озерахъ Клещинѣ (Плещеево, Переяславское) и Ростовскомъ (Неро) стояли въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ верхнимъ Поволжьемъ и озерною областью. Изъ событій 1216 г. видно, что путь съ *Поволжья* въ *Переяславль* Залѣсскій шолъ отъ Кснятина на Волгѣ при устьи Нерли (Большой) вверхъ по *Нерли* къ озеру Сомино и рѣкѣ *Вескѣ* (на картѣ Шуберта Верскѣ), которой истокъ въ Плещеевѣ озерѣ. Черезъ Нерль же шли сношенія съ *Ростовомъ* и *Владиміромъ* на Клязмѣ. *Ростовскій путь* велъ, какъ кажется, по правому притоку Нерли *Солмѣ* къ верховьямъ *Сарры*, вливающейся съ ю. з. въ Ростовское озеро; по Саррѣ же лежалъ путь отъ *Ростова* къ *Переяславлю* (Новгор. I. лѣт. 34). *Путь Владимірскій* изъ Поволжья былъ или черезъ Переяславское озеро, или по Солмѣ же къ верховьямъ другой рѣки Нерли (Малой), которая, сближаясь истокомъ своимъ и съ Солмою и съ озеромъ, впадаетъ въ Клязму нѣсколько ниже города Владиміра; въ 1321 году великій князь Юрій Даниловичъ, въ походѣ на Тверь (несомнѣнно изъ Владиміра на Клязмѣ) встрѣтилъ тверскихъ пословъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ и было докончанье мира. (Новгор. I. 72). Тою же Нерлью при посредствѣ притока ея (съ лѣвой стороны) Ухтомы съ Судогдой, шли сношенія *между Владиміромъ на Клязмѣ и Ростовомъ*. Здѣсь, на Нерли, верстахъ въ 3 отъ Суздаля, въ *Кидекши*, по преданію, дошедшему до насъ изъ XII вѣка, находилось становище Бориса Ростовскаго и Глѣба Муромскаго, (1159. Ипат. 82). Изъ лѣвыхъ притоковъ Волги особенную важность имѣли *Молога* и *Шексна*. *Молога* служила главнымъ путемъ для распространенія Новгородскихъ Славянъ въ Финской области, которая ограничивается съ с. з. и в. ея круговымъ теченіемъ, и гдѣ, какъ увидимъ ниже, находились важныя Новгородскія волости, уже въ началѣ XII вѣка. *Моложскій путь* изъ озерной области шолъ, какъ полагаетъ Д. Ходаковскій (О путяхъ сообщ. 21) или отъ озера Нево посредствомъ р. Сяси и Воложи до *Волока Хотьславля* (въ Тихвинскомъ у.; на подробной Картѣ Имперіи 1804 г. въ окрестностяхъ Носова и Зайцева; — на картѣ Шуберта, № 14. — Волокославское при р. Чагодѣ) — или же отъ *Волока Держковскаго* на Мстѣ (ниже Боровичей) ужомъ къ озеру Печенову (у Ходаковскаго Пеленову) по рѣкамъ и

озерамъ (Люту и Шерегодру, соединеннымъ протоками, и изъ нихъ *Ситницею* къ озеру *Ямному*, отъ котораго волокомъ до озера *Межволочья* и) до р. Песа, впадающей въ *Чагодощу*, лѣвый притокъ Мологи (ibid. 27; см. Карту Шуб. № 19, Боровицкій уѣздъ). Лѣвый притокъ Чагодощи *Лидь* (у Ходак. Леть) сокращалъ путь изъ озерной области въ Шексну и Бѣлоозеро, сближаясь съ Колпью, впадающею черезъ Суду въ Шексну, у Колпьскаго притока *Волочьны* (въ с. в. углу Тихвинскаго у. нѣсколько выше сел. Вольскаго). Что же касается Шексны, — то она имѣла важное значеніе, какъ для Ильменскихъ Славянъ, такъ и для Поволжья, составляя какъ-бы ворота въ отдаленное Заволочье. *Заволоцкій путь* шолъ вѣроятно вверхъ по Шекснѣ до устья р. Славянки, вверхъ по Славянкѣ до волока къ Волокославинскому на Порозовицѣ и Порозовицею къ Кубенскому озеру. Этотъ путь велъ въ Сѣверную Двину. Другой путь былъ въ Онѣжскую область, — вверхъ по Шекснѣ вѣроятно до устья Пидмы, вверхъ по Пидмѣ до десяти верстнаго волока къ р. *Болгимѣ* и озеру *Воже* или *Чарандскому*, къ р. Свидѣ и озеру *Лаче* въ которомъ беретъ свое начало р. Онѣга [42]).

Глава II. Географическая связь между разнороднымъ населеніемъ восточно-европейской равнины. Общія этнографическія понятія лѣтописца. Народныя группы Афетовой части. Варяги и ихъ раздѣленіе. Нѣмцы. Влахи. Греки. Свѣдѣнія о Греческой землѣ. Латовскія племена. Ятвяги. Область ихъ въ XIII вѣкѣ; ихъ жилища въ эпоху Начальной Лѣтописи. Литва. Нерома. Этнографическія границы съ Славянскимъ населеніемъ. Лотыгола. Голядь.

Такая тѣсная связь между рѣчными бассейнами восточно-европейской равнины обусловливала столь же тѣсную связь и взаимнодѣйствіе между разноплеменнымъ ея населеніемъ. Болѣе сильному племени она облегчала подчиненіе и поглощеніе болѣе слабыхъ путемъ военнаго захвата и колонизаціи; а слабымъ затрудняла возможность противодѣйствія. Здѣсь надо искать причину ранняго преобладанія славяно-русскаго племени надъ инородцами преимущественно въ южной части озерной области и въ Поволжьи. На такое преобладаніе указываютъ всѣ извѣстія Начальной Лѣтописи о разселеніи племенъ на востокѣ Европы съ древнѣйшаго времени. Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію ихъ считаемъ

однако нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ общихъ этнографическихъ понятіяхъ, открывающихся въ Начальной Лѣтописи. Вообще *население* Афетовой части, Начальная Лѣтопись раздѣляетъ на *языки* (племена въ обширномъ смыслѣ), а языки на *роды*. Какъ и слѣдуетъ ожидать, въ основаніе этого дѣленія не положено ясно опредѣленнаго начала. Родовыя названія извѣстной группы племенъ имѣютъ отчасти этнографическое, отчасти географическое или политическое значеніе, т. е. придаются племенамъ или по ихъ національному сродству между собою, или по ихъ географическому и политическому распредѣленію. Въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ смыслъ названій собирательныхъ. Съ другой стороны родовое имя цѣлаго народа употребляется иногда для обозначенія однаго какого либо племени его. Причины такой неопредѣленности въ понятіяхъ слѣдуетъ искать отчасти въ сборномъ характерѣ, которымъ вообще отличаются наши лѣтописи. Каждый вносившій свою долю въ составъ ея имѣлъ свой взглядъ на народности, свое этнографическое пониманіе, а позднѣйшіе составители свода заботились только о томъ, чтобы придать своему труду внѣшнее (хронологическое) единство, вовсе не думая о единствѣ внутреннемъ. Впрочемъ можно, кажется, принять, что въ Начальной Лѣтописи все населеніе Афетовой части раздѣляется на слѣдующія народныя группы: *Варяги* или *Нѣмцы*, *Греки*, *Литва*, къ которой относятъ *Ятвяговъ*, и *Славяне* [43]). Въ этомъ этнографическомъ ряду стоятъ совершенно уединенно, особнякомъ, — загадочные *Колбяги*, о которыхъ упоминаетъ Русская Правда [44]).

Вопросъ о происхожденіи и значеніи слово *Варягъ* разрабатывался въ русской исторической литературѣ съ особеннымъ усердіемъ и имѣетъ обширную литературу; но многочисленныя изслѣдованія привели къ различнымъ — не всегда согласимымъ результатамъ. Большая часть изслѣдователей, признавая за Варяжскимъ названіемъ германское происхожденіе, утверждаютъ, что оно имѣло этнографическій смыслъ, и обозначало исключительно Норманновъ. Это такъ называемая Норманская школа, которая считаетъ въ рядахъ своихъ большую часть изслѣдователей древней русской исторіи—Байера, Шлецера, Эверса, Круга, А. А. Куника, М. П. Погодина и др. Другіе же отрицаютъ этнографическое значеніе слова Варягъ, и думаютъ, что это было названіе вольныхъ дружинъ, „Сли-

чивъ различныя толкованія ученыхъ, говоритъ С. М. Соловьевъ (Ист. Росс. 1. 85), можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество, и принужденныхъ искать счастія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ." По мнѣнію уважаемаго историка, это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ у племенъ Германскихъ; на востокѣ, у племенъ Славянскихъ, Финскихъ, у Грековъ и Арабовъ, такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ была Русь (Росъ) (ibid). По рѣзкому отличію отъ всѣхъ другихъ — обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе г. Гедеонова (Изслѣдованія о Варяжскомъ вопросѣ). Онъ полагаетъ, что названіе Варяговъ составилось у Венедскихъ Славянъ подъ вліяніемъ Литовскаго начала (въ древне-балтійскомъ словарѣ, найденномъ Потоцкимъ — см. Буткова въ Сынѣ Отечества, 1836, № 1 — Wareng изъ древянскаго—на нижней Эльбѣ—нарѣчія); что никогда и нигдѣ это слово не обозначало особой народности; что оно было у Поморскихъ Славянъ общимъ наименованіемъ Нормано-венедскихъ пиратовъ, подобнымъ же, какимъ было у Норманов—викингаръ, и что оно зашло къ восточнымъ Славянамъ изъ западно-Славянской (венедской колоніи), образовавшейся будто-бы въ Новгородской области еще до призванія Рюрика. Положительнымъ и безспорнымъ можно признать только одно: Начальная Лѣтопись употребляетъ слово „Варягъ" преимущественно въ значеніи географическомъ, обозначаетъ имъ съ одной стороны вообще западно-европейское населеніе, съ другой территорію западной или, по крайней мѣрѣ, сѣверо-западной Европы. На такое значеніе его указываютъ выраженія: „бѣ путь изъ Варягъ въ Грекы (Лавр. 3);" „прити изъ Варягъ," „итти въ Варягы" и т. п. Этнографическое значеніе его крайне неопредѣленно. Нѣтъ сомнѣнія, что Варягами были названы первые иноплеменники, можетъ быть пришлецы изъ Западной Европы, съ которыми ознакомились восточные Славяне на с. з. равнины; но за тѣмъ это названіе было перенесено на все вообще западно-европейское населеніе не-славянскаго происхожденія [45]). Слѣды такого широкаго значенія его остались, какъ мы видѣли, въ объемѣ Варяжскаго моря Начальной Лѣтописи, и въ перечнѣ земель и народовъ, гдѣ поселенія Варяговъ показаны по всему побережью Варяжскаго моря отъ Си-

мова предѣла на востокѣ до Хамова племени на полуденьи. Мы видѣли также, какія именно племена разумѣетъ перечень подъ Варягами. Такая перемѣна въ понятіяхъ народа, обусловившихъ воззрѣнія лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не руководила византійская литература, могла произойти тѣмъ скорѣе, что ему не было извѣстно все разнообразіе западно-европейскаго населенія. Но по мѣрѣ ознакомленія съ Западной Европой, по мѣрѣ того, какъ завязывались съ нею непосредственныя сношенія, изъ общаго понятія „Варягъ" стали выдѣляться частныя народныя единицы, каждая съ своими національными особенностями, съ своимъ народнымъ именемъ, и при этомъ, естественно, слово „Варягъ" сокращалось, съуживалось въ своемъ значеніи. Это видно изъ разсмотрѣнія дальнѣйшихъ употребленій его въ лѣтописи. Въ преданіи о призваніи князей Варягами называются *Русь, Свое (Свѣи), Урмяне, Гъте (Готы), Англяне.* Сравнительно съ исчисленіемъ, которое представляетъ перечень, здѣсь опущены племена юго-западной Европы (Фрязи, Галичане, Волхва и др.), — чтό, впрочемъ могло произойти и по случайности. Съ развитіемъ событій отъ Варяговъ обособляется Русь. Въ Олеговыхъ походахъ—изъ Новгорода въ Кіевъ, и затѣмъ въ Грецію — принимаютъ участіе вмѣстѣ съ Словѣнами, Чудью и другими—*Варяги* (Лавр. 10, 12), и изъ умолчанія лѣтописи о Руси можно бы было заключить, что въ этихъ преданіяхъ Русь еще поглощается словомъ „Варяги." Въ оффиціальныхъ документахъ, въ договорѣ съ Греками 912 года и въ Игоревомъ договорѣ 944 года, дѣло ведется уже отъ имени Руси (Лавр. 13, 19). Въ Игоревыхъ походахъ на Грековъ Русь отдѣлена отъ Варяговъ. Первый походъ совершенъ имъ безъ участія Варяговъ (18); для втораго онъ собралъ Варяги, Русь, Поляне и пр. (19). Тоже мы видимъ и въ событіяхъ при Владимірѣ Святомъ и его дѣтяхъ (32—64). Въ XI вѣкѣ Новгородскіе Славяне узнали Готовъ; о нихъ говоритъ извѣстный „Уставъ Ярослава о мостѣхъ" (Русскія Достоп. II. 292), — въ XII вѣкѣ Доновъ (Датчанъ) и Свѣевъ (Шведовъ). Въ послѣдній разъ Варяги упоминаются въ Начальной Лѣтописи въ описаніи битвы съ Печенѣгами подъ Кіевомъ въ 1036 году (Лавр. 65). Встрѣчаясь затѣмъ въ новгородскихъ лѣтописяхъ, въ изложеніи событій XII вѣка, оно имѣетъ тамъ очевидно мѣстное значеніе; къ XIII вѣку оно вышло, кажется, уже вовсе изъ употребленія [46]). Оно замѣнилось одно-

значищимъ съ ними „Нѣмецъ,“ словомъ, которое съ X вѣка стало входить въ употребленіе также для обозначенія вообще западно-европейца, и только впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, получило теперешнее свое значеніе. По всей вѣроятности названіе „Нѣмецъ“ явилось на югѣ ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ; по крайней мѣрѣ оно встрѣчается въ первый разъ въ южно-русскомъ разсказѣ Лѣтописи о крещеніи Руси. Замѣтимъ также, что оно употребляется тамъ, не какъ этнографическій терминъ, а скорѣе какъ церковный—для обозначенія христіанъ католическаго исповѣданія. Подъ 986 годомъ записано извѣстіе о приходѣ въ Кіевъ Нѣмцевъ отъ Рима (Лавр. 36). „Нѣмцы и Греки, говорятъ Казарскіе жиды Владиміру, вѣруютъ его же мы распяхомъ“ (36, 37). Далѣе—ясно различаются законы Болгарскій, Нѣмецкій, Жидовскій, Греческій (45). Въ послѣдствіи слово „Нѣмецъ“ является въ значеніи этнографическомъ и географическомъ. Въ Новѣгородѣ жили Нѣмцы уже въ первой половинѣ XI вѣка; подъ 1056 г. есть извѣстіе о бѣгствѣ въ Нѣмцы Дуденя, холопа Новгородскаго владыки (Новгор. I-я 199); въ 1075 г. къ Святославу, княжившему тогда въ Кіевѣ, приходили послы изъ Нѣмецъ (Лавр. 85) [47].

Такое же значеніе, какое имѣли Варяги для запада Европы, имѣютъ для Италіи *Влахи*, о которыхъ мы имѣли случай говорить выше (см. прим. 20), и *Греки* для юго-восточной Европы и для нѣкоторыхъ частей Малой Азіи, входившихъ въ составъ Византійской Имперіи. Безъ всякаго сомнѣнія на Руси знали Грековъ какъ отдѣльный народъ, отличающійся отъ другихъ племенъ Имперіи языкомъ, происхожденіемъ, нравами; но Начальная Лѣтопись разумѣетъ подъ этимъ именемъ по большой части все вообще населеніе Византійскаго государства, обозначая имъ также и его территорію —*Грецькую* или *Гречьскую* землю (Лавр. 12, 74). Мы замѣтили уже, что перечень земель и народовъ занимается почти исключительно землями, которыя составляли область бывшей Римской Имперіи, и изъ которыхъ многія во время лѣтописца принадлежали Византіи. Поддерживая постоянно торговыя и за тѣмъ церковныя сношенія съ Греціей, русскіе, и по мимо Греческихъ литературныхъ источниковъ, знакомились съ ея географическимъ положеніемъ. Походы Олега, Игоря, Святослава и двухъ Владиміровъ—Святославича и Ярославича – охватывали сѣверное и южное побере-

жье Понта, окрестности Царя-града и Подунайскія земли. Изъ житія св. Георгія Амастридскаго видно, что русскіе проникали въ Виѳинію и Пафлагонію [48]. Договоры нашихъ князей Олега и Игоря свидѣтельствуютъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ еще языческой Руси съ Греками. Съ принятіемъ христіанства связь съ Греціей окрѣпла, и сношенія усилились. Религіозное почитаніе христіанскихъ святынь востока пробудило въ русскомъ народѣ стремленіе къ паломничеству; начались хожденія въ Царьградъ и Палестину, и въ тотъ годъ, когда игуменъ Сильвестръ оканчивалъ сводъ первой русской лѣтописи, изъ Палестины возвращался уже паломникъ Даніилъ, игуменъ русской земли, первый описавшій свое хожденіе ко святымъ мѣстамъ, но конечно не первый совершившій такое хожденіе. Дружинники, купцы и паломники приносили свѣдѣнія историческія и географическія о Греціи, которыя, вмѣстѣ съ заимствованіями у греческихъ хронографовъ, заносились въ наши лѣтописи. Таковъ источникъ большей части географическихъ данныхъ Начальной Лѣтописи о Греческой землѣ. Въ предѣлахъ ея она упоминаетъ — (на Балканскомъ полуостровѣ): *Царьградъ* съ гаванью *Судомъ* (9, 12, 18), области — *Ѳракію* (землю Фрачьску, 11) съ градомъ *Оньореянемъ* (Адріанополемъ), иже градъ Орестовъ нарицашеся, сына Агамемнонъ (8), *Маке (и) донію* (8, 18) съ *Селунемъ*, родиною просвѣтителемъ Славянъ, Кирилла и Меѳодія (11), св. Гору (68) и *Черную рѣку* (866, 9, — какъ кажется, бухта Буйюкъ Чекмадей при устьи Аѳира, къ ю. отъ Царяграда [49]); въ Малой Азіи — *Миръ-Ликійскій*, Виѳаньскую страну съ городами *Никомидіей* и *Иракліемъ* на Понтѣ (18), *Фафлагонскую* землю (ibid.) съ *Синопіей* (3); наконецъ на сѣверномъ берегу Понта *Корсунскую область*, простиравшуюся отъ Тмутараканскихъ границъ на востокѣ — до Бѣлобережья, Днѣпровскаго устья на западѣ. Здѣсь были города — *Корсунь* (18, 16, 46) съ гаванью (лимень), водопроводами и церковью св. Василія, основанною Владиміромъ св., на торговой площади посреди города — и *Кърчевъ*, упоминаемый въ извѣстной надписи на Тмутараканскомъ камнѣ (теп. Керчь [50]).

Переходя къ сѣверу и сѣверо-востоку Европы, мы встрѣчаемъ на южномъ побережьи Варяжскаго моря большое *Литовское* племя. Оно разселилось въ области Нѣмана между Вислою, Западнымъ Бу-

гомъ и Двиною, и раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ народовъ; изъ нихъ лѣтопись знаетъ *Пруссовъ*, которыхъ она помѣщаетъ по Варяжскому побережью, между Ляхами и Чудью (2) [51]), и на востокъ отъ нихъ *Литву*, *Зимьголу*, *Летьголу* (въ Лавр. спискѣ ошибочно „Сѣтьгола") *Нерому* (Нарову) [52]) и *Корсь*, и причисляемыхъ къ нимъ новѣйшими изслѣдователями *Ятвяговъ* (Явтяги) [53]) и *Голядей* [54])." Какъ кажется, изъ этихъ племенъ ранѣе другихъ стали извѣстны на Руси *Ятвяги (Явтяги)*. Имя одного изъ русскихъословъ, заключившихъ миръ съ Греціей въ 945 г., „Явтягъ" (Лавр. 20) даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что выходцы изъ этого племени уже тогда служили въ княжескихъ дружинахъ. Впрочемъ лѣтопись сохранила весьма мало извѣстій о сношеніяхъ Руси съ Ятвягами. Подъ 983 годомъ отмѣченъ походъ на нихъ Владиміра святаго, (ibid. 35), — подъ 1038 походъ Ярослава (66). По такимъ скуднымъ извѣстіямъ нельзя, конечно, сдѣлать никакихъ прямыхъ заключеній о мѣстѣ тогдашнихъ поселеній этого племени, теперь уже совершенно исчезнувшаго. Въ подробныхъ извѣстіяхъ о немъ XIII вѣка, представляемыхъ нашими лѣтописями, древнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ источникомъ его исторіи, оно является далеко на сѣверѣ, за Наревомъ и Бобромъ, въ теперешней озерной области восточной Пруссіи, на сѣверныхъ границахъ царства Польскаго [55]). Но ранная связь его съ вновь возникшимъ русскимъ государствомъ приводитъ къ мысли, что въ эпоху Начальной Лѣтописи оно жило гораздо южнѣе, гораздо ближе къ коренным славянскимъ поселеніямъ и къ русскимъ предѣламъ. Въ самомъ дѣлѣ, при всей краткости лѣтописныхъ извѣстій, нельзя не замѣтить, что походы на Ятвяговъ Владиміра и Ярослава, о которыхъ говорятъ наши лѣтописи, стоятъ въ какой то связи съ одной стороны съ присоединеніемъ къ русскимъ владѣніямъ области западнаго Буга и Днѣстра, такъ называемой Червенской земли, съ другой—съ столкновеніями ея съ Литвою. Первому предшествовалъ походъ Владиміра на Ляховъ въ 981 году, когда онъ „зая грады ихъ Перемышль, Червень и ины грады," а второму — походъ Ярослава и Мстислава въ 1031 году, въ который эти князья возвратили подъ свою власть Червенскіе города, отнятые Болеславомъ Лядьскимъ въ усобицу 1019 года. Предпріятіе Владиміра окончилось покореніемъ Ятвяговъ; но неизвѣстно съ точностью, какой результатъ имѣлъ походъ

Ярослава. Наши позднѣйшіе лѣтописные своды (Никон. и Воскр. Лѣт. ср. также Карамз. II прим. 35, стр. 17) сообщаютъ, что Ярославъ не могъ взять Ятвяговъ. Извѣстіе Новгородской лѣтописи (III. 211) о заложеніи града Новгорода на весну послѣ похода на Ятвяговъ не рѣшаетъ дѣла, ибо неизвѣстно, о какомъ Новгородѣ говоритъ она—о Великомъ или о Понѣманскомъ (Новогрудкѣ). Но, по Литовско-Польскимъ сказаніямъ [56]) предпріятіе Ярослава увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: Ятвяжская земля была снова покорена, и въ ней были будто-бы тогда основаны и населены русскими колонистами города по Бугу — Дрогичинъ, Мельники, Брянскъ, и, можетъ быть, Бѣльскъ. Часть Ятвяговъ была переведена въ Русь, другіе отодвинулись на с. з. къ Нареву и границамъ прусской Галиндіи. Вслѣдъ за тѣмъ Русь вошла въ столкновенье съ Литвою, на которую, по извѣстію нашей лѣтописи, Ярославъ ходилъ два года спустя послѣ ятвяжскаго похода, въ 1040 г. (Лавр. 66). Соображая всѣ эти извѣстія, нельзя не придти къ тому заключенію, что первоначальныя поселенія Ятвяговъ, до первой половины XI вѣка, находились между собственно Русью, Червенскими городами и Ляхами съ одной стороны и Литвою съ другой; между старо-Славянскими поселеніями въ области Нѣмана, Припети, Западнаго Буга, и старо-Литовскими по правую сторону Нѣмана, въ области Виліи,— т. е. что они занимали тогда пространство по Нѣману и по его южнымъ притокамъ, Молчади, Шарѣ, Зельвѣ, Роси и Свислочи; отъ водораздѣла съ Припетью и Побужьемъ—на сѣверо-западъ до того мѣста, гдѣ Нѣманъ принимаетъ сѣверное направленіе, у Гродна. Здѣсь, господствуя надъ теченіемъ Припети, они могли дѣйствительно отрѣзывать пути сообщенія Кіева съ Побужьемъ и Поднѣстровьемъ, съ областью Червенскою, — такъ что присоединеніе этихъ областей къ русскому государству естественно налагало на русскихъ князей обязанность или покорить Ятвяговъ, или отодвинуть ихъ далѣе на сѣверъ и сѣверо-западъ. Это предположеніе о поселеніяхъ Ятвяговъ Начальной Лѣтописи тѣмъ болѣе имѣетъ за собой вѣроятія, что оно поддерживается теперешней номенклатурой населенныхъ мѣстъ Понѣманья, сохранившею много ятвяжскихъ названій, свидѣтельствующихъ о древнихъ поселеніяхъ Ятвяжскаго племени въ этомъ краѣ. Здѣсь, начиная съ водораздѣла Нѣмана отъ Припети, и теперь мы имѣемъ — сел. *Ятвезь* у рѣки Лососны,

притока Зельвы (въ ю. з. углу Слонимскаго уѣзда, въ с. в. отъ Пружанъ), сколько намъ извѣстно, самый южный пунктъ Ятвяжскаго наименованья (Карта Шуберта № 34); за тѣмъ—въ Новогрудскомъ уѣздѣ два селенія *Язвины* (Ядзвины по Бѣлорусскому говору, Jadźwiny?) у лѣваго берега Нѣмана, на с. в. отъ Нѣсвижа; *Ятвизь* къ зап. отъ Нѣсвижа, на дорогѣ изъ Снова въ Ляховичи; *Ятвизь*, къ югу отъ Новогрудка, у озера Свитеза; *Ятвизь* къ ю. з. отъ Новогрудка у р. Молчади. Далѣе на с. з. Ятвяжскія названія переходятъ на правый берегъ Нѣмана, въ Лидскій уѣздъ. Здѣсь на границахъ съ Гродненской губерніей, въ области, въ XIII вѣкѣ носившей названіе *Денова* и *Ятвези*—безразлично [57]), – находятся селенія *Ятвескъ Польскій* и *Ятвескъ Русскій* и нѣсколько на югъ отъ нихъ *Ятвескъ* въ Гродненскомъ уѣздѣ. Затѣмъ опять по лѣвую сторону Нѣмана *Ятвизь* подъ Волковысскомъ, нѣсколько ниже его на р. Роси; *Ятвескъ* на р. Рудавкѣ, правомъ притокѣ Свислочи; близь него *Ятовцы* (Карта Шуберта № 28), и къ югу отъ м. Свислоча, на водораздѣлѣ между Нѣманомъ (р. Свислочь) и Наревомъ (р. Колонна), сел. *Ятвезки*. Наконецъ, на сѣверѣ *Ятвице* на лѣвомъ берегу Нѣмана, ниже Гродна, *Ятвизь Большой* и *Ятвизь Малый*, на р. Каменкѣ, черезъ Бобръ впадающей въ Нѣманъ, въ 14 верстахъ къ в. отъ Суховоля [58]),—и на югъ отъ нихъ. *Ядешки*, Большой и Малый *Яшвили*, на ю. з. *Яски* [59]).

Такимъ образомъ первые походы русскихъ князей окончились подчиненіемъ Ятвяжскаго Понѣманья, усиленіемъ въ немъ славяноруссовъ, и передвиженіемъ Ятвяговъ далѣе на с. з., въ сосѣдство родственныхъ имъ Жмуди, Пруссовъ и Бортовъ, гдѣ ихъ и открываетъ наша исторія въ XIII вѣкѣ. Этотъ переворотъ, сблизивъ границы Руси съ Литвою, повелъ за собою столкновенія между этими двумя народами. Русскія лѣтописи сообщаютъ краткія извѣстія о двухъ походахъ на Литву великаго Ярослава въ 1040 и въ 1044 годахъ (Лавр. 66 и Новгор. III. 211). Куда именно были они предприняты, эти извѣстія умалчиваютъ; но Польскіе историки Литвы говорятъ, что Ярославъ разбилъ Литовцевъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Слонима, за тѣмъ перешолъ Нѣманъ и болота, разграничивавшія Славянскія поселенія отъ Литовской Пелузіи (какъ называлась часть области по р. Виленкѣ) и подчинилъ себѣ Литву по лѣвый берегъ нижней Виліи; старо-Литовское поселеніе *Ghurgani* сдѣлалось будто-бы цен-

тромъ русскаго управленія покоренной области, и получило названіе Трокъ (т. Старые Троки. См. Narbutt, Dzieze Nar. Litewsk. III 225, 232, 233). За этими извѣстіями слѣдуетъ признать нѣкоторую долю вѣроятія тѣмъ скорѣе, что и Начальная Лѣтопись называетъ въ числѣ племенъ, платившихъ дань Руси въ XI в., *Нарову* или вѣрнѣе (по Ипатьевскому списку) *Нерому* [60]). Собственно Литва занимала пространство по Нѣману, захватывая лѣвый берегъ его отъ устьевъ Дубиссы до верховьевъ Бобра близь Гродна, и главнымъ образомъ по правымъ притокамъ его Виліи и Меречанкѣ, примыкая на с. з. къ Жмуди у р. Невѣжи, на западѣ къ Славяно-Мозовецкимъ поселеніямъ, а на югѣ и юго-востокѣ сперва къ Ятвягомъ и Кривскимъ поселеніямъ Славянъ, а за тѣмъ только къ Славянамъ по чертѣ, которую можно провести, основываясь на данныхъ топографической номенклатуыр отъ устья р. Ротницы къ верхнему теченію Котры, вверхъ по притову Котры, Пелясѣ, къ Жижмѣ и Дитвѣ, и отъ истоковъ Дитвы по р. Ошмянкѣ къ Виліи, и на правой сторонѣ ея—черезъ озеро Свирь къ притоку Дисны, Мядзіолкѣ, и далѣе на сѣверъ по системѣ озеръ, идущихъ отъ устья Мядзіолки (*Опсы*, Пеликана, Дрисвятья, Ричи, Сомки, близь котораго сел. *Рубежъ*, Шиловки и др.) къ *Креславлю* на Двинѣ, *Кривичамъ* на с. и *Кревну* на с. з. отъ Новоалександровска, какъ кажется, крайнимъ на западѣ Славянскимъ мѣстностямъ въ Двинской области. Къ сѣверу отъ собственно Литвы, по лѣвому берегу Двины жила *Зимъгола* (*Зимигола* Лавр. 3, 5), прилегая на востокѣ непосредственно къ владѣніямъ Полоцкихъ князей, къ которымъ она равно стала въ враждебныя отношенія. Извѣстія о Зимиголѣ восходятъ къ 1106 году, когда она разбила Полоцкаго князя Брячислава Вячеславича (Лавр. 120). Зимигола и Летьгола, поселенія которой простирались къ с. отъ Зимѣголы, по правой сторонѣ Двины, между землями Полочанъ, Псковскихъ славянъ и Чудскаго племени Ливовъ, - были только областными (географическими) названіями особой вѣтви Литовскаго племени,—которая называла себя *Latwis*, а землю свою *Latweżu zemme*, т. е. Латвежская, Литовская земля: Летьгола или Лотыгола, *Latwingalas* объясняется, какъ „Литвы конецъ,“— Зимигола *Żemegolas*.—конецъ земли. *Лотыши* сел. подъ Витебскомъ (къ ю. в.), *Лотышова* къ ю. отъ Полоцка, въ с. в. углу Лепельскаго у., и *Лотыголь*, въ 10 верстахъ, къ югу, отъ Сѣнна могутъ указывать на то,

что первоначально обиталища Летьголы лежали гораздо дальше вверхъ по Двинѣ и ея притокамъ, откуда они были вытѣснены наплывомъ Славянъ. Къ нимъ примыкала на западѣ родственная Лотвѣ *Корсь*, занимавшая Балтійское побережье, къ югу отъ рижскаго залива. Вообще въ XI вѣкѣ на Руси только начинали завязываться сношенія съ Литовскими племенами, и о географическомъ положеніи ихъ не было ясныхъ понятій. Что касается *Голяди*, то, какъ уже было замѣчено выше, только сходство ея названія съ Прусской Галиндіей позволяетъ видѣть въ ней особое племя и причислять ее къ Литвѣ. Начальная Лѣтопись только однажды называетъ ее, передавая краткое извѣстіе подъ 1058 годомъ: „Побѣди Изяславъ *Голяди*" (Лавр. 70); но изъ половины XII вѣка мы имѣемъ положительное указаніе, что *люди Голядь* жили въ предѣлахъ Смоленскаго княженія, гдѣ-то близь р. Поротвы, праваго притока р. Москвы (Ипат. стр. 29 подъ 1146 г.) Объяснить появленіе этой Литовской вѣтви такъ далеко на востокѣ довольно трудно. Очень можетъ быть, что еще въ глубокой древности Голяди были оторваны отъ массы Литовскаго племени движеніемъ Славянъ съ ю. на сѣверъ,—или же они явились на Протвѣ и вслѣдствіе переселенія съ запада, что́ могло стоять въ связи съ переселеніемъ съ запада же Славянскихъ племенъ Вятичей и Радимичей, по извѣстію лѣтописи, пришедшихъ отъ Ляховъ на Оку и Сожь. Какъ слѣды этого народца, слѣдуетъ замѣтить: сел. *Голяди* въ западной части Дмитровскаго уѣзда, на р. Бунятке, лѣвомъ притокѣ Яхромы, *Голяди* дер. въ Клинскомъ у. (по лѣвую сторону шоссе и Николаевской желѣзной дороги), р. *Голяду* впадающую въ Москву съ лѣвой стороны нѣсколько ниже столицы, подъ сел. Люблинымъ (беретъ начало въ Бѣломъ озеркѣ у Косина), и сел. *Голяжье* въ Брянскомъ уѣздѣ на р. Деснѣ, значущееся еще въ Брянскихъ писцовыхъ книгахъ начала XVII вѣка. Нельзя не замѣтить также, что въ области Западной Двины, Нѣмана и Западнаго Буга встрѣчается множество населенныхъ мѣстъ и урочищъ съ названіями, повидимому близкимъ къ имени *Голядей*, — каковы — Головскъ, Гольскъ, Голоды и т. д.; но имѣютъ ли они какое нибудь отношеніе къ Голяди лѣтописи—опредѣлить пока не возможно.

Глава III. Чудь. Ея разселеніе въ эпоху Начальной Лѣтописи. Что такое Заволоцкая Чудь? Собственно Чудь. Разнорѣчивыя извѣстія о ней лѣтописца. Вожане, Очела, Ссола. Чудь Поволжская: Весь, Меря, Мурама, Мордва, Черемиса. Мещера. Заволоцкая Чудь. Пермь, Печера, Ямь. Лѣтописныя извѣстія о ней и возможные слѣды ея въ теперешней топографической номенклатурѣ русскаго сѣвера. Угра. Географическое положеніе ея по лѣтописнымъ извѣстіямъ по сю сторону Уральскаго хребта. Угры Бѣлые и Угры Черные. Различный характеръ свѣдѣній лѣтописца о Финскомъ сѣверовостокѣ и сѣверозападѣ.

На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Литовскихъ племенъ Начальная Лѣтопись знаетъ племена Финнскія, которыя, сколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, издавна носили на Руси общее названіе Чуди. Нѣтъ сомнѣнія, что это первобытное населеніе восточно-европейской равнины занимало въ древности большую часть ея, что жилища его спускались гораздо южнѣе той области, гдѣ застаетъ его наша исторія. Слѣды его, до сей поры сохранившіеся въ географическихъ названіяхъ средней и даже западной и юго-западной Руси, могутъ послужить изслѣдователямъ руководящею нитью въ опредѣленіи первоначальныхъ этнографическихъ границъ Финнскихъ племенъ. Но въ эпоху составленія Начальной Лѣтописи, въ концѣ XI и въ началѣ XII в., Финны были уже отодвинуты на сѣверъ наплывомъ Славянъ, и являются въ южной части озерной области, на побережьи Балтійскаго моря и Финскаго залива, къ западу и сѣверу отъ Чудскаго озера, отдѣляясь отъ Ильменя уже сплошнымъ Славянскимъ населеніемъ; далѣе на востокъ они группировались на Сѣверной Покатости, въ Заволочьи, тогда какъ въ верхнемъ и среднемъ Поволжьи и на Волокѣ, водораздѣлѣ бассейновъ Каспійскаго и Бѣломорскаго, держались только слабые остатки ихъ, тѣснимые колонизаціоннымъ движеніемъ Славянъ изъ области Днѣпра, Десны и верхней Оки. Въ Начальной Лѣтописи мы находимъ два исчисленія Финскихъ народцевъ: одно въ общемъ перечнѣ племенъ, другое—въ перечнѣ племенъ, обязанныхъ данью Руси. Оба они немногимъ отличаются другъ отъ друга, и, при разсмотрѣніи ихъ, нельзя не видѣть, что порядокъ, въ которомъ они называютъ Финнскія племена, соотвѣтствуютъ дѣйствительному размѣщенію этихъ племенъ на восточной равнинѣ, и что слѣдовательно оно было, хотя въ общихъ чертахъ извѣстно лѣтописцу. Онъ раздѣляетъ

ихъ на двѣ группы: южную—по сю сторону Волока, и сѣверную—въ Заволочьи. На это указываетъ выраженіе „*Заволоцкая Чудь*", которое стоитъ въ первомъ перечнѣ племенъ передъ племенами Перми, Печеры, Ями и Угры, жившими по ту сторону Волока. Вопреки мнѣнію Шегрена [61]), который видитъ въ Заволоцкой Чуди лѣтописи Кареловъ,—мнѣнію, ничѣмъ впрочемъ не подтверждаемому,—слѣдуетъ, кажется, признать, что это имя употреблено лѣтописцемъ въ первомъ перечнѣ именно для обозначенія всѣхъ вообще племенъ, населявшихъ Заволочье: оно нигдѣ болѣе не встрѣчается, ни въ исчисленіи данническихъ племенъ, ни въ изложеніи событій Начальной Лѣтописи, ни у ея переписчиковъ и продолжателей, тогда какъ и Корелѣ они говорятъ довольно часто съ половины XII вѣка [62]). Во второмъ перечнѣ замѣчается незначительныя отмѣны въ порядкѣ исчисленія племенъ, и названы Черемисы, которыхъ нѣтъ въ первомъ. Краткія свѣдѣнія, представляемыя о финнскихъ племенахъ этнографическимъ вступленіемъ Начальной Лѣтописи, дополняются немногими извѣстіями ея объ отношеніяхъ ихъ къ русскому государству.

Самымъ крайнимъ на западѣ Финнскимъ племенемъ была собственно *Чудь;* она жила на восточномъ побережьи Варяжскаго моря, и, по понятіямъ лѣтописца, сосѣдила съ Пруссами, хотя, какъ извѣстно, ея поселенія начинались только отъ устья Западной Двины, примыкая къ землямъ Зимиголы и Латыголы. Объ отношеніяхъ Чуди къ Славяно-русскому міру мы находимъ два ряда совершенно противуположныхъ извѣстій, которыя очевидно относятся къ двумъ различнымъ частямъ этого племени. Съ одной стороны мы видимъ Чудь въ самой тѣсной связи съ племенемъ Новгородскихъ Славянъ и Кривичей: вмѣстѣ съ ними она подпадаетъ въ половинѣ IX вѣка власти завоевателей варяговъ, изгоняетъ ихъ, призываетъ русскихъ князей (Лавр. 8), и участвуетъ въ походахъ Олега изъ Новгорода въ Кіевъ, и изъ Кіева въ Царьградъ (10, 12); изъ этаго племени Владиміръ Св. выводилъ колонистовъ въ основанные имъ на югѣ порубежные города (52); выходцы изъ него служили въ княжескихъ дружинахъ (бояринъ Чудинъ, и братъ его Тукы), и жили въ Новгородѣ (*Чудинцова улица, Чудинцовы ворота*). Несомнѣнно, что при такихъ близкихъ отношеніяхъ къ Руси, Чудь должна была войдти въ составъ русскаго государства съ

самаго основанія его, и что слѣдовательно искать ее надо въ предѣлахъ крайней на с. з. Славяно-русской области—области Новгородской, въ ея коренномъ Финнскомъ населеніи. Но такимъ населеніемъ была *Водь* или *Вожане*, которые уже въ первой половинѣ XI вѣка составляли одну изъ пяти волостей или пятинъ Новгородскихъ, названную по ихъ имени *Водкою* или *Вочскою*. (Уставъ Ярослава о мостѣхъ, Русск. Достоп. II. 292). Остатки ихъ до настоящаго времени сохранились на побережьи Финнскаго залива, въ Нарвскомъ уѣздѣ, особенно въ сел. *Каттилъ* и *Соикинъ*, въ малочисленномъ Финнскомъ народцѣ, называющемъ себя Watialajset или Waddialaiset [63]). Объемъ этой пятины, занимавшей весь с. з. собственно Новгородской области, сходство теперешняго нарѣчія Води съ нарѣчіемъ Ижоры (въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ), даютъ основаніе думать, что первоначально это племя было гораздо распространеннѣе, чѣмъ теперь; а если основываться на Водскихъ названіяхъ теп. селеній *Водовой* у Нарвскаго залива, на лѣвой сторонѣ Наровы, *Водскаго* (Новоселки) въ Лужскомъ у. на р. Оредежи (близь его *Чудиново*), *Водосьи* на лѣв. берегу Волхова въ Новгородской губерніи на границѣ съ Петербургской (близь него *Чудскій Боръ* на притокѣ Волхова Тигодѣ), *Воцкаго* на Пидьбѣ къ с, отъ Новгорода, *Водосьина* на правой сторонѣ Мсты къ с. з. отъ Боровичей, *Водоси* на Ловати (1136 г.), то можно предположить, что поселенія *Води* простирались первоначально отъ Финнскаго побережья и Наровы на югъ къ Ильменю и за Ильмень; на востокъ ко Мстѣ, откуда они были вытѣснены племенемъ Новгородскихъ Славянъ. Озеро *Вожинское*, соединяемое р. Горыцью съ Колпью (въ Тихвинскомъ у.), въ окрестностяхъ котораго находятся рѣчка *Чудля*, притокъ Соминки, и на ней *Чудцы*,—и къ с. *Чудская* на Ретешѣ, южномъ притокѣ Паши, составляетъ, кажется, самый восточный пунктъ Водскаго наименованія въ этой области. Мѣстное названіе племени Води или Вожанъ могло быть неизвѣстно южному лѣтописцу, или же онъ считалъ за лучшее замѣнить его въ своемъ разсказѣ болѣе общимъ и распространеннымъ названіемъ Чуди; но Вожане прямо называются въ одновременныхъ съ нею извѣстіяхъ Новгородскаго лѣтописца, и—во всякомъ случаѣ внѣ этого народца положительно не гдѣ искать, среди финнскихъ племенъ, русской Чуди IX—X вѣка. Можетъ быть даже, имя Води или Во-

жанъ вошло въ общее употребленіе у русскихъ не ранѣе начала XI вѣка, въ отличіе русской Чуди отъ Чуди неподвластной русскимъ князьямъ (Эстамъ), которая жила далѣе на западъ, за Чудскимъ озеромъ, и извѣстія о которой встрѣчаются въ нашихъ лѣтописяхъ не ранѣе первой половины XI вѣка.

Отношенія къ этой Чуди имѣли совершенно иной характеръ. Стремленіе Новгородскихъ Славянъ овладѣть Варяжскимъ побережьемъ и обезпечить торговые пути, шедшіе къ нему изъ ихъ области, рано привело ихъ во враждебныя столкновенія съ западными Финскими племенами и вызвало рядъ походовъ ихъ дружинъ за Чудское озеро. Эта борьба открылась походомъ Ярослава въ 1030 году, который, побѣдивши Чудь, основалъ городъ *Юрьевъ* (теп. Дерптъ), и тѣмъ положилъ начало русскимъ владѣніямъ къ западу отъ Чудскаго озера. Затѣмъ въ 1054 году на Чудь ходили Новгородци съ Изяславомъ Ярославичемъ или съ посадникомъ Остромиромъ, и взяли *осѣкъ* (т. е. лѣсное укрѣпленіе) Кедипивъ или Солнечная рука (Никон. Лѣт. I. 114), положеніе котораго остается неизвѣстнымъ, а Мстиславъ Мономашичъ, послѣ побѣды, одержанной имъ въ 1113 г. надъ Чудью, гдѣ-то на *Бору*,—овладѣлъ въ 1116 году ихъ городомъ *Медвѣжьею Головою* (Новгор. I лѣт стр. 4). Это важное пограничное укрѣпленіе Чуди указываютъ въ теп. сел. *Оденпе* (на Картѣ Шуберта Оденпя) на югъ отъ Дерпта, въ гористой мѣстности, близь верховьевъ р. *Эльвы*, южнаго притока Эмбаха. Къ собственной Чуди прилегали, составляя части ея, племена *Сосолы* и *Очелы*, о которыхъ говорятъ сѣверныя лѣтописи—Новгородская и Псковская. На Очелу ходилъ Мстиславъ Мономашичъ въ 1111 году (Новгор. I Лѣт. стр. 4). Гдѣ-были жилища Очелы, положительно не извѣстно, но на близкое сосѣдство ея съ русскими владѣньями указываетъ, кажется, то обстоятельство, что походъ этотъ состоялся ранѣе побѣды надъ Чудью на Бору и завоеванія Оденпе. Думаютъ, что Очела нашихъ лѣтописей тожественна съ *Отелой* (Otela), упоминаемой въ договорѣ Дерптскаго епископа Германна съ Нѣмецкимъ Орденомъ, подтвержденномъ Папою Григоріемъ IX въ Перуджіи 12 ноября 1229 г. [64]). По нашимъ лѣтописямъ, въ послѣдней четверти XII вѣка Очела, при нападеніи на ихъ землю князя Мстислава Ростиславича съ двадцатитысячнымъ отрядомъ Новгородцевъ, удалилась къ морю (1179. Новгор. I-ая

лѣт. стр. 17),—можетъ быть, на ю. з. побережье Финнскаго залива, гдѣ къ в. отъ Гапсаля и къ ю. отъ Ревеля находятся теп. селл. *Осла* и *Охтель* *) (Карта Шуб. № 12). Нѣсколько яснѣе положеніе племени *Ссоловъ* или *Сосоловъ*. Въ 1060 году они были покорены великимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, и обложены данью будто бы въ 2,000 гривенъ; но, по разсказу лѣтописи, они тогда же составили союзъ и выгнали сборщиковъ дани, а на весну напали на Юрьевъ, пожгли деревянное городовое укрѣпленіе и строенья,—и дошли до Пскова; тутъ ихъ встрѣтили Псковичи и Новгородцы, и нанесли имъ страшное пораженіе: „паде Руси 1000, а Ссолъ безъ числа" (Псковск. I-ая лѣт. стр. 176). Изъ этого извѣстія можно предположить, что Ссолы жили въ сосѣдствѣ съ Юрьевымъ (Дерптомъ) и Псковомъ, т. е. на югъ отъ рѣки Эмбаха, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что и теперь тамъ находятся мѣстности съ названіями, напоминающими Ссоловъ; таковы: *Сосилла* къ юго-западу отъ Дерпта, верстахъ въ 10; *Сосуль* къ югу отъ Вендена, на одномъ изъ притоковъ Маріенбаха; *Сиссегаль* на Абсѣ, и на пространствѣ отъ Западной Двины по р. Аа до озеръ Верціерва и Бурженика множество населенныхъ мѣстъ съ подобнозвучащими названіями: Суйслокъ, Сисла, Салле, Салло, Салисъ, Осуль, Саленекъ, Оселингъ и т. д. Съ юга къ Чуди и Сосоламъ прилегали поселенія *Ливовъ* (*Либь*, *Ливь*, Лавр. 2, 5), племени, которое лѣтопись относитъ кажется, къ Литвѣ; по крайней мѣрѣ, она помѣщаетъ его отдѣльно отъ другихъ Финнскихъ племенъ, и въ одномъ ряду съ Литвою, Замѣголою и Корсью. Теперешнія селл. *Ливо* къ ю. отъ Дерпта на Волгамѣ, правомъ притокѣ Эмбаха, Либба между Валкомъ и Верро на верхнемъ теченіи Шварцбаха, впадающаго въ Аа, *Ливесъ* къ западу отъ рѣки Педдецъ къ сѣверу отъ Верро. *Ливенберденъ* къ ю. отъ Рижскаго залива на Бердѣ, притокѣ Болдеръ Аа, Ливенгофъ на Двинѣ между Динабургомъ и Якобштадтомъ; *Лива* въ недальнемъ разстояніи къ в. отъ Себежа указываютъ на прежнее широкое территоріальное распространеніе этого племени [65]).

Далѣе къ в. Начальная Лѣтопись называетъ *Весь*, *Мерю*, *Мурому*, *Мордву* и *Черемису*, племена, занимавшія область Волги, на

*) Селеній съ названіемъ „*Охтель*" на Картѣ Шуберта № 12 показано *три*.

востокъ отъ Оковскаго лѣса. Жилища *Веси* она указываетъ на Бѣломъ озерѣ; но сродство племеннаго названія этого народца съ названіемъ Води [66]) даетъ основаніе думать, что они доходили на западѣ до Водскихъ поселеній, т. е. до Ладожскаго озера и рѣки Волхова, у которыхъ и теперь еще есть пять деревень съ Весскими наименованіями: *Весь* къ з. отъ Старой Ладоги, на р. Базловкѣ, *Весь* у праваго берега Волхова между Старой Ладогой и Изсадами, *Веси* (Кисельня) на р. Еленѣ, въ 17 верстахъ, *Весь* съ 28 в., *Весь* и *Весь за ручьемъ* обѣ въ 36 верстахъ по Архангельскому тракту отъ города Новой Ладоги, въ его уѣздѣ. На сѣверѣ Весь прилегала къ Заволоцкой Чуди, сходясь съ нею на Волокѣ, за которымъ, кажется, нѣтъ мѣстностей Весскихъ наименованій. Такимъ образомъ она занимала области Тверцы, Мологи и Шексны, гдѣ до сей поры сохранились слѣды ея въ названіяхъ сел. *Вески*, къ с. з. отъ Торжка, города *Весь-Егонска* на Мологѣ, сел. Веси или *Избищъ* противъ устья Мологи, сел. *Вешка* къ с. отъ Устюжны (см. Карта Шуберта № 19), рѣчки *Веси*, при впаденіи которой въ Колпь (почти на границѣ Тихвинскаго уѣзда съ Бѣлозерскимъ) находится сел. *Весь* или *Ильинскій погостъ* [67]), р. *Визмы*, вливающейся въ Шексну черезъ Андогу и Суду, и селенія на ней—Везгумы, къ ю. отъ Бѣлозерска; сел. *Перевесье* на верховьяхъ рѣки Согожи, впадающей въ Шексну нѣсколько выше *Мологи;* на самомъ Бѣлоозерѣ—сел. *Севесь* старая, извѣстная съ XV вѣка (1486. Собр. Госуд. Грам. и Догов. I. 300). Крайній сѣверо-восточный пунктъ, извѣстный намъ представляетъ рѣчка *Векса*, лѣвый притокъ Костромы, берущій начало близь Галицкаго уѣзда. Что жилища Веси находились и на ю. отъ Волги, доказываетъ цѣлый рядъ населенныхъ мѣстъ и урочищъ съ Весскими названіями въ области Волжскихъ притоковъ Шоши и Нерли и Окскаго-Клязмы. Такъ мы видимъ селл. *Вески* въ Волоколамскомъ у. (1486 Собр. Госуд. Грам. и Догов. I 332); *Вязму*, притокъ Шоши, *Вески* сел. на Нерли къ югу отъ Калязина, р. *Верску или Веску*, какъ называется верхнее теченіе Большой Нерли, по выходѣ ея изъ Переяславскаго озера, на юго-западномъ побережьи котораго дер. *Веслева* на р. *Весьлейкѣ*, и близь него сел. *Вескова* [69]). Далѣе на в., въ южной части Ярославской губерніи, близь границы съ Владимірской, встрѣчаются четыре мѣстности съ Весскими наименованіями. На юго-востокъ отъ Пе-

реяславскаго озера, въ области Клязмы: *Віоска* на одномъ изъ притоковъ Суходы, впадающей въ Нерль въ Юрьевскомъ у., *Віоски* на р. Солекшѣ къ с. отъ Юрьева Польскаго, *Віоска* и *Весь* къ с. отъ Суздаля; *Веснево* на Ухтомѣ, притокѣ Увода въ Ковровскомъ уѣздѣ (Карта Шуб. № 25). Сколько намъ извѣстно, на ю. отъ Клязмы Весиихъ названій не встрѣчается, за исключеніемъ, можетъ быть, сел. *Вѣшки* къ в. отъ Судогды, рѣчки *Висы* въ Перемышльскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ племя Веси занимало все верхнее Поволжье, примыкая непосредственно къ кореннымъ славянскимъ поселеніямъ Кривичей; поэтому область ихъ рано должна была подвергнуться славянской колонизаціи. Вѣроятно уже въ эпоху образованія русскаго государства, удержались только слабые остатки этаго разбросаннаго на обширномъ пространствѣ племени; по крайней мѣрѣ Начальная Лѣтопись, упомянувъ его въ этнографическомъ очеркѣ своемъ, не говоритъ уже о немъ въ изложеніи событіи [69]). Нѣсколько далѣе оно могло сохранять свою независимость на сѣверо-западѣ, на водораздѣлѣ между Волжскими притоками и притоками озеръ Ладожскаго и Онѣжскаго, куда Славянскія колоніи проникали медленнѣе, чѣмъ на востокъ, и гдѣ какъ полагаетъ Шегренъ, оно смѣшалось съ заволоцкимъ племенемъ Еми [70]).

Въ сосѣдствѣ съ Весью, жило племя *Меря*. Поселенія ея Начальная Лѣтопись указываетъ у озера *Ростовскаго* (Неро) и *Клещина* (Плещеева, Переяславскаго), такимъ образомъ къ юго-востоку отъ Веси. Но —если принять во вниманіе данныя, представляемыя топографическою и хорографическою номенклатурою средняго Поволжья, то озера Неро и Переяславское должны составлять только часть древней области Мери. Тоже подтверждается и курганными раскопками [71]). По этимъ даннымъ область Мери должна занимать все среднее Поволжье; ея сѣверные предѣлы надо положить на Волокѣ-водораздѣлѣ Поволжья съ Бѣломорскимъ бассейномъ, западные по Шекснѣ и Волжскому изгибу отъ устьевъ Шексны и Мологи до устьевъ Медвѣдицы и Шоши, юго-западные и южные — по верховьямъ Клязмы и Москвы рѣки, по теченію Москвы рѣки, мимо области Голядей, къ Окскому бассейну, гдѣ окраины Мери соприкасались съ Славянскими племенами Кривичей, Сѣверянъ и Вятичей; юго-восточные и восточные сходились съ поселеньями Мещеры, Муромы и Перми. На сѣверо-западной и западной

границѣ отмѣченнаго нами пространства Мерянскія названія мѣстностей переплетаются съ Весскими, обстоятельство, которое усиливаетъ значеніе ихъ для исторической этнографіи, ибо, какъ увидимъ ниже, вообще племенныя названія удержались за мѣстностями главнымъ образомъ на этнографическихъ порубежьяхъ. На всемъ этомъ пространствѣ и теперь и въ древнихъ географическихъ памятникахъ мы находимъ значительное число селеній и живыхъ урочищъ съ названіями, напоминающими Мерю. Самые сѣверные изъ нихъ указываются въ трехъ селеніяхъ Вологодской губерніи (*Мериново* на южной сторонѣ Кубенскаго у.; *Мериново* въ томъ же у. въ 25 верстахъ отъ у. г.; *Мериново* Устюжскаго у.), т. е. въ Заволочьи и на Волокѣ. Въ Поволжьи извѣстны: Бѣлозерская волость *Мара* (1603 года), Галичь, до сей поры удержавшій названіе *Мерскаго* и *Галицкаго* озера, къ юго-западу отъ котораго—сел. *Омерина* при истокахъ р. *Вексы*, и въ уѣздѣ котораго, близь сел. Воронья, вытекаетъ р. *Меря*, вливающаяся въ Волгу у села Никольи, нѣсколько ниже Кинешмы. Къ западу отъ нихъ *Мерлево* по правую сторону р. Сегожи, лѣваго притока Шексны (въ Пошехонскомъ у.); *Мерзлина* (Даниловскаго у.) и *Мерлина* (Рыбинскаго) на р. Угорѣ; за тѣмъ по Волгѣ— выше устьевъ Шексны—*Мерзлеево* старое, на лѣвомъ берегу Сити; *Мерлуха* на самой Волгѣ (Рыбинскаго у.); *Мерлино* и *Меркалово* къ ю. отъ Кашина; *Мерилова* на р. Сози къ с. отъ Корчева; *Перемерка* на Волгѣ нѣсколько выше Корчева; *Меренова* на Тверцѣ (Новоторжскаго у.), *Мермерицы* Старые и Новые близь Твери къ югу (кажется тоже, что̀ на картѣ Шуберта *Армерина*), и *Мерли* на Волгѣ у границъ Тверскаго и Старицкаго уу.; при этомъ селеніи—*Городище*. Съ этой стороны на водораздѣлѣ съ озерной областью замѣчается сел. *Мериново* въ Бѣжецкомъ у. По правую сторору Волги—*Меревкино* или *Мерейкино* въ Зубцовскомъ у. по Волоколамскому тракту; *Воймерова* къ югу отъ Зубцова верстахъ въ семи; *Мерялова* Клинскомъ въ у. на Сестрѣ рѣкѣ, одинъ изъ притоковъ которой въ XV вѣкѣ носилъ названіе *Станимерки* (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. 331); *Мерскій* станъ XVI вѣка по р. Курбѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, и въ немъ теперь селенія: *Мередево*, *Мериново* у верховьевъ Курбы и *Мервиново* въ 25 верстахъ отъ у. гор.; здѣсь же, въ области Дубны, слѣдуетъ искать *Водомерскую* деревню, упоминаемую въ грамотѣ 1504 года, на гра-

ницахъ Дмитровскаго и Радонѣжскаго уѣздовъ (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. 365), и вблизи показанное тамъ же сел. *Мерлино* на Ворѣ (ibid.). Далѣе Большая *Нерль*, названіе которой родственно съ племеннымъ названіемъ *Мери*, и на ней *Мериново* Переяславскаго у. и два селенія *Нерльскихъ* въ Калязинскомъ уѣздѣ. Замѣчительно, что въ древней Переяславской области Мерянскія названія мѣстностей перепутываются съ Весскими, также, какъ и по западнымъ окраинамъ описанной нами области. Наконецъ послѣдніе слѣды Мери по южной сторонѣ Волги—на востокъ отъ Б. *Нерли*—замѣчаются по Которости, которая беретъ начало изъ озера *Неро*, и на которой находится *Немерово* въ южной части Ярославскаго у.; *Унемерь* нѣсколько ниже ея; здѣсь же слѣдуетъ искать *Даксомъръ* 1453 года (Актъ Арх. Эксп. 96), можетъ быть, въ теп. *Лахости*, на рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Которость съ правой стороны почти на границѣ Ярославскаго и Ростовскаго уѣздовъ. Рѣка *Нерехта* съ городомъ того же имени представляютъ крайній восточный пунктъ Мерянскаго наименованія на южномъ побережьи Волги. Нѣсколько далѣе на востокъ они простираются въ области Клязмы, на юго-востокъ отъ Ростовскаго озера, по теченію Клязменскаго притока Малой *Нерли*, близь которой находится сел. *Мереховица* (у небольшаго озера въ южной части Ростовскаго у.), къ нижнему теченію Клязмы, гдѣ на излучинѣ ея, при перемѣнѣ ея сѣверо-восточнаго теченія на юго-востокъ, находится селеніе *Мередище*, на границѣ Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ; южнѣе его *Меркутинъ*, на ю. з. отъ Вязниковъ, и близь него—три сел. *Мерзлеево*, *Мерелева*, *Мершина*. Далѣе на востокъ начинаются уже мѣстности съ Мордовскими, Муромскими и Черемисскими названіями, между которыми въ Нижегородской губерніи замѣчено только четыре—напоминающихъ собою Мерю. Отъ нижней Клязмы на юго-западъ по водораздѣлу ея съ Окою встрѣчается нѣсколько Мерянскихъ мѣстностей, смѣшивающихся съ Муромскими. Таковы *Тимерево* и *Чимерево* въ Судогодскомъ уѣздѣ; *Нерахина* на ю. з. отъ Владиміра; далѣе на югъ, уже въ сѣверной части Рязанской губерніи погостъ *Унамерь* и сел. *Ушмаръ*, и на озерѣ Великомъ. Нѣсколько южнѣе *Покрова* беретъ начало *Нерская* р., въ XII вѣкѣ носившая названіе *Мерской* (1176. Лавр. 161). Она вводитъ насъ въ область Москвы рѣки, въ которой теперь извѣстно одно только Мерянское

названіе сел. *Мери* на дорогѣ изъ Бронницъ въ Богородскъ, въ 22 верстахъ отъ Богородска; но еще въ XVI в. грамоты называютъ тамъ сел. *Устьмерску*, которое было извѣстно съ XII вѣка, *Мерю* Старую, *Мерку* Малую и близь нихъ болото *Мерское* въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ, недалеко отъ дороги въ Можайскъ, и селенье *Меринцово* въ Рузскомъ стану (Собр. Госуд. Гр. и Д. 363, 365,—годъ 1504). На кранемъ югѣ и юго-западѣ слѣды Мери замѣчаются въ области Оки, Угры, верхней Москвы и даже верхняго Днѣпра. Тутъ могутъ быть указаны: *Мерлино* близь Рязани; р. *Меринка*, впадающая въ Проню съ лѣвой стороны, нѣсколько выше Пронска, у сел. *Мещерскаго;* это самый южный пунктъ, извѣстный намъ; *Немерино* къ югу отъ Каширы и къ сѣверу отъ погоста Мордвези (см. ниже); *Мереновка*, лѣвый притокъ Протвы, къ ю. отъ Малоярославца, и на ней селеніе того же имени; *Мерловка*, рѣчка въ Медынскомъ уѣздѣ, черезъ Городенку впадающая въ Истру; *Мерлино*, *Мерлиновка* (и *Морятинъ*) въ Алексинскомъ уѣздѣ, *Меревское* въ Калужскомъ; *Мереницци* въ Козельскомъ (къ ю. з. отъ у. г.), *Немерска*, лѣвой притокъ Жиздры, на самомъ водораздѣлѣ Окскаго бассейна съ Деснянскимъ. Какъ далеко на западъ простирались поселенія Мери, какъ близко они подходили къ кореннымъ Славянскимъ поселеніямъ, указываютъ сел. *Мереницщево* на верхнемъ теченіи Москвы рѣки въ Гжатскомъ уѣздѣ; рѣчка *Мерейка* въ Смоленской губерніи [12]) подъ г. Краснымъ. Естественно, что при такомъ близкомъ сосѣдствѣ, лишь только началось колонизаціонное движеніе Славянъ на сѣверо-востокѣ, и это племя, подобно Веси, должно было поступиться и жилищами и народностью передъ Славянами, и немногимъ пережило въ исторіи своихъ сѣверозападныхъ соплеменниковъ. Въ послѣдній разъ лѣтопись называетъ его подъ 907 годомъ, въ числѣ племенъ, ходившихъ тогда съ Олегомъ на Грецію. Въ эпоху составленія Повѣсти временныхъ лѣтъ сохранилось только преданіе о томъ, что въ Ростовѣ первыми насельниками была Меря, и едва ли не въ смыслѣ такого же преданія о давно-минувшемъ — относительно этой эпохи — слѣдуетъ принимать извѣстіе лѣтописи о Мерянской области у озеръ Ростовскаго и Клещина.

Въ близкомъ племенномъ сродствѣ съ Мерью, были жившія въ сосѣдствѣ съ нею, на востокъ и юго-востокъ племена *Муромы*, *Мордвы* и *Черемисы* [13]). Изъ лѣтописнаго извѣстія о ихъ разселе-

ніяхъ можно вывести заключеніе, что составитель Повѣсти зналъ о племенномъ различіи ихъ между собою, но о географическомъ положеніи ихъ относительно другъ друга имѣлъ весьма смутное представленіе: онъ помѣщаетъ всѣ эти три племени „по Оцѣ рѣкѣ, гдѣ потече въ Волгу [74])," - и только о Муромѣ говоритъ опредѣленнѣе, что оно составляло первоначальное населеніе города Мурома. Такимъ образомъ для изысканій о пространствѣ, какое могли занимать прежде эти племена, остаются только данныя теперешней топографической и хорографической номенклатуры — вмѣстѣ съ извѣстіями болѣе поздняго времени.

Основываясь на этихъ данныхъ можно допустить, что область *Муромы* простиралась отъ города Мурома вверхъ по Окѣ, на западъ, до предѣловъ Мери, гдѣ теперь, вблизи указанныхъ нами Мерянскихъ названій Унемери и Ушмары, находится озеро *Муромское* (въ Егорьевскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи), и на сѣверо-западъ и сѣверъ до водораздѣла между Окою и Клязмою, гдѣ надо искать Сельцо Владимірскаго уѣзда *Муромское* XVII вѣка (1630—1631), и гдѣ теперь видимъ сел. *Муромцево* къ югу отъ Судогды, также вблизи Мерянскихъ мѣстностей. Поселенія Муромы вдавались клиномъ между землями *Черемисы*, лежавшими на сѣверо-востокъ отъ нея, и *Мордвы*, область которой могла первоначально простираться по южному побережью Оки и по правымъ притокамъ ея, вдоль южныхъ границъ Муромы и Мери, далеко на западъ въ сосѣдство славянскаго племени Вятичей. На такое положеніе указываютъ—относительно *Черемисы:*—тепер. селенье *Черемисъ* къ с. з. отъ Горбатова, на Суворошѣ, между Клязмою и Окою, и *Черемиха* на с. в. отъ Коврова; и—относительно *Мордвы: Мердушское* болото, къ югу отъ Мурома, *Мордва на Цнѣ* *) XV вѣка въ Рязанскомъ удѣлѣ (1496. Собр. Гос. Гр. и Догов. I. 322), два селенья *Мордасова* въ Рязанскомъ уѣздѣ; два селенья *Мордвинова* въ Касимовскомъ уѣздѣ; *Мордово* на р. Вирѣ въ Ряжскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Шацкимъ; *Мордвезь* въ Веневскомъ уѣздѣ по дорогѣ въ Каширу; погостъ *Троицкое, что на Мордвези* или *Мордвезь на р. Мордвези*, черезъ Хотынку вливающейся въ Осетръ, въ Каширскомъ уѣздѣ,

---

*) Вѣроятно по Цнѣ, лѣвому притоку Оки, въ Егорьевскомъ уѣздѣ.

Мордвенно къ югу отъ Можайска [75]). Такимъ образомъ, по этимъ даннымъ, область Мордвы и Черемисы отмѣчается гораздо западнѣе, чѣмъ полагаютъ обыкновенно, и догадка эта подтверждается отчасти выше приведеннымъ свидѣтельствомъ Начальной Лѣтописи, отчасти позднѣйшимъ извѣстіемъ о переселеніи ихъ, съ распространеніемъ русскаго владычества въ этой области на востокъ [76]).

Таковы были Финскія племена по сю сторону Волока [77]). Что касается *Заволоцкой Чуди*, то лѣтопись въ этнографическомъ вступленіи своемъ относитъ къ ней четыре племени, называя въ порядкѣ размѣщенія ихъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ—*Пермь*, *Печеру*, *Ямь* или *Емь* и *Угру* или *Югру*, и кромѣ того въ изложеній событій упоминаетъ *Самоядь*. За исключеніемъ послѣдняго племени, которое въ концѣ XI вѣка едва-ли не было извѣстно на Руси только по имени, и *Югры*, эти племена были обязаны данью русскому государству. Полагаютъ, что подъ именемъ *Перми* лѣтопись разумѣетъ не только предковъ теперешнихъ *Пермяковъ*, которые еще въ XIV вѣкѣ занимали область, ограниченную Камою и Вычегдой, но и сосѣдей ихъ *Зырянъ*, племенное названіе которыхъ нашимъ лѣтописцамъ неизвѣстно. Часть Зырянъ, жившая къ сѣверу отъ Перми по Вычегдѣ и до рѣки Печеры, называлась кажется *Печерою* [78]). Въ связи съ лѣтописною Пермью несомнѣнно стоитъ *Біармія* Нормановъ, которые обозначали этимъ именемъ область нижняго теченія Сѣверной Двины и Бѣломорское побережье. Но ни въ этой области, ни на Поморьи населеніе никогда не состояло изъ Пермяковъ: тамъ искони жили *Карелы*—племя, неизвѣстное лѣтописцу; и такимъ образомъ въ немъ слѣдуетъ искать Норманскихъ Біармовъ. Норманны могли пользоваться именемъ Перми для обозначенія Карельской земли или потому что Пермь имѣла тогда обширную извѣстность на сѣверѣ Европы, благодаря своей обширной торговлѣ и торговымъ путямъ, пролегавшимъ черезъ нее изъ Бѣлаго моря къ Каспійскому [79]),—или же оба эти народы стояли въ какой нибудь связи между собою, въ зависимости одинъ отъ другого.

Что касается *Еми* (Ѣмь, Ямь, въ послѣдствіи *Гамъ* [80]), то Начальная лѣтопись не даетъ о географическомъ положеніи ея никакихъ точныхъ указаній. Изъ подробныхъ извѣстій о столкновеніяхъ Еми съ Русью въ XIII — XIV вѣкахъ область ея открывается, какъ доказалъ *Лербергъ* въ превосходномъ изслѣдованіи своемъ о жили-

щахъ этого племени [81]), въ южной части Финляндіи, гдѣ до сей поры остатки или потомки его *Тавасты* удержали за собою названіе *Гэмовъ* (Häme, Hämäläin, множ. Hämäläjset). Но едва ли тутъ можно искать жилищъ Еми нашей Начальной Лѣтописи. Напротивъ, изъ всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что лѣтописецъ зналъ и полагалъ это племя не на сѣверо-западѣ, а на сѣверо-востокѣ нашей равнины. Такъ въ спискѣ инородцевъ, платившихъ дань Руси, онъ помѣщаетъ его рядомъ съ Печерою, а въ перечнѣ населенія Іафетовой части — между Печерою и Югрою; — и тамъ, и здѣсь, упомянувъ эти племена, онъ переходитъ къ группѣ племенъ Литовскихъ, изъ чего не льзя не видѣть, что они были, по его представленію, крайними племенами въ чудскомъ Заволочьи (Лавр. 2, 5 [82]). Далѣе съ половины XI вѣка мы имѣемъ извѣстія о борьбѣ Руси съ заволоцкимъ финскимъ населеніемъ. При всей своей краткости и отрывочности, они указываютъ съ одной стороны, что эта борьба велась если не исключительно, то главнымъ образомъ Емью,—съ другой— что она шла гдѣ то у новгородскихъ границъ, близь Ладоги, то есть въ южномъ Заволочьи. Такъ изъ XI в. извѣстенъ походъ сухопутьемъ князя Владиміра Ярославича изъ Новагорода на Ямь, которая была побѣждена (Лавр. 66.); за тѣмъ подъ 1079 г. лѣтопись говоритъ о гибели князя Новгородскаго Глѣба Святославича въ Заволочьи, при чемъ позднѣйшій Татищевскій сводъ лѣтописи прибавляетъ, что онъ былъ убитъ отъ Еми (Лавр. 85; Тат. II. 112). Въ XII вѣкѣ—Новгородскій лѣтописецъ (I. 3) говоритъ о походѣ Новгородцевъ „въ Ладогу на войну“ въ 1005 году; въ 1124 году о зимнемъ походѣ князя Всеволода Мстиславича на Ямь, которая, по словамъ Татищевскаго свода, была разбита на *Свири* (Тат. II. 218); подъ 1142 годомъ — о нападеніи Еми на Новгородскую область, при чемъ Ладожане избили весь Емскій отрядъ въ 400 человѣкъ (Новгор. Лѣт. I. 9); подъ 1149 годомъ—о нападеніи Еми зимою на Водь (ibid. 11). Сопоставляя эти извѣстія съ указаніями этнографическаго введенія лѣтописи о положеніи Еми, слѣдуетъ предположить, что въ эпоху Начальной Лѣтописи Емь должна была занимать южное Заволочье на пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины. Въ такомъ случаѣ она соприкасалась на югѣ съ Весью Новгородской области, на сѣверѣ съ Карелами, о борьбѣ которыхъ съ нею до насъ дошли многочисленныя извѣстія изъ XII — XIII вѣковъ [83]), на сѣ-

веро-востокѣ и востокѣ, согласно съ свидѣтельствомъ лѣтописи, съ Югрою и Печерою. Такое предположеніе о положеніи Емской области въ эпоху начальной лѣтописи, высказанное Татищевымъ, было поддержано и оправдано академикомъ Шегреномъ [84]), который привелъ въ пользу его изъ области современной этнографіи Финновъ доказательства, дѣлающія его почти несомнѣннымъ. Остатки этого племени онъ указалъ въ теперь немногочисленномъ [85]) Финскомъ народцѣ у Онѣжскаго озера, который у сосѣднихъ русскихъ извѣстенъ подъ именемъ *Чуди*, а самъ себя зоветъ *Ljudi*, и языкъ свой *Ljudi Kiele* [86]). Онъ живетъ въ сѣверо-западной части Бѣлозерскаго уѣзда по границѣ съ Лодейно-польскимъ, и въ сѣверо-восточной части Тихвинскаго уѣзда къ сѣверу отъ *Ояти*; въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ онъ занимаетъ всю южную часть его до самаго у. города, за исключеніемъ нижней Ояти, занятой Русскими; въ Петрозаводскомъ же ему принадлежитъ длинная полоса западнаго побережья Онѣжскаго озера, почти до Петрозаводска съ одной стороны, съ другой до р. Ивины, впадающей въ Свирь черезъ Мужену. Филологическія наблюденія надъ языкомъ Чуди привели академика Шегрена къ заключенію, что, по основному своему типу, онъ имѣетъ близкое сродство съ языкомъ Финляндской Еми (Тавастовъ), и что слѣдовательно, хотя это племя образовалось изъ смѣшенія различныхъ Финскихъ народцевъ, но *Емь* вошла въ него главнымъ и существеннымъ элементомъ.

Что̀ Емь не была здѣсь позднѣйшимъ пришлымъ населеніемъ, что̀ она изстари занимала эту область, доказываетъ цѣлый рядъ живыхъ урочищъ и населенныхъ мѣстностей въ южномъ Заволочьи съ названіями, напоминающими это племя. Они замѣчаются на пространствѣ не только отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины, но на юго-западъ отъ него до Чудскаго озера и области Западной Двины, а насѣверо-востокъ за Двину къ Вычегдѣ, Вымѣ и Сысолѣ, гдѣ до сей поры сохранилась въ народѣ память о Гамахъ, составлявшихъ первоначальное населеніе теперешняго Яренскаго уѣзда [87]). Въ этихъ названіяхъ не льзя не видѣть слѣдовъ старинныхъ обиталищъ Еми, хотя конечно не льзя думать, что бы она занимала такое обширное пространство за одинъ разъ, въ одно и тоже время. Вѣроятнѣе, что племя это, жившее первоначально гораздо далѣе на юго-западъ, въ сосѣдствѣ съ одной стороны съ Прибалтійскою Чудью изъ языка

которой объясняется племенное названіе Еми *) съ другой съ Кривичами, постепенно передвигалась на сѣверо-востокъ, уступая движенію другихъ чудскихъ народовъ, вызванному колонизаціей Славянъ, и непосредственно наплыву самаго Славянства. Любопытно, что на водныхъ путяхъ восточной равнины изъ бассейна Балтійскаго въ Заволочье встрѣчается много хорографическихъ названій, родственныхъ племенному названію Еми,— а хорографическія названія принадлежатъ, какъ извѣстно, къ древнѣйшимъ, и скорѣе другихъ могутъ быть приняты, какъ свидѣтельство старинныхъ поселеній того или другого племени. Въ такомъ движеніи Еми, Начальная Лѣтопись застаетъ это племя на отмѣченномъ выше пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Сѣверной Двины уже въ борьбѣ съ Русью и Славянствомъ, врывавшимися въ его область съ юга. Въ XII вѣкѣ борьба эта окончилась въ пользу Руси. Емь частью была покорена и слилась съ пришельцами; но главныя массы ея двинулись на западъ въ гористую Финляндію [87], гдѣ они и являются съ XIII — XIV вѣка сильнымъ и воинственнымъ населеніемъ, и гдѣ потомки ихъ живутъ и до-нынѣ; другая же часть отошла, можетъ быть, на востокъ за Сѣверную Двину, и тамъ исчезла, смѣшавшись съ туземнымъ населеніемъ.

Еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о Еми, лѣтопись сообщаетъ о крайнихъ сѣверо-восточныхъ племенахъ—*Югрѣ* и *Самояди*. Въ эпоху Начальной Лѣтописи эти племена или не были покорены русскому государству, или оно только что начинало утверждать надъ ними свою власть. Мы видѣли, что о *Самояди* лѣтопись не говоритъ въ своемъ этнографическомъ вступленіи и упоминаетъ ее только однажды, случайно, по поводу разсказа Новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ. Такое же случайное упоминовеніе дѣлаетъ о ней и лѣтопись XII вѣка, говоря о старыхъ людяхъ, ходившихъ будто бы за Югру и Самоядь [88]. Относительно *Югра* мы имѣемъ болѣе данныхъ. Въ перечнѣ народовъ она показана крайнимъ сѣверо-восточнымъ населеніемъ въ Заволочьи. Но въ числѣ даннических племенъ ее нѣтъ. За тѣмъ въ извѣстной вставкѣ о людяхъ, заклепанныхъ въ восточ-

*) Нäm на эстонско-дерптскомъ нарѣчіи значитъ *сырой, влажный, водянистый.*

ныхъ горахъ Александромъ Македонскимъ,—вставкѣ, уже упомянутой нами,—мы имѣемъ разсказъ очевидца, изъ котораго можно вывести заключеніе о географическомъ положеніи Югры. „Послахъ отрокъ свой—говорить Гюрята лѣтописцу—въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду, и пришедшю отроку моему къ нимъ и оттуда иде въ Югру. Югра же людье есть *языкъ нѣмъ и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ* (Лавр. 107).“ По прямому смыслу этаго извѣстія, Югорская земля представляется лежащею за Новгородскими владѣніями въ Печерѣ, къ сѣверу отъ этого племени; но, если вѣрно, что это послѣднее занимало область между Камою и Вычегдою, то въ такомъ случаѣ Югорско-Самоѣдскія поселенія или кочевья слѣдовало бы полагать далѣе на сѣверъ, за Вычегдой до тундръ поморья, по восточнымъ притокамъ Двины, по Мезени и по Печорѣ. Тоже подтверждается положеніемъ, какое даетъ лѣтописецъ Югрѣ относительно поморской части сѣвернаго Урала. „Югра же рекоша отроку моему, продолжаетъ Гюрята, дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣ есмь слышали преже сихъ лѣтъ; се же третьее лѣто поча быти. Суть *горы зайдуче луку моря*, имъ же высота яки до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не розумѣти языку ихъ; но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза, и аще кто дасть имъ ножъ ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же *путь до горъ тѣхъ непроходимъ* пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; *тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощьи*“ (ibid.) Такимъ образомъ область Югры лежала къ югу или вѣрнѣе къ юго-западу отъ Сѣвернаго Урала и довольно на значительномъ отъ него разстояніи. Что этотъ хребетъ былъ мало извѣстенъ тогда самой Югрѣ, указывается отчасти баснословностью разсказа о загорныхъ обитателяхъ и торговыхъ сношеніяхъ съ ними, выраженіе же: „чюдо, его же нѣ есмы слышали *преже сихъ лѣтъ*; се же *третьее лѣто* поча быти“—можно объяснить только тѣмъ, что сами Югорцы получили первыя свѣдѣнія объ Уралѣ весьма не задолго до прихода къ нимъ Гюрятина отрока, т. е. не ранѣе самаго конца XI или начала XII вѣка [88]). На югѣ и юго-западѣ Югрскія земли прилегали къ поселеніямъ Печеры на Вычегдѣ, и Еми на Сухонѣ. Тамъ, гдѣ соприкасались эти племена, до сей поры за нѣкоторыми мѣстностями удержались названія

Югорскихъ. Таковы р. *Угроньга*, притокъ Ваги, въ Вельскомъ уѣздѣ, *Угорма*, притокъ Кубины въ Кадниковскомъ у.; *Югорская* и *Югрина* въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ области Сухоны; *Югринская* дер. на Югѣ, въ Никольскомъ уѣздѣ, *Гурганская* на верхней Сысолѣ въ южной части Усть-Сысольскаго уѣзда. *Югрина* въ сѣверной части Костромской губерніи и названія рѣкъ *Ухры*, лѣваго притока Костромы, и двухъ притокъ Оки *Нугря* и *Угры* могутъ указывать, какъ далеко на югъ въ область Мерянъ простирались Югрскія поселенія въ болѣе раннюю пору. Замѣтимъ также, что къ с. з. отъ Вычегды до Уральскаго хребта сколько намъ извѣстно, не встрѣчается мѣстностей съ подобными названіями.

Къ такому заключенію о географическомъ положеніи Югры до XI вѣка приводитъ разборъ извѣстій о ней, сообщаемыхъ древнѣйшими сводами Начальной Лѣтописи. Оно подтверждается рядомъ извѣстій о сношеніяхъ и столкновеніяхъ Руси съ Югрою въ XI—XIV вѣкахъ. Самое раннее изъ нихъ восходитъ къ 1032 году. Подъ этимъ годомъ Никоновскій лѣтописный сводъ говоритъ о неудачномъ походѣ Новгородца Улѣба на *Желѣзныя Ворота* (I. стр. 132). Позднѣе въ XIV вѣкѣ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ на Руси былъ извѣстенъ теп. *Дербентъ;* но конечно здѣсь дѣло идетъ не о Дербентѣ, а о какой либо мѣстности въ Заволочьи, гдѣ Новгородцы начинали тогда утверждать свою власть, и вступили въ упорную борьбу съ мѣстными Финнскими племенами. Это подтверждается и Татищевскимъ лѣтописнымъ сводомъ; онъ сообщаетъ, что въ походѣ 1032 года Новгородцы были разбиты Югрою. Въ сѣверной Россіи, кромѣ проливовъ на Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ Океанѣ, извѣстныхъ подъ именемъ Желѣзныхъ Воротъ [90]) есть три мѣстности съ такими названіями, именно рѣка *Желѣзныя Ворота*, впадающая съ юга въ Чагодощу въ Весьегонскомъ уѣздѣ; урочище *Желѣзныя Ворота (Городокъ, Кариль)*, на правомъ берегу Сысолы, въ 80 верстахъ отъ Усть-Сысольска, близъ сел. Водчи [91]) и далѣе на с. в. сел. *Желѣзныя Ворота* на р. Цыльмѣ, съ запада впадающей въ Печеру. Если принять въ соображеніе, что съ одной стороны Весь рано, еще въ IX и X вѣкахъ, вошла въ составъ Новгородскихъ владѣній, съ другой, что цѣлое столѣтіе спустя послѣ похода 1032 года крайнія сѣверо-восточныя владѣнія Новагорода не доходили до Мезени, и оканчивались на *Пинегѣ*, лѣ-

вомъ притокѣ Сѣверной Двины,—и что слѣдовательно ни Чагодощскія, ни Цылемскія Желѣзныя Ворота не могутъ быть приняты въ соображеніе при объясненіи извѣстія о разсматриваемомъ походѣ, то остается только принять *Сысольскія Желѣзныя Ворота*, лежащія именно тамъ, гдѣ должна была начинаться Югра нашей лѣтописи. Въ связи съ этимъ стоитъ рядъ извѣстій объ отношеніяхъ Новагорода къ Югрѣ въ XII—XIV вѣкѣ. Всѣ они указываютъ на близкое знакомство Югры съ одной стороны съ Печерой, съ другой съ Устюгомъ и Двинскою областью. Такъ первыхъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи Югорскихъ даньщиковъ въ концѣ XII вѣка мы видимъ въ Печерѣ и за Волокомъ. Въ 1187 году, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ, избіени быша Печерьскые даньники и Югърскіе въ Печерѣ, а другіе за Волокомъ (Новгор. 1 Лѣт. 19). Въ грамотахъ XIII вѣка (1264) Югра называется одною изъ Новогородскихъ волостей вмѣстѣ съ Пермью и Печерою [92]. Извѣстія 1323 года и 1324 года открываютъ, что путь въ Югру изъ Новагорода шолъ мимо Устюга и Двинской земли, т. е. по Сухонѣ, и Двинѣ, изъ которой прямой путь на востокъ идетъ вверхъ по Вычегдѣ. То же подтверждается разсказомъ о событіяхъ 1325 года [93]. Подчиненіе Югры Новугороду по всей вѣроятности относится или къ началу XII, или къ самому концу XI вѣка. Но по обстоятельствомъ Новгородцы никогда не могли утвердить надъ нею прочной власти и ограничивались простымъ сборомъ дани. Прежде всего они были стѣснены въ своихъ завоевательныхъ стремленіяхъ на крайнемъ сѣверо-востокѣ постояннымъ противодѣйствіемъ со стороны Поволжскихъ князей, которые очень рано овладѣли важнымъ пунктомъ на водномъ заволоцкомъ пути, Устюгомъ, и перерывали сношенія ихъ съ Югрской землею. Новгородъ отправлялъ въ Югру своихъ даньщиковъ, подкрѣпляя ихъ значительными военными силами, какъ для отпора обычнымъ нападеніямъ Устюжскихъ князей и Двинянъ, такъ и для борьбы съ Югроцами, отъ которыхъ они должны были постоянно ожидать сопротивленья. При такихъ уловіяхъ Новгородъ конечно не могъ, хотя и называлъ Югру своею волостью, завести въ ней славянскія поселенія, ни дать ей своего управленія. Югра управлялась своими князьями, вела съ даньщиками упорную борьбу, изъ которой Новгородцы выходили не всегда съ успѣхомъ, и—явленіе, общее для

всѣхъ сѣверныхъ инородцевъ въ ихъ столкновеніяхъ съ Славянствомъ,—отступали. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они постепенно передвинулись за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ и застаетъ ихъ XV вѣкъ, и гдѣ они были покорены уже Московскими войсками. По всей вѣроятности двигались вслѣдъ за ними и Новгородскія дружины, привлекаемыя богатствомъ соболей, серебра и всякаго узорочья; но прямыхъ извѣстій о знакомствѣ Руси съ Сибирью въ XII—XIV вѣкѣ мы не имѣемъ, за исключеніемъ одного темнаго и довольно сомнительнаго извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Обь рѣку въ 1364 г. [94]). Память о такомъ переселеніи Югры съ береговъ Двины и Юга, гдѣ она жила когда-то подъ именемъ *Югорски*, за Уралъ, еще въ прошломъ столѣтіи сохранялась у ея потомковъ *Вогуловъ* [95]).

Кромѣ Югры на крайнемъ сѣверо-востокѣ лѣтопись знаетъ *Угровъ* на югѣ, въ Подунайской землѣ. Она говоритъ о *Уграхъ Бѣлыхъ*, которые явились на Дунаѣ въ VII вѣкѣ, при Императорѣ Ираклѣ и Персидскомъ царѣ Хозроѣ (Лавр. 5) и были современники *Обровъ* (Аваровъ). Другіе—*Угры Черные* перекочевали на юго-западъ въ концѣ IX вѣка и при Олегѣ стояли вѣжами на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ; оттуда они двинулись на западъ, перешли Карпаты, втѣснились между закарпатскими Славянскими племенами, и образовали Угорское (Мадьярское) государство По ихъ собственному преданію, записанному въ лѣтописи Анонима, они вышли изъ Заволжья и переправились черезъ Волгу на Суздаль (Susudal); по нашимъ лѣтописямъ они шли *горою*, т. е. сухимъ путемъ, что—замѣтимъ мимоходомъ—не противорѣчитъ предположенію, высказанному выше, о жилищахъ нашей лѣтописной Югры въ Заволочьи. Сродство теперешнихъ Мадьяръ, потомковъ Черныхъ Угровъ, съ Сибирскими Вогулами, потомками Заволочской Югры, можетъ считаться теперь не подлежащимъ сомнѣнію [96]); о Бѣлыхъ Уграхъ однако ничего не извѣстно. Какъ кажется, до XII вѣка Русь приднѣпровская не имѣла никакихъ сношеній съ Закарпатскими Уграми; только въ X вѣкѣ, когда Святославъ утвердился на нѣкоторое время въ Подунайской Болгаріи, у Руси завязались съ ними торговыя сношенія (Лавр. 28). Что же касается отношеній ихъ къ мѣстной Закарпатской Славянщинѣ, къ Закарпатской Руси, то они составляютъ пока весьма важный вопросъ, нетронутый еще исторической наукой.

Югрою завершается рядъ Финнскихъ племенъ, указываемыхъ лѣтописью на сѣверо-востокѣ равнины. Разсмотрѣвъ ближе извѣстія ея о нихъ, можно теперь нѣсколько точнѣе опредѣлить границы ея географическаго кругозора на сѣверѣ. Эту границу слѣдуетъ провести отъ Ладожскаго озера на востокъ къ Бѣлому озеру, и оттуда на сѣверо-востокъ къ Вычегдѣ и племени Самоедовъ, которыхъ лѣтопись знаетъ по слухамъ. Нельзя не видѣть при этомъ, что о сѣверо-востокѣ она имѣетъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ о сѣверо-западѣ. По справедливому замѣчанію академика Шегрена, въ то время, какъ тамъ ей извѣстны не только Печера и Югра, но и отдаленная Самоядь, она ничего не знаетъ ни о Сѣверной Двинѣ и Онѣжскомъ озерѣ, ни о населеніи ихъ побережьевъ—Корелахъ на Сѣверной Двинѣ и Лопи у Онѣжскаго озера. Объясненіе этому академикъ Шегренъ находитъ въ томъ, что вообще главная масса Славянскихъ племенъ распространялось первоначально во внутреннихъ и среднихъ частяхъ Россіи, такимъ образомъ—на востокѣ; что переселенцы въ эту сторону распространяли и утверждали господство Руси гораздо прочнѣе, чѣмъ отдѣльные походы Новгородцевъ, которыхъ существенную цѣль составляла добыча, и что поэтому и свѣдѣнія о сѣверо-востокѣ должны были быть на Руси полнѣе и обстоятельнѣе (Ueber die Wohns. d. Jemen. 309—310). Но, кажется, съ этимъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Не говоря уже о томъ, что военные походы вообще болѣе способствуютъ расширенію географическихъ свѣдѣній, чѣмъ медленное колонизаціонное движеніе, которое чаще всего является только послѣдствіемъ этихъ походовъ, —мы знаемъ также, что о Югрѣ, Самояди и Уральскихъ горахъ составитель лѣтописи получилъ свѣдѣнія отъ Новгородцевъ, которые не успѣли еще тамъ колонизироваться, но только ходили туда или для добычи, или для сбора дани. Съ другой стороны при-онѣжская Лопь уже въ первой половинѣ XI вѣка не только платила дань Новгороду, но непосредственно входила въ составъ его владѣній; по крайней мѣрѣ въ Уставѣ Ярослава „о мостѣхъ" *Лопьская рель* показана, вмѣстѣ съ Волховскою и Лузскою, какъ часть Обонижской волости; и тѣмъ не менѣе Начальная Лѣтопись не знаетъ ея, какъ не знаетъ Вожанъ или Води, Очелы, Сосоловъ, обозначаемыхъ въ ней общимъ именемъ Чуди. Весьма вѣроятно, что Новгородцы имѣли гораздо болѣе свѣдѣній о сосѣднемъ имъ сѣве-

рѣ, чѣмъ можно было бы о томъ судить по Начальной Лѣтописи. Очевидно, что большее знакомство лѣтописи съ сѣверо-востокомъ и меньшее съ сѣверо-западомъ должно имѣть другія основанія. Эти основанія открываются именно въ томъ обстоятельствѣ, что сѣверо-восточныя русскія владѣнія, соприкасавшіяся съ племенами Перми, Печеры, Угры, были въ XI вѣкѣ въ зависимости отъ южно-русскихъ князей, которые или сами тамъ жили, или же посылали туда своихъ мужей для управленія и сбора дани. Финнскій сѣверо-востокъ былъ такимъ образомъ лучше извѣстенъ въ Кіевѣ и Переяславлѣ, чѣмъ сѣверо-западъ, и естественно, что южно-русскій лѣтописецъ сообщаетъ о немъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, тогда какъ о сѣверо-западѣ говоритъ въ общихъ чертахъ, или во все не зная, или же не считая нужнымъ исчислять всѣ инородческія племена, съ которыми у сѣверныхъ Славянъ шла тогда упорная борьба. Что главный источникъ свѣдѣній начальнаго лѣтописца о Чуди—былъ не новгородскій, видно также и изъ того, что онъ призналъ необходимымъ отмѣтить особо свѣдѣнія, полученныя имъ отъ Новгородца Гюряты Роговича.

Глава IV. Славяне. Извѣстія Начальной лѣтописи о ихъ разселеніи. Славяне на восточно-европейской равнинѣ. Мнѣніе С. М. Соловьева о порядкѣ ихъ разселенія по сю сторону Карпатъ. Преданіе о выходѣ ихъ съ береговъ Дуная. Предѣлъ коренныхъ славянскихъ поселеній на восточной равнинѣ. Общій обзоръ этнографическаго распространенія восточныхъ Славянъ въ эпоху Начальной лѣтописи. Племена и земли. Образованіе населенныхъ мѣстъ. Образованіе земельныхъ рубежей. Соединеніе земель подъ властью Руси. Отношеніе земель къ княжескимъ удѣламъ и волостямъ въ эпоху Начальной лѣтописи.

Древнѣйшія поселенія *Славянъ* Начальная лѣтопись указываетъ на Дунаѣ, въ области, называемой ею *Илирикомъ* [97]). Лѣтописное преданіе говоритъ, что съ незапамятныхъ временъ они разошлись отсюда на сѣверъ и сѣверо-востокъ и раздѣлились на племена. Каждое племя назвалось своимъ именемъ, „гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ". Ранѣе другихъ выдѣлились западно-славянскія вѣтви, изъ которыхъ главнѣйшія были извѣстны лѣтописцу: *Морава* на р. Моравѣ, *Чехи* (Чахи, Чеси, Лавр. 11, 85, 103), *Хроваты Бѣлые*, *Серебь*, *Хорутане* (3). Позднѣе совершилось выселеніе по

сю сторону Карпатъ, въ область Вислы, Днѣпра, Западной Двины. Это выселеніе лѣтопись связываетъ съ извѣстнымъ нашествіемъ Влоховъ на Дунай, съ покореніемъ и утѣсненіемъ ими дунайскихъ Славянъ. Географическія свѣдѣнія ея о западныхъ Славянахъ ограничиваются простымъ перечнемъ уже названныхъ выше вѣтвей. Нѣсколько больше свѣдѣній она представляетъ о славянскомъ населеніи на Дунаѣ, и о Славянахъ-Ляхахъ, занявшихъ область Вислы. *Славяне по Дунаю*, названные въ преданіи о Кіѣ *Дунайцами* (Лавр. 4; въ Никон. и Тверск. лѣт. *Дунаи*), смѣшавшись съ *Болгарами*, происходившими, по объясненію лѣтописца, „отъ Скуфъ, рекше отъ Казаръ", усвоили себѣ ихъ племенное названіе (*Болгаре Дунайскіе*) [98]). Въ ихъ землѣ Начальная лѣтопись насчитываетъ 80 городовъ (Лавр. 27); но изъ нихъ называетъ только *Деревстръ* (Деръстеръ 902. 12, 30, теп. Силистрія), *Переяславецъ на Дунаѣ*, любимый городъ Святослава [99]), и *городище Кіевецъ*, на мѣстѣ небольшаго городка, основаннаго на Дунаѣ Кіемъ [100]). Что касается Ляховъ, то они заняли все пространство по Вислѣ (между Западнымъ Бугомъ и Одеромъ) на сѣверъ до Варяжскаго моря, гдѣ они сосѣдили съ Пруссами (2). Отъ Чеховъ они отдѣлялись, по представленію лѣтописца, пустынею и Чешскимъ лѣсомъ [101]). Они распадались на отдѣльныя вѣтви,—*Полянъ*, *Лутичей*, *Поморянъ* (Лавр.) и *Мазовшанъ* (3, *Мазовъшаны* 1041. Лавр. 66). Въ ихъ области лѣтопись знаетъ крайній на юго-западѣ городъ *Глогову* (Поуч. Мон. Лавр. 103, теп. Глогау на лѣвомъ притокѣ Одра. Вообще скудость и краткость этихъ извѣстій объясняются рѣдкостью сношеній тогдашней Руси съ юго-западнымъ славянскимъ міромъ.

Гораздо подробнѣе выступаетъ географія Славянъ, разселившихся на сѣверо-востокъ отъ низовьевъ Дуная, Карпатъ и водораздѣла между Вислою и Западнымъ Бугомъ, и вошедшихъ въ составъ русскаго государства. Начальная лѣтопись даетъ три перечня ихъ въ своемъ этнографическомъ вступленіи, и за тѣмъ сообщаетъ о нихъ свѣдѣнія въ изложеніи событій. Перечни этнографическаго очерка не одинаковы. Первый изъ нихъ исчисляетъ не всѣ восточнославянскія развѣтвленія. Изложивъ извѣстное преданіе о Влохахъ и о разселеніи съ Дуная Лядскихъ и Русскихъ Славянъ, лѣтопись называетъ (Лавр. 3): *Полянъ*, поселившихся по Днѣпру, *Древлянъ*, „за не сѣдоша въ лѣсѣхъ", *Дреговичей* между Припетью и Двиною,

Славянъ на Двинѣ, назвавшихся *Полочанами* „рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину именемъ Полота", Славянъ у озера Ильмеря, которые „прозвашася своимъ именемъ", то есть *Славянъ* по преимуществу (Новгородскіе Славяне) и *Сѣверъ*, племя, разселившееся по Деснѣ, Сейму и Сулѣ. Такимъ образомъ здѣсь открывается населенье западнаго побережья Днѣпра, верхняго теченья Западной Двины, юго-западной, весьма незначительной, части Озерной области, (у Ильменя и Чудскаго озера) и къ востоку отъ Днѣпра—населеніе области, омываемой Десною, Семью и Сулой. Далѣе, переходя отъ древнѣйшихъ (Кіевскихъ) преданій снова къ славянскимъ племенамъ, лѣтопись называетъ, кромѣ исчисленныхъ выше, *Кривичей*, которые „сѣдять на верхь Волги и на верхь Двины и на верхь Днѣпра", и которыхъ она какъ будто бы выводитъ отъ Полочанъ и Новгородскихъ Славянъ [102]), и *Бужанъ* („зане сѣдоша по Бугу"), позднѣе получившихъ названіе *Волынянъ* или Велынянъ. Тутъ же *Сѣверяне* представляются не болѣе, какъ развѣтвленіемъ Кривичей. Нѣсколько дальше преданіе объ Обрахъ, открываетъ другое древнѣйшее названіе Бужанъ—*Дулѣбы* (ibid. 5). Наконецъ послѣдній перечень дополненъ *Радимичами* и *Вятичами*, происходившими по лѣтописному преданію, очень темному и загодочному, отъ Ляховъ [103]), и приведенными братьями Радимомъ и Вяткомъ на Сожъ и Оку, *Улучами* и *Тиверцами*, жившими по Днѣстру до Понта и Дуная, и *Хорватами* (ibid.). Было замѣчено, что во всѣхъ этихъ перечняхъ какъ будто бы соблюдена нѣкоторая послѣдовательность, что первый изъ нихъ пополняется вторымъ, который въ свою очередь пополняется третьимъ; и это обстоятельство дало С. М. Соловьеву поводъ предполагать, что лѣтопись исчисляетъ племена по мѣрѣ выселенія ихъ съ береговъ Дуная, по мѣрѣ того, какъ они появляются на восточно-европейской равнинѣ, —какъ будто лѣтописецъ имѣлъ въ виду указать порядокъ и постепенность размѣщенія восточныхъ Славянъ. „Если принимать извѣстіе лѣтописца буквально, говоритъ онъ, то выйдетъ, что славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ (Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, Новгородскіе Славяне) и потомъ спускалось на югъ, по восточной сторонѣ рѣки (Кривичи, Сѣверяне). Дулѣбы же или Бужане, Улучи, Тиверци, Вятичи, Радимичи, и Хорваты должны въ такомъ случаѣ явиться позднѣе другихъ, особо отъ нихъ,

не въ слѣдствіе борьбы съ Влохами, а по какимъ то инымъ причинамъ [103])". Не вдаваясь въ разсмотрѣніе этого вопроса, по самой сущности своей относящагося къ области славянскихъ древностей, слѣдуетъ однако замѣтить, что сама лѣтопись не даетъ никакихъ основаній приписывать составителю ея намѣреніе показать порядокъ размѣщенія Славянъ на восточно-европейской равнинѣ; основывать же на ея извѣстіяхъ какіе либо выводы о томъ, какъ дѣйствительно произошло это размѣщеніе, тѣмъ труднѣе, что, даже допустивъ въ нихъ то значеніе, какое приписываетъ имъ г. Соловьевъ, нельзя не видѣть въ нихъ явныхъ противорѣчій [104]). Характеръ этихъ извѣстій, послѣдовательно дополняющихъ другъ друга, ближе всего объясняется позднѣйшими передѣлками и вставками, которымъ видимо подверглись „Повѣсти временныхъ лѣтъ"; или же, что еще вѣроятнѣе, безъискуственностью изложенія, которая позволяла составителю лѣтописи отъ разказа стародавнихъ преданій (о Кіевѣ послѣ перваго перечня и Обрахъ послѣ втораго) возвращаться каждый разъ къ исчисленію племенъ, дополняя то, что было имъ пропущено раньше. Сверхъ того, самое преданіе о нашествіи Влоховъ на Дунай и о выселеніи оттуда Славянъ, безъ сомнѣнія, жившее въ народной памяти, и оттуда занесенное въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, едва ли первоначально имѣло въ народномъ пониманіи такое широкое значеніе, какое придалъ ему нашъ лѣтописецъ. На восточно-европейской равнинѣ Славяне представляютъ такое же древнѣйшее исконное населеніе, какимъ въ другихъ частяхъ Европы признаются Литва, Германцы, Ѳракійцы, Кельты. Къ сѣверо-востоку отъ Карпатъ, по крайней мѣрѣ, до верхнихъ теченій Днѣпра и его притоковъ, они составляютъ не только древнѣйшее, но и единственное первобытное населеніе, которое заняло эту область съ незапамятныхъ временъ, воздѣлало ее, и оставило неопровержимые слѣды своего исключительнаго господства въ ней въ ея географической номенклатурѣ въ чисто—славянскихъ названіяхъ ея населенныхъ и рукозданныхъ мѣстъ и живыхъ урочищъ. Географическія названія, „въ которыхъ звучитъ языкъ, это первое свидѣтельство, первый актъ историческаго существованія народовъ [105])", доказываетъ, что въ отмѣченной нами области не было другаго кореннаго племени, кромѣ Славянъ. Тоже подтверждается рядомъ древнѣйшихъ историческихъ извѣстій о сѣверо-восточной

равнинѣ, въ которой они являются, начиная съ Геродота, подъ различными именами 106). Образовавъ осѣдлое земледѣльческое населеніе, привязанное къ воздѣланной имъ почвѣ, славянское племя выдержало въ этой области и въ области по ту сторону Карпатъ—натискъ кельтійскихъ и германскихъ народовъ, приливавшихъ съ запада и сѣверо-запада, и азійскихъ кочевниковъ, для которыхъ степная часть равнины, непосредственно сливающаяся съ равнинами Азіи, служила обычнымъ и легкимъ путемъ изъ Азіи въ Европу. Наплывъ этихъ народовъ отрывалъ отъ восточно-славянскаго міра ту или другую ея часть, увлекая ее въ своемъ движеніи, или заставлялъ окраинное славянское населеніе, не чувствовавшее себя въ силахъ устоять въ борьбѣ съ воинственными сосѣдями, искать убѣжища въ глубинѣ страны, занятой его единоплеменниками. Особенно сильны были такія движенія съ юго-запада, гдѣ славянство съ глубокой древности приходило въ столкновеніе съ Кельтами, Римлянами и германскими народами, на сѣверо-востокъ—въ глубь восточно-европейской равнины. Но эти переходы не были явленіемъ общимъ для всего славянства, какимъ оно изображается въ лѣтописи, не было разселеніемъ племени изъ одной мѣстности съ Дуная въ незанятыя страны по Моравѣ, Вислѣ, Днѣпру и т. д. Они имѣли характеръ частныхъ, мѣстныхъ явленій, и мало измѣняли общее географическое положеніе славянскаго міра. Покоренныя или тѣснимыя инородцами, племена выселялись не всѣ; часть оставалась на своихъ прежнихъ мѣстахъ, переселенцы же находили на новыхъ мѣстахъ, по сю сторону Карпатъ, родственныя и по языку и по обычаямъ племена. Съ теченіемъ времени, они сливались съ ними, и только въ преданіяхъ сохраняли память о своихъ первоначальныхъ жилищахъ, объ обстоятельствахъ, которыя вызвали ихъ выселеніе, о родоначальникахъ или вождяхъ, которые ихъ вывели. При естественномъ въ каждомъ народѣ стремленіи объяснить свое происхожденіе и прошлое, эти частныя преданія переселенцевъ со временемъ могли дѣлаться общимъ для всей славянской вѣтви, среди которой они переселялись. По всей вѣроятности такъ было съ преданіемъ о первоначальныхъ жилищахъ Славянъ въ Подунайской землѣ и объ изгнаніи ихъ оттуда Влахами. Если справедливо предположеніе, что подъ именемъ Влаховъ лѣтописи скрываются Кельты 107), то въ основѣ всего преданія лежитъ событіе, со-

вершившееся еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр.,—движенie Кельтовъ съ запада въ Иллирію и Паннонію, и борьба, которую они начали тамъ съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ. Вслѣдствіе этой борьбы значительная часть Славянъ выселилась на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ отъ Карпатъ и нашла себѣ пріютъ у Славянъ поднѣпровскихъ, повислянскихъ и полабскихъ. Преданія этихъ выходцевъ о первоначальныхъ придунайскихъ жилищахъ, о тихомъ Дунаѣ, о борьбѣ съ Влохами съ теченіемъ времени сдѣлали общимъ достояніемъ тѣхъ Славянъ, среди которыхъ они поселились, частію перешли въ ихъ поэзію, и за тѣмъ въ письменные историческіе памятники. Но въ продолженіе вѣковъ, со времени выселенія до появленія у Славянъ первой лѣтописи, они должны были замутиться, потерять свой первоначальный смыслъ и полноту. Съ именемъ Влаховъ, Волхвы соединялось уже понятіе не о Кельтахъ, а о романскомъ населеніи Италіи. Подробности о борьбѣ съ ними или сгладились, или, будучи отнесены въ другому событію, вошли въ другой циклъ преданій, такъ что отъ сказаній о переселеніи съ Дуная, сложившихся въ глубокой древности, ко времени возникновенія у Славянъ гражданственности и письменности, въ народѣ сохранился одинъ только остовъ, темное воспоминаніе о жилищахъ ихъ предковъ на Дунаѣ, и объ изгнаніи ихъ оттуда [108]). Въ такомъ сухомъ и сжатомъ видѣ это преданіе вошло въ лѣтопись русскую а нѣсколько позднѣе въ хроники польскія и чешскія, при чемъ наши „Повѣсти временныхъ лѣтъ", или же, что не лишено вѣроятности, ихъ позднѣйшія редакціи, какъ видно, усвоившія себѣ идею единства Славянъ, [109]) воспользовались имъ, что бы объяснить причины этого единства и доказать его непреложность.

Въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ, обнимаемыхъ Начальною лѣтописью, этнографическія границы русскаго славянства, подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Прилегая на югѣ къ степямъ, гдѣ происходила непрерывная смѣна враждебныхъ кочевыхъ ордъ, оно постепенно отступало на сѣверъ, въ глубь страны, пока не оградилось отъ ихъ набѣговъ отчасти рядомъ укрѣпленій, отчасти самими же кочевниками, которые, подчиняясь ея цивилизующему вліянію, освоились съ осѣдлостью, и по всей южной и юго-восточной украинѣ образовали живой оплотъ противъ своихъ „дикихъ" сородичей. [110]) Въ то же время потери на югѣ и юго-вос-

тоже вознаграждались для русскаго славянства пріобрѣтеніями на сѣверо-западѣ по Нѣману и Виліи, на счетъ литовско-ятвяжскихъ земель, и на сѣверо-востокѣ, въ озерной области и въ область Волги—на счетъ финскихъ народцевъ. Ядро славянскаго населенія на восточно-европейской равнинѣ составляла область, простирающаяся къ с. в. отъ Карпатъ и Авратынскихъ горъ, и ограниченная на с.з. водораздѣломъ бассейновъ Нѣманско-Вилейскаго и Западо-Двинскаго съ одной стороны, Припетскаго, Березинскаго и Днѣпровскаго съ другой,—на югѣ Урало-Карпатскою грядою, тогда какъ с. восточные восточные предѣлы ея терялись въ верховьяхъ Днѣпра и по теченію его лѣвыхъ притоковъ. Она занимала такимъ образомъ полости южнаго Буга, Днѣстра и западную часть полости Днѣпровской. Но уже въ глубокой древности славянство перешло изъ Поднѣпровья въ Озерную область и въ Поволжье, гдѣ первоначальное исконное населеніе составляли инородцы; [111]) здѣсь поступательное движеніе его уже не прекращалось. На западѣ, гдѣ этнографическій рубежъ съ лядскими Славянами совпадалъ съ государственнымъ рубежомъ, и закрѣплялся имъ, и на сѣверѣ, гдѣ Олонецкія горы и гористая Финляндія, занятыя воинственною Емью, и по самой природѣ не представляли ничего привлекательнаго для поселенцевъ,—съ этихъ сторонъ этнографическіе предѣлы Славянства представляютъ болѣе устоя. На сѣверъ первыя дружины проникли только въ XIV вѣкѣ. Такимъ образомъ въ первыя два съ половиною столѣтія этнографическое распространеніе восточнаго Славянства характеризуется движеніемъ въ юга и юго-востока на сѣверо-западъ и сѣверо-востокъ. Предоставляя себѣ изложить болѣе подробное разъясненіе его при разсмотрѣніи княженій, возникшихъ въ эпоху Начальной лѣтописи, мы ограничимся здѣсь общимъ очеркомъ этнографическихъ рубежей его, какъ они представляютъ въ эту эпоху Начальною лѣтописью, по соображенію извѣстій ея съ извѣстіями послѣдующаго времени.

Повѣсти временныхъ лѣтъ застаютъ Славянъ разселенными на огромномъ пространствѣ европейской равнины, въ области нижняго Дуная и его правыхъ притоковъ, а также Днѣстра, Буга, Днѣпра, въ юго-восточныхъ частяхъ бассейновъ Вислы, Вислока, Буга и Западной Двины, въ южныхъ—Озерной области (Чудское озеро и Ильмень), и въ юго-западныхъ Волги. Если принять исходною точкою низо-

вья Дуная, до которыхъ, по извѣстію Повѣстей, еще въ эпоху образованія русскаго государства доходили поселенія Улучей и Тиверцевъ, то западная окраина русскаго Славянства охватывала юго-западные склоны Карпатъ до самыхъ истоковъ Вислянскихъ притоковъ Дунайца и Вислока, за тѣмъ по этимъ рѣкамъ подходила къ южному побережью Вислы, шла вдоль его на востокъ до водораздѣла между Вѣпремъ и Западнымъ Бугомъ; здѣсь поворачивала на сѣверъ, почти русломъ Вѣпря шла до устьевъ Нурца. Здѣсь поселенія побужскихъ Славянъ прекращались, и этнографическій рубежъ, склоняясь круто на востокъ, вступалъ въ полость верхняго Нѣмана, охватывая лѣвые притоки его, Рось, Зельву, Шару,—область, какъ кажется, уже ко второй половинѣ XI вѣка отнятую русскимъ населеніемъ отъ Ятвяговъ; у устьевъ Березины пересѣкалъ Нѣманъ, за тѣмъ черезъ верхнее теченіе Виліи, заселенное несомнѣнно славянскимъ племенемъ, мимо полости Березины (Днѣпровской) и правыхъ притоковъ этой рѣки, и по западно-двинскимъ притокамъ Друйкѣ и Дисьнѣ, подходилъ къ Западной Двинѣ. На сѣверъ Западной Двины этнографическій рубежъ совпадалъ съ водораздѣломъ рѣки Великой съ одной стороны и правыхъ притоковъ Западной Двины и рѣчекъ, вливающихся въ Рижскій заливъ и Чудское озеро съ другой. На сѣверѣ, у побережья Финскаго залива славянское населеніе сходилось съ чудскимъ народцемъ Водью, который русѣлъ очень медленно и еще въ XIII вѣкѣ не потерялъ своей этнографической особности. Отсюда рубежъ шолъ на востокъ уже извѣстнымъ намъ волокомъ, мимо поселеній Еми, областью Тверцы къ Волгѣ. Здѣсь Славянство представляло, можетъ быть, до X вѣка не сплошное населеніе, но колоніи, разсѣянныя среди мѣстнаго финскаго населенія, Веси, Мери, Муромы и отчасти Мордвы, и поддерживаемыя между прочимъ рядомъ княжескихъ городовъ и укрѣпленій [112]). Но такимъ колонизаціоннымъ путемъ уже къ началу XII вѣка русскіе славяне утвердились въ области, окружаемой теченіемъ Мологи, и еще раньше по Шекснѣ и на Бѣлѣозерѣ. Крайній на востокѣ предѣлъ ихъ составляли, кажется, водораздѣлъ между Шексною и Костромою, и черта, которую можно провести отъ устья Шексны прямо на югъ къ низовьямъ Клязмы, гдѣ Муромъ, до самаго основанія Нижняго Новгорода (1224), оставался украиннымъ русскимъ городомъ *на Мордов-*

скихъ предѣлахъ [113]). Въ области средней и верхней Оки мы встрѣчаемъ опять славянское населеніе Вятичей, хотя и пришлое, о прибытіи котораго на Оку съ запада отъ Ляховъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" сохранили народное преданіе, но тѣмъ не менѣе населеніе сплошное и цѣльное. Очень вѣроятно, что разселенія этаго племени простирались въ область Дона, на плодородныя побережья Донскихъ притоковъ Сосны, Воронежа и Сѣвернаго Донца, и въ эпоху сильнаго казарскаго ханства, долгое время служившаго крѣпкимъ оплотомъ для восточныхъ славянъ противъ азійскихъ кочевниковъ, спускалось внизъ по Дону, къ побережьямъ Азовскаго моря и къ низовьямъ Кубани. Съ паденіемъ Казарскаго царства, степныя орды отчасти истребили, отчасти отодвинули на сѣверъ славянское населеніе, но слѣды его сохранились въ руской Тмутаракани, которой существованіе и связь съ Русью не льзя объяснить, не допустивъ въ населеніи ея славянской основы,—и, наконецъ, еще въ началѣ XII вѣка чувствуются въ городскомъ населеніи подонскихъ Половцевъ. Что касается южныхъ границъ славянскаго племени, то они шли по сѣверному Донцу и Ворсклѣ, на восточной сторонѣ Днѣпра, тогда какъ на западной первоначально они спускались отъ Днѣпровскаго лимана, черезъ Бугъ и Днѣстръ къ устьямъ Дуная, и только съ усиленіемъ кочевыхъ ордъ въ половинѣ X вѣка, отодвигаются на сѣверъ, за Карпатскую гряду, перерѣзывающую теченія Восточнаго Буга и Днѣстра.

Разсѣянныя на такомъ обширномъ пространствѣ Славяне раздѣлялись на групы или вѣтви, которыя теперь принято называть *племенами*. Какъ мы видѣли, такихъ племенъ лѣтопись насчитываетъ до тринадцати, а именно: Поляне, Древляне, Дреговичи, Полочане, Славяне Новгородскіе, Кривичи, Бужане (Волыняне и Дулѣбы), Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, Улучи, Тиверцы и Хорваты. Сверхъ того нѣсколько другихъ племенныхъ названій приводятъ современные нашей лѣтописи иностранные писатели—Константинъ Порфирородный, упоминающій Сербовъ и Ленчицанъ, Географъ Баварскій и Мусульманскіе писатели, извѣстія которыхъ впрочемъ сильно запутаны, собирались очевидно по слухамъ, и потому могутъ быть приняты въ разсчетъ лишь на столько, на сколько они сходятся съ извѣстіями нашего отечественнаго лѣтописца [114]).

Каждая вѣтвь, каждое племя занимало опредѣленную область,

имѣло свое имя, и въ понятіяхъ лѣтописца представлялось особью или единицею, точно отличавшеюся отъ другихъ. „Имаху бо обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, *кождо свой нравъ*" (Лавр. 6). Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ у него прямого объясненія, въ чемъ именно заключались эти отличія, чѣмъ именно выдѣлялась каждая вѣтвь изъ ряду другихъ. По прямому смыслу лѣтописнаго изложенія, всѣ эти отличія сводятся къ неравности нравственнаго и общественнаго развитія, и можетъ быть, къ различію нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ въ частномъ и общественномъ быту. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ глазахъ лѣтописца-христіанина, эти отличія, вытекавшія изъ первобытнаго языческаго строя славянства, могли представляться съ большею рѣзкостью, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Такъ отличительныя черты Полянъ, въ которыхъ христіанство водворилось ранѣе, чѣмъ у другихъ, онъ полагаетъ въ превосходствѣ ихъ надъ другими именно по нравственнымъ понятіямъ и по формамъ общественнаго быта. Ихъ обычай кротокъ и тихъ: у нихъ—брачные обряды, тогда какъ Древляне, Радимичи и Вятичи живутъ въ лѣсахъ, подобно звѣрямъ, и браковъ у нихъ нѣтъ, но игрища межи селы. „Схождахуся на игрища, на плясаніе, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашася; имяху же по двѣ и по три жены". Погребальный обрядъ ихъ—тризны, сожженіе труповъ и выставка праха „въ малой судинѣ на столпѣ, на путехъ"—обрядъ, соблюдавшійся еще во время лѣтописца у Вятичей, соблюдался прежде и у Кривичей (Лавр. 6.). Ясно, что такія обрядовыя отличія, вызванныя у Славянъ водвореніемъ у нихъ новаго жизненнаго начала—христіанства, такое неравенство въ общественномъ и нравственномъ развитіи не могли служить первоначальною основою для такого выдѣленія и обособленія вѣтвей изъ общей массы восточнославянскаго населенія, съ какимъ они являются намъ не только въ изложеніи Начальной лѣтописи, но и въ самой исторической жизни Руси первыхъ вѣковъ. Эти вѣтви, какъ увидимъ ниже, легли въ основу удѣльнаго расчлененія русской земли, и въ первое время придали ему особенную прочность и опредѣленность. Многія изъ нихъ различались на Руси еще въ половинѣ XII в. (Кривичи, Дреговичи, Радимичи). Также мало могли обособляться вѣтви языкомъ, различія въ которомъ состояли не болѣе, какъ въ говорахъ,—

религіей, и тѣмъ менѣе началами и формами общественнаго и семейнаго быта, которыя носили на себѣ печать единаго славянскаго происхожденія; и потому при разъясненіи истиннаго значенія такъ называемыхъ восточно-славянскихъ племенъ необходимо устранить всякую мысль о внутреннихъ этнографическихъ отличіяхъ ихъ другъ отъ друга, и искать иныхъ условій и основаній ихъ обособленія. При внимательномъ разсмотрѣніи свидѣтельствъ бытѣ восточныхъ Славянъ, не льзя не видѣть, что эти условія и основанія заключались съ одной стороны въ географической отдѣльности поселеній каждаго племени, а съ другой во внутренней связи ея составныхъ частей, которыя сплачивались задатками государственной жизни, обнаруживающимися въ разныхъ концахъ восточно-славянскаго міра уже до половины IX вѣка; такъ—что каждая вѣтвь славянскаго языка составляла не *этнографическую*, а *политико-географическую единицу*. На такое именно значеніе племенъ указываютъ всѣ извѣстія Начальной лѣтописи. Древнѣйшее преданіе о пришествіи Славянъ съ Дуная ставитъ въ связь появленіе славянскихъ вѣтвей именно съ географическимъ ихъ разселеніемъ: „разидошася, говоритъ оно, по землѣ и прозвашася имены своими, *гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ*. Самыя имена нѣкоторыхъ вѣтвей объясняются у лѣтописца *топически*: Поляне или Поли—зане же въ полѣ сѣдаху (Лавр. 12), Древляне—за не сѣдоша въ лѣсѣхъ, Полочане рѣчки ради Полоты... Что касается политической отдѣльности, отдѣльности внутренняго управленія - то она свидѣтельствуется всѣмъ ходомъ образованія русскаго государства, всѣмъ ходомъ подчиненія ему восточно-славянскаго міра. Видно, что къ половинѣ IX вѣка, восточно-славянскія вѣтви выработали уже въ себѣ въ значительной мѣрѣ и внутреннее единство и внѣшнюю самостоятельность и сознаніе своей особности. Съ такимъ развитіемъ отдѣльности и самостоятельности являются Новгородскіе Славяне и Полоцкіе Кривичи въ призваніи князей, которое, если и совершилось, то не иначе, какъ на обоюдныхъ условіяхъ съ той и другой стороны; —Кривичи, Поляне и другія южныя племена, соглашающіяся добровольно подчиниться Руси;—Улучи, Тиверцы, Хорваты въ борьбѣ съ Русью за независимость,—въ борьбѣ, которая у Вятичей длилась до конца XI вѣка. Особность восточно-славянскихъ вѣтвей была такимъ рѣзкимъ, выдающимся фактомъ въ эпоху сложенія

русскаго государства, что лѣтопись почла необходимымъ объяснить ея происхожденіе преданіемъ, записаннымъ ею въ извѣстной легендѣ о Кіѣ и его братьяхъ. До этихъ братьевъ, говоритъ она, Поляне жили особо, *каждый родъ на своемъ мѣстѣ;* но послѣ основанія Кіева, и „*по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженіе* въ Поляхъ, къ Деревляхъ *свое*, а Дреговичи *свое*, а Словѣне *свое* въ Новгородѣ, а *другое* на Полотѣ и же Полочане" (Лавр. 5).

Такимъ образомъ такъ называемыя теперь племена въ славянскомъ мірѣ, уже въ эпоху до образованія русскаго государства, представлялись въ пониманіи лѣтописца *княженіями*. Какъ кажется, они весьма рано усвоили себѣ названіе *земель* (Польская или Полянская земля, Лавр. 9. Деревьская земля, ibid. 24), названіе, болѣе точно выражающее ихъ внутреннія и внѣшнія отношенія. Почти нѣтъ сомнѣнія, что основою всего послѣдующаго общественнаго развитія Славянъ, зародышемъ, изъ котораго вышло ихъ княженія и земли, былъ родовой бытъ, въ которомъ они жили первоначально. Отдѣльные роды подъ властью родовыхъ старѣйшинъ или родоначальниковъ были разсѣяны по побережьямъ рѣкъ и проточныхъ озеръ, небольшими поселеньями. Очень вѣроятно, что, живя разрозненно, роды рано увидѣли необходимость оборонныхъ мѣстъ противъ внѣшнихъ нападеній, и по возможности укрѣпляли свои поселенія. Такъ возникли *городки* на мѣстахъ, удобныхъ для защиты, обыкновенно на гористомъ берегу рѣки или озера. Остатки ихъ сохранились въ многихъ изъ *городищъ*, которыя разбросаны по всему пространству коренныхъ славянскихъ поселеній, и ихъ древнѣйшихъ колоній въ инородческихъ земляхъ, и о которыхъ между тѣмъ, за немногими исключеніями, ничего не сообщаютъ историческіе памятники [115]). Такіе же слѣды древне-славянскихъ сооруженій представляютъ вѣроятно многія изъ населенныхъ мѣстъ, которыя до сей поры удержали названіе *городковъ, городцевъ, городисковъ, городенокъ, городней*, и т. д.—Естественное размноженіе населенія обусловило выходъ изъ родоваго быта въ бытъ общинный, съ общиннымъ землевладѣніемъ, судомъ и управленіемъ. Вмѣсто разъединенныхъ родовыхъ поселеній и городковъ возникли болѣе многолюдныя *села*, занятыя однимъ или нѣсколькими развѣтвившимися родами; изъ селъ могли выдѣляться обособившіяся *вѣси* [116]), деревни; между ними устанавливалась связь, какъ

въ силу родственныхъ союзовъ, такъ и благодаря географическому положенію, т. е. удобствамъ сообщенія и общности мѣстныхъ интересовъ. Эта связь укрѣплялась необходимостью общей защиты отъ внѣшнихъ непріятелей и отъ враждебныхъ сосѣдей, и стремленіемъ болѣе почетныхъ и могущественныхъ родовъ возвыситься надъ другими и подчинить ихъ своей власти. Такъ образовались *волости* или какъ утверждаютъ, *погосты* [117]), и за тѣмъ послѣдовательно изъ союза волостей—земли или княженія, которыя управлялись или вѣчемъ волостныхъ старѣйшинъ, или же племенными князьями, тѣми же старѣйшинами, но выдѣлившимися изъ ряду другихъ своимъ вліяніемъ и значеніемъ. Какъ видно, болѣе вліятельные роды передали всему союзу свои родовые названія. Иначе нельзя объяснить происхожденіе отечественныхъ (patronymica) [118]) или племенныхъ названій славянскихъ вѣтвей, очевидно прошедшихъ отъ именъ родоначальниковъ колѣнъ,—каковы *Кривичи*, *Дреговичи*, *Вятичи*, *Радимичи*. Это предположеніе находитъ подтвержденіе въ извѣстномъ лѣтописномъ преданіи о Радимѣ и Вяткѣ, родоначальникахъ и вождяхъ Радимичей и Вятичей.

Въ связи съ такою перемѣною въ общественномъ бытѣ Славянъ стояло развитіе *городовъ*, съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ мы видимъ ихъ въ эпоху образованія русскаго государства и въ первой періодъ его исторической жизни. Города явились у Славянъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ, у нихъ нѣкоторой центральной власти, была ли то власть вѣча старѣйшинъ или власть племенныхъ князей. Преданіе о Кіѣ и его братьяхъ связываетъ основаніе Кіева съ началомъ княженія у Полянъ и ихъ обособленія отъ другихъ славянскихъ вѣтвей. Какъ видно изъ этого преданія, городъ, деревянное укрѣпленіе (*столпье*. 1161. Ипат. лѣт. 90) съ землянымъ *валомъ* (Лавр. 95, 97, Ипат. 24, 43, 62 и пр.) и рвомъ (*гробля* или *гребля* 977 Лавр. 31—32), черезъ который велъ одинъ или нѣсколько мостовъ къ граднымъ *вратамъ*,—строился на заселенныхъ уже мѣстахъ, занятыхъ родомъ, который пріобрѣлъ большее значеніе и преобладающее вліяніе въ средѣ другихъ родовъ; поставленный въ наиболѣе выгодныя условія для обороны, онъ дѣлался центральнымъ мѣстомъ убѣжища для болѣе или менѣе обширнаго округа или волости. При этомъ прежніе родовые городки конечно должны были потерять свое прежнее значеніе и обратились по большей части въ запустѣлыя городи-

ща. Какъ у другихъ Славянъ, гдѣ городъ ставился и поддерживался соединенными силами всей волости или жупы, и у восточныхъ Славянъ обязанность поддерживать городъ вѣроятно роспространялась на весь примыкавшій къ нему округъ. Въ то же время городъ дѣлался сосредоточіемъ, если не административнымъ, то религіознымъ и политическимъ своего округа или волости. Здѣсь собиралось вѣче, творился судъ и расправа, здѣсь могли быть общественныя святыни, могли совершаться общественныя моленья и жертвоприношенья. При образованіи земель нѣкоторые изъ такихъ городовъ получили въ общемъ союзѣ волостей большое значеніе, сдѣлались выраженіемъ политическаго единства земли и ея особности. Какъ велико было это значеніе уже къ половинѣ IX вѣка, видно изъ того, что многія земли получили отъ нихъ свое названіе, стали обозначаться ихъ именемъ, и эти городскія имена отчасти вытѣснили собою первоначальныя родовыя и племенныя названія, отчасти сдѣлались равнозначущи съ ними. При этомъ нѣкоторыя обширныя земли, первоначально составлявшія по происхожденію одно цѣлое, и носившія одно племенное или родовое названіе, распались, подъ вліяніемъ городовъ, на отдѣльныя земли, или же изъ нихъ выдѣлились отдѣльныя городскія волости, достаточно обширныя для того, что бы сдѣлаться совершенно самостоятельными. Во всякомъ случаѣ, такія земли являются съ названіями, заимствованными отъ городовъ. Намеки на такой важный переворотъ въ политической жизни восточныхъ Славянъ сохранились въ Начальной лѣтописи. Такъ мы находимъ въ ней *Славянъ*, можетъ быть, вѣтвь обширнаго Кривскаго племени, колонизовавшую финскій сѣверо-западъ, и равнозначущихъ имъ *Новгородьцевъ*; *Полочанъ*; западную вѣтвь Кривичей (отъ Полоцка, гдѣ первія насельници—Кривичи, Лавр. 9) и собственно *Кривичей*, ,,ихъ же градъ есть Смоленьскъ". Обширное племя *Дулѣбовъ* два раза перемѣнило свое земельнее названіе вслѣдствіе перенесенія политическаго центра изъ однаго города въ другой; это побужское населеніе въ эпоху лѣтописца называлось *Велыняними*, (отъ города Велыня или Волыня Лавр. 85); но раньше чѣмъ назваться этимъ послѣднимъ именемъ, оно называлось *Бужанами*,—,,за не сѣдоша по Бугу" объясняетъ лѣтопись (5), но вѣрнѣе отъ города *Бужьска*, какъ Полочане отъ Полоцка, Кіяне отъ Кіева, Куряне отъ Курска и т. д. За тѣмъ сѣверо-западная часть

Дулѣбовъ выдѣлилась, какъ *Червенская земля,* на раннее существованіе которой указываетъ городъ *Червень*, отвоеванный Владиміромъ Св. у Ляховъ въ 981 году (Лавр. 38) и *Червенскіе города,* занятые Болеславомъ въ 1018 году (ibid. 62). Разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ должно составлять одну изъ важнѣйшихъ сторонъ восточно-славянской жизни въ до—русскій періодъ. Въ самую эпоху образованія русскаго государства мы видимъ, что центральные города рѣшаютъ участь всей земли, которая отъ нихъ зависѣла. Такъ подчиненіе Смоленска Олегу повело за собою подчиненіе русской власти всего собственно Кривскаго племени; Кіевъ признаетъ власть Аскольда и Дира надъ всей Польской землею; убіеніе Игоря Коростенцами было сигналомъ къ общему возстанію Деревской земли; къ Новгороду были приписаны волости, занимавшія всю область Ильменскихъ Славянъ. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ ни лѣтопись, ни другіе источники не указываютъ такихъ городовъ въ дорусскій періодъ, но которыя тѣмъ не менѣе являются въ этотъ періодъ цѣльными и самостоятельными землями, съ общимъ управленіемъ и общимъ представительствомъ, все таки мы находимъ позднѣе города очевидно не княжескаго происхожденія, каковы напр. *Корьдна* (конца XI в.), *Корачевъ*, *Мценескъ* (XII в.) и др. у Вятичей; *Переяславъ* (X в.), *Черниговъ* (X в.), *Курскъ* (XI в.) у Сѣверянъ,—и можетъ быть *Гомьи* (Гомель XII в.) у Радимичей.

Отдѣльность земель сама по себѣ заставляетъ предполагать, что они были болѣе или менѣе точно разграничены между собою, имѣли болѣе или менѣе опредѣленныя *межи, рубежи, предѣлы* и *грани.* Нѣтъ сомнѣнія, что исконныя поселенія Славянъ были расположены по рѣкамъ и проточнымъ озерамъ, представлявшимъ удобнѣйшія пути сообщенія. Всѣ исторически—извѣстныя поселенія Славянъ и слѣды древнѣйшихъ ихъ обиталищъ — городки и городища—мы находимъ именно на такихъ рѣчныхъ и озерныхъ побережьяхъ, тогда какъ сама Начальная лѣтопись также распредѣляетъ разселенія восточно-славянскихъ вѣтвей по рѣкамъ и озерамъ. Тѣми же водными путями должно было идти и дальнѣйшее распространеніе населенія, вслѣдствіе его естественнаго размноженія. Это открывается между прочимъ въ томъ любопытномъ фактѣ, что и теперь еще многія рѣки, сближающіяся между собою ... устьями или истоками, носятъ одинаковыя названія, очевидно

перенесенныя разселявшимся племенемъ съ одной на другую. Таковы — *Бугъ* Западный и *Бугъ* Восточный; двѣ *Случи*, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Припеть съ сѣвера (Минской губ.), другая — съ юга черезъ Горынь, съ которою сливается въ недальнемъ разстояніи отъ Припети (Волынской губ.); двѣ *Березины*, правый притокъ Нѣмана и лѣвый притокъ Днѣпра; двѣ *Нерли* въ Поволожьи; въ соединительныхъ водахъ между бассейномъ Западной Двины и южной частью Озерной области мы встрѣчали уже нѣсколько одноименныхъ рѣкъ и озеръ [119]). Образованіе волостей и ихъ сліяніе въ земли и княженія шло также вдоль водныхъ путей. Лѣсистые, часто болотистые волоки между рѣкъ, водораздѣлы, оставаясь не занятыми, составляли естественные предѣлы между группами тянувшихъ другъ къ другу родовъ и волостей, и за тѣмъ между возникшими изъ нихъ землями, расположенными на разныхъ рѣчныхъ системахъ. То были единственные естественные предѣлы на восточно-европейской равнинѣ [120]), гдѣ судоходныя и спокойныя рѣки не раздѣляли, а сближали между собою побережное населеніе. Исключеніе составлялъ многоводный и широкій Днѣпръ, который въ среднемъ теченіи своемъ отдѣлялъ поселенія Радимичей и Сѣверянъ съ одной стороны отъ Дреговичей, и Полянъ съ другой; тогда какъ верхнее теченіе его, по обѣимъ сторонамъ, было занято обширною Кривскою вѣтвью. Съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населенія, волоки стали заселяться; въ глуши ихъ лѣсовъ стали прокладываться пути, чиниться гати, дѣлаться росчисти, на которыхъ возникали селенія, можетъ быть, тѣже дворища, которыя мы видимъ въ бѣлорусскихъ лѣсахъ позднѣе, въ XVI вѣкѣ. Но уходившее въ глубь лѣсовъ населеніе не теряло связи съ своими сородичами и земляками. Такимъ образомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ волока сближалось населеніе разныхъ волостей и земель, и здѣсь естественнымъ путемъ устанавливались между ними *грани*, *межи* и *рубежи* [121]). Такое сближеніе могло вести сосѣдившія племена къ распрямъ и столкновеніямъ, память о которыхъ сохранила Начальная лѣтопись въ преданіяхъ объ обидахъ, нанесенныхъ Древлянами Полянамъ [122]). Въ силу того здѣсь, на волоковыхъ порубежьяхъ и сумежьяхъ, возникли ряды сторожевыхъ укрѣпленій, даже городковъ, о которыхъ хотя и не сохранилось прямыхъ лѣтописныхъ извѣстій, по ихъ незначительности

въ послѣдующемъ ходѣ русской исторической жизни, но слѣды которыхъ явны и теперь въ названіяхъ волоковыхъ урочищъ и населенныхъ мѣстъ, какъ напр. Стража, Стражница, Стражникъ и. т. п., Рубежевичи, Межи, Городокъ и. т. п. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ мѣста съ названіями *Сутень* или *Сутескъ*, а также *Ворота*, *Твердь* и *Осѣкъ*. Терминомъ *Сутѣнь*, *Сутѣска* (Сутейскъ, и, можетъ быть, Хутиска, Хучиска, Утиска, Ситина и др.), какъ кажется, обозначались первоначально вообще порубежныя мѣста, позднѣе, послѣ сложенія русскаго государства, послѣ того, какъ созрѣло сознаніе его единства и цѣлостности, получившія названія *украинъ* (въкраинъ Ипат. 170) [123]) „Ворота“ исторически извѣстны на поземельныхъ порубежьяхъ, гдѣ сторожевые и укрѣпленные пункты естественно должны были устроиваться съ большею заботливостью и въ большихъ размѣрахъ. По точному смыслу лѣтописнаго опредѣленія—„Ворота“ были не что иное, какъ проѣзжій путь на рубежѣ, укрѣпленномъ природою—лѣсами, болотами, рѣками, и, можетъ быть, искусствомъ—засѣками и завалами, —можетъ быть, оберегаемый стражею. Лѣтопись указываетъ ихъ на рубежѣ Галицко-Лядскомъ, какъ кажется, по дорогѣ отъ Рѣшова (миляхъ $2^1/_2$ отъ него) въ Судоміръ, гдѣ теперь видимъ селеніе *Пржевратно* (Приворотье); затѣмъ на рубежахъ Галицко-Угорскомъ и Волынско-Ятвяжскомъ [124]). Память о „Воротахъ“ могла сохраниться въ знаменитыхъ „богатырскихъ заставахъ“ народнаго эпоса, а также въ подобноименныхъ названіяхъ мѣстностей, которыя встрѣчаются именно тамъ, гдѣ, на основаніи положительныхъ историческихъ данныхъ, можно провести древній земельный рубежъ (Воротново, Привратно и. т. п.). Почти тоже надо сказать о *Осѣкѣ* и *Тверди*. *Твердь* мы видимъ на Галицко-Угорской границѣ [125]). *Осѣки* указываются лѣтописью въ XIII вѣкѣ въ Польшѣ и у Ятвяговъ. То были, какъ кажется, *окопы*, устроивавшіеся въ лѣсахъ, гдѣ окрестные жители, въ случаѣ нападенія, находили себѣ убѣжище [126]). Извѣстій о такихъ укрѣпленіяхъ на Руси лѣтописи не представляютъ, но многія урочища и населенныя мѣста съ названіями „Осѣкъ“ указываютъ ихъ въ русскихъ предѣлахъ и именно тамъ, гдѣ проходило порубежье, гдѣ по меньшей мѣрѣ есть другія основанія предполагать его. Всѣ подобныя мѣстности могутъ служить нѣкоторымъ руководствомъ и указаніемъ къ воз-

становленію древнихъ земельныхъ или племенныхъ рубежей. Сверхъ того, не льзя не замѣтить, что сходившееся съ двухъ противоположныхъ сторонъ волока населеніе различныхъ вѣтвей, племенъ, земель, сближаясь между собою, охотно давало своимъ поселеніямъ и урочищамъ, занятымъ и воздѣланнымъ имъ, свои племенныя и земельныя наименованія; иначе трудно было бы объяснить на порубежныхъ волокахъ хорографическія и типографическія названія, очевидно происходящія отъ древнихъ племенныхъ или земельныхъ названій восточнаго Славянства. Такъ мы видимъ кривскія и дреговскія названія селеній и урочищъ на водораздѣлѣ Припети, Березины и Нѣмана; хорватскія и дулѣбскія по Днѣстру и Бугу; на лѣвой сторонѣ средняго теченія Днѣпра сѣверянскія названія, сливающіяся съ кривскими и вятичскими; тамъ, гдѣ восточное Славянство сходилось съ инородческимъ населеніемъ, это явленіе выступаетъ рѣзче и крупнѣе. Многочисленные факты такого рода изъ географической номенклатуры мы будемъ имѣть случай увидѣть ниже.

Зачатки государственнаго строя у восточныхъ Славянъ, которые обнаружились къ IX вѣку довольно сильно въ образованіи земель, нашли себѣ могущественную опору въ русскихъ князьяхъ, и въ объединяющихъ элементахъ, которые они внесли въ жизнь Славянъ, т, е. въ самомъ понятіи княжеской власти, въ княжеской дружинѣ, члены которой сѣтью раскинулись по всей русской землѣ, какъ органы вновь возникшаго, общаго для всѣхъ земель правительства, въ духѣ общихъ для всѣхъ земель предпріятій, и изъ нихъ особенно въ борьбѣ съ инородцами, которая наиболѣе способствовала росту общенароднаго сознанія, — наконецъ въ христіанствѣ и его учрежденіяхъ. Обособленность земель не могла устоять при наплывѣ такихъ сильныхъ объединяющихъ элементовъ. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о племенномъ происхожденіи Руси, которую, какъ мы видѣли, лѣтопись причисляетъ къ Варягамъ, — не льзя однако не замѣтить, что многія данныя заставляютъ признать за нею скорѣе славянское, чѣмъ германо-скандинавское происхожденіе, и что въ ряду этихъ данныхъ видное мѣсто занимаетъ легкость, съ какою въ самое непродолжительное время — въ теченіе почти одного столѣтія — на такомъ огромномъ пространствѣ русское государство могло не только возникнуть, но и сложиться, произведя при этомъ существенныя перемѣны въ возникавшемъ по-

литическомъ строѣ всего Славянства. Ясно, что въ лицѣ Руси дѣйствовала родственная сила, поднявшаяся изъ среды самого Славянства, съ пониманіемъ какъ его нуждъ и потребностей, опредѣленныхъ предшествовавшимъ ходомъ его жизни, такъ и ближайшихъ средствъ ихъ удовлетворенія. Возникновеніе русскаго государства тѣсно связано съ освобожденіемъ славянскихъ земель отъ зависимости и данническихъ отношеній къ сильнымъ инородцамъ — Варягамъ на сѣверѣ, Казарамъ на югѣ, и, такъ вѣроятно, Ляхамъ на западѣ. По прямому смыслу лѣтописнаго преданія, у восточныхъ Славянъ въ одно и тоже время возникли два русскіе государства, два государственные центра (862 г.), — на сѣверѣ Новгородъ, къ которому тяготѣли, кромѣ Новгородскихъ Славянъ, Полоцкіе Кривичи и колонизаціонное славянское населеніе Поволжья (Ростовъ, Бѣлозеро) и нижней Оки (Муромъ), — на югѣ Кіевъ. Первый центръ возникъ, послѣ того, какъ соединившееся населеніе возстало на своихъ поработителей — Варяговъ („изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани"), вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, поднявшихся послѣ освобожденія, когда явилось сознаніе необходимости поискать себѣ князя „иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву" (Лавр. 8); второй южно-русскій центръ образовался вслѣдствіе недовольства населенія зависимостью отъ полукочевыхъ Казаровъ. Лѣтопись говоритъ, что первые южно-русскіе князья (Аскольдъ и Диръ) господствовали только надъ Польскою (Полянскою) землею, которая позднѣе дѣйствительно по-преимуществу называлась Русью, Русскою землю, но если принять въ разсчетъ — не говоря уже о свидѣтельствахъ мусульманскихъ и византійскихъ источниковъ — наши извѣстія объ обширныхъ предпріятіяхъ южной Руси на Византію, а также преданія о Аскольдовыхъ войнахъ съ Болгарами, Печенѣгами, и о вліяніи, какое имѣлъ въ то время Кіевъ на сѣверо-западную Русь, не безъ вѣроятія можно допустить, что власть первыхъ кіевскихъ князей распространялась гораздо шире, не ограничивалась одними Полянами, и, если не могла распространяться на востокъ отъ Днѣпра, гдѣ господствовали Казары, то утвердилась на западномъ берегу его, надъ Дреговичами и Волынянами (Дулѣбами) [127]. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ образованія этихъ двухъ русскихъ государствъ, они сливаются въ одно, при чемъ сѣверная Русь одержала верхъ надъ Русью южною; но значеніе цент-

ра во вновь возникшемъ государствѣ осталось за Кіевомъ. При этомъ въ составъ его вошла обширная земля собственныхъ Кривичей, остававшаяся прежде независимою и отъ Новгорода и отъ Кіева. За тѣмъ область Руси увеличивалась на счетъ славянскихъ земель почти съ каждымъ годомъ. Къ 883 году лѣтопись относитъ покореніе Древлянъ, въ слѣдующіе два года было подчинено населеніе сѣвернаго побережья Днѣпра — Сѣверяне (884) и Радимичи, платившіе до того дань Казарамъ. Къ началу X вѣка (907) уже весь восточно - славянскій міръ, за исключеніемъ Улучей и Вятичей, соединился подъ властью русскихъ князей для общей исторической жизни, а къ концу того же столѣтія не только были подчинены земли, остававшіяся еще непокоренными, но даже прекратилась всякія стремленія и попытки отдѣльныхъ земель возвратить свою независимость. Исключеніе составляли только Вятичи, окончательно подчинившіеся въ послѣдней четверти XI вѣка. Къ эпохѣ введенія христіанства русское государство, по крайней мѣрѣ изъ-внѣ, географически, было уже сформировано.

Всматриваясь въ ходъ образованія его не льзя не видѣть, что присоединеніе къ нему земель вообще не нарушало ихъ цѣлости [128]). Земли подчинялись русскимъ князьямъ въ своихъ прежнихъ рубежахъ, или по соглашенію, или послѣ борьбы, которая велась также общими средствами всей земли. Исключеніе представляютъ Улучи, и, можетъ быть, Тиверцы, разбившіеся впрочемъ не столько въ борьбѣ съ русскими князьями за независимость, сколько вслѣдствіе наплыва кочевыхъ степняковъ, которые отодвинули ихъ въ земли сосѣднихъ Хорватовъ и Дулѣбовъ. Съ такою же цѣлостностью земли являются въ попыткахъ возвратить утраченную независимость, въ возстаніяхъ противъ русскихъ князей. Тѣмъ не менѣе новая государственная жизнь очень скоро обнаружила на нихъ свое вліяніе, и прежде всего въ расширеніи значенія городовъ, въ которыхъ установились центры управленія князей или ихъ посадниковъ. Городъ гораздо сильнѣе тяготѣлъ надъ областью, когда въ немъ утвердился князь или его посадникъ съ дружиною, чѣмъ въ былое время, когда въ немъ сидѣлъ племенной князь въ зависимости отъ старѣйшинъ и лучшихъ людей, управлявшихъ землею. Мало по малу значеніе земли стушевалось, уступая мѣсто княжеской *волости*. Новыя отношенія произвели перемѣ-

ну и въ географической терминологіи. Старыя племенныя названія исчезали; исчезали даже нѣкоторыя названія земель, происшедшія, какъ можно думать, отъ старославянскихъ городовъ, и имя центральнаго княжескаго города дѣлается выраженіемъ цѣлой области, обозначаютъ всю княжескую волость, которая къ нему тянула. Начальная лѣтопись представляетъ данныя, по которымъ можно судить, какъ выходили постепенно изъ употребленія старо-славянскія земельныя и племенныя названія, замѣняясь новыми—городскими. Ранѣе другихъ исчезаютъ *Дулѣбы* (907) и Улучи (922?); затѣмъ *Поляне* и *Тиверцы*, въ 944 г., со времени похода Игоря на Грековъ (Лавр. 19); нѣсколько долѣе держатся имена *Хорватовъ* (до 992 г. ib. 52), *Словѣнъ* (до 1018 г. ib. 62), *Сѣверянъ* (до 1024 г., *Сѣверъ* ibid. 64). Радимичи, Кривичи, Дреговичи, Вятичи и, какъ кажется, Древляне исчезаютъ окончательно только въ XII вѣкѣ. Вмѣсто этихъ старыхъ названій являются города и горожане: *Кіевъ*, *Кіяне* (Кыяне, Кыевскіе людіе) для Полянъ, *Новгородъ* и *Новгородцы* (Новгородьскіе людіе) для Словенъ. Вновь основанный княжескій городъ *Володимерь* обозначаетъ древнюю область Дулѣбовъ; *Туровъ* сталъ обозначать землю Дреговичей; *Перемышль*—землю Хорватовъ; *Смоленскъ* и еще ранѣе *Полоцкъ*—Кривичей; отдѣлившаяся еще ранѣе отъ Дулѣбовъ часть *Червенской* земли перемѣнилась въ *Теребовльскую* волость, впослѣдствіи часть Галицкаго княженія. Такое возвышеніе городовъ не могло однако уничтожить прежняго земельнаго дѣленія, прежніе рубежи. Напротивъ они не только должны были послужить рубежами для новыхъ городскихъ или княжескихъ волостей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ заведенные изстари и освященные временемъ, придавали имъ болѣе устоя и прочности. Въ первое время расчлененія Руси на удѣлы, когда, благодаря малочисленности членовъ княжескаго рода и обширности русской земли, и княжескія волости могли быть обширны, въ основаніе этого расчлененія принималось прежнее земельное дѣленіе. Впослѣдствіи когда размножившіеся члены княжескаго рода стали добиваться для себя особыхъ волостей или удѣловъ, при чемъ началось дробленіе земель,—это дробленіе встрѣтило сильное противодѣйствіе въ самихъ земляхъ, въ понятіяхъ и интерессахъ самаго населенія. По этому—то въ тѣхъ княжескихъ усобицахъ, которыя были вызваны не родовыми счетами и столкновеніями, а территоріальными вопросами,

замѣчается дѣятельное участіе населенія. Такія усобицы тяжело отзывались на самомъ населеніи и имѣютъ существенный интересъ въ историческомъ ходѣ древне-русской жизни и ея политическаго склада. Изъ нихъ напомнимъ здѣсь усобицу, возникнувшую за отчужденіе отъ Червенско-Волынской земли—Теребовльскаго княженія, за Полоцкое Поднѣпровье и за Минскую волость Кривичей, за Посемье. Но раздробленіе земель началось въ самомъ концѣ эпохи, обнимаемой Начальною лѣтописью, такъ что всѣ извѣстія ея о русской территоріи касаются княжескихъ волостей, когда они еще состояли изъ одной или нѣсколькихъ старо-славянскихъ земель, но всегда въ ихъ цѣльномъ составѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ открывается возможность хотя приблизительно возстановить положеніе пространство и предѣлы прежнихъ Славянскихъ земель, опредѣливъ положеніе княжескихъ волостей, на основаніи Начальной лѣтописи, и принимая въ соображеніе извѣстія позднѣйшаго времени, XII—XV вѣковъ, которыя имѣютъ отношеніе къ разсматриваемому вопросу и могутъ содѣйствовать его уясненію. При этомъ нельзя оставлять безъ вниманія и данныя, представляемыя топографическою и хорографическою номенклатурою, въ которыхъ, какъ мы видѣли, должны были сохраниться слѣды давняго распредѣленія населенія, хотя нельзя конечно, основываясь исключительно на нихъ, дѣлать заключенія или выводы. Приступая къ опыту такаго труда мы начнемъ съ юго-западныхъ разселеній восточныхъ Славянъ, отъ Карпатъ и низовьевъ Дуная, въ полости Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра.

Глава V. Югозападныя русско-славянскія племена.—Разселенія *Хорватовъ*, *Тиверцовъ* и *Улучей*.—Различныя мнѣнія о названіи и географическомъ положеніи Улучей.—*Дульбы* и земельныя названія ихъ, *Бужане*, *Велыняне*.—Червенская земля.—Подчиненіе Дулѣбовъ и Хорватовъ Руси.—Образованіе Володиміро-Волынскаго княженія и Перемышльской области.—Отдѣленіе Червенской земли отъ Володимірскаго удѣла.—Галицкое княженіе.—Границы Перемышле-Теребовльской земли съ Лядской и Угорской землею.—Придунайская Русь.—Степное порубежье на юго-востокѣ Перемышле-Теребовльской земли.—Кіевскій и Волынскій рубежи.—Населенныя мѣста Перемышле-Теребовльской земли.—Обозрѣніе рубежей Володимірскаго княженія. — Лядско-Волынское, и Кіево-Володимірское порубежья. — Населенныя мѣста Володимірскаго княженія.

Въ югозападномъ углу восточно-европейской равнины, по склонамъ Карпатъ и по теченію рѣкъ, сливающихся съ нихъ на

сѣверо-востокъ и юго-востокъ, Начальная лѣтопись указываетъ поселенія *Хорватовъ*, *Улучей*, *Тиверцовъ* и *Дулѣбовъ*, которые въ разное время носили разныя названія *(Бужанъ*, *Велынянъ* или *Волынянъ)*. *Хорватовъ* она указываетъ въ сосѣдствѣ Улучей, Тиверцевъ и Дулѣбовъ; но точнаго положенія ихъ не опредѣляетъ. Тѣмъ не менѣе самое названіе этаго племени даетъ основаніе думать, что оно разселилось по склонамъ Татранскихъ Карпатъ, которые до сихъ поръ у галицкихъ русскихъ называются Горбы (Хърбы, Хрипы), и составляло вѣроятно отрасль великаго племени Бѣлохорватовъ, о которыхъ говоритъ и сама Начальная лѣтопись и Константинъ Порфирородный [120]. На ихъ обширное распространеніе именно въ Прикарпатской области могутъ указывать многочисленныя мѣстности, удержавшія до нынѣ хорватскія названія отъ истоковъ Вислока, Бѣлой и Сана на югъ до Тиссы и по ея притокамъ Гернаду, Бодрогу по Сомошу, и Красной до Прута, на востокъ до Днѣстра, на сѣверъ до Вислы. Такъ мы видимъ населенныя мѣста по ту сторону Карпатъ, въ теперешней Венгріи: *Horwatezik*, къ ю. з. отъ Кошицы (Кашау), на рѣкѣ Бодвѣ, притокѣ Шайо; *Грабко* на западъ отъ Пряшева (Эперіеша); *Гарбочъ* къ ю. в. отъ Кашау, Erdö—*Horváthi* близъ Шаторалія Уйчелы, *Грабочъ* на Ондавѣ, *Храбочъ* близъ верхней Унгвы; *Гарбочь* близъ Самоша къ с. отъ Сатмаръ—Немети, *Horváth* на вернемъ теченіи рѣки Красны, къ с. з. отъ Клаузенбурга, а еще южнѣе, у Клаузенбурга *Горбо*, и т. д.; по сю сторону тѣхъ же горъ, въ Галиціи: *Грибовъ*, городъ на Бѣлой, селл. *Грабъ* у истоковъ Вислока, Чисто-*горбъ* (оба недалеко Дукли). Къ сѣверу отъ нихъ *Хорибина* на р. Лонкѣ въ Рѣшевскомъ округѣ; *Хорбаче* на р. Ширѣцѣ, притокѣ Днѣстра, къ югу отъ Львова; селенья *Грибовець*, и *Хоровъ* на ю. отъ Володиміра Волынскаго; *Горбовъ*, *Горбаковъ*, *Хоровы*, *Хоравятинская* близь Ровна и Острога свидѣтельствуютъ о распространеніи Хорватовъ до области Западнаго Буга и Припети. Далѣе на югъ *Корбы* на Днѣстрѣ, *Бѣлохоровка* на р. Чернявкѣ, лѣвомъ притокѣ Прута, оба въ Чертковскомъ Округѣ, *Хербинцы* къ с. в. отъ Букареста; *Карпачъ* на Прутѣ, у границъ Хотинскаго уѣзда съ Бѣлецкимъ, *Балагорештъ* на Прутѣ же въ Кишиневскомъ у., *Хорешки* и *Карбуча* къ югу отъ Кишинева на р. *Ботнѣ*, правомъ притокѣ Днѣстра; *Бѣлохорешти* на Прутѣ въ Кишиневскомъ же уѣздѣ и др.—На востокъ и юго-во-

стокъ отъ Хорватовъ жили *Улучи* и *Тиверцы*. Начальная лѣтопись опредѣлительно указываетъ эти многочисленныя племена въ области Днѣстра до Понта на югѣ и Дуная на юго-западѣ: „Улучи и Тиверцы, говоритъ она, сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря" (Лавр.5). Какъ изъ этаго свидѣтельства, такъ и изъ другого извѣстія лѣтописи о борьбѣ Улучей и Тиверцовъ съ Олегомъ, видно, что эти племена не только сосѣдили, но и стояли въ нѣкоторой связи между собою [130]). Раннее подчиненіе Тиверцевъ русскимъ князямъ даетъ основаніе думать, что поселенія ихъ занимали ближайшую къ Кіеву, сѣверо-восточную часть Днѣстровской полости, простираясь, можетъ быть, на востокъ до средняго теченія Восточнаго Буга, гдѣ теперь въ Винницкомъ уѣздѣ, къ югу отъ у. г., мы видимъ на Бугѣ сел. *Тивровъ* насупротивъ *Сутеска*. На сѣверо-западъ Тиверскія разселенія могли занимать все среднее теченіе Днѣстра до области Хорватовъ, можетъ быть до сей поры оставивъ по себѣ память въ топографическихъ названіяхъ Поднѣстровья, сходныхъ съ ихъ племеннымъ названіемъ *Тирава*, *Тернава Тарнова* [131]). Что касается *Улучей*, ихъ географическое положеніе и самое имя вызвало много противорѣчащихъ мнѣній и предположеній. Названіе Улучей имѣетъ въ различныхъ спискахъ лѣтописи множество варіантовъ: Улучи, Уличи, Улици, Угличи, Улутичи, Лютичи, Лутичи, Лучане, Суличи, — и каждый изъ нихъ давалъ поводъ къ своеобразнымъ толкованіямъ, вопреки Шлецеру, который утверждалъ, что подъ всѣми этими названіями скрывается одно племя (Несторъ I. 125). Такъ Татищевъ, принявъ въ основаніе чтеніе „Угличи", полагалъ, что они жили по рѣкѣ Углу или Ѳрели, лѣвому притоку Днѣпра, о которой говорится въ южнорусской лѣтописи подъ 1170 и 1183 годомъ (Ипат. 98, 128). Карамзинъ отличалъ Лутичей, жившихъ по Днѣстру вмѣстѣ съ Тиверцами, отъ Суличей, какъ онъ называлъ жителей побережья Сулы, не совсѣмъ впрочемъ отрицая и Татищевскихъ Угличей. Надеждинъ въ изслѣдованіи „О положеніи города Пересѣчна" [132]) также принявъ чтеніе „Угличи" и объяснилъ, что такое названіе получило по своему географическому положенію населеніе нижней или степной части теперешней Бессарабіи, т. е. *угла*, или изгиба Черноморскаго побережья между устьями Днѣстра и Дуная, который до сей поры называется турецко-татарскимъ словомъ *Буджакъ*, что значитъ „Уголъ". Это

мнѣніе наиболѣе принято и распространено въ наукѣ, хотя Шафарикъ прямо высказался противъ чтенія „Угличи", полагая, что эта форма или ошибка писца, или же основанія ея должно искать въ особенномъ произношеніе имени Угличи разными славянскими народами, т. е. съ прибавленіемъ „*г*". Также разнорѣчивы мнѣнія, высказанныя по поводу извѣстія, которое сообщаетъ Никоновскій лѣтописный сводъ о подчиненіи Улучей русскимъ князьямъ. По этому извѣстію Игорь, покоривши Улучей въ 914 году, наложилъ на нихъ дань и отдалъ ихъ воеводѣ своему Свѣнельду (Свентельду), и, говоритъ лѣтописецъ, „не дадеся ему единъ градъ именемъ *Пересѣченъ*, и сѣде около него три лѣта и едва взятъ его. И бѣша седяще Угличи по Днепру внизъ и по семъ придоша межи воинъ дестръ, и седоша тамо." (Ник. лѣт. 1. 41). Это безъ сомнѣнія испорченное мѣсто вызвало различныя объясненія и догадки относительно географическаго положенія Улучей[133]), изъ которыхъ наиболѣе заслуживаютъ предположенія, сдѣланныя Надеждинымъ, а въ послѣднее время Н. П. Ламбинымъ [134]). Довольно сложная догадка Надеждина о происхожденіи имени Улучей отъ Угла или Буджака значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древней Руси заливы и вообще изгибъ морскаго побережья назывались *лукоморьемъ*, *лукою моря*[135]); такъ что если уже надо искать корня этого племеннаго названія, то всего скорѣе въ словѣ „лука"—изгибъ, заливъ; Улучь—пространство у лукоморья, какъ *Убережь* (1193 Ипат. 143)—пространства у берега; слѣдовательно Улучи (Улучци) не могутъ-ли быть приняты, какъ жители излучистаго поморья? Не настаивая на этомъ объясненіи, не льзя однако не замѣтить, что въ области, гдѣ Начальная лѣтопись помѣщаетъ это племя до сей поры есть мѣстности съ названіями, ясно напоминающими *Улучей*, и нѣтъ ни одного, которое указывало бы *Угличей*. Уже это одно побуждало бы предпочесть чтеніе древнѣйшаго Лаврентьевскаго списка лѣтописи всѣмъ другимъ позднѣйшимъ варіантамъ, и между прочимъ варіанту „Угличи"; но такое предположеніе подтверждается сверхъ того тѣмъ соображеніемъ академика А. Ѳ. Бычкова, которое онъ высказалъ въ разборѣ упомянутаго выше сочиненія Н. П. Ламбина, что „всѣ варіанты этаго имени указываютъ на то, что вѣроятное ихъ написаніе было Ульци (= Уличи), и что чтеніе Угличи здѣсь не могло имѣть мѣста, потому что, если бы оно было написано въ означенныхъ извѣстіяхъ Нестора,

то не исчезло бы безслѣдно изъ всѣхъ списковъ лѣтописи“ [136]). Что касается географическаго положенія Улучей, то весьма вѣроятно, что поселенія ихъ простирались первоначально на-юго-востокѣ по Бугу до Днѣстровскаго Лимана (*Сулицко*-Лиманское сел. противъ Никополя, между Херсономъ и Александровскомъ); но отсюда, по приведенному выше извѣстію Никоновскаго свода, они передвинулись на западъ, и тѣмъ усилили Тиверское населеніе области Днѣстра: лѣтописецъ обращаетъ особенное вниманіе на многолюдность Поднѣстровья (Лавр.5). Изъ приведеннаго выше извѣстія Никоновскаго лѣтописнаго свода не льзя заключать, что переселеніе Улучей совершилось именно вслѣдствіе завоеванія ихъ Игоремъ и взятія города ихъ Пересѣчна Свенельдомъ. Скорѣе слѣдуетъ кажется принять, что лѣтописецъ, разсказавъ объ этомъ завоеваніи, счелъ не лишнимъ записать преданіе и о томъ, что прежде, въ старину „бѣша сидяще Улучи по Днѣпру, а *по семъ* (т. е. послѣ, позднѣе) преидоша.... и сѣдоша *тамо*“, т. е. тамъ, гдѣ былъ поставленъ городъ ихъ Пересѣченъ, взятый Игоремъ или Свенельдомъ, послѣ трехлѣтней осады. Такое объясненіе можно допустить тѣмъ скорѣе, что переселеніе Улучей совершилось несомнѣнно раньше завоеванія ихъ Игоремъ. Извѣстно, что Олегъ, подчинивъ себѣ Поднѣпровье, обратился на Улучей и Тиверцовъ; но встрѣтилъ у нихъ сопротивленіе. Лѣтопись не говоритъ о томъ, чѣмъ окончилась „*рать*“ этихъ земель съ русскимъ княземъ, записанная ею подъ 885 годомъ (Лавр. 10); однако черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, онъ предпринимаетъ походъ на Грецію,—явный знакъ, что дѣло обозпеченія цѣлости и безопасности своихъ владѣній онъ считалъ уже поконченнымъ. Въ походѣ принимаютъ участіе вмѣстѣ съ другими Тиверцы, очевидно уже подчинившіеся Руси, но Улучей мы не видимъ. Это умолчаніе лѣтописи свидѣтельствуетъ, что въ то время Улучи еще не были покорены русскимъ князьямъ, но такъ какъ Олегъ не могъ конечно оставить независимымъ въ средѣ подчиненныхъ ему земель, или на ближнихъ ихъ окраинахъ это многочисленное и воинственное населеніе, то необходимо предположить, что именно къ этому времени, къ послѣдней четверти IX вѣка, относится ихъ передвиженіе, о которомъ говоритъ Никоновскій сводъ лѣтописи. Всѣ разнорѣчивыя мнѣнія о новыхъ поселеніяхъ Улучей, мнѣнія, которыя были вызваны испорченнымъ текстомъ извѣстія Никоновскаго

свода [137]), устраняются варіантомъ этаго извѣстія въ спискахъ Новгородской лѣтописи, о которомъ заявилъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ: они поселились „межи Богъ и Днѣстръ" [138]). Здѣсь, въ Побужьи, они сходились съ южными разселеніями Древлянъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный [139]); здѣсь они поставили городъ Пересѣченъ, взятой у нихъ Русью въ 914 году. По догадкѣ Надеждина, положеніе этаго города преурочивается въ Бессарабіи къ теперешнему сел. *Пересѣчина*, почтовой станціи по большой Кишиневской дорогѣ изъ Оргѣева (въ 24 верстахъ). Есть извѣстіе, что борьба Улучей съ Русью этимъ не завершилась, что она продолжалась и въ 20-хъ годахъ X вѣка. Слѣдствіемъ ея могло быть дальнѣйшее передвиженіе Улучей на западъ въ Бессарабію, Молдавію и Валахію, въ область Прута, Кулмуцуя и Яломицы, гдѣ знаетъ ихъ лѣтописецъ, и гдѣ остатки ихъ составляли основу славяно-русскаго населенія подунайской области до XIV вѣка. Здѣсь память о нихъ сохраняется въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ—*Залучи* на Прутѣ, въ Хотинскомъ уѣздѣ, *Суличи* на юго-востокъ отъ Батушанъ, въ Молдавіи, *Лучіу* на р. Кулмуцуѣ, къ юго-востоку отъ Браилова, и наконецъ самый южный пунктъ, извѣстный намъ,—*Улуйце* на р. Яломицѣ, лѣвомъ притокѣ Дуная, къ сѣверовостоку отъ Бухареста; вблизи двухъ послѣднихъ селеній мы находимъ селенія *Презичени* и *Пресычина*, напоминающія лѣтописный Пересѣченъ (къ юго-западу отъ Букарешта, на р. Аржисѣ и на одномъ изъ его притоковъ). Въ войнѣ съ Игоремъ, окончившейся ихъ покореніемъ, Улучи являются въ послѣдній разъ, въ исторіи [140]). Къ концу XI вѣка, на Руси ходило только преданіе, что ими были основаны города на Поднѣстровьи и Черноморскомъ поморьи. Весьма вѣроятно, что появленіе въ южныхъ степяхъ кочевниковъ, извѣстіе о которыхъ лѣтопись открываетъ разсказомъ объ Уграхъ, двинуло главныя массы ихъ на сѣверъ, вверхъ по Днѣстру и лѣвымъ притокамъ нижняго Дуная, ближе къ Карпатамъ, въ теперешнюю Галицію и сѣверо-восточную Венгрію, гдѣ они усилили собою славянское населеніе хорватской вѣтви. Память о такомъ движеніи славянъ въ закарпатскую область сохранилась въ мадьярскихъ преданіяхъ о переходѣ Арпада въ Паннонію [141]). Очень вѣроятно, что слѣды того же движенія удержали до-нынѣ нѣкоторыя мѣстности въ сѣверо-восточной Венгріи—два *Уйлака* (къ сѣ-

веру отъ Сатмаръ-Немети), *Улицъ* и *Улицъ* Крива на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Унгвы; къ в. отъ Сиина, и по сю сторону Карпатъ, въ Галиціи—*Улично* на р. Ольшанкѣ въ Самборскомъ округѣ (къ з. верстахъ въ 5 отъ Стрыя) *Сулуковъ*, къ югу отъ Стрыя у р. Свици, *Учучъ* на Санѣ къ сѣверу отъ Санока, *Улицне* на в. отъ Любашова въ Жолкѣвскомъ округѣ.—Къ востоку отъ Хорватъ и къ сѣверу отъ первоначальныхъ заселеній Тиверцовъ и Улучей была расположена область *Дулѣбовъ*, которые имѣютъ въ Начальной лѣтописи и другія равнозначащія имена — *Бужанъ* и *Велынянъ* или *Волынянъ*. Древнѣйшее и, можетъ быть, первоначальное названіе этой вѣтви были Дулѣбы: еще изъ VII вѣка лѣтопись сохранила преданіе о утѣсненіи ихъ Обрами (Аварами). Подобноименные *Дудлебы*—извѣстны и у западныхъ Славянъ, у Чеховъ, на верхней Влетавѣ, что̀ также говоритъ въ пользу стародавности этаго наименованія [142]). *Бужане* являются, какъ кажется, позднѣе, уже въ эпоху составленія Начальной лѣтописи; по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ преданіи (о походѣ Олега на Грековъ) названы не Бужане а Дулѣбы. Изъ лѣтописнаго опредѣленія видно, что названіе Бужанъ совершенно совпадало по значенію съ названіемъ Дулѣбовъ [143]). Наконецъ третье названіе Велынянъ или Волынянъ должно быть признано еще больше позднимъ; едва ли даже замѣчаніе: „Бужане живяху по Бугу, гды нынѣ *Велыняне*" не принадлежитъ позднѣйшему составителю свода, ибо термины „Волынь и Волыняне" входятъ въ общее употребленіе только съ XIV вѣка. Перемѣны въ географическомъ названіи этой славянской вѣтви не могла быть случайны; они должны указывать на перемѣны въ ея внутреннихъ отношеніяхъ, въ ея внутреннемъ строѣ, и едва ли будетъ слишкомъ смѣло предположеніе, что эти перемѣны совершились подъ вліяніемъ городовъ и усиленія ихъ политическаго значенія. Происхожденіе названія Бужанъ лѣтопись объясняетъ рѣкою Бугомъ „за не сѣдоша по Бугу"; но образованіе этаго имени противорѣчитъ такому объясненію. Въ древнемъ географическомъ словарѣ не льзя найдти для обозначенія порѣчнаго населенія „Семянъ, Росянъ, Сулянъ, Дунянъ", но встрѣчаются *Посемцы* (рѣка Семь), *Поршане* (Рось), *Посульцы* (Сула), *Дунайцы* (Дунай), тогда какъ жители города Кіева, Смоленска, Пинска носитъ названія *Кіянъ*, *Смольнянъ*, *Пинянъ*, — Чернигова, Турова, Римова, Выгошева—

Черниговцевъ, Туровцевъ, Римовцевъ, Выгошевцевъ. Это даетъ нѣкоторое основаніе видѣть въ Бужанахъ лѣтописи не однихъ только жителей побережья Буга, но населеніе области, такъ или иначе зависѣвшей отъ города *Бужска*, который, какъ увидимъ ниже, еще въ концѣ XI и въ первой половинѣ XII вѣка обособляется весьма часто изъ ряду городовъ Володимирскаго княженія или удѣла, и который конечно еще до образованія русскаго государства могъ получить центральное значеніе и сгруппировать вокругъ себя болѣе или менѣе обширную землю, болѣе или менѣе обширный союзъ волостей. Такимъ же путемъ объясняется и происхожденіе географическаго названія *Волынянъ* или Велынянъ, отъ города *Велыня* или *Волыня* остатки котораго указываютъ въ городищѣ, при впаденіи Хучвы въ Западный Бугъ, въ 20 верстахъ ниже Володимеря Волынскаго [144]). Въ Бужанахъ и Волынянахъ открываются названія земель, возникавшіе въ эпоху образованія русскаго государства на территоріи Дулѣбскаго племени или колѣна, но еще не успѣвшія тогда вытѣснить или замѣнить собою стародавнее племенное названіе. Что въ области Дулѣбовъ, за долго до вступленія ея въ составъ Руси, могло начаться разложеніе земель подъ вліяніемъ городовъ, видно изъ того, что не позже, какъ въ X вѣкѣ, западная часть ея является обособленною, тянувшею къ *Червеню* (теп. *Чермно*, въ юго-восточномъ углу Царства Польскаго, въ 5 верстахъ отъ Тышовецъ, къ югу отъ Грубешова). Подъ 981 годомъ лѣтопись говоритъ о немъ, какъ о представителѣ цѣлой области, а нѣсколько позднѣе, подъ 1018 годомъ, упоминаетъ о *Червенскихъ городахъ*, о городахъ, зависѣвшихъ отъ Червеня слѣдовательно входившихъ въ составъ *Червенской* земли [145]). Память о прежнемъ земельномъ значеніи Червеня могла удержаться въ ходячемъ названіи теперешней Галицкой Руси—*Червонная* Русь, въ названіи, котораго впрочемъ не знаютъ, сколько извѣстно, наши лѣтописи даже до XVI вѣка. Разселенія Дулѣбской вѣтви Славянъ лѣтопись указываетъ по Бугу, не опредѣляя однако ни чѣмъ, о какомъ именно изъ двухъ Буговъ (Западномъ или Восточномъ) говоритъ она;—такъ какъ нижнее теченіе и того и другого было занято несомнѣнно другимъ населеніемъ—восточнаго—Тиверцами и за тѣмъ кочевыми степняками, западнаго же—Дреговскими и Кривскими заселеніями, то естественно принять, что Дулѣ-

бы занимали верхнія теченія того и другого Буга, простираясь на с. в. до области Припети, гдѣ и теперь находятся (сел. *Дулбуновъ* къ югу отъ Ровна), *Дулибы* къ сѣверо-востоку отъ Острога между Аннополемъ и Гущею, и сел. *Дулибы* на рѣкѣ Турьи, близь Турійска въ Ковельскомъ уѣздѣ. Западныя же и юго-западныя разселенія ихъ могли заходить въ область Вислы и Днѣстра; мы видимъ тамъ мѣстности: *Дулибы* на юго-востокъ отъ Львова, между рѣками Зубрьею и Липою, *Дулибы* близь рѣки Стрипы, къ сѣверу отъ Чертвова, (*Дублиски* къ югу отъ этаго города), *Дулибы* на Стрыѣ; нѣсколько выше города Стрыя, и сел. *Дулонбенъ* (Дулубенъ Dulą-ben) на Вислокѣ Вислянскомъ къ юго-западу отъ города Ясла.

Изъ четырехъ племенъ, которыя занимали юго-западный уголъ русскаго Славянства, и которыхъ первоначальное географическое распространеніе опредѣляется, при недостаткѣ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, такъ гадательно, — только населеніе верхняго Днѣстра, *Хорваты*, и верхнихъ Буговъ, *Дулѣбы*, вошли въ составъ русскаго государства вполнѣ, не утративъ въ первое время своей земельной особности, не перемѣняя своихъ первоначальныхъ жилищъ. Южные окраинные *Тиверцы*, подобно своимъ сосѣдямъ Улучамъ, должны были уступить наплыву степныхъ кочевниковъ, которыхъ появленіе совпадаетъ съ первыми десятилѣтіями жизни вновь возникшаго государства, и, оставивъ не безъ борьбы, что видно изъ ихъ многичисленныхъ градовъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтопись, свои первоначальныя обиталища, — они отодвинулись вверхъ по Днѣстру и сѣвернымъ Дунайскимъ притокамъ, въ болѣе безопасныя земли своихъ соплеменниковъ [146]). Лѣтопись говоритъ о Тиверцахъ въ послѣдній разъ подъ 945 г., какъ о участникахъ въ походѣ Игоря на Грековъ (Лавр. 19), въ то время, когда въ Поднѣпровьи усиливаются Печенѣги. Почти къ тому же времени относится послѣднее, какъ мы видѣли, извѣстіе объ Улучахъ. Послѣ того эти племена навсегда исчезаютъ изъ исторіи, не оставивъ почти никакого слѣда въ ней; но ихъ переселенцы усилили численность Хорватовъ и Дулѣбовъ, и дали имъ возможность выступить съ большею самостоятельностью въ первые же моменты образованія русскаго государства.

Оба эти племени весьма рано вошли въ его составъ. Начало ихъ связи съ Русью едва ли не относится еще ко времени первыхъ русскихъ князей, до соединенія южной и сѣверной Руси. По край-

ней мѣрѣ лѣтопись, подробно излагающая ходъ расширенія русскихъ предѣловъ на югѣ, при князьяхъ Рюриковичахъ, ничего не говоритъ ни о времени, ни объ обстоятельствахъ подчиненія ихъ, а прямо называетъ Хорватовъ и Дулѣбовъ участниками въ Олеговомъ походѣ на Грековъ 907 года (Лавр. 12). Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь они упоминаются въ послѣдній разъ, какъ особыя племена или земли; такое исчезновеніе старославянскихъ названій объясняется, какъ мы уже видѣли, не иначе, какъ возвышеніемъ въ этихъ земляхъ городовъ, сдѣлавшихся центральными пунктами княжескаго управленія,—въ области Хорватовъ *Перемышля*, у Дулѣбовъ—*Бужена*, *Велыня* и, можетъ быть, *Червеня*. Эти города стали обозначать обширныя области, тянувшія къ нимъ, и, по крайней мѣрѣ, городскія названія Бужанъ и Велынянъ въ пониманіи лѣтописца являются равнозначущими съ племеннымъ именемъ Дулѣбовъ. Вѣроятно, или при Святославѣ, занятомъ въ Болгаріи, или въ усобицу между его сыновьями, эти области отошли подъ власть Ляховъ. Подъ 981 годомъ лѣтопись упоминаетъ о войнѣ, которую велъ за владѣніе ими съ Ляхами Владиміръ; „иде Володимеръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ *Перемышль*, *Червень* и ины грады, иже суть и до сего дне подъ Русью“ (Лавр. 356). Очевидно, что подъ этими городами разумѣется не одинъ только городъ съ своимъ округомъ, или уѣздомъ, но вся область, которой онъ былъ административно—политическимъ центромъ. Перемышль обозначаетъ горную Перемышльскую страну (Ипат. 179), область Хорватовъ. Съ тѣхъ поръ судьбы Хорватской и Дулѣбской земли на долго не разъединялись. Центромъ княжескаго управленія въ нихъ сдѣлался вновь основанный княжескій городъ *Володимеръ* [147]), въ 988 году отданный въ удѣлъ сыну великаго князя Всеволоду (Лавр. 52). Въ предѣлы этаго княжескаго удѣла, кромѣ Бужска, Велыня и Червеня, которыхъ земельное значеніе ослабѣло подъ вліяніемъ новаго центральнаго города, должна была входить и Перемышльская область Хорватовъ; ибо при раздѣлѣ земли между Володиміровыми сыновьями Володимеръ является самымъ крайнимъ городомъ въ юго-западной Руси [148]), а между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Хорваты зависили въ то время отъ власти Кіевскихъ князей. Могло быть, что уничтоженіе земельной особности Хорватовъ, къ которому естественно должно было привести подчиненіе ихъ новому княжескому городу,

возбудило въ нихъ стремленіе къ независимости и было причиною ихъ возстанія противъ Руси. Этимъ объясняется краткое и темное извѣстіе нашей Начальной лѣтописи о походѣ Володиміра на Хорватовъ и о войнѣ хорватской въ 992 году (ibid.) Смуты, поднявшіяся на Руси, по смерти Володиміра, повели къ отпаденію юго-западной Руси подъ власть Болеслава Лядскаго. Извѣстіе Дитмара о ссорѣ Володиміра съ сыномъ Святополкомъ Туровскимъ, женатымъ на дочери Болеслава, участіе которое принималъ въ ней Белеславъ[149]), указываетъ, что уже въ это время Лядскій князь старался утвердить свое вліяніе на дѣла Руси, и проложить путь къ захвату ея богатой юго-западной окраины. Какъ извѣстно, онъ достигъ своей цѣли, воспользовавшись усобицей, поднявшеюся между Ярославомъ и Святополкомъ, и въ 1017 году захвативъ Червенскіе города (Лавр. 62) Захватъ не былъ однако продолжителенъ. Въ 1030 году Ярославъ отнявъ *Бельзъ*, который слѣдуетъ отнести къ числу Червенскихъ городовъ, а въ слѣдующемъ году были возвращены и остальные Червенскіе города[150]). Тойже участи подверглась по всей вѣроятности и Перемышльская земля, хотя лѣтопись не сообщаетъ о ней ничего.—Въ ряду удѣловъ Ярославовыхъ сыновей Перемышльская и Володиміро-Волынская земля являются опять одною княжескою волостью, съ однимъ центральнымъ городомъ Володиміремъ, который былъ отданъ князю Игорю Ярославичу. Какъ извѣстно, по переходѣ Игоря на Смоленскій столъ, эта волость перешла къ внуку Ярославову Ростиславу Володиміровичу[151]). Смуты, начавшіяся на Руси изгнаніемъ Изяслава Ярославича изъ Кіева, дали поводъ Болеславу Смѣлому возобновить попытки своего „храбраго" предшественника утвердиться въ юго-западной Руси. По польскимъ извѣстіямъ, вслѣдъ за походомъ на Кіевъ, который онъ предпринялъ, помогая Изаславу, онъ овладѣлъ Перемышлемъ (1071 году), и оттуда дѣлалъ постоянныя набѣги и наѣзды на Кіевское-собственно Володимирское-княженіе [152]), которое между тѣмъ перешло въ родъ Изяслава, сдѣлавшись удѣломъ сына его Ярополка. Ослабленіе Польши, слѣдствіе извѣстныхъ раздоровъ Болеслава съ духовенствомъ и рыцарствомъ, слабость правленія преемника его Владислава Германа дали возможность предпріимчивымъ Ростиславичамъ отнять въ свою пользу *Перемышль*, захваченный Ляхами, и возстановить такимъ образомъ прежнюю Перемышльскую волость. Извѣстіе объ этомъ событіи

представляютъ польскіе лѣтописцы[153]). По нашимъ лѣтописямъ, Рюрикъ Ростиславичъ въ первый разъ упоминается Перемышльскимъ княземъ подъ 1086 годомъ (Лавр. 88). Такимъ образомъ, благодаря предпріимчивости Ростиславича, былъ отвоеванъ отъ Ляховъ захваченый ими окраинный уголъ тогдашней Руси, и тѣмъ самымъ сдѣлался законною частью князя-изгоя, его освободителя. Въ тоже время перемѣны, происшедшія въ Володимірскомъ княженіи, дали Ростиславичамъ случай захватить часть Червенской земли. Есть извѣстіе, что великій князь Всеволодъ отдалъ Теребовль, т. е, юго-западную часть Червенской земли, Васильку Ростиславичу [154]). Это раздробленіе земли, нарушеніе прежняго дѣленія, было причиною продолжительной борьбы на юго-западѣ Руси, усобицы между Ростиславичами, князьями—Теребовльскимъ и Перемышльскимъ съ одной стороны, и Володимірскимъ съ другой. Изъ обстоятельствъ ея видно, что Володимірскіе князья мирились еще съ потерею отдаленной отъ ихъ стольнаго города Перемышльской земли, но не могли снести равнодушно потери исконной Червенской земли. Въ продолженіи цѣлой четверти столѣтія они возобновляли попытки—возвратитъ подъ свою власть Теребовльскій удѣлъ, сгладить *межи*, положенныя Всеволодомъ Кіевскимъ между Теребовлемъ и Володиміремъ. Можетъ быть, что первою жертвой этой борьбы былъ еще Ярополкъ Изяславичъ, убитый во время похода къ Звенигороду [155]). Когда вслѣдъ за тѣмъ Всеволодъ отдалъ Володиміръ Давиду Игоревичу, этотъ князь опять возобновилъ притязанія на Теребовльскій удѣлъ,—и тотчасъ послѣ Любецкаго съѣзда князей, на которомъ были утверждены между прочимъ права князей Володимірскаго, Теребовльскаго и Перемышльскаго, онъ захватилъ въ плѣнъ и ослѣпилъ Василька Теребовльскаго, вымогая у нея уступки Теребовля (Лавр. 112—113); не добившись согласія на то своего плѣнника, Давидъ предпринялъ походъ, „хотя переяти Василькову волость" (ibid. 113). Какъ извѣстно, походъ окончился неудачно для Давида, который былъ принужденъ не только отказаться отъ своихъ замысловъ на Теребовль, но и возвратить свободу Васильку. За тѣмъ, когда, по требованію Мономаха и другихъ князей, Святополкъ выгналъ Давида изъ Володиміря и Червеня (Лавр. 114),—и этотъ князь обнаружилъ притязанія на владѣнія Ростиславичей; „нача думати, говоритъ о немъ лѣтопи-

сецъ, на Володоря и Василька, глаголя, яко се асть волость отца моего и брата, и поиде на ня". Битвы на Рожни полѣ и подъ Перемышлемъ, въ которыхъ Святополкъ потерпѣлъ пораженіе, рѣшили дѣло въ пользу Ростиславичей: Перемышль и Теребовль остался за ними. Постановленіе княжескаго сейма въ Увѣтичахъ—объ ограниченіи удѣла Ростиславичей однимъ Перемышлемъ, и слѣдовательно о возсоединеніи прежней Червенской земли, точно также встрѣтило отпоръ со стороны Ростиславичей, и не было приведено въ исполненіе (1100. Лавр. 117). Перемышль и Теребовль остались за ними, и по смерти ихъ, когда сынъ Володаря Володимірко, успѣлъ соединить ихъ удѣлы подъ своею властью, и перенесъ столъ свой въ Галичъ,—изъ нихъ образовалось особое *Галицкое княженіе*, Галицкая земля, [156]) никогда уже послѣ того не сливавшаяся вполнѣ съ восточною частью Червенской земли. Что касается остальной восточной области Дулѣбовъ или Бужанъ (впослѣдствіи собственно Волыня), то во всю эпоху, обнимаемую Начальною лѣтописью, она не могла достигнуть политической самостоятельности и отдѣльности, какой достигли уже тогда въ ряду русскихъ княжескихъ володѣній Перемышль и Полоцкъ, но стояла въ постоянной зависимости отъ Кіева. Мы видимъ, что каждый князь, переходя на Кіевскій столъ, стремится посадить на Володимірскій столъ своего сына, или по крайней мѣрѣ поставить прежняго Володимірскаго князя—обыкновенно своего племенника—въ подручныя отношенія. Первый изъ Володимірскихъ князей, который по своему изгойству, могъ дать самостоятельное значеніе своему удѣлу, былъ Ростиславъ Ярославичъ [157]); но его бѣгство въ отдаленную Тмутаракань показываетъ, на сколько непрочнымъ и несамостоятельнымъ, при притязаніяхъ Кіевскихъ князей, было въ его глазахъ Володимірское княженіе (1064. Лавр. 70). Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи мы не находимъ указанія, кому досталось послѣ того это княженіе; можетъ быть сыну, Изяслава великаго князя Кіевскаго, Мстиславу, который занимаетъ такую видную роль въ извѣстной усобицѣ его отца съ Полоцкимъ Всеславомъ—чародѣемъ (1068. Лавр. 74). За тѣмъ, когда Изяславъ былъ снова изгнанъ изъ Кіева уже своими родными братьями—Святославомъ и Всеволодомъ, и когда Кіевскій столъ занялъ Святославъ,—на Володимірскомъ княженіи является сынъ Святослава-Олегъ. Это видно

изъ поученія Мономаха.[158]) Смерть Святослава и возвращеніе Изяслава на Кіевскій столъ повели за собою перемѣну и на Володимірскомъ столѣ: „И Святославъ умре.... и Олегъ приде (въ Черниговъ) изъ Володимеря выведенъ" (Лавр. 103). На его мѣсто былъ введенъ Изяславовъ сынъ—Ярополкъ; но смерть отца, великаго князя—и для него было началомъ притѣсненій, зависимости отъ видовъ и цѣлей новаго великаго князя. Городъ Дорогобужъ, центръ Погоринской области, которая въ XII вѣкѣ служила яблокомъ раздора между Кіевскими и Волынскими князьями (Ипат. 146 и слл.),—Всеволодъ отдаетъ племяннику Давиду Игоревичу—единственная мѣра, которую великій князь могъ принять, чтобы прекратить захваты смѣлаго изгоя на Днѣпровскомъ пути византійско-кіевской торговли (1084. Лавр. 88). Попытка Ярополка оградить неприкосновенность своего удѣла не удалась. Не только не состоялся походъ, задуманный имъ на Кіевъ; но и самъ онъ былъ принужденъ бѣлать въ Ляхи (1085). Какъ кажется, возвращеніе на Русь и на свой удѣльный столъ онъ долженъ былъ купить дорогою цѣною—уступкою Ростиславичамъ западной части Володимірскихъ владѣній, составившей Теребовльскій удѣлъ Ростиславичей. Въ усобицахъ, которыя поднялись вслѣдствіе этаго отдѣленія, Володимірское княженіе является въ прежней зависимости отъ Кіева. Изгой Давидъ Игоревичъ, получившій Володиміръ послѣ насильственной смерти Ярополка Изяславича (1086. Лавр. 88), въ великое княженіе Святополка, уступаетъ Володиміръ сыновьямъ его сперва Мстиславу (1097—1098. Лавр. 116), а по смерти его (1099. ibid. 116) Ярославу. Переходъ велико-княжескаго стола къ Мономаху вскорѣ повелъ за собою переходъ Володимеря въ родъ этаго князя. Ярославъ не мирился съ тѣмъ подручнымъ отношеніемъ, въ какія поставилъ его Мономахъ, и погибъ въ безуспѣшной борьбѣ за Володимірскій столъ, который достался сыновьямъ Мономаха. Съ тѣхъ поръ онъ составлялъ наслѣдственный удѣлъ Мономахова рода, [159]) и только при сынѣ и внукѣ Мстислава Великаго, Изяславѣ Мстиславичѣ и Мстиславѣ Изяславичѣ, которые должны были въ борьбѣ съ Черниговскими и Суздальскими князьями за Кіевскій столъ опираться на мѣстныя силы своего удѣла,—Володимірская земля получаетъ наконецъ самостоятельное политическое значеніе, и окон-

чательно отдѣляется отъ Кіева, при чемъ предѣлы его расширились на счетъ сѣверо-западныхъ побужскихъ владѣній Кіевской земли [160]).

Относительно границъ или межей земель Перемышльской и Теребовльской, также какъ и Володимирской, Начальная лѣтопись представляетъ весьма скудныя указанія; между тѣмъ уясненіе ихъ въ эту древнѣйшую эпоху существованія русскаго государства важно въ многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны оно должно представить любопытныя данныя для рѣшенія вопроса вообще объ этнографическихъ предѣлахъ Руси на юго-западѣ,—съ другой въ нихъ, какъ было замѣчено выше, остались довольно ясные слѣды древняго дѣленія Славянъ на племена или земли. По этому мы и остановимся здѣсь нѣсколько на межахъ, или—вѣрнѣе—сумежьяхъ Перемышльской и Теребовльской земель, и земли Володимірской;—и такъ-какъ ни прямыя указанія историческихъ источниковъ, ни ходъ событій, не представляютъ никакихъ основаній думать, чтобы они подверглись существеннымъ измѣненіямъ въ послѣдующія два столѣтія,—то мы позволяемъ себѣ, при опредѣленіи ихъ, принимать въ разсчетъ и нѣсколько позднѣйшія указанія XII—XIII вѣковъ.—Теребовльско-Перемышльская земля лежала между Ляхами на сѣверо-западѣ, Уграми на юго-западѣ, степными кочевниками на югѣ, Кіевскимъ и Володимірскимъ княженіемъ на востокѣ и сѣверѣ. О границѣ съ Ляхами въ Начальной лѣтописи мы не находимъ никакихъ указаній. Самымъ крайнимъ на сѣверо-западѣ пунктомъ Перемышльской земли мы видимъ *Перемышль* на Санѣ и Вагрѣ (Лавр. 35.), но такъ какъ этотъ городъ былъ центральнымъ пунктомъ особой земли, особаго княженія, то нѣтъ сомнѣнія, что и до IX вѣка Перемышльская земля простиралась гораздо далѣе на сѣверъ, за *Любачевъ*, *Ярославъ*, *Переворескъ* (Przeworsk), Галицкіе города, извѣстные уже съ XIII вѣка [161]), и отдѣлялись отъ Лядскихъ владѣній болотистыми низинами Сана и Лонки, и до сей поры мало заселенными. Въ этой мѣстности, какъ мы уже видѣли, лѣтописная извѣстія XIII вѣка указываетъ порубежное укрѣпленіе „Ворота“ можетъ быть, тамъ гдѣ теперь мы видимъ село *Перевратно* къ сѣверу отъ Рѣшова миляхъ въ $2\frac{1}{2}$ отъ него по дорогѣ въ Судомирь [162]). Западная граница съ Ляхами шла кажется, по водораздѣлу между двумя Вислоками Саноцкимъ и Вислянскимъ, и, захватывая верховья послѣдняго и верхнія теченія притоковъ его Яслы и Ропы, спускалась

въ ю. з. направленіи къ Карпатамъ, къ истокамъ Бѣлой и Попрада; Здѣсь (къ с. в. отъ Дукли въ 1-й милѣ) находятся сел. *Роги*, которое еще въ XIV вѣкѣ считалось въ русской землѣ, (in terra Russiae)[163]) два селенья *Брановицы*, къ с. отъ гор. Ясла, *Осѣкъ* къ ю. отъ него на р. Вислокѣ, *Стражна* близь котораго *Русска* на р. Ропицѣ, правомъ притокѣ Ропы, Устье *Руски* на Ропѣ-могли быть передовыми постами русскихъ владѣній, какъ *Грудекъ Стража* Высша и Нисша, *Стражня*, *Остружна* на р. Бѣлой и др. могли представлять рядъ порубежныхъ укрѣпленій со стороны Ляховъ.

Еще неопредѣленнѣе юго-западная Угорская граница Галицкой Руси. Какъ извѣстно, за Карпатами, въ Угорщинѣ, большая часть комитатовъ Шарошскаго (съ городомъ Эперіешъ-Пряшовъ), Земплинскаго, Унгварскаго, Мункачскаго, Мармарошскаго (съ г. Сигетомъ)[164]) и административной области Кошицкой (Кашау) заняты русскимъ населеніемъ, котораго насчитывается до 500 т. Исторія Угорской Руси въ древнѣйшія времена остается предметомъ неразъясненнымъ; но нѣтъ сомнѣнія, что это исконное населеніе сѣверо-восточной Венгріи составилось изъ вѣтви Хорватскаго племени, которую усилили Улучи, вытѣсненные степными кочевниками изъ области нижняго Дуная къ Карпатамъ; а ихъ первоначальное вѣроисповѣданіе—православіе-указываетъ, что они стояли въ органической связи съ Поднѣпровскою Русью въ то время, когда христіанство не утверждалось еще у Угровъ [165]). Къ сожалѣнію наши лѣтописи сообщаютъ весьма мало объ этой области и объ отношеніяхъ, въ какихъ она стояла къانграмъ съ одной стороны, и Галичскому княженію съ другой. Изъ событій XII вѣка видно только, что Карпаты находились въ Галичскихъ владѣніяхъ (1150. Ипат. 42), и что проходы въ нихъ были защищены укрѣпленьями, *твердью* [166]). Въ XIII вѣкѣ на русско-угорской границѣ упоминаются города—*Бардуевъ* (1240. Ипат. 179)—теп. Бардіевъ, Бартфельдъ на р. Тополіи, къ с. отъ Эперіеша, *Баня Рудна* (1235. Ипатъ 175), которая соотвѣтствуетъ кажется древнему городу Старой Руднѣ въ Быстрицкомъ округѣ Седмиградской области, у истоковъ рѣки Большаго Самоша [167]), и *Брашевъ* (1282. Ипат. 211)-теп. Кронштадтъ въ Седмиградской же области. Лѣтописи ни гдѣ не говорятъ о принадлежности ихъ къ Галицкому княженію, но такую принадлежность слѣдуетъ кажется допустить отчасти потому, что они лежали среди сплошнаго рус-

скаго населенія, отчасти же потому, что лѣтописецъ упоминаетъ ихъ для обозначенія путей изъ Руси въ Угры, и, конечно, имѣлъ здѣсь въ виду скорѣе свои, русскіе, города, чѣмъ города въ чужой и, какъ надо полагать, мало извѣстной на Руси землѣ. Сверхъ того, въ извѣстномъ спискѣ русскихъ городовъ, составленномъ не позже конца XIV или начала XV вѣка, [168]) въ числѣ русскихъ городовъ по сю сторону Дуная указанъ „Нѣмецъ въ горахъ" (Полн. Собр. Р. Лѣт. VII. 241), который пріурочивается къ теперешнему Немети въ Седмиградіи на Самошѣ. Исходя отъ этихъ четырехъ пунктовъ, отмѣченныхъ нашими лѣтописями, можно предположить, что въ XII—XIII вѣкахъ Галицко-Угорская граница проходила на югъ отъ теперешняго Бардіева или Бартфельда, можетъ быть, захватывая Пряшовъ и Кошицу, по верхнимъ теченіямъ Германа, Ондавы, Унга, по Бодрогу, черезъ Тиссу и Самошъ къ верховьямъ рѣкъ, вливающихся въ Серетъ. Весьма вѣроятно, что тогда она совпадала съ этнографическими предѣлами Руси [169]). Между тѣмъ изъ хода червонно-русской исторіи не видно, да и нѣтъ основаній предполагать, чтобы Галицкіе князья въ XII-XIII вѣкахъ дѣлали какія либо пріобрѣтенія за Угорскими горами; слѣдовательно закарпатскіе Славяне присоединены къ русскому государству еще первыми Кіевскими князьями, такъ что возникновеніе Угорской Руси должно отнести къ концу IX и не позже, какъ къ началу X вѣка. На югъ Галицкія владѣнія шли внизъ по теченію Серета (Дунайскаго) и его притоковъ, по Пруту и Днѣстру, до Дуная и Понтійскаго побережья, гдѣ, какъ мы видѣли, до половины X вѣка были поселенія Улучей и Тиверцевъ. Есть нѣсколько извѣстій, которыя даютъ основаніе полагать, что и позднѣе, въ X и XI вѣкахъ, Дунайскія низовья,—по крайней мѣрѣ устья Дуная и поморье до Днѣстра—входили въ составъ русскихъ владѣній. Договоры Олега и Игоря не представляютъ прямыхъ указаній на принадлежность ихъ къ Руси, но, какъ кажется только потому, что при заключеніи ихъ вообще не имѣлось въ виду опредѣленіе порубежныхъ отношеній Грековъ и Руси, сходившихся тогда только въ Поднѣстровьи [170]). Походы Святослава въ Болгарію, совѣтъ, который давалъ ему воевода Свенельдъ возвратиться оттуда сухимъ путемъ, какъ самымъ безопаснымъ, „поити на коних около, стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ" [171]), походъ Владиміра Святаго на Болгарію [172]), обстоятельства послѣдняго,

какъ извѣстно, неудачнаго предпріятія русскихъ на Царьградъ [173]) въ 1043 году—все это заставляетъ думать, что во всякомъ случаѣ сообщеніе между нижнимъ Дунаемъ и Поднѣпровьемъ было болѣе или менѣе обеспечено, если не сплошнымъ славянскимъ населеніемъ (Тиверцы и Улучи), которое могло отодвинуться на сѣверъ, при первомъ появленіи кочевниковъ, то по крайней мѣрѣ рядомъ укрѣпленій, ограждавшихъ придунайскую и припонтійскія окраины Руси отъ набѣговъ. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, въ его время на Днѣстрѣ было шесть городовъ *Бѣлгородъ*, *Тунгаты*, *Кракнкаты*, *Салмакаты*, *Сакакаты*, *Гіаюкатъ*, которые онъ называетъ однако уже запустѣлыми [174]). Обращаясь за тѣмъ къ историческимъ свидѣтельствамъ нѣсколько позднѣйшаго времени, мы находимъ первыя прямыя указанія лѣтописи на эти окраины въ исторіи борьбы князя Ивана Ростиславича Берладника съ дядею его, Володимiркомъ Галицкимъ, а потомъ съ сыномъ Володимiрка—Ярославомъ Осмомысломъ. Изъ обстоятельствъ ея, записаныхъ въ южнорусской лѣтописи, видно во первыхъ, что галицко-русскія владѣнія дѣйствительно были на Дунаѣ, во вторыхъ, что они принадлежали къ удѣлу Ивана, бывшаго княземъ въ Звенигородѣ,-по всѣмъ соображеніямъ въ томъ, что на Днѣстрѣ [175]).—Такъ послѣ неудачнаго захвата Галича въ 1144 роду, Иванъ, осажденный въ этомъ городѣ Владимиркомъ, и отрѣзанный отъ него во время вылазки, бѣжалъ на Дунай и оттуда уже степью въ Кіевъ, къ князю Всеволоду Ольговичу, враждовавшему, какъ извѣстно, съ Галицкимъ княземъ. Между тѣмъ бояре, приверженцы Ивана держались въ Галичѣ еще цѣлую недѣлю, конечно, не иначе, какъ разсчитывая на помощь изъ Подунайской области. Черезъ 15 лѣтъ послѣ того, лѣтопись отмѣтила новую попытку Ивана Берладника на Галицкія владѣнія, и мы видимъ его снова на Дунаѣ: „ѣха, говоритъ о немъ лѣтописецъ, подъ 1159 годомъ, въ поле (изъ Кіева) и ста въ городѣхъ подунайскихъ, изби двѣ кубари, и взя товара много въ нею, и покостяше рыболовомъ Галичьскымъ" [176]). Ясно, что онъ сталъ въ этихъ городахъ, имѣя въ виду сдѣлать необходимыя приготовленія къ задуманному походу на Галичьское Поднѣстровье, собрать дружину, дождаться новаго прихода Половцевъ и отряда Берладниковъ, запастись средствами-хотя бы и грабежомъ торговыхъ судовъ и Галичскихъ рыболововъ. Между тѣмъ мы не видимъ никакого противо-

дѣйствія со стороны Ярослава Галицкаго. Онъ ограничивается только тѣмъ, что занимаетъ своею засадою поднѣстровскіе города (ibid. 84). Очевидно, Иванъ дѣйствуетъ въ области, или прямо подчиненной ему, или стоявшей съ нимъ въ какихъ то весьма тѣсныхъ отношеніяхъ, еще неразъясненныхъ исторіей. Очень можетъ быть, что подунайскіе города составляли только часть бывшаго звенигородскаго удѣла князя Ивана Ростиславича, которую онъ съумѣлъ удерживать за собою во все долгое время своей скитальческой жизни на Руси, и которая дѣлала его такимъ опаснымъ врагомъ Галицкаго князя.. Лѣтописи не говорятъ, какіе именно русскіе города были на Дунаѣ, и указанія на нихъ мы можемъ искать только въ упомянутомъ уже выше спискѣ русскихъ городовъ. Но къ сожалѣнію, составитель этого списка не ограничился, какъ видно, собственно русскими городами, т. е. городами на русской землѣ, съ основнымъ русскимъ населеніемъ, но почелъ необходимымъ назвать и тѣ города, которые временно были завоеваны русскими князьями. Такъ въ числѣ Дунайскихъ городовъ онъ приводитъ города въ Болгарской землѣ *Видицовъ* о семи стѣнъ каменныхъ, *Мдинъ* (Мединъ) *Терновъ*, по ту сторону Дуная, *Дерестръ* (Дрествинь-Силистрія) и др. единственно на томъ основаніи, что они были въ X вѣкѣ завоеваны Святославомъ [177]). Вѣроятно къ этимъ же Болгарскимъ городамъ относится извѣстіе о попыткѣ Владиміра Мономаха утвердиться на Дунаѣ въ 1116 году (Лавр. 128, Ипат. 7). Но въ томъ же спискѣ должны скрываться конечно и Подунайскіе города Ивана Ростиславича, и Ярослава Осмомысла Галицкаго, запиравшаго, по выраженію Слова о Полку Игореви, ворота Дунаеви. Выше Силистріи ихъ не могло быть; ниже ея списокъ называетъ Дичинъ (Дицынъ), Килію, Новое село (Новосель), Аколятрю на морѣ, Курнаку, Варну. Изъ этихъ городовъ Варна едва-ли можетъ быть принята въ разсчетъ. Курнака, Аколятря и Новосель остаются для насъ неразъясненными. Развалины древней Киліи, находятся близь крѣпости Старой Киліи на правомъ берегу южнаго рукава Килійскаго Дуная; чтоже касается Дичина, то, по мнѣнію Ходаковскаго (О Пут. Сообщ. Русск. Истор. Сборн. 1 стр. 8) этотъ городъ одно и тоже съ Дѣдиномъ, который упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1260 годомъ, на пути изъ Олешья на устьи Днѣпра въ Берладъ (Ипат. 86), но во всякомъ случаѣ онъ находился между Силистріей

и Киліей, ибо между этими городами его показываетъ списокъ городовъ, который въ исчисленіи мѣстностей придерживается болѣе или менѣе опредѣленнаго порядка. Здѣсь мы находимъ мѣстности съ подобно-именными названіями: *Девициной* въ Добруджѣ, верстахъ въ 10 къ в. отъ Черноводъ, по дорогѣ изъ Базарджика въ Гирсовъ (близь него къ ю. в. по дорогѣ въ Кистенджи, *Eски-Бырлатъ* т. е. старый Бырлатъ) и *Титковъ* на лѣвомъ берегу Дуная къ югу отъ Браилова (верстахъ въ 50) [178]. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ можно только заключить, что Галицкія владѣнія, спускаясь на югъ по бассейну Серета, во всякомъ случаѣ доходили до Килійскаго и, можетъ быть, даже до Георгіевскаго Дуная,—простираясь вверхъ по Дунаю по крайней мѣрѣ до устьевъ Серета. Относительно юго-восточной границы отъ Прута и Дуная до Днѣстра нѣтъ никакихъ извѣстій. Съ появленіемъ Печенѣговъ и за тѣмъ Половцевъ, эта часть Понтійскаго побережья по всей вѣроятности запустѣла. Улучи и Тиверцы, составлявшіе осѣдлое населеніе теперешняго Буджака, подвинулись на сѣверъ, оставивъ поле степнымъ кочевникамъ. Только по теченію рѣкъ, преимущественно судоходныхъ, были оставлены старые или устроены новые города для защиты отъ варваровъ какъ русскаго порубежья, такъ и каравановъ торговыхъ судовъ. Этимъ объясняются слова лѣтописца XI вѣка о городахъ Улучей и Тиверцевъ, бывшихъ въ его время на Понтійскомъ поморьи: „Суть грады ихъ и до сего дне“. Разсматривая теперешнія карты этой области, мы находимъ въ ней множество мѣстностей, названія которыхъ *Градъ*, *Граденица*, *Градешти*, *Бранешти* едва-ли не указываютъ на существовавшій здѣсь рядъ укрѣпленій. Сюда же, можетъ быть, относятся мѣстности съ названіями, обычными въ древней Руси для княжескихъ городовъ (Володиміръ, Василевъ, Васильковъ). Такъ по Пруту ниже Черновица (въ спискѣ городовъ *Чернавскій Торгъ*) обращаютъ на себя вниманіе селенія *Бранешти* и два *Василеуци* (въ Бѣлецкомъ у., выше Скулянъ), *Влодомиря* на правомъ и *Бранешти* на лѣвомъ берегу (къ в. отъ Гирлеу), *Василина* ниже Скулянъ, нѣсколько на сѣверовостокъ отъ Яссъ; далѣе на востокъ: *Болградъ* (Табакъ) въ сѣверномъ углу озера Алпуха (на южной окраинѣ Нижняго Троянова вала), *Градина* или Чейши на р. Катлабухѣ (почти на одной широтѣ съ Кагуломъ), *Остругъ* на Киргижѣ, *Градешти* на р. Когиль-

никѣ или Кундукѣ, *Городище* на р. Бывѣ въ с. з. отъ Кишинева; по Днѣстру ниже Василеу, Бакоты старой Ушицы и Калюса, упоминаемыхъ лѣтописью *Василеуцы* въ Хотинскомъ уѣздѣ, *Бронница* подъ Могилевомъ, *Васильнеу* ниже *Сорокъ*, при устьи Ольшанки (близь него ручей *Ситиска*) и ниже его два *Городища*, къ западу отъ которыхъ, на одной широтѣ *Геличены* въ Бѣлецкомъ уѣздѣ. *Бѣлградъ*, т. Аккерманъ на Днѣстровскомъ Лиманѣ существовалъ уже до X вѣка, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго. Всѣ эти мѣстности требуютъ археологическихъ разысканій, которые одни могутъ привести къ сколько нибудь положительнымъ результатамъ; но не льзя не замѣтить, что, если оставить въ сторонѣ Аккерманъ и провести линію отъ Галаца и Киліи къ Днѣстру черезъ самые крайніе на югѣ изъ названныхъ пунктовъ (т. е. Болградъ, Градину или Чейши, Градешти, что на Когильникѣ, Пересѣчину, что между Оргѣевымъ и Кишиневымъ), къ Днѣстровскимъ городищамъ, или къ Васильнеу (въ Сорокскомъ у.), то эта линія пройдетъ на сѣверъ, съ небольшимъ уклономъ къ востоку почти *въ прямомъ направленіи*,—обстоятельство, которое отнимаетъ у нея характеръ случайности и даетъ нѣкоторое основаніе предполагать что этотъ систематическій рядъ укрѣпленій могъ быть вызванъ порубежными отношеніями Галицко-русскихъ владѣній на юго-востокѣ съ степью. Впослѣдствіи мы увидимъ, что здѣсь, въ треугольникѣ, образуемомъ Днѣстромъ и этой линіей, слѣдуетъ искать упоминаемыхъ въ лѣтописи мѣстностей—*Кучелмина* (1159. Ипат. 86, 161) и *Плава* (1213. ibid. 164).

Что касается сѣверо-восточной границы Теребовльско-Перемышльской земли, то слѣдуетъ, кажется, принять, что она шла отъ крайнихъ Теребовльскихъ владѣній на югѣ по водораздѣлу между Днѣстромъ и В. Бугомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ началѣ XII вѣка, область Буга принадлежала Кіевскому княженію. Подъ 1146 годомъ въ ней указываются Кіевскіе города *Прилукъ*, (Лавр. 136), *Меджибожье* и *Бужескъ* (Ипат. 25); нѣсколько же ниже ихъ за Бугомъ—если взять со стороны Кіева—начиналось Половецкое поле; въ тоже время Поднѣстровскіе города *Ушица* (1144, 11, 95), *Бакота* (1249. Ипат. 179), *Каліусъ* (1241, ibid. 180) являются въ Галицкихъ владѣніяхъ,—что и даетъ основаніе предполагать о принадлежности всей области Днѣстра

съ лѣвыми притоками этой рѣки (Буша, Мурашка, Дерла, Немія, Карпецъ, Ушица, Студеница, Тернава, Смотричь, Жванецъ, Збручъ, Никлавъ, Середъ) къ Теребовльской землѣ. При этомъ не льзя не замѣтить, что обыкновенно границею между Галицкими и Волынскими владѣніями полагается р. Днѣстръ, такъ что лѣвые притоки его относятся къ Волыни, и въ тоже время Ушица и Бакота, лежавшіе на лѣвомъ же берегу Днѣстра, къ Галичу. Такое опредѣленіе границъ основывается на томъ, что *Каменецъ*, не разъ упоминаемый въ южно-русскихъ лѣтописяхъ при изложеніи событій XII—XIII вѣка, какъ Волынскій городъ, пріурочиваютъ къ теперешнему Каменцу Подольскому; но изъ разбора всѣхъ лѣтописныхъ извѣстій объ этомъ городѣ оказывается, что его слѣдуетъ искать не на юго-западѣ Волыни, а на юго-востокѣ ея, не въ Поднѣстровьи, а въ Погорыни, не на Галицко-Волынской межѣ, а на границѣ Волыни съ Кіевомъ и степными кочевниками [179]). Нѣсколько обстоятельнѣе опредѣляется Теребовльская межа со стороны Володиміря, хотя и относительно ея мы находимъ немногое въ Начальной лѣтописи. Она шла на сѣверо-западъ отъ истоковъ Восточнаго Буга отрогами Авратынскихъ горъ, по теперешней австро-русской границѣ, на югѣ Кременецкаго уѣзда, слѣдуя изгибу верхняго Середа. Здѣсь позднѣе мы видимъ Галицкіе порубежные города: *Збыражъ* (1211. Ипат. 160) теп. Збаражъ, *Мокленовъ* (ibid.), можетъ быть, тамъ, гдѣ теперь дер. *Милоковъ* въ 1 милѣ къ ю. з. отъ Олексинца, *Быковенъ* (ibid), можетъ быть, теп. *Виковъ*, на западѣ отъ Милекова, по ту сторону истоковъ западнаго Буга, и *Плеснескъ* или *Прѣснескъ* (1188. Ипат. 137., 173), котораго слѣды, окопы и курганы, уже поросшіе лѣсомъ, указываются у самыхъ истоковъ Середа, близъ селенія Подгорца (Карт. Шуб. № 40. Подгорче). Отъ верховьевъ Середа межа направлялась прямо на западъ, пересѣкая Западный Бугъ между Голыми горами, Галицкимъ поселеніемъ или урочищемъ (1144. Ипат. 20. 171), на мѣстѣ теперешняго м. Гологоры, и *Бужескомъ* (1097. Лавр. 113) теп. Бускъ (въ Злочевскомъ округѣ Галиціи) принадлежавшимъ тогда Володимірскому княженію: здѣсь слѣдуетъ искать порубежную мѣстность *Рожне Поле* (1097), которая, по ясному указанію лѣтописнаго извѣстія 1144 года, находилась именно между верховьями Середа и Голыми Горами [180]). Отъ Буга граница принимала снова сѣверо-западное направленіе;

въ началѣ XIII вѣка она шла между Галицкими городами *Звенигородомъ*, что къ юго-востоку отъ Львова, *Щекатовымъ*, слѣды котораго указываются къ сѣверу отъ Львова, въ городищѣ близь села Глинска въ Жолкѣвскомъ округѣ и повѣтѣ,-и Волынскими землями, Белзской и Червенской, можетъ быть, по ручьямъ Полтеву и Ярычевкѣ, на теперешній *Потеличъ*, подъ которымъ скрывается лѣтописный *Теличъ*[181]), къ водораздѣлу между Саномъ (Любачовка, Таневъ) Бугомъ (Солоки, Гучва) и Вѣпремъ, гдѣ начиналася Галицко-Лядскій рубежъ.

Таковы были границы Перемышльско-Теребовльской земли. Относительно же границъ между самими удѣлами Теребовльскимъ и Перемышльскимъ въ концѣ XI вѣка, совпадавшихъ, какъ можно думать, съ старыми Перемышльсво-Червенскими межами, мы не имѣемъ ни какихъ данныхъ. Замѣтимъ однако, что въ XIII вѣкѣ, когда значеніе Червеня и Теребовля, центровъ Червенской земли, перешло къ Галичу, собственно Галицкая земля начиналась на западѣ отъ р. Бобрки, — лѣваго притока Днѣстра и простиралась до Упицы съ одной и Прута съ другой стороны (Ипат. 169); тогда какъ горная Перемышльская страна занимала верхнее теченіе Днѣстра, простираясь по Угорскимъ горамъ и его отрогамъ (1226 Ипат. 179). Очень можетъ быть, что именно это разграниченіе имѣло основу въ старыхъ земельныхъ межахъ Перемышльской и Червенской земли, въ этнографическихъ границахъ древнихъ Хорватскихъ и Дулѣбскихъ поселеній. Это предположеніе подтверждается отчасти и топографической номенклатурой: къ западу отъ Бобрки и Зубрьи мы видимъ хорватскія названія мѣстностей: Хорбаче на Ширѣцѣ, Хорбула и т. д.; къ востоку-Дулѣбскія и Бужскія: Дулибы и рядомъ съ нимъ Подбужье, близь р. Липы; тутъ же Черче (Червче), Бущъ и т. д.

Въ предѣлахъ Перемышльской земли, кромѣ упомянутыхъ уже города Перемышля на рр. Санѣ и Вагрѣ, и порубежнаго Рожня-Поля между Середомъ и Западнымъ Бугомъ Начальной лѣтописи извѣстны еще только слѣдующіе города: Теребовль (1097 Лавр. 110), теп. Трембовля на Гнѣзнѣ, лѣвомъ притокѣ Середа, *Микулинъ* (Поуч, Моном. ibid. 103) и *Звенигородъ* (1086, ibid. 86), положеніе которыхъ опредѣляется различно. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XII вѣка Микулинъ прямо указываются

на р. Середѣ, на правомъ берегу котораго и теперь есть гор. Микулинцы, между Тарнополемъ и Чертковымъ;—къ этому Микулинцу, безъ всякаго сомнѣнія, пріурочивается Микулинъ Поученія Мономахова; [182]) по нѣсколько позднѣйшему извѣстію, въ 1144 году, въ войну Всеволода Ольговича Кіевскаго съ Володимиркомъ Галицкимъ, *Микулинъ* былъ занятъ союзникомъ Всеволода Изяславомъ Давыдовичемъ, вмѣстѣ съ Ушицею (Лавр. 135). Это извѣстіе подало поводъ искать Микулина близь Ушицы, и пріурочивать его къ теперешнему сел. *Микулунцы* къ с. з. отъ Винницы (Подольской губерніи), на р. Згарѣ Бужскаго бассейна [183]). На такое предположеніе едва ли можетъ быть принято. Оно опровергается отчасти тѣмъ, что Бужскій бассейнъ вообще принадлежалъ Кіевскому княженію,—и на немъ не могло быть Галицкихъ городовъ; но болѣе всего самими обстоятельствами похода 1144 года: Изяславъ Давыдовичъ шолъ на соединеніе съ Всеволодомъ, стоявшимъ у верховья Западнаго Буга, съ Половцами, слѣдовательно изъ степи, съ юго-востока, и по дорогѣ занялъ Ушицу на Днѣстрѣ; за тѣмъ его путь лежалъ прямо на с. з. къ Середу, на берегахъ котораго стояли Володимирко и Всеволодъ, и слѣдовательно къ Микулину на Середѣ. между тѣмъ Микулинцы на Згарѣ лежатъ къ с. в. отъ Ушицы; очень вѣроятно, что именно появленіе Изяслава на правомъ берегу Середа заставило Володимірка уклониться вверхъ по Середу къ Рожню Полю, Голымъ Горамъ и Звенигороду, что подо Львовомъ. Относительно Звенигорода 1086 г., надо замѣтить, что положеніе его неопредѣлимо, такъ какъ изъ событій первой половины XII вѣка открывается. что въ Галицкой землѣ было два Звенигорода: одинъ на мѣстѣ теп. Дзвинигорода къ ю. в. отъ Львова, а другой на лѣвомъ берегу Днѣстра между устьями Середа и Збруча,—изъ извѣстія же 1086 года не видно, который изъ нихъ могъ имѣть въ виду лѣтописецъ.

Что касается Володимірскаго княженія, то какъ мы видѣли въ періодъ, обнимаемый Начальной лѣтописью, оно является въ зависимости отъ Кіева, въ тѣсной связи съ нимъ. Оно было окружено съ сѣвера, востока и юга Кіевскими владѣньями, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется эта зависимось, съ юго-запада Лядскими. Въ эпоху Начальной лѣтописи оно занимало юго-восточную часть Вислянскаго бассейна, верхнее теченіе Вѣпря до устья Быстрицы, верхнее

Побужье по З. Бугу. и его притокамъ Распѣ, Солокамъ, Гучвѣ, Угеру и Влодовѣ, до устья Влодавы, и верхнюю часть Припети по ея лѣвымъ притокамъ, Выжвѣ, Турьи, Стыри до Горынскаго бассейна на востокѣ,—въ основаніе его политическихъ границъ легли, вѣроятно, въ общихъ чертахъ древніе рубежи Бужанъ или Волынянъ съ Мазовшею съ одной стороны, съ Кривскими и Дреговскими поселеніями съ другой. Ближайшее опредѣленіе этимъ границамъ можно сдѣлать только на основаніи свидѣтельствъ XII—XIII вѣка. Начальная лѣтопись указываетъ, какъ пограничные или вѣрнѣе ближайшіе къ Лядской границѣ пункты *Волынь* (на Бугѣ) *Червенъ* (на Гучвѣ), *Броды;* но нѣтъ сомнѣнія, что и до XII вѣка Лядско-Волынскій рубежъ шолъ далѣе на сѣверо-западъ или по Вѣпрю, или по водораздѣлу между Вѣпремъ и Быстрицей, и отъ устья Быстрицы на с. в. по р. Влодовѣ къ З. Бугу.—между Люблинскою землю Ляховъ и Волынскою *украйной* (1213. Ипат. 160), въ которой въ началѣ XIII вѣка и вѣроятно уже ранѣе находились города *Угровескъ* (1203 Ипат. 157, 160), т. Угрускъ, и близь него Воля Угруйска, къ югу отъ Влодавы, нѣсколько ниже устья Угера —(на картѣ Шуб. N 33 *Изера*),—*Верещинъ* (ibid.), *Столпье* (1203 Ипат. 157. 160), можетъ быть, тамъ, гдѣ теперь Столпа къ с. з. отъ Холма и *Комовъ* (ibid.) теп. Кумовь, къ югу миляхъ въ 2 отъ Холма; русскіе города и поселенія—*Щекаревъ* (1219, Ипат. 162, 210) на мѣстѣ теп. Красностава, *Орельскъ* (1204 Ипат. 157), можетъ быть тамъ, гдѣ нынѣ *Орловъ* Древняны, *Орловскій* Майданъ, Воля (къ ю. отъ Красностава), *Бусовно* и *Охожа* (1248 Ипат. 182,) вѣроятно, теп. Бусовна на дорогѣ изъ Красностава во Влодаву, на одной широтѣ съ Угровскомъ, и къ югу отъ нея сел. *Оцкоржа,*—*Андреевъ* (1245. Ипат. 181) т. Андреево на Влодавѣ, нѣсколько ниже Верещина, и уроч. *Сухая Дорогва* (1213. Ипат. 160, можетъ быть на мѣстѣ теп. двухъ деревень *Сухавы* на Влодавѣ же верстахъ въ 10 отъ м. Влодавы)—эти русскія мѣстности даютъ возможность точнѣе опредѣлить сѣверо-западную границу Волыни со стороны Лядской земли.

Съ сѣвера и востока къ Володимірской землѣ прилегали владѣнія Кіевскаго княженія, въ которыхъ ближайшимъ къ ней пунктомъ на З. Бугѣ мы видимъ городъ *Берестье* [184]). Весьма вѣроятно, что съ этой стороны граница, начинаясь отъ устья Влодавы, такъ какъ

по этой рѣкѣ находились Володимирскія поселенія,—шла къ верховьямъ Припети и по правой сторонѣ этой рѣки, захватывая устья ея притоковъ, Турьи, Стохода и Стыри, за тѣмъ на ю. по водораздѣлу между Стыремъ и Горынью до р. Вильи, впадающей въ Горынь у Острога. На этой чертѣ Начальная лѣтопись указываетъ Волынскія мѣста: *Турійскъ* (1097. Лавр. 114) теп. Турійскъ на р. Турьи въ Ковельскомъ у., на дорогѣ изъ Ковеля во Владиміръ, и *Черторыескъ* (1101. Лавр. 1161)—теп. Черторискъ на Стыри въ Луцкомъ у., а изъ Кіевскихъ, кромѣ Берестья, *Пинскъ* и *Дорогобужъ* (теп. Дорогобужъ на Горыни, къ в. отъ Ровна). Въ извѣстіяхъ послѣдующихъ вѣковъ мы находимъ однако болѣе подробныя указанія. Такъ въ половинѣ XIII вѣка въ окрестностяхъ Турійска—ближе къ Припети указываются города: *Каменъ* (1262 г. Ипат. въ текстѣ ошибочно Каменецъ,—стр. 200,—теп. Каменъ Каширскій къ с. отъ у. г. Ковеля), *Мельницы* (ibid. теп. Мельницы на р. того же имени, лѣвомъ притокѣ Стохода, къ в. отъ Ковеля),—и *Небль* гор. на озерѣ Нобелѣ, по лѣвую сторону Припети къ ю. з., миляхъ въ 6—7 отъ Пинска),—стоявшій, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, на самой границѣ Волыни съ Турово-Пинскими землями[185]. На восточномъ порубежьи ея, слѣдуетъ, кажется, искать Городно, составлявшій въ первой половинѣ XII вѣка удѣлъ князя Всеволодка, внука извѣстнаго Давида Игоревича. Если это дѣйствительно теп. м. Городно, въ Пинскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Ровенскимъ между Стыремъ и Горынью, въ такомъ случаѣ рубежъ надо положить по лѣвому берегу Горыни; впрочемъ *Дубровица* (1183. Ипат 127. т. Домбровица миляхъ въ 5 къ ю. отъ Городна) *Городескъ*, къ которому можетъ относиться извѣстіе 1257 г. (Ипат. 197. теп. сел. Городецъ, миляхъ въ 5 къ югу отъ Домбровицы)[186], *Степань*, о которомъ поминается въ извѣстіи 1292 г. (Ипат. 226, миляхъ въ трехъ къ югу отъ Городца),—принадлежавшіе къ Турово-Пинскимъ землямъ (Карамз. IV. прим. 175, стр. 76. Солов. II, прим. 471),—всѣ эти городки лежатъ на лѣвомъ берегу Горыни и могли составлять рядъ Кіевскихъ (Турово-Пинскихъ) укрѣпленій на Волынскомъ рубежѣ. Слѣдя далѣе на югъ вверхъ по теченію Горыни, еще въ половинѣ XII вѣка, мы встрѣчаемъ Волынскіе города: *Чимеринъ* (теп. Чемеринъ на с., миляхъ въ 4, отъ Дубна на р. Путиловкѣ, близь впаденія рѣчки съ очевидно новѣйшимъ названіемъ *Милqвидки*, которая мо-

гда прежде называться *Олыкой*), *Муравицу* (1149 г, Лавр. 140), теп. Муравица на Иквѣ ниже Дубна, миляхъ въ 2; *Дубенъ*, *Кременецъ* (1226. Ипат. 166), и противъ нихъ Кіевскіе города: *Пересопница* не Стублѣ (1150. Ипат. 49 на с. з. отъ Ровна), *Зарѣцкъ* (1150. Лавр. 142. Ипат. 54), и *Мыльскъ* (ibid. теп. Старый Мильскъ на р. Устьи, нѣсколько выше Ровна, и нѣсколько ниже его Кіевскій же городъ *Рогачовъ* почти прямо къ востоку отъ Пересопницы. По этимъ указаніямъ, Волынскій рубежъ съ Кіевскою Погориною (т. е. областью по р. Горыни) на югъ отъ Туровскаго порубежья, опредѣляется довольно подробно волокомъ между параллельно текущими притоками Горыни Путиловкой съ Миловидкою съ одной стороны и Стублей съ другой, гдѣ теперь—по случайному совпаденію, или на старой основѣ—проходитъ Ровенско-Луцкая граница, и вверхъ по Стублѣ къ верховьямъ Горынскихъ притоковъ, Збытенки, Устьи и Вельи (Вильи Ипат. 172), по водораздѣлу между этими рѣками и Иквой. Городъ *Шумскъ* на р. Вилии принадлежалъ какъ кажется въ половинѣ XII вѣка къ Кіевскимъ городамъ (1149 г. Лавр. 140): по крайней мѣрѣ подъ 1152 годомъ онъ названъ въ числѣ русскихъ городовъ, въ противуположность Галицкихъ, и сверхъ того рядомъ съ Бужскомъ и Выгошевымъ несомнѣнно уже Кіевскими городами (Ипат. 69). Изъ описанія событій XIII вѣка видно, что тогда крайнымъ южнымъ пунктомъ Волынскихъ владѣній былъ *Торчевъ* или *Торцьвскъ*, лежавшій въ гористой мѣстности къ западу отъ Шумска и рѣки Вилии (1231, Ипат. 172, 173), можетъ быть тамъ, гдѣ теперь *Старый Таражъ* въ юго-западной части Кременецкаго у., верстахъ въ 3 къ югу отъ Почаева (на р. Уквѣ)[187]. Что касается юго-западной-Галицко-Волынской границы, уже описанной нами, то на ней извѣстны Волынскіе порубежные города, начиная отъ Верховьевъ Гучвы: *Бельзъ* (1030. Лавр. 64; Ипат. 52 и т. д., теп. Бельзъ на р. Солокахъ), *Бужскъ* (1097. Лавр. 113,—т. Бускъ въ Злочевскомъ округѣ), *Перемилъ* (1195. Ипат. 142, 173) т. Перемель на Стыри, въ Луцкомъ уѣздѣ верстахъ въ 10 отъ Австрійской границы, и нѣсколько ниже ого на Стыри же Боремль, *Броды* (Поуч. Моном. Лавр. 103), теп. Броды на р. Сухой Цилькѣ, правомъ притокѣ Стыря,—и *Всеволожъ* (1097. Лавр. 113), точное положеніе котораго остается неопредѣлимымъ [188]). Въ предѣлахъ Волыни, кромѣ упомянутыхъ уже городовъ Червеня, Бужьска,

Острога, Бельза, Турійска, Черторійска, Бродъ, Перемиля. Начальная лѣтопись знаетъ еще *Волынь*, подъ которой въ 1018 году была битва Ярослава съ Святополкомъ и союзникомъ его Болеславомъ (ibid. 62), а въ 1077 году состоялся миръ между Ярославичами—Изяславомъ и Всеволодомъ (ibid. 85); положеніе его указывается въ теп. сел *Гродекъ* при сліяніи Гучвы съ Западнымъ Бугомъ; на востокъ отъ него *Володимерь*, стольный городъ Володимерьскаго княженія (988 ib. 52, 72, 87, 88, 113, 110), *Лученскъ* (1075 88, теп. Луцкъ на Стыри же); къ с. з. отъ него *Шеполь* (1097—112, теп. сел. Шепель на Ставѣ, лѣвомъ притокѣ Стыря въ Луцкомъ у.), и на ю. в. *Дубенъ* (1100. Лавр. 116, теп. Дубно на Иквѣ),

Глава VI. Славяно-русскія вѣтви на юго-западномъ побережьи Днѣпра: *Дреговичи, Древляне, Поляне.*—Ихъ первоначальныя разселенія.—Подчиненіе ихъ русскимъ князьямъ.—Образованіе Кіевскаго княженія.—Его границы.—Лядско-Кіевскій рубежъ; рубежъ Ятвяжско-Литовскій.—Область Новгородокская.—Полоцкое порубежье.—Кіевскія владѣнія по ту сторону Днѣпра.—Южныя границы Кіевскаго княженія.—Ихъ измѣненія въ эпоху Начальной лѣтописи.—Укрѣпленныя мѣста.—Поросье и Побужье.—Рубежъ Кіево-Галицкій и Кіево-Волынскій.—Населенныя мѣста Кіевскаго княженія.

На сѣверо-востокъ отъ Дулѣбовъ или Волынянъ, въ области Припети и къ югу отъ этой рѣки, на пространствѣ между Стыремъ и Днѣпромъ, разселились Славяне *Дреговичи* (Дреговичи, Другвичи), *Деревляне* (Дерева, Древляне) и *Поляне* (Поли). По указанію Начальной лѣтописи, *Дреговичи* [189]) жили между Припетью и Западною Двиною, такъ, что принимая это извѣстіе въ буквальномъ смыслѣ, слѣдовало бы допустить, что кромѣ побережьевъ сѣверныхъ притоковъ Припети, имъ принадлежали области Нѣмана и Виліи съ одной стороны, и лѣвыхъ притоковъ Днѣпра—Дручи и Березины съ другой; но между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что значительная часть Нѣманскаго и Вилейскаго бассейновъ съ глубокой древности была занята Литовскими племенами, а полость Березины и Дручи, по точнымъ опредѣлительнымъ свидѣтельствамъ лѣтописей, относящимся къ событіямъ начала XII вѣка, была заселена Кривскою вѣтвью Славянъ. Такъ въ 1116 году Глѣбъ Всеславичъ Полоцкій повоевалъ Дреговичей и сжегъ городъ ихъ *Случкъ*, что на Припетскомъ притокѣ Случи (т. уѣздный городъ Минской губ.),—

а Владиміръ Мономахъ въ отмщеніе за это сжогъ Полоцкій городъ Минскъ (Ипат. 7). Въ 1127 г. Мстиславъ Мономашичъ отправилъ союзныхъ князей на Кривичей, на города ихъ: *Изяславъ*, *Борисовъ*, *Логожскъ*, которые, какъ и Минскъ, находятся въ области Березины, и на Дрьютескъ, теп. *Друцкъ* на Дручѣ (Лавр. 130). Подъ 1149 годомъ Ипатьевская лѣтопись называетъ главными пунктами всѣхъ Дреговичей *Клеческъ*, теп. Клецкъ у верховьевъ Припетскаго притока Лани, и Слуцкъ (стр. 45). Въ виду такихъ ясныхъ и положительныхъ данныхъ, нѣтъ никакихъ основаній принимать дословно извѣстіе Начальной лѣтописи о разселеніи Дреговичей; можетъ быть, слѣдуетъ допустить только, что лѣтописецъ, отмѣчая области ихъ между Припетью и Двиною, имѣлъ въ виду не болѣе, какъ указать, что поселенія этого племени, или земля Дреговичей въ его время, т. е. въ концѣ XI вѣка, лежали къ сѣверу отъ Припети по направленію къ Западной Двинѣ. Собственно область Дреговичей ограничивалась на сѣверѣ волокомъ или водораздѣломъ между лѣвыми притоками Припети съ одной стороны и съ другой-полостью Нѣмана, занятою, какъ мы полагаемъ, въ эпоху Начальной лѣтописи Ятвягами, и полостью Березины, заселенною уже Кривскими Славянами. Съ подчиненіемъ Ятвяговъ, когда главныя массы ихъ подвинулись далѣе на сѣверо-западъ, внизъ по Нѣману, въ сосѣдство съ Пруссами,—Дреговичи съ юга и Кривичи съ востока перешли въ Понѣманье, котораго географическаго номенклатура въ области, лежащей ниже Нѣманскихъ притоковъ Сервеча съ лѣвой, и Березины съ правой стороны, представляетъ признаки, общіе всѣмъ землямъ, занятымъ позднѣйшею Славянскою колонизаціею,—а именно-гидрографическія названія преимущественно иноязычнаго происхожденія (Щарья, Зельва, Жижма, Дитва, Котра и. т. д.), топографическія же преимущественно Славянскаго. Слѣды Дреговскаго или Дороговскаго населенія въ области Припети сохранились, можетъ быть, въ названіяхъ теперешнихъ населенныхъ мѣстъ: *Дороги* и Старые *Дороги* на рѣкѣ Орижнѣ, притокѣ Птича, (на шоссе изъ Слуцка въ Бобруйскъ), *Дричиново* на волокѣ между Птичемъ и Свислочемъ Березинскимъ, *Дорошевичи* (?) на Припети къ востоку отъ Турова, *Дрогичинъ* къ с. з. отъ Пинска, и близь него на сѣверѣ *Доргужа*, рядомъ съ Ятвеземъ; рѣчка *Доргобужа*, текущая изъ озера Горнаго въ Ядольду, на ней Здитовъ; затѣмъ—въ области Нѣмана: *Дорогова*

или *Дорогва* на Сервечѣ близъ селеній Ятвизь и Литовщизна (къ ю. в. отъ Новогрудка), *Дороглины* между рѣками Щарою и Зельвянкою (въ сѣверо-западномъ углу Слонимскаго уѣзда); *Дригиня* рѣчка, черезъ Гривду вливающаяся въ Щару (Слонимскаго уѣзда), и на ней нѣсколько селеній этого имени; къ ю. в. отъ нихъ *Доречинъ*, *Дорогичинъ* между Зельвянкою и Россою, близъ м. Изабелина на юго-западъ отъ Ятвезей, что подъ Волковыскомъ; *Деречинъ*, предмѣстье г. Пружанъ и *Дречаны* на водораздѣлѣ между Нѣманомъ и Бугомъ, къ ю. з. отъ Свислоча и находящихся близъ него Ятвизей и и Ятвѣзка. Какъ кажется, населеніе Дреговичей простиралось на западъ въ область Западнаго Буга, съ которымъ Припеть стоитъ въ тѣсной связи черезъ Мухавецъ, и такимъ образомъ оно охватывало сѣверную окраину Дулѣбской области. Къ этой мысли приводятъ во первыхъ то обстоятельство, что Побужье, къ сѣверу отъ предположныхъ нами предѣловъ Червенской земли, первоначально принадлежало непосредственно къ Кіевскому княженію, во вторыхъ названія урочища *Сухой Дорогвы*, въ XIII вѣкѣ бывшаго близъ границы Волынско-Польской, и селеній, находящихся теперь въ Побужьи: *Дорогуска* на Бугѣ, къ западу отъ Холма, *Дорогуча* на Вепрѣ, къ с. отъ Красностава, и далѣе на сѣверъ: *Дорогичинъ* на Бугѣ,—къ сѣверо-западу отъ него *Дроглинъ* на дорогѣ въ Брянскъ, *Дорожки* на Наревѣ, къ югу отъ Бѣлостока, *Дрига*, близъ Суховоля и извѣстныхъ намъ Ядвижей.—Такимъ образомъ, поселенія Дреговичей начинаясь у волока между Березиной и Птичемъ, тянулись на западъ, сначала соприкасаясь съ инородцами въ области Нѣмана, а потомъ занимая эту область,—къ Бугу, за которымъ они сливались съ Мазовецкимъ племенемъ Ляховъ,—и на сѣверъ къ Нареву и Бобру, гдѣ они отдѣлялись болотами и лѣсами первоначально отъ Пруссовъ, а можетъ быть уже съ XII вѣка отъ Ятвяговъ. Южными окраинами своими они сближались съ разселеніями Дулѣбовъ. По крайней мѣрѣ на южныхъ притокахъ ея до сей поры названія нѣкоторыхъ мѣстностей обнаруживаютъ сродство съ племеннымъ ихъ именемъ,—каковы напр. *Старый Дорогинъ*, къ ю. в. отъ Овруча на Норинѣ, *Доротичи* (?) на Случѣ, *Дорогобужъ* (XI вѣкъ) на лѣвомъ берегу Горыни, *Дорогощи* у города Острога, недалеко отъ сел. Дулибы: эти пункты могутъ указывать на крайнія юго-западныя поселенія Дреговичей, въ области Горыни, или, какъ она была извѣстна въ

древности, въ Погоринѣ. Замѣтимъ здѣсь, что причины раздора въ XII вѣкѣ между Володимірскими и Кіевскими князьями, раздора, предметомъ котораго служила Погорина съ своимъ центральнымъ городомъ Дорогобужемъ, могли скрываться въ смѣшанности населенія этой области (Дулѣбы и Дреговичи), и въ нарушеніи русскими князьями старыхъ земельныхъ межей, которое запутало права и притязанія, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Къ востоку отъ Дреговичей, жили *Древляне* (Деревля, Дерева), получившіе свое названіе, по объясненію лѣтописца, отъ лѣсистой мѣстности, занятой ими: „зане сѣдоша въ лѣсѣхъ“. Весьма вѣроятно, что первоначально „Дерева“ было нарицательнымъ именемъ вообще для жителей Полѣсья, какъ теперь „полѣсовщикъ, полѣщукъ, полѣха“; извѣстно, что одна изъ Новгородскихъ пятинъ, отличавшаяся лѣснымъ характеромъ мѣстности, называлась Деревской. Но уже за долго до основанія русскаго государства, Деревляне обособилась отъ другихъ Славянскихъ вѣтвей, возникла Деревская земля. Такими они являются уже въ преданіи, сохранившемся изъ глубокой древности о томъ, что вскорѣ, по смерти Кія и его братьевъ, Поляне „быша обидимы Древлями (Лавр. 7). Для ближайшаго опредѣленія положенія Деревской земли служатъ немногія извѣстія, которыя представляетъ Начальная лѣтопись, и которыя дополняются отчасти лѣтописными указаніями изъ XII—XIII вѣковъ. Въ половинѣ X вѣка, изъ многихъ городовъ Деревской или Древлянской земли, Начальная лѣтопись называетъ *Искоростень* и *Овручъ*, оба въ области Уши, лѣваго притока Припети; но нѣтъ сомнѣнія, что, не ограничиваясь одной этой областью, она занимала гораздо большее пространство между Дереговичами и Полянами Западная граница ея подходила къ Туровской области, то есть къ землѣ Дреговичей; это видно изъ раздѣла между дѣтьми Владиміра Святаго, когда Святополкъ былъ посаженъ въ Туровѣ, а Святославъ въ „Деревѣхъ“. За тѣмъ она спускалась на югъ, пораллельно Горыни и Случи, замыкая собою съ запада обширный лѣсъ, извѣстный подъ именемъ *Чортова*, въ этомъ лѣсу, который тянулся на востокъ отъ Случи (Ипат. 174) до рѣки Уши (Лавр. 141, Ипат. 54), еще въ XIII вѣкѣ рѣка *Деревная* напоминала собою уже сгладившуюся тогда въ русскомъ мірѣ Деревскую землю [190]). На югѣ она соприкасалась, по извѣстію Кон-

стантина Порфиророднаго (De admin. Imper. cap. 37 p. 166) съ однимъ изъ Половецкихъ племенъ: это было по всей вѣроятности въ верхнемъ теченіи Случи, гдѣ теперь, въ Новградъ-Волынскомъ уѣздѣ, близь Подольской границы, находятся селенія *Деревичъ* и *Деревичка*, можетъ быть въ той самой мѣстности, гдѣ въ XIII вѣкѣ былъ Болоховской городъ *Деревичъ* [191]). Далѣе на востокъ она прилегала къ землѣ Полянъ, собственно къ Кіевской землѣ, захватывая, какъ кажется, область Тетерева; по крайней мѣрѣ изъ извѣстія о набѣгѣ Половцевъ на Кіевскую землю въ 1136 году видно, что Деревская земля была недалеко отъ Кіевскаго Вышегорода, что на Днѣпрѣ: Половцы повоевали тогда до Вышегорода и до Деревъ (Ипат. 14). Въ такомъ случаѣ на сѣверо-западѣ она упиралась въ Днѣпръ. Что касается сѣверной ея межи, то по извѣстію Начальной лѣтописи о разселеніи Дреговичей на сѣверъ отъ Припети, ее слѣдовало бы положить именно по этой рѣкѣ; но мы видѣли уже, что это указаніе лѣтописи вообще нельзя принимать буквально. На отмѣченномъ нами пространствѣ, кромѣ уже названныхъ нами мѣстностей Деревскаго наименованія, теп. сел. *Деревище* къ западу отъ Мозыря, верстахъ въ 25, *Черездеревъ* ручей къ югу отъ Мозыря могутъ напоминать собою древнюю Деревскую землю. Сверхъ того, въ сосѣднихъ областяхъ мы находимъ *Деревокъ* къ западу отъ м. Любимова, у Стохада, уроч. *Деревище* къ с. з. отъ Нобля, *Деревяни* въ сѣверной части Дубенскаго у.; и въ области Нѣмана: *Деревная* близь Нѣмана въ восточной части Новогрудскаго у., *Деревная*, на юго-западѣ того-же уѣзда, на Тартакѣ, къ с. з. отъ него *Деревная* на р. Иссѣ, правомъ притокѣ Щары, *Деревянчицы* къ югу отъ Слонима верстахъ въ 5.

Рядъ Славянскихъ племенъ въ юго-западномъ углу нашей равнины замыкали *Поляне* (Поли), занимавшіе нагорный берегъ Днѣпра. Предѣлы Польской или Полянской земли, насколько можно предполагать ихъ, основываясь на немногихъ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ, мы уже отчасти видѣли: на сѣверо-западъ, по Тетереву она прлегала къ Деревскои землѣ,—на западѣ, въ Погринѣ, гдѣ на Случи и теперь есть старинный городъ *Полонное*, а къ сѣверу отъ кего, въ Ровенскомъ уѣздѣ м. *Поляны*,—къ южнымъ разселеніямъ Дреговичей, наконецъ на юго-западѣ, по среднему теченію Буга, къ Тиверцамъ, и на югѣ, можетъ быть, къ Улучамъ,

впослѣдствіи отодвинувшимся къ Карпатамъ и за Днѣстръ. Во всякомъ случаѣ первоначальныя поселенія Полянъ спускались довольно далеко на югъ по теченію Днѣпра, и вѣроятно захватывали Днѣпровское побережье до самыхъ пороговъ, славянскія названія которыхъ извѣстны уже съ X вѣка [192]). По мѣрѣ усиленія на западномъ берегу Днѣпра степныхъ кочевниковъ, Поляне стали подвигаться къ Кіеву подъ защиту основанныхъ по близости его княжескихъ городовъ, оставляя степи во владѣніе азіискихъ пришлецовъ. Скоро однако они были принуждены уступить имъ и южную окраину своего княженія. Уже въ половинѣ XI вѣка побережья Роси и Восточнаго Буга, составлявшихъ южное порубежье Кіевскихъ владѣній, были заняты такъ называемыми Черными Клобуками, кочевниками, признавшими надъ собою власть русскихъ князей, и мало по малу привыкавшихъ къ осѣдлой жизни. Въ концѣ XI вѣка—какъ увидимъ ниже, славянскія поселенія едва ли простирались на югъ—съ одной стороны далѣе Стугны, съ другой Восточнаго Буга въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на юго-востокъ (близь теперешней Подольско-Кіевской границы).

Земли Полянъ, Древлянъ и Дреговичей вошли въ составъ Кіевскаго княженія, которому придавалось по преимуществу названіе *Руси*, *Русской* земли. Земля Полянъ съ городомъ Кіевомъ сдѣлалась центромъ русскихъ владѣній Рюриковичей съ 882 года. Древляне были присоединены къ нимъ въ—первые въ 884 году, а окончательно послѣ извѣстнаго возстанія ихъ противъ Игоря въ 946 году. При Святославѣ они составили удѣлъ втораго сына его Олега, а при Володимірѣ Святомъ удѣлъ князя Святослава Володиміровича, по смерти котораго Деревская земля или Дерева уже не отдѣлялась отъ Кіевскаго княженія во все время, обнимаемое Начальною лѣтописью. Время подчиненія Дреговичей русскимъ князьямъ не извѣстно, но почти нѣтъ сомнѣнія, что и они, можетъ быть, еще при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ до-Рюриковичахъ вошли въ составъ русскаго государства. По крайней мѣрѣ извѣстіе о войнахъ Аскольда съ Полочанами даетъ основаніе предполагать непосредственное сосѣдство тогдашнихъ Кіевскихъ владѣній съ Полоцкою землю, а слѣдовательно и зависимость Дреговичей отъ Кіевскаго князя [193]). Константинъ Порфирородный, которому они извѣстны подъ именемъ Другувитовъ (Δρουγουβίται) называетъ ихъ въ числѣ славянскихъ племенъ, данническихъ

Руси (De admin. Imper. cap. 9. p. 79). Административнымъ центромъ ихъ земли былъ *Туровъ*. Владиміръ Святой отдалъ его сыну Святополку; такъ-что Туровъ составилъ тогда особое владѣніе, примыкавшее съ одной стороны къ Волыни, съ другой къ Деревской землѣ, удѣлу Святослава Володиміровича[194]). Но при раздѣлѣ руской земли между сыновьями Ярослава, Туровъ и тянувшая къ нему земля Дреговичей являются уже принадлежащими къ Кіевскому удѣлу состоятъ въ полномъ распоряженіи Кіевскаго князя[195]). Послѣ вторичнаго изгнанія Изяслава Ярославича, когда Кіевскимъ столомъ завладѣлъ Святославъ, Туровъ былъ уступленъ Мономаху, какъ то видно изъ его Поученія, [196]) и оставался за нимъ до перехода на Кіевскій столъ Всеволода. Всеволодъ перевелъ Мономаха въ Черниговъ, придавъ Туровъ къ удѣлу Ярополка Изяславича Володимірскаго (Лавр. 87). По смерти Ярополка Туровъ отдѣлился отъ Володиміря и въ немъ княжилъ нѣкоторое время Святополкъ Изяславичъ (съ 1088) Лавр. 89); но большую самостоятельность, какъ особый удѣлъ, Туровъ получилъ, только перейдя въ родъ Мономаховъ, [197]) хотя и тогда Кіевскіе князья предъявляли на него права, какъ на *Кіевскую волость* (1141. Лавр 135).

Такимъ образомъ въ половинѣ XI вѣка Кіевское княженіе лежало по нижнему теченію Западнаго Буга, Припети (за исключеніемъ юго-западныхъ ея притоковъ), Тетерева, Стугны, Роси, до Восточнаго Буга на юго-востокѣ. Оно было окружено Ляхами на западѣ, Пруссами на сѣверѣ, Литовско-Ятвяжскою землею и Полоцкимъ княженіемъ на сѣверо-востокѣ, Черниговскимъ на востокѣ, прилегая на югѣ къ кочевьямъ степныхъ варваровъ, а на юго-западѣ къ Галицкимъ и Волынскимъ владѣніямъ. Болѣе точное опредѣленіе его рубежей можетъ быть сдѣлано только приблизительно, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какія были приняты нами при опредѣленіи границъ Галича и Волыни.—*Лядско-Кіевскій рубежъ* составлялъ продолженіе рубежа Лядско-Волынскаго. Начинаясь у рѣки Влодавы, онъ шелъ прямо на сѣверъ, захватывая западное побережье Буга, мимо *Берестья* (1018. Лавр. 62. Бреста Литовскаго) къ западу отъ котораго на р. Жнѣ, находится теперь сел. *Ляховка*,—*Дрогичина* (Ипат. подъ 1142), къ югу отъ котораго на рѣкѣ, впадающей нѣсколько выше его въ Бугъ, мы видимъ теперь селенія *Мѣшки* и *Русаковъ*, и къ западу и сѣверо-западу сел. *Руски* (на

полдорогѣ къ Соколову), Бучикъ *Русскій* и *Русска Строна* (оба на дорогѣ изъ Соколова въ Нуръ); близь нихъ с. *Вратновъ*,—наконецъ мимо *Нура* (1102. Лавр. 117), къ болотистымъ низовьямъ Буга.—Отсюда русскія владѣнія переходили, по всей вѣроятности, на правый берегъ Буга, простираясь по лѣсистой и болотистой мѣстности до самаго Нарева; по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ мы видимъ здѣсь м. *Андреевъ* на р. Брокѣ, къ которому пріурочивается русскій городъ Андреевъ, окрестности котораго были опустошены въ 1245 году Ляхами (Ипат. 181),—и нѣсколько мѣстностей съ названіемъ *Русь*, каковы напр. *Русь* на р. Мянкѣ, правомъ притокѣ Буга къ югу отъ Мазовецка, *Русколонки* къ с. з. отъ Андреева, близь сел. *Дрогашева*, *Драги*, *Остроэкна*. Порубежнымъ на сѣверо-западѣ Руси Лядскимъ городомъ было *Визна*, при впаденіи Бобра въ Наревъ, въ 1146 году уступленная Лядскими князьями Межкомъ и Болеславомъ тогдашнему Кіевскому князю Всеволоду Ольговичу (Ипат. 18). Далѣе за Бобромъ, въ теперешней восточной Пруссіи, начинались земли, въ XIII столѣтіи, по указаніямъ нашихъ лѣтописей, занятыя уже Ятвягами, но въ XI вѣкѣ, по свидѣтельству Бруно, принадлежавшія еще Пруссамъ; въ разсматриваемую нами эпоху вся болотистая и лѣсная область, замыкаемая этою рѣкою на сѣверѣ, Нѣманомъ на востокѣ, верхнимъ Наревомъ на югѣ, нѣманскимъ притокомъ Свислочемъ на юго-востокѣ и Бужскимъ—Брокомъ и Нурцомъ на юго-западѣ, едва ли можетъ быть причислена къ русскимъ владеніямъ; даже болѣе—едва ли она не была занята въ то время инородческими (Ятвяжско-Литовскими) поселеніями, слѣды которыхъ, какъ мы уже видѣли, замѣтны не только здѣсь, но и далѣе вверхъ по Нѣману и на югъ, по водораздѣлу между Нѣманомъ съ одной стороны, Бугомъ и Припетью съ другой.—Эти слѣды исчезаютъ на южномъ побережьи верхняго Нарева; только здѣсь начиналось сплошное Славянское населеніе, и здѣсь слѣдуетъ предположить рядъ порубежныхъ укрѣпленій, которыми необходимо было оградить русскія владѣнія отъ хищныхъ сосѣдей. — Въ XIII столѣтіи крайними русскими городами на Литовской границѣ мы видимъ *Бѣльскъ* на Орленкѣ, лѣвомъ притокѣ Нарева (1253, Ипат. 188), и основанный тогда же *Каменецъ* на Лоснѣ, впадающей въ З. Бугъ (ibid. 207). Разсматривая за тѣмъ подробныя карты того края, мы видимъ на лѣвомъ побережьи Нарева, къ востову отъ

Андреева, цѣлый рядъ мѣстностей, которыхъ названіе даютъ основаніе предполагать въ нихъ остатки древняго укрѣпленнаго рубежа. Таковы: *Грудокъ* на Наревѣ и въ окрестностіяхъ его — *Стражи*, *Васильковъ*, *Стражники*, *Гродиско* и т. д. (всѣ на юго-востокъ отъ м. Нарева); за тѣмъ нѣсколько къ сѣверу *Гродекъ* на верхнемъ теченіи Супрасли, ниже его, г. *Васильковъ*, къ сѣверу отъ котораго *Городянска*, *Стражна* на Сокольдѣ, къ с. в. отъ Василькова, *Заславъ* къ с. з. отъ Бѣлостока, а къ юго-западу отъ Бѣлостока сел. *Городнены* на рѣчкѣ *Городнѣ*. Они—по сосѣдству съ Ятвяжскими мѣстностями, отмѣченными нами выше. Далѣе на востокъ отъ верховьевъ Нарева до истоковъ Щары и Сервеча, впадающихъ въ Нѣманъ, первоначальный рубежъ шолъ по Нѣману, Припетскому водораздѣлу, вдоль южныхъ разселеній Ятвяговъ въ Понѣманьи. На него могутъ указывать теперешнія селенія (въ Пружанскомъ, Кобринскомъ, Слонимскомъ и Пинскомъ уѣздахъ), по верхнимъ теченіямъ р. Яцольды и Щары: *Городяны*, *Воротна* и *Городецъ* (что на Днѣпровско-Бужскомъ каналѣ), къ югу отъ Пружанъ, *Осѣка* и *Подгородье* къ востоку отъ Пружанъ, и къ ю. отъ Ятвезя, *Городечна* притокъ Мухавца, *Воротиничи* на Мухавцѣ, *Стражовщина* на Щарскомъ притокѣ *Гривдѣ*, три *Городища* у верхней Щары, *Городники* у самыхъ истоковъ Щары и *Городище* у истоковъ Сервеча.—Выше мы видѣли, что въ области на востокъ отъ верховьевъ этихъ рѣкъ замѣчаются признаки уже сплошнаго Славяскаго населенія, тогда-какъ въ области, лежащей на западъ отъ нихъ, по Нѣману и его южнымъ притокамъ, несомнѣнные слѣды древнихъ Ятвяжско-Литовскихъ заселеній. Въ XIII столѣтіи Щара и Свислочь служили границею собственно русскихъ земель (Пинскъ, Клеческъ, Нѣевижъ, Копыль, Слуцкъ), отъ Новгородокской (Новогрудской) земли, въ то время уже захваченной Литвою [198]). Это обстоятельство наводитъ на мысль, что и во время до присоединенія этого края къ русскому государству именно по Щарѣ и Сервечу лежалъ русскій сѣверо-западный рубежъ. Войны съ Ятвягами и Литвою, начавшіяся съ X вѣка, принудили эти племена покинуть свои южныя разселенія и двинуться внизъ по Нѣману и перейти на правый берегъ его. Вслѣдъ за ними подвинулись отъ предположенной нами порубежной черты и русскія укрѣпленія, подъ защитою которыхъ усилилось Славянское населеніе въ Понѣманьи ну-

темъ колонизаціи изъ средняго и верхняго Поднѣпровья, изъ коренныхъ земель Кривичей, Дреговичей, Древлянъ и Полянъ, оставившихъ слѣды свои въ названіяхъ многихъ селеній этого края. Такимъ образомъ явилась новая русская область, центромъ которой сдѣлался Новгородокъ, основанный по всей вѣроятности, еще въ XI вѣкѣ [197]), а прежнія русско-ятвяжскія границы сдѣлались теперь ея границами со стороны старо-русскихъ кіевскихъ владѣній. Въ XIII вѣкѣ здѣсь извѣстны *Турійскъ* на Нѣманѣ (1253. Ипат. 207), по всей вѣроятности т. Турейко, на правомъ берегу его нѣсколько выше впаденія Щары, *Вѣслонимъ* (1276. ibid. 208), *Волковыескъ*, *Вѣсвислочь* (1255. Ипат 122) и *Городно*, передовое русское укрѣпленіе на Нѣманѣ [198]). Къ востоку отъ устьевъ Щары Кіевскія владѣнія охватывали, какъ кажется, всю область верхняго Нѣмана, съ Нѣсвижемъ, Припетскіе притоки Случь и Птичь, и Днѣпровскій притокъ Брагинку; водораздѣлъ между этими рѣками и областью Березины Днѣпровой служилъ имъ рубежомъ съ владѣньями Полоцкими и Черниговскими. Здѣсь, въ XI—XIII вѣкахъ, порубежными мѣстами являются съ Кіевской стороны—*Копыль*, *Слуцкъ* и *Брягинь*, съ Полоцкой—*Минскъ*, съ Черниговской—*Рѣчица*. Какъ возможные слѣды стараго порубежья въ этой мѣстности, нелишнимъ считаемъ отмѣтить: *Рубежевичи* на р. Сулѣ, правомъ притокѣ Нѣмана, въ западной части Минскаго уѣзда, къ съ с. в. отъ него *Воротники*, далѣе на сѣверъ *Граничи* у верховьевъ Свислочи и Птича, *Сутинъ* и *Сутина* въ южномъ углу Игуменскаго уѣзда, на границѣ съ Бобруйскомъ, близь нихъ *Горожцы* и *Горожа* въ Бобруйскомъ уѣздѣ, *Городокъ* на Птичи въ Слуцкомъ, Вышко*межъ* у истоковъ Брагинки; *Сутава* близь лѣваго берега Днѣпра, почти противъ Любеча, *Городище* близь устья Припети, и т. д.

Восточную границу Кіевскаго княженія вообще составлялъ Днѣпръ, который отдѣлялъ его отъ княжествъ Черниговскаго и Переяславскаго; лѣвое побережье его носило названіе *Черниговской стороны*, правое—*Кіевской*. Тѣмъ не менѣе и на лѣвой Черниговской сторонѣ замѣчаются Кіевскія владѣнія, тянувшихся какъ кажется узкою полосою по Днѣпровскому берегу отъ устьевъ *Десны* до рѣчки *Курани*, которая сливается съ Днѣпромъ напротивъ Треполя [199]). Что же касается южнаго порубежья, то оно, прилегая

къ степямъ, занятымъ ордами азійскихъ кочевниковъ, не представляло для Кіевскихъ владѣній прочныхъ и постоянныхъ границъ: они измѣнялись сообразно съ положеніемъ, которое принимала Русь относительно бродячаго населенія западнаго приднѣпровья, отступали или разширялись по мѣрѣ его усиленія или ослабленія. Не извѣстно, какъ далеко на югѣ простирались Русскія владѣнія при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ Олегѣ и Игорѣ. Изъ договоровъ ихъ съ Греками видна однако близость ихъ къ Корсунскимъ владѣніямъ Грековъ. Днѣпровскій Лиманъ не принадлежалъ тогда Руси; но тѣ статьи Игорева договора, которыми Русь обязуется не зимовать „въ устьи Днѣпра Бѣлбѣрежи, но у святаго Елферія", и въ тоже время не допускать Черныхъ Болгаръ до нападенія на Корсунскую область (Лавр. 21—22),—эти статьи указываютъ, что земли ея доходили до Корсунскихъ границъ, были по крайней мѣрѣ близки къ нимъ, и отдѣляли ихъ отъ Болгаріи. Ясно, что Русь господствовала тогда надъ всемъ теченіемъ Днѣпра и Восточнаго Буга. Это предположеніе подтверждается также и отношеніями къ Печенѣгамъ, которые впервые явились у русскихъ предѣловъ около 918 года (Лавр. 18). Въ теченіе цѣлаго полстолѣтія они остаются безопасными сосѣдями Руси. При первомъ появленіи своемъ они заключаютъ миръ съ Игоремъ и только по соглашенію съ нимъ открываютъ себѣ путь къ Дунаю. Нѣсколько позднѣе они принимаютъ участіе во второмъ походѣ его на Грековъ, при чемъ нельзя не замѣтить, что они стоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ русскаго князя: онъ беретъ у нихъ тали или заложниковъ, и посылаетъ ихъ воевать Болгарскую землю (Лавр. 19). За тѣмъ о нихъ не слышно въ теченіе почти двадцатипяти лѣтъ. Но событія второй половины X вѣка, особенно войны Святослава въ Болгаріи, несомнѣнно должны были благопріятствовать ихъ усиленію въ западномъ Поднѣпровьи, въ которомъ они пріобрѣтаютъ мало по малу перевѣсъ. Прежде всего они утверждаются въ „полѣ", т. е. въ степяхъ, простирающихся къ югу отъ Карпато-Уральской Гряды, образующей, какъ извѣстно, Днѣпровскіе пороги: Святославъ думаетъ уже обезопасить Кіевскія владѣнія тѣмъ, что онъ послѣ перваго нападенія варваровъ на Кіевъ „собра вои и прогна Печенѣги въ поле" (Лавр. 29). Но вскорѣ они захватываютъ и Днѣпровскіе пороги. На это указываютъ обстоятельства смерти

Святослава и прямое свидѣтельство Константина Порфиророднаго[200])
Естественнымъ послѣдствіемъ ихъ усиленія было запустеніе западнаго Поднѣпровья. Къ концу X вѣка Славянское населеніе покинуло уже побережья Буга, Тясмини, даже Роси, сдѣлавшіяся небезопасными. Въ усобицу дѣтей Святославовыхъ, крайнимъ на югѣ, ближайшимъ къ Печенѣжскимъ кочевьямъ русскимъ городомъ является *Родня* на устьи Роси (980 Лар. 33); но скоро и онъ исчезаетъ изъ исторіи. Какъ кажется въ это время все пространство почти до самого Кіева уже обезлюдѣло отъ опустошительныхъ Печенѣжскихъ набѣговъ. Для огражденія отъ нихъ стольнаго города, Владиміръ началъ ставить города, но возведенная имъ линія укрѣпленій, по прямому свидѣтельству лѣтописи, не простиралась на правой сторонѣ Днѣпра южнѣе Стугны [201]). При этомъ Владиміръ не нашолъ уже здѣсь постояннаго населенія, и для того, чтобы заселить вновь поставленные города былъ принужденъ „нарубати мужѣ лучшіѣ отъ Словенъ и отъ Кривичь и отъ Чюди и отъ Вятичь" (Лавр. 52). Архіепископъ Бруно, бывшій въ Кіевѣ въ 1106 году и видѣвшій порубежныя укрѣпленія, говоритъ, что они отстояли отъ города русскаго князя въ двухъ дняхъ пути,—слѣдовательно были именно на водораздѣлѣ между Стугной и Красной съ одной стороны и Росью съ другой. Энергическая борьба съ степняками, память о которой сохранилась и въ лѣтописяхъ и въ народномъ эпосѣ, доставила скоро перевѣсъ Руси надъ кочевниками, которые въ свою очередь начинаютъ отступать на югъ; границы Кіевскаго княженія раздвинулись въ первой половинѣ XI вѣка до Роси. Построеніе городовъ по побережьямъ ея принадлежитъ Ярославу, который населилъ ихъ между прочимъ полоненными въ походѣ на Польшу 1031 году Ляхами. Съ тѣхъ поръ область Роси оставалась до XIII—XIV вѣка южною Кіевскою украйною. Появленіе Половцевъ на западъ отъ Днѣпра въ половинѣ XI вѣка произвело важный переворотъ и въ степномъ населеніи, и въ отношеніяхъ къ нему русскихъ князей. Новые пришлецы въ южно-русскія степи нанесли рѣшительный ударъ своимъ кочевымъ предшественникамъ, часть которыхъ предпочла власть русскихъ князей подчиненію Половцамъ и заняла южное порубежье Кіевскаго княженія. Это были Торки, Берендѣи, Коуи, можетъ быть вѣтви Печенѣжскаго племени,—извѣстные подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ. Занимая все

Поросье и верхнее Побужье, они мало по малу привыкали къ осѣдлости и къ городской жизни, и въ ихъ городкахъ, замыкавшихъ Кіевское княжество съ юга, русское населеніе получило твердый оплотъ со стороны степей.

Такимъ образомъ въ эпоху Начальной лѣтописи южная граница Кіевскаго княжества нѣсколько разъ перемѣнялась, сначала отступая на сѣверъ къ Кіеву передъ наплывомъ Печенѣговъ, за тѣмъ въ довольно удачной борьбѣ русскихъ князей съ Половцами снова отодвигаясь на югъ. Эти измѣненія оставили по себѣ слѣды въ укрѣпленіяхъ, которыя въ нѣсколько рядовъ тянулись отъ праваго берега Днѣпра на западъ къ Бугу. Древнѣйшія изъ нихъ, относящіяся ко времени Владиміра Святаго, находились по водораздѣлу между Стугной съ одной, Красною и Поросьемъ съ другой стороны.—По лѣтописнымъ извѣстіямъ Владимірова времени, самыми крайними на югѣ Кіевскаго княженія городами являются: *Бѣлгородъ*, любимый городъ Владиміра, въ 997 году осажденный Печенѣгами (Лавр. 84, 45, 55) и *Василевъ*, подъ которымъ была въ 996 году битва съ Печенѣгами. Первый изъ нихъ находился на рѣкѣ Ирпени, на мѣстѣ теперешней Бѣлгородки, второй на Стугнѣ, гдѣ теперь уѣздный городъ Васильковъ; кромѣ этихъ городовъ были конечно и другіе по Стугнѣ, и верхнимъ теченіямъ Унавы, и Ирпени, которые лѣтописецъ не имѣлъ случая упомянуть. Но, по приведенному выше свидѣтельству очевидца Бруно, города не составляли въ то время единственнаго средства защиты со стороны степей. По его словамъ, русскій князь обвелъ свои владѣнія отъ нападеній кочующаго непріятеля чрезвычайно длиннымъ и крѣпкимъ частоколомъ, находившимся въ двухъ дняхъ пути отъ его столицы. Для проѣзда въ степи, въ немъ были сдѣланы *ворота* [202]). Слѣды этаго укрѣпленія безъ сомнѣнія до сей поры сохранились въ такъ называемомъ *Зміевомъ валѣ*, который тянется степью по южной части Кіевскаго уѣзда отъ м. Триполья (при сліяніи Стугны и Красны) на западъ черезъ сел. Барахтянскую Ольшанку мимо сел. Кодина, и, переѣзжавъ большую дорогу, идущую изъ Бѣлой Церкви въ Васильковъ, проходитъ полянами селеній Парадовки, Великой Снятинки, Фастова и Павни въ Сквирскій уѣздъ къ сел. Бѣлки [203]). На древность этого вала мы имѣемъ несомнѣнныя указанія въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о битвѣ русскихъ князей

съ Половцами въ 1093 году у Трипольскихъ валовъ, и объ извѣстной Перепетовской битвѣ 1150 въ усобицу Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ (Лавр. 95, Ипат. 62). Въ одной старинной записи города, лежавшіе къ югу отъ этого вала названы *Завальскими* и *Поровскими* городами [204]). О укрѣпленіяхъ далѣе на западъ при Владимірѣ Святомъ нѣтъ никакихъ данныхъ; можетъ быть, они охватывали верхнее теченіе *Унавы*, у верховьевъ которой находимъ селенья *Городище* и *Городъска* (у границъ Волынской губ.), *Ирпени* (съ сел. Яроповцы—древній *Ярополчъ* 1160 года. Ипат. 86, у истоковъ Ирпеня въ Сквирскомъ уѣздѣ) и притоковъ *Тетерева*, гдѣ находятся теперь селенья *Халамъ-городокъ* на Пустолѣ, *Райгородокъ* на Тетеревѣ, въ южной части Житомірскаго уѣзда, у подножія гряды холмовъ, составляющей водораздѣлъ между Восточнымъ Бугомъ и Днѣпровскими притоками. Другой рядъ укрѣпленій—*города-Поросскіе*-возникъ, какъ мы видѣли, при Ярославѣ. Въ извѣстіяхъ о событіяхъ, совершившихся при этомъ князѣ, нѣтъ указаній, какіе именно города были основаны имъ въ Поросьи;— Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ *Юрьевъ*, котораго основаніе, какъ показываетъ самое названіе его, слѣдуетъ приписать Ярославу, и слѣды котораго едва-ли не скрываются въ селеніяхъ Большой и Малый *Ерчики*, на рѣкѣ Ростовицѣ въ Сквирскомъ уѣздѣ [205]). Весьма вѣроятно, что еще Ярославъ сдѣлалъ этотъ городъ центральнымъ пунктомъ княжескаго и церковнаго управленія всей образовавшейся при немъ области въ Поросьи. Во второй половинѣ XI вѣка въ Поросьи упоминается нѣсколько городовъ, которые могли возникнуть еще во время Ярослава,—таковы: *Растовицъ* и *Ятинъ (Неятинъ)*, окрестности которыхъ были опустошены Половцами въ 1071 году [206]), *Святославль* и *Торческій* (Торцинскій), градъ или *Торческъ*. Положеніе Святославля (1084—86. Поуч. Мон. Лавр. 103) не извѣстно [207]); Растовецъ и Ятинъ опредѣляются рѣчкою *Растовицею*, которая, получивъ начало въ Бердичевскомъ уѣздѣ, протекаетъ по Сквирскому и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Рось, нѣсколько ниже Сквиры. На ней надо искать лѣтописнаго Растовьца: на пространствѣ отъ этой рѣки до Повологи до сей поры сохранились еще остатки вала (въ три сажени вышиной), по верхъ котораго, по мѣстному преданію, была когда то стѣна изъ заостреннаго частокола [208]) Ятинъ

1071 года пріурочивается съ достаточною достовѣрностью къ сел. *Яненятину* (на верхнемъ теченіи Растовицы), на поляхъ котораго указываютъ слѣды двухъ крѣпостей или замковъ [209]). Что касается *Торческа*, то онъ могъ возникнуть уже по смерти Ярослава, вслѣдствіе подчиненія Торковъ русскимъ князьямъ, при Изяславѣ, и никакъ не позже 1084—1086 года, ибо поученіе Владиміра Мономаха говоритъ о немъ именно въ изложеніи событій этого времени [210]). Во всякомъ случаѣ въ концѣ XI вѣка это былъ крайній порубежный городъ съ Половецкими кочевьями,—можетъ быть, на мѣстѣ сел. *Торчица*. на р. того же имени, съ юга впадающей въ Рось (въ Таращанскомъ уѣздѣ), или же тамъ, гдѣ теперь м. *Стеблевъ* на Роси (къ западу отъ Корсуни, въ Каневскомъ у.), съ слѣдами древняго города [211]). Такимъ образомъ въ концѣ XI вѣка и въ началѣ XII владѣнія Кіевскихъ князей не переходили на югѣ за холмистый водораздѣлъ между Росью, Тясминемъ и рѣками Восточно-Бужскаго бассейна (Тикичи Гнилой и Горскій).—За Росью, по Бугу простирались уже Половецкія кочевья; объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Мономахъ [212]). Но въ XII вѣкѣ, какъ было уже замѣчено, обстоятельства измѣнились. На югъ отъ Роси, по Тясминѣ и ея притокамъ и по притокамъ Синюхи утвердились Черные клобуки, признавшіе себя въ зависимости отъ Кіевскихъ князей. На границѣ ихъ владѣній съ Половецкими кочевьями, отодвинувшимися къ Днѣпровскимъ порогамъ и на Ингулъ, возникла цѣлая система порубежныхъ городковъ (*Куниль-Такуниль* 1150 Ипат. 50 на м. теп. Конелы въ Липовецкомъ уѣздѣ, *Чюрнаевъ* близь р. Выси, *Кульдеюревъ*), и укрѣпленій, остатки которыхъ видны и теперь въ непрерывномъ рядѣ городищъ, на югѣ Кіевской губерніи отъ устья Тясмины до Буга въ Гайсинскомъ и Балтскомъ уѣздахъ губерніи Подольской [213]). Какъ кажется, они не причислялись и тогда къ собственно Кіевскимъ владѣніямъ, но подъ защитою ихъ Поросье достигло значительной степени благосостоянія, и въ концѣ XII вѣка княжескія владѣнія въ немъ считаются одними изъ выгоднѣйшихъ въ предѣлахъ Кіевскаго княженія. На западъ отъ истоковъ Роси Кіевскія владѣнія шли къ Восточному Бугу, охватывая теченіе Бужскаго притока *Десны*, на которомъ уже въ половинѣ XII вѣка мы знаемъ Кіевскій городъ *Прилукъ* (1146. Лавр. 136) на м. теп. Стараго Прилука (Бердичевскаго у.); затѣмъ простирались по верхнему Бугу до истоковъ Горыни, приле-

гая сначала къ степямъ, затѣмъ къ Галицкимъ владѣніямъ. Здѣсь Начальная лѣтопись называетъ *Бужьскій Острогъ*, куда былъ выведенъ изъ Володиміря Давидъ Игоревичъ извѣстнымъ рѣшеніемъ Долобскаго съѣзда князей (1110. Лавр. 113.), можетъ быть теп. *Забузже* къ сѣверу отъ Литина на Бугѣ[214]), и *Выгошевъ* (1097. Лавр. 115), который въ половинѣ XII вѣка были захваченъ Галицкимъ княземъ Владиміромъ вмѣстѣ съ другими порубежными *Кіевскими городами—Бужскомъ*, *Шумскомъ* (на Виліи), *Тихомлемъ* и *Гноиницею* (на Горыни, къ западу отъ Заслава верстахъ въ 15—20): онъ былъ, вѣроятно, на мѣстѣ теп. Вышгородка на югѣ Кременецкаго уѣзда, на границѣ съ Галиціей къ с. в. отъ Збаража [215]). У верховьевъ Горыни Кіевскія владѣнія сходились съ Волынскими; на рубежѣ съ ними, который мы имѣли уже случай разсмотрѣть, Начальная лѣтопись знаетъ только *Дорогобужъ* (1086. Лавр. 88) на Горыни, къ востоку отъ Ровна и *Пинскъ* (1097. Лавр. 110) на Припети. Отъ устьевъ Горыни, онъ поворачивалъ на западъ и проходилъ, какъ можно предполагать, по Припети къ западному Бугу, гдѣ у устьевъ Влодавы, упирался въ Волынско-Польскій рубежъ.

Таковы были границы Кіевскаго княженія въ IX—XI вѣкахъ. Населенныя мѣста, которыя называетъ Начальная лѣтопись, группируются главнымъ образомъ въ Поднѣпровьи, составлявшемъ самую важную часть его. Здѣсь извѣстны: *Вышгородъ* (945), въ лѣсистой мѣстности на Днѣпрѣ, въ 15 верстахъ отъ Кіева, *градъ Ользинъ*, съ деревянной церковью св. Василія, въ которой были первоначально погребены князья Борисъ и Глѣбъ (1015. Лавр. 57—58), въ 1072 г. перенесенные въ новую церковь, поставленную княземъ Изяславомъ вѣроятно во имя этихъ святыхъ (ib. 78); *Кіевъ*, стольный городъ руской земли на Днѣпрѣ и вливающихся въ него рѣчкахъ *Лыбеди* и *Ручаѣ* или *Почайнѣ*, на которой была пристань (Лавр. 26). Первоначально Кіевъ былъ расположенъ только на *Горѣ*, на которой по преданію Апостолъ Андрей водрузилъ крестъ, но впослѣдствіи распространился на сосѣдніе холмы и на низменное побережье Днѣпра—*Подолье*, соединявшееся съ Горою *Боричевымъ взвозомъ* (23,50). Уже при Ольгѣ, по преданію, сохранившемуся въ XI вѣкѣ, каменный теремъ Ольгинъ былъ внѣ града, за городскою стѣною; Подолье же должно было заселиться еще раньше такъ какъ въ этой части Кіева находилась *церковь св. Иліи*, существовавшая при

Игорѣ. Собственно городъ былъ распространенъ въ 1037 году Ярославомъ, который обвелъ стѣнами прилегавшее къ нему поле; остатокъ этихъ укрѣпленій сохранился до нынѣ въ *Золотыхъ Воротахъ* на которыхъ Ярославомъ же была поставлена *церковь Благовѣщенья* (Лавр. 6). Въ XI вѣкѣ, по свидѣтельству, можетъ быть, преувеличенному Дитмара, въ Кіевѣ было болѣе 300 церквей и 8 торговъ, но Начальная лѣтопись упоминаетъ только обо одномъ торговищѣ, бывшемъ первоначально на Подольи, и въ 1068 году переведенномъ на Гору (Лавр. 75).—Важнѣйшія городскія постройки находились на Горѣ; здѣсь лѣтопись называетъ *церковь Василія*, поставленную Владиміромъ Святымъ на холмѣ, гдѣ стоялъ прежде извѣстный Перунъ (Лавр. 51), *церковь св. Богородицы*, (989—99. Лавр. 52) на площади, украшенной четыремя мѣдными конями и двумя мѣдными же статуями, вывезенными Владиміромъ изъ Корсуня; близь нея *дворъ Деместиковъ*, на мѣстѣ бывшаго Ольгина загороднаго теремнаго двора (Лавр. 10), *митрополья церковь св. Софіи*, построенная Ярославомъ въ 1037 году. Тутъ же на Горѣ были по всей вѣроятности *монастыри св. Георгія, и св. Ирины*, основанные Ярославомъ (ibid. 65), *монастырь св. Димитрія*, построенный Изяславомъ Ярославичемъ въ 1051 году *съ церковью свв. Петра* и *Павла*, въ которой погребенъ строитель ея Ярополкъ Изяславичъ (Лавр. 69, 88. Ник. I. 189), *церковь св. Петра* и *Павла*, поставленная митрополитомъ Іоанномъ въ 1008 году (Ник. I. 106) и *женскій монастырь св. Андрея*, основанный Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086 году, и названный по имени дочери его Янки (Анны) *Янчинымъ* или *Янцинымъ* (Лавр. 88; Ипат. 12, 15, 21, Лавр. 154). На Подольи стояла церковь св. Иліи. Кромѣ того, есть извѣстіе, что въ Кіевѣ еще до основанія названныхъ монастырей были монастыри Греческіе.—Изъ другихъ построекъ лѣтопись называетъ, кромѣ теперешняго двора Ольгина (Лавр. 23) ея *городской дворъ* и другой, *княжій дворъ* XI вѣка (Ярославовъ или Великій Лавр. 73 110), а также *дворы: Гордятинъ* и *Никифоровъ* на мѣстѣ стараго города, *Воротиславль* и *Чудинъ*, гдѣ былъ городской дворъ Ольги (Лавр. 10), *Коснячковъ* и *Брячиславль*.—Въ окрестностяхъ Кіева, по той же сторонѣ Днѣпра, находились: *урочище Угорьское*, часть высокаго и стермнистаго берега Днѣпра, противъ устья притока, *Черторыи*, гдѣ была Аскольдова могила (Лавр. 10); здѣсь въ XI

вѣкѣ стояли дворъ какого-то Ольмы и построенная имъ *церковь св. Николая*; далѣе *Берестовое* (980. Лавр. въ XI вѣкѣ *Берестовъ*), село съ княжескимъ дворомъ (Лавр. 98) и *съ церковью св. Апостолъ*, поставленною Ярославомъ (ib. 67); оно занимало мѣсто теперешней крѣпости; близь него могила *Тугоркана* (тестя Святослава) „межи путемъ идущимъ на Берестовое и другимъ въ монастырь идуще" (Лавр. 99), *монастырь Печерскій*, основанный вскорѣ послѣ смерти Ярослава подвижникомъ св. Антоніемъ (*ветхій монастырь* Лавр. 68), съ каменной церковью св. Богородицы, построенною въ 1073 году игуменомъ Ѳеодосіемъ (Лавр. 78—79); *церковь св. Ѳеодосія* (1091) и наконецъ *Выдобычи (Выдубичи)* съ *монастыремъ св. Михаила Всеволожимъ* (Лавр. 75, 88), и съ *Краснымъ* (княжимъ) *дворомъ*, построенными Всеволодомъ Ярославичемъ (ib. 98). Всѣ эти мѣста находились отъ Кіева внизъ по Днѣпру.—На западъ Печерскаго монастыря, между нимъ и городомъ—урочище *Кловъ*, на которомъ Стефанъ, прежде игуменъ Печерскій, а потомъ епископъ Владимірскій основалъ *монастырь св. Богородицы* Влахернскій, сожженный въ 1096 году Половцами (*Стефаничь монастырь*) и въ 1108 году возобновленный (Лавр. 121); близь него *Германечь монастырь*, можетъ быть Германа, игумена монастыря св. Спаса на Берестовомъ (ibid 98); за ними далѣе на западъ полагаютъ село *Предславино*, отданное Владиміромъ Рогнѣдѣ (980. Лавр. 34). Къ сѣверу отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру—гора Щекавица (теп. Скавица) съ *Олеговою могилою* (Лавр. 16), и села *Капичи* и *Дорогожичи* (*Дорожичи* 280—ibid. 32), гдѣ стоялъ Владиміръ, готовясь къ осадѣ Ярополка, затворившагося въ Кіевѣ,—мѣста теперь неопредѣлимыя; впрочемъ извѣстно, что Дорогожичи были по Вышеградской дорогѣ (Ипат. 100) подъ самымъ Кіевскимъ болоньемъ (ibid. 90). На лѣвомъ песчаномъ и лѣсистомъ берегу Днѣпра ближайшія къ Кіеву Кіевскія мѣста были: *Ольжичи* (Лжичи) или *Ольгово* село на Деснѣ (946. Лавр. 25 Ник. Лѣт. 1.) какъ полагаютъ при истокѣ Чарторыи; близь него (Ипат. 18) *Городецъ* (при поворотѣ рѣчки Радосыни или Радуни), въ которомъвъ 1026 году былъ заключенъ миръ между Ярославомъ и Мстиславомъ, въ 1076 году Кіевляне встрѣчали тѣло князя Изяслава Ярославича (ibid. 88; а въ 1097 сборное мѣсто приднѣпровскихъ князей, возставшихъ противъ Кіевскаго князя Святополка, по случаю захва-

та и ослѣпленія Василька Теребовльскаго (Лавр. 111) и урочище *Долобьскъ*, гдѣ на съѣздѣ князей въ 1103 году былъ рѣшенъ походъ на Половцевъ (ibid. 118). Тутъ же надо положить *Любечь* (*Любчь*), въ которомъ состоялся извѣстный сеймъ князей 1097 года (ibid. 109) и который дѣйствительно нельзя пріурочивать къ мѣстности *Любеча* Черниговскаго, уже по тому одному, что всѣ извѣстные намъ общіе съѣзды южнорусскихъ князей происходили въ окрестностяхъ Кіева, а изъ обстоятельствъ 1097 года не видно, почему бы на этотъ разъ князья могли выбрать, вмѣсто центральнаго Кіева—незначительный Черниговскій городокъ [216]). Кіевскій Любечь былъ, какъ указываетъ Бороздинъ, близъ озера *Подлюбскаго*, соединеннаго ручьемъ съ Радосынью, къ в. отъ озера Долобскаго и къ ю. отъ Городца [217]).—Изъ другихъ Кіевскихъ городовъ лѣтопись называетъ—по Днѣпру: *Саковъ*, на лѣвомъ берегу Днѣпра гдѣ въ 1101 году происходили переговоры съ Половцами о мирѣ (Лавр. 117); въ 1095 году жители окрестностей этого города (Засаковцы), вслѣдствіе нападеній Половцевъ, были переведены Святополкомъ на правый берегъ Днѣпра (ibid. 97) теп. *Сальковъ* м. на Днѣпрѣ Полтавской Губ. нѣсколько выше впаденія Курани [218]); *Халъпъ* (Поуч. Мон. Лавр 103, теп. Холопье м. при устье Стугны), порубежный городъ Кіевскій на правомъ берегу Днѣпра; *Святополчъ градъ*, построенный Святополкомъ въ 1085 году на *Витичевомъ* холмѣ для жителей городовъ, разоренныхъ Половцами (Лавр. 97.), впослѣдствіи *Витичевъ городъ* (теп. Витичево село верстахъ въ 5 ниже Холопья), *Зарубъ* (1096. Лавр. 98), при которомъ была переправа черезъ Днѣпръ; въ окрестностяхъ его съ XI вѣка кочевали Торки и Берендѣи, въ 1105 году побѣжденые Половецкимъ ханомъ Бонякомъ (ib. 119);—теп. *Зарубинцы*, на правомъ берегу Днѣпра, нѣсколько выше устьевъ Трубежа[219]); наконецъ упомянутый уже нами Родня городъ на устьи Роси.—Сверхъ того съ XI вѣка извѣстенъ на Днѣпрѣ *Каневъ* и *Корсунь* (Керсунь), о которыхъ нѣтъ однако лѣтописныхъ указаній; они упоминаются въ Патерикѣ Печерскомъ [220]). На притокахъ Днѣпра—по Припети: *Туровъ* (980, 32. 103, 110), *Пинскъ* (1097. 110) Древлянскіе города—*Вручай* (977, Лавр. 31—32); теп. Овручь на Норинѣ, съ лѣвой стороны вливающевся въ Ушь, и *Изъкоростень*, взятый Ольгою въ 946 году (ib. 23. теп. Искорость на Ушѣ въ южной части Овручскаго уѣзда),

Выгошевъ, и *Доро обужъ* (1084. 88, 114.) на Горыни; на Здвижѣ, правомъ притокѣ Тетерева—*Здвижденъ* градъ, по дорогѣ изъ Кіева во Владиміръ (1097. Л. III; на мѣстѣ теп. Здвижки, селенія Радомысльскаго у.); на Ирпени—*Бѣлгородъ* (980 Лавр. 34. теп. м. *Бѣлогородка*), любимый городъ Владиміра Св., въ 991 году вновь укрѣпленный имъ, былъ въ 997 г. осажденъ Половцами; въ 1097 году въ Бѣлгородѣ былъ ослѣпленъ Василько Теребовльскій; *Желань* сел. недалеко отъ Кіева, при которомъ Половцы разбили Святополка въ 1093 году (Лавр. 94); теп. *Жиляне* или *Жуляне* сел. Кіевскаго у на р. Борщаговкѣ, правомъ притокѣ Ирпени; урочище *Увѣтичи* на которомъ въ 1100 году состоялся съѣздъ князей (Лавр. 116), по всей вѣроятности на рѣчкѣ *Вѣтъ*, вливающейся въ Днѣпръ выше Стугны[221]); на Стугнѣ—*Василевъ* (988. Лавр. 48), основанный по всей вѣроятности Владиміромъ Св., съ церковью Преображенья, построенною этимъ княземъ въ память избавленія его отъ опасности въ битвѣ съ Печенѣгами, бывшей подъ этимъ городомъ въ 996 году (ib. 54); *Треполь*, подъ которымъ русскій князя были разбиты Половцами въ 1093 (ib. 94, — теп. Триполье, при сліяніи Красны и Стругны). На южной окраинѣ Кіевскаго княженія, въ Поросьи, какъ мы видѣли, *Торційскъ* или *Торческій градъ* и *Юрьевъ*, *Растовецъ*, *Ятинъ*, *Святославль*, и въ Побужьи *Бужскій Острогъ* и *Выгошевъ* замыкали собою рядъ городовъ, извѣстныхъ здѣсь Начальной лѣтописи.

Глава VII. Славяно-русское населеніе на восточной сторонѣ Днѣпра.—Характеръ извѣстій о немъ Начальной лѣтописи.—Географическое распространеніе Сѣверянъ.—Славяне въ предѣлахъ Хазарскаго царства.—Тмутаракань.—Радимичи и Вятичи. — Образованіе княженій Черниговскаго и Переяславскаго.—Посемье.—Земля Вятичей.—Ихъ рубежи и населенныя мѣста.

На востокъ отъ Днѣпра Начальная лѣтопись указываетъ Славяно-русскія земли *Сѣверянъ*, *Радимичей* и *Вятичей*. Переходя къ разсмотрѣнію ихъ географическаго распространенія, не льзя не замѣтить, что вообще Начальная лѣтопись сообщаетъ о нихъ несравненно меньше географическихъ извѣстій, чѣмъ о населеніи собственно Русской земли. По мимо того, что собственная Русь имѣла значеніе центра слагавшейся общерусской жизни, что въ ней главнымъ образомъ сосредоточивались событія, въ лѣтописномъ

описаніи которыхъ ея географія должна была выступить подробнѣе и обстоятельнѣе,— относительное богатство лѣтописныхъ извѣстій о ней объясняется также самымъ происхожденіемъ Начальной лѣтописи. При всей общности ея характера, все таки очевидно, что она возникла въ Кіевѣ, и что составитель ея гораздо ближе и съ большими подробностями зналъ событія, совершавшіяся въ Кіевской Руси, чѣмъ въ другихъ краяхъ молодаго государства. Они представляли для него самый живой и существенный интересъ, между тѣмъ какъ свѣденія о жизни въ другихъ частяхъ Руси доходили до него только въ общихъ, главныхъ чертахъ, и въ такомъ видѣ заносились въ лѣтопись. По этому извѣстія лѣтописи о восточномъ Поднѣпровьи, „верхнихъ земляхъ“, Подвиньи, Новгородской области отличаются краткостью, отсутствіемъ подробностей, при чемъ естественно географическія указанія встрѣчаются въ нихъ еще случайнѣе, рѣже, чѣмъ въ извѣстіяхъ о собственной Руси. Что касается юго-восточной Руси, то, кромѣ скудости лѣтописныхъ извѣстій, изученіе ея географіи значительно затрудняется недостаткомъ того важнаго матеріала, какой могутъ въ извѣстной степени представлять данныя географической номенклатуры. Во весь древній періодъ нашей исторіи юго-восточная Русь подвергалась постояннымъ опустошительнымъ набѣгамъ сосѣднихъ степняковъ, набѣговъ, которые завершились конечнымъ разореніемъ ея отъ Татаръ. Постоянная опасность изъ—внѣ не позволяла Славянству утвердиться здѣсь съ надлежащею крѣпостью, хотя бы и такъ, какъ оно могло утвердиться въ Кіевской Руси и въ земляхъ прикарпатскихъ. Отсюда шли постоянныя выселенія на болѣе безопасный сѣверъ; мѣста выселенцевъ занимали выходцы изъ другихъ славяно-русскихъ земель, но чаще всего они оставались незаселенными, или же становились добычею степныхъ варваровъ. Послѣ Татарскаго погрома произошла полная смѣна населенія юго-восточной окраины[222]) Такія перемѣны не могли не отразиться и на ея географической номенклатурѣ. Большая часть старо-русскихъ названій не только топографическихъ, но даже хорографическихъ исчезли въ этихъ переворотахъ. Весьма немногія мѣстности удержали тѣ названія, подъ которыми они являются въ краткихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ; названія племенныя или староземельныя, которыя могли бы послужить указаніемъ—конечно, весьма шаткимъ и сомнительнымъ—при опредѣ-

ленія прежняго распространенія славяно-русскихъ вѣтвей или земель,—исчезли. Въ тоже время неустойчивость и слабость населенія, зависимость отъ азійцевъ не позволяли юго-восточному Славянству развиваться свободно тѣмъ путемъ, какимъ шли другія славяно-русскія вѣтви. Земли, сложившіяся у Сѣверянъ, Радимичей и отчасти у Вятичей, не могли достигнуть той самостоятельности и выработать такую отдѣльность, съ какою являются земли по правую сторону Днѣпра. Ихъ взаимныя отношенія были опредѣлены слабо и ихъ дѣятельность по обезпеченію рубежей отъ сосѣдей, какъ соплеменныхъ, такъ и инородческихъ, была, какъ кажется, ничтожною въ сравненіи съ такою же дѣятельностью Славянъ на западъ отъ Днѣпра. Доказательства этому представляются между прочимъ въ томъ, что до нашего времени въ древнихъ предѣлахъ юго-восточной Руси почти не сохранилось тѣхъ слѣдовъ земельныхъ порубежій, какія мы находимъ на правомъ берегу Днѣпра въ многочисленныхъ *городкахъ*, *стражахъ*, *воротахъ*, *осѣкахъ*, *межахъ*, *рубежахъ* и т. п. Можетъ быть однако, что археологическія изслѣдованія прольютъ новый свѣтъ на этотъ важный и темный вопросъ древне-русской исторіи.

По извѣстію лѣтописи, область *Сѣверянъ* (Сѣверъ, Сѣверо [223]) простиралась по *Деснѣ*, *Семи* (Сейму) и *Сулѣ*; слѣдовательно она прилегала на западѣ къ Полянской и Кривской землямъ, съ сѣвера къ Радимичамъ, жившимъ по Сожѣ, на сѣверо-востокъ къ по-окскому населенію Вятичей, представляя на юго-востокѣ и югѣ славяно-русскую украйну съ кочевьями азійскихъ выходцевъ. Ихъ западная окраина во всякомъ случаѣ доходила до Днѣпра. Это видно изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ раздѣлъ русской земли между братьями Володиміровичами Мстиславомъ и Ярославомъ въ 1024 году, когда Мстиславъ Тмутораканскій, одержавши надъ братомъ побѣду въ извѣстной Лиственской битвѣ, благодаря поддержкѣ Сѣверянъ [224]), добровольно уступилъ ему Кіевъ, а за собою удержалъ Черниговъ,—при чемъ Днѣпръ остался рубежомъ ихъ владѣній. Мы видѣли, что въ XII вѣкѣ Кіевскія владѣнія простирались узкою полосою по лѣвой сторонѣ Днѣпра отъ низовьевъ Десны до устья Курани; но эти владѣнія имѣли характеръ *подгородныхъ* мѣстъ Кіева, и даже въ то время ни сколько не ослабляли порубежнаго значенія Днѣпра, раздѣлявшаго *Кіевскую* и *Черниговскую*

стороны. Что касается Кривичско-Северяноваго порубежья, то нѣкоторыя указанія на него можетъ представлять топографическая номенклатура волока, раздѣляющаго теченіе Брягинки и Днѣпра. Здѣсь по правую сторону Днѣпра къ юго-западу отъ *Радуля*, лежатъ селенья *Сѣвки*, и близи него—*Сутава* (къ юго-востоку), *Кривецъ* (на югъ), Новое *Городище* на р. Брягинкѣ, далѣе на с. опять *Кривецъ* близь м. Лоева и у верховьевъ Брягинки—Вышемежъ. Такое совпаденіе данныхъ современной географической номенклатуры на такомъ небольшомъ сравнительно пространствѣ не позволяетъ видѣть въ немъ ничего случайнаго, и едва ли будетъ слишкомъ смѣло допустить, даже основываясь только на этихъ данныхъ, неподкрѣпляемыхъ иными свидѣтельствами, что здѣсь, на этомъ Брягинско-Днѣпровскомъ водораздѣлѣ, сходились рубежи земель Сѣверской, Кривской, Радимичской и Полянской. По лѣвую сторону Днѣпра сѣверный предѣлъ Сѣверянъ составлялъ безъ сомнѣнія водораздѣлъ между Сожью, которая была занята Радимичами, и полостью Десны (рѣки Свинь или Замглай, Сновь). Лѣтопись указываетъ тутъ Чернигово-Сѣверскіе города *Любечъ*, теперь мѣстечко на Днѣпрѣ, *Лиственъ* (1024. Лавр. 64), который приурочивается къ сел. Листвену, лежащему на югъ отъ у. г. *Городны*, на ручьяхъ вливающихся въ Сновь съ лѣвой стороны, *Ронскъ* (на Снови), *Новгородъ*, за которымъ удержалось по преимуществу названіе *Сѣверскаго*. На подробныхъ картахъ этаго края замѣчаются, кромѣ Городни на рѣчкѣ того же имени, черезъ Смячь вливающейся въ Сновь, еще нѣсколько названій, которыя не льзя опустить изъ виду при опредѣленіи этнографическаго распространенія Сѣверянъ, а именно: (*Страшиво—Страживо*? къ юго-западу отъ Стародуба, и верстахъ въ 10 отъ него къ сѣверо-западу) *Рубежное*, близь котораго сел. Большой и Малый *Кривецъ* (въ Новозыбковскомъ у.), а также *Городище* у Судости въ Стародубскомъ уѣздѣ, къ юго-востоку отъ у. г., и вблизи Погара, древнее названіе котораго *Радогощь* едва ли не сохранило слѣдъ племеннаго наименованія Радимичей.—Далѣе на сѣверъ по Деснѣ Сѣверянскія поселенія простирались между Радимичами и Вятичами. Земельный рубежъ съ Вятичами долженъ былъ проходить по Окско-Деснянскому водораздѣлу, гдѣ лѣтопись указываетъ въ XII вѣкѣ мѣстности, которыя хотя и принадлежали къ Черниговскому княженію, но тѣмъ не менѣе не причисляются ею

къ землѣ Вятичей, и которыя слѣдовательно могутъ быть отнесены къ области Сѣверскихъ заселеній. Таковы *Болдыжъ* лѣсъ (1145. Ипат 26.), урочище на пути изъ Путивля и Сѣвска въ Корачевъ, тамъ гдѣ теперь указывается сел. *Болдыжъ* у г. Дмитровска Орловской губ., *Корачевъ, Домагощъ* (1147. Ипат. 1145 св.), *Дъбрянскъ* (Брянскъ. 1147. Ират.), *Вьщижъ* (1142. Ипат.) на Деснѣ въ 40 верстахъ выше Брянска. Здѣсь, на этомъ водораздѣлѣ, въ холмистой и лѣсистой мѣстности по восточнымъ границамъ теперешнихъ Дмитровскаго и Карачевскаго у. замѣчаются теперь городища: *Криво-Городище* на Кромѣ, лѣвомъ притокѣ Оки, Водоцкое *Городище* въ южной части Карачевскаго уѣзда, Верхній и нижней *Городцы* по дорогѣ изъ Сѣвска въ Карачевъ, къ з. отъ Городища Водоцкаго, близь нихъ нѣсколько далѣе на западъ *Городи* на ручьѣ, съ юга вливающемся въ Деснянскій притокъ *Навлью* [226]). Какъ далеко на сѣверъ за верховья Десны простирались Сѣверянскія заселенія указываютъ названія лѣваго притока Москвы рѣки *Сѣверска*, извѣстнаго подъ этимъ именемъ съ начала XIV вѣка и города *Свирѣльска*, бывшаго Черниговскою волостью на Ростово-Суздальскомъ порубежьи [225]). Впрочемъ въ этомъ краю, какъ уже было сказано выше, первоначальное населеніе составляло инородческое племя Мери, и Славянство является здѣсь населеніемъ пришлымъ, хотя и въ весьма отдаленное время. Сколько можно судить по топографической номенклатурѣ, колонизація шла сюда съ разныхъ концевъ восточнаго Славянства и главнымъ дѣятелемъ въ ней было великое племя Кривичей.

Юго-восточныя разселенія Сѣверянъ шли по Семи (Сейму), съ областью котораго Подесенье сближается рѣкою *Сѣвою*, вливающеюся въ Десну черезъ Нерусу. Здѣсь только указываетъ ихъ лѣтопись, но есть много основаній думать, что они простирались даже въ эпоху образованія русскаго государства гораздо далѣе на востокъ и юго-востокъ, въ область Сѣвернаго Донца, извѣстнаго на Руси подъ именемъ Дона, какъ то видно изъ описанія похода на Половцевъ въ 1103 г. [227]), и въ область самаго Дона. По извѣстіямъ Мусульманскихъ писателей IX—X вѣка, Славяне составляли въ Хазаріи, простиравшейся по Дону и Волгѣ до Кавказскаго хребта, не только значительную часть городскаго населенія, но довольно многочисленное осѣдлое, слѣдовательно деревенское или сельское населенье,

изъ котораго, какъ свидѣтельствуетъ Баладури [228]), Сирійскій вождь Марванъ, въ набѣгѣ на Хазарію, вывелъ до двадцати тысячъ Славянъ. Нѣтъ нужды ни предполагать въ этихъ Славянахъ тѣ славянскія вѣтви, которыя по извѣстіямъ нашей лѣтописи платили дань Казарамъ (т. е. Сѣверянъ по Деснѣ, Семи и Сулѣ, Вятичей, Радимичей и Полянъ), ни отвергать справедливость этаго извѣстія, опираясь только на томъ соображеніи, что сирійскій вождь не могъ проникнуть такъ далеко въ глубь восточно-европейской равнины, на Днѣпръ, Сулу, Сеймъ, Сожъ, Оку: онъ нашолъ осѣдлое славянское населеніе въ предѣлахъ самой Хазаріи, въ плодородныхъ порѣчьяхъ Сѣвернаго Донца и Дона.—По прямому свидѣтельству Массуди, еще въ его время (во второй половинѣ X вѣка), русскія и славянскія племена—языческой религіи обитали въ предѣлахъ Хазаріи; они имѣли особаго судью, который судилъ ихъ по закону язычества, то есть по закону разума; Русь и Славяне составляли войско царя и его прислугу [229]). Самый *Донъ* у многихъ изъ Мусульманскихъ писателей, вообще хорошо знакомыхъ съ восточными окраинами Европейской Россіи, называется *Славянскою рѣкою*. Это названіе, еще чаще придаваемое Волгѣ, должно было явится не только вслѣдствіе того, что верховья этихъ рѣкъ лежали въ землѣ Славянъ, но и въ силу того, что на ихъ побережьяхъ и въ ихъ полости Славянство, если и не было населеніемъ, преобладающимъ по численности, то заявило себя достаточно самобытною и сильною дѣятельностью среди кочеваго и перемежающагося азійскаго населенія. Это названіе даетъ также основаніе предполагать, что на юго-востокѣ равнины Славянство могло простираться по крайней мѣрѣ до нижняго теченія Волги, которая у теп. Царицына отдѣляется такимъ незначительнымъ волокомъ отъ полости нижняго Дона. Существованіе Тмутаракани, славяно-русской колоніи на устьяхъ Кубани, начало которой относятъ обыкновенно къ X вѣку, показываетъ что Славянское населеніе въ глубокой древности доходило по черноморскому побережью до Кавкасійскихъ горъ, въ сосѣдство *Ясовъ*, *Касоговъ*, и *Обезъ* [230]). Сильное Хазарское царство, опираясь само главнымъ образомъ на Славянствѣ, обезпечивало Славянству, жившему въ его предѣлахъ, спокойное существованіе. Съ паденіемъ его подъ ударами русскихъ князей Олега и Святослава, съ подчиненіемъ его территоріи власти Руси, единоплеменное или родственное Славянское насе-

леніе естественно должно было получить перевѣсъ надъ инородческимъ населеніемъ. Связь съ Поднѣпровьемъ черезъ низовья Дона и Донца, по лѣвымъ притокамъ Днѣпра очевидно усилилась. Торжество христіанства въ Поднѣпровской Руси отразилось въ Тмутаракани основаніемъ особаго епископства, стоявшаго съ Кіевомъ въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ враждебными сосѣдями, горными Ясами и Касогами съ юга, Греками съ запада, азійскими степняками, постоянно наплывавшими съ востока, Тмутаракань, пока не пала окончательно въ концѣ XI вѣка, служила убѣжищемъ и пріютомъ для многочисленныхъ выходцевъ изъ разныхъ концовъ русскаго Славянства, которыхъ влекли туда жажда воинской дѣятельности, чести и добычи, отчасти же недовольство своимъ положеніемъ на Руси. Здѣсь, въ мѣстномъ населеніи, князья—изгои легко находили себя дружину и союзниковъ въ воинственныхъ инородцахъ и *воевъ* въ мѣстномъ Славянствѣ. Такъ мы видимъ, что первый Тмутараканскій князь Мстиславъ Володиміровичъ, предъявившій свои права на владѣнія въ Приднѣпровской Руси, является съ инородческою дружиною, Казарами и Касогами, и съ воями-Сѣверянами. Постоянная связь Тмутаракани съ Черниговомъ, зависимость ея отъ Черниговскихъ князей, которая признавалась на Руси дѣломъ законнымъ и безспорнымъ [231]), могла основываться только на племенномъ или земельномъ средствѣ ея славянскаго населенія съ населеніемъ Подесенья, Посемья и Посулья, и заставляетъ видѣть въ славянскомъ населеніи этаго края развѣтвленіе Сѣверянъ. Съ паденіемъ власти русскихъ князей въ Тмутаракани, съ усиленіемъ азійскихъ кочевниковъ на понтійскомъ побережьи, славянское населеніе на юго-восточной окраинѣ исчезаетъ. Съ начала XII вѣка его крайніе слѣды замѣчаются только на *Донѣ*, т. е. собственно теперешнемъ Сѣверномъ (*Сѣверскомъ*) Донцѣ, но уже среди господствующаго и преобладающаго инородческаго населенія. Въ городѣ *Шарукани* видно населеніе близкое русскимъ воямъ по крайней мѣрѣ по вѣроисповѣданію, очень можетъ быть, по языку и происхожденію [232]). Въ концѣ XII вѣка крайнимъ славяно-русскимъ пунктомъ былъ городъ *Донецъ*, въ которомъ знаменитый Игорь Святославичъ нашолъ безопасный пріютъ послѣ одинадцати дневнаго бѣгства изъ половецкаго плѣна [233]). Какъ далеко на югъ простирались Славянскія поселенія на восточной сторонѣ Днѣпра не-

извѣстно. Къ концу X вѣка мы застаемъ ихъ окраины на *Сулѣ* рѣкѣ, но если и здѣсь славянское населеніе было также принуждено постепенно отступать къ сѣверу передъ наплывомъ степныхъ инородцевъ, какъ то было на западной сторонѣ Днѣпра, то необходимо допустить, что ихъ первоначальныя поселенія заходили гораздо далѣе на югъ.

Ближайшими сосѣдями Сѣверянъ были *Радимичи*, поселенія которыхъ Начальная лѣтопись указываетъ по р. Сожѣ. Эта вѣтвь восточнаго Славянства занимаетъ въ ряду другихъ вѣтвей, по степени самостоятельности, съ какою они являются въ эпоху образованія русскаго государства, едва ли не послѣднее мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что они, какъ и сосѣди ихъ Вятичи, выдѣлилнсь изъ среды Славянства позднѣе другихъ. Во времена лѣтописца еще сохранялись преданія о ихъ общемъ происхожденіи отъ Ляховъ, о ихъ родоначальникахъ Радимѣ и Вяткѣ, — преданія, какихъ лѣтопись не знаетъ уже относительно другихъ племенъ и земель, и которыя поэтому уже могутъ служить признакомъ болѣе поздняго обособленія по-окскаго и по-сожскаго населенія изъ общей массы Славянства. Весьма вѣроятно, что союзъ родовъ въ этихъ земляхъ, особенно же у Радимичей, по самой недавности образованія, не успѣлъ еще окрѣпнуть къ эпохѣ заложенія русскаго государства, — и что въ этомъ надо искать причинъ незначительности роли, которую занимала земля Радимичей въ періодъ, обнимаемый Начальною лѣтописью. Сообщивъ преданіе о ихъ происхожденіи, лѣтопись опускаетъ ихъ въ разсказѣ о племенахъ, платившихъ дань Казарамъ, хотя они и принадлежали къ ихъ числу. Изъ обстоятельствъ, которыми сопровождалось подчиненіе Радимичей Руси видно, какъ слабо и несамостоятельно было это племя, даже въ сравненіи съ Сѣверянами и Вятичами, которые, какъ окраинное населеніе, болѣе подвергались внѣшнимъ опасностямъ, и повидимому должны были бы оказать по отношенія къ Руси менѣе устоя, чѣмъ защищенные ими Радимичи. Послѣдніе приняли власть русскихъ князей безъ борьбы и сопротивленія, путемъ переговоровъ. „Посла, говоритъ лѣтопись подъ 884 годомъ (Лавр. 10), Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ; но мнѣ дайте,—и въ даша Ольгови по щелягу, якоже Казаромъ даху.“ Далѣе лѣтопись, упомянувъ ихъ въ числѣ племенъ, при-

нимавшихъ участіе въ Олеговомъ походѣ на Грековъ, забываетъ ихъ почти до самаго конца X вѣка. Послѣднее извѣстіе о Радимичахъ также мало говоритъ въ пользу ихъ земельной особности и самостоятельности, и, какъ взятое несомнѣнно изъ народнаго преданія, отразило въ себѣ довольно неуважительный взглядъ тогдашней Руси, т. е. Кіевскаго Поднѣпровья, на это слабое племя. Побѣда, одержанная надъ Радимичами на рѣкѣ Пищанѣ воеводою Володиміра Святаго *Волчьимъ Хвостомъ*, въ 984 году, подала поводъ Руси „коритися" имъ „глаголюще: Пищаньци волъчья хвоста бѣгаютъ." (Лавр. 36). Въ эпоху составленія повѣстей временныхъ лѣтъ Радимичи платили дань Руси и везли повозъ (ibid.).

Всѣ эти краткія извѣстія свидѣтельствуютъ о крайней слабости Радимичей, какъ отдѣльной земли; но еще болѣе она доказывается отсутствіемъ въ лѣтописи даже самыхъ отдаленныхъ намековъ на существованіе у нихъ городовъ, которые имѣли бы центральное значеніе для ихъ земли; видно что, племя это, войдя въ составъ Черниговскаго княженія, очень скоро потеряло всякую тѣнь самостоятельности. Конечно еще въ XII вѣкѣ лѣтопись пользуется именемъ *Радимичей* для обозначенія одного изъ путей изъ Кіевскаго Поднѣпровья въ Суздаль (Ипат. 77); но едва ли можно принять это въ доказательство тогдашней особности ихъ земли. Напротивъ два города, извѣстные въ XII вѣкѣ въ Посожьи, *Чичерскъ* (1159 Ипат. 84) и *Гомьи* (1142. 54) являются простыми волостями Черниговскихъ князей, несоставившими даже особыхъ удѣловъ, между тѣмъ какъ въ другихъ княженіяхъ старо-славянскія земли легли въ основу удѣльнаго расчлененія. Какъ кажется, здѣсь надо искать причинъ недостатка какъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, такъ и указаній современной топографической номенклатуры, для опредѣленія— сколько нибудь приблизительнаго— географическаго распредѣленія Радимичей. Какъ кажется однако, область Сожи, гдѣ указываетъ ихъ лѣтопись, была занята ими не вся. Въ южной части ея Радимичскія поселенія могли сходиться съ Кривскими съ одной стороны и съ Сѣверскими съ другой. На волокѣ, отдѣляющемъ нижнее теченіе Сожи отъ ложа Днѣпра мы видимъ (въ сѣверномъ углу Рѣчицкаго уѣзда) *Кривскъ* на р. Узѣ, и близь него *Радѣевъ*; за тѣмъ въ южной части Рогачевскаго уѣзда *Городецъ* на рѣкѣ Ржавцѣ и *Городокъ* близь верховьевъ Сожскаго притока Чечоры, и нѣсколь-

ко сѣвернѣе *Городецъ* съ окрестными селеньями *Кривскомъ* и *Сытоками*. Далѣе на сѣверъ (въ тепер. уѣздахъ Старобыховскомъ Чаускомъ и Чериковскомъ) вовсе незамѣтно Радимическихъ наименованій, за исключеніемъ *Радимли* на р. Пронѣ. Здѣсь преобладаютъ Кривскія названія, такъ что весьма вѣроятно, что область верхней Сожи, по крайней мѣрѣ отъ устья Вехры, на которой въ XII вѣкѣ мы видимъ Смоленскій городъ *Мстиславль* (1156. Ипат. 80), была занята Кривскими заселеніями, и Радимичи не успѣли въ ней утвердиться. Порубежье съ Сѣверянами мы старались опредѣлить выше, именно водораздѣломъ Посожья со Сновью, хотя есть основаніе предполагать, что восточныя разселенія Радимичей или заходили въ глубь сѣверской земли, или же, можетъ быть, даже окружали ее съ сѣверо-востока, отдѣляя ее отъ по-окскаго населенія Вятичей. На такое предположеніе наводитъ цѣлый рядъ мѣстныхъ названій, напоминающихъ Радимичей, который замѣчается въ области Десны, Сейма и верхней Оки. Такъ мы видимъ— въ области Десны, кромѣ *Радогоща*, *Радоща*, извѣстнаго уже съ XII вѣка (1155. Ипат. 77, теперь Погаръ на Деснѣ), *Радомку* къ западу отъ Новгорода Сѣверскаго на Олешнѣ, притокѣ Убеди, рѣчку *Пещанъ*, съ лѣвой стороны вливающуюся въ Десну, близь селеній *Радчина*, *Радинскаго* и *Радушина* въ южной части Брянскаго уѣзда, *Радовище* на рѣчкѣ *Радовищъ*, вливающейся въ Вытебеть Карачевскаго уѣзда, рѣчка *Радица*, лѣвый притокъ Болвы (на югѣ Жиздр. у.), на Нерусѣ *Радогощъ*, ниже Дмитровска, и на одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ ея, къ юго-западу отъ Дмитровска *Радогощъ* (тутъ же къ юго-западу отъ Сѣвска *Ратковичи*); въ обласи Сейма— *Радубежъ*. *Радегощъ*, *Радудичи*. Обиліе мѣстныхъ названій, сходныхъ съ земельнымъ именемъ Радимичей въ области *Оки*, указываетъ, что и Радимическая вѣтвь Славянства принимала дѣятельное участіе, въ колонизаціи этого первоначальнаго финнскаго края. На правой сторонѣ Оки такія названія не заходятъ сѣвернѣе *Упы*, въ области которой лежатъ *Радугощъ*, *Радугище* и *Радушное*, къ с. в. отъ Одоева тогда какъ по лѣвымъ притокамъ Оки они замѣчаются въ области Жиздры, Угры, Протвы, даже Москвы рѣки, хотя и въ весьма незначительномъ числѣ. [234]). Крайнею на сѣверовостокѣ вѣтвью русскаго славянскаго населенія были родственныя Радимичамъ — *Вятичи*. Ихъ географическое положеніе лѣтопись

опредѣляетъ Окою; но и это опредѣленіе, подобно многимъ другимъ лѣтописнымъ указаніямъ, можно понимать только, какъ приблизительное и общее, ибо, по свидѣтельству этнографическаго введенія той же лѣтописи, еще въ ея время нижнее теченіе Оки, „по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу", сидѣло финнское племя Муромы; сверхъ того мы видимъ, что поселенія Мери и Мордвы должны были заходить также въ область средней Оки. Такимъ образомъ земля Вятичей занимала только часть Окской полости. Описаніе извѣстной борьбы между Мономашичами и Ольжичами XII вѣка, въ которой земля Вятичей является однимъ изъ главныхъ мѣстъ дѣйствій, даетъ нѣкоторую возможность опредѣлить, что именно разумѣлось подъ Вятичами въ этомъ вѣкѣ, — а свидѣтельство XII вѣка имѣетъ конечно важное значеніе для уясненія географическаго распространенія этаго племени въ болѣе раннее время. Изъ похода Изяслава Мстиславича Кіевскаго, на Святослава Ольговича въ 1146 году видно, что въ то время крайними на востокѣ Черниговскими городами, не входившими въ составъ Вятичей, были *Корачевъ* и *Дъбрянескъ* (1146. Ипать. 28 и слл.) въ Подесеньи. Были ли то Сѣверскіе или Радимичскіе города не извѣстно [235]); но по опредѣлительному указанію лѣтописи, земля Вятичей отдѣлялась отъ Корачева лѣсомъ, и ближайшимъ къ нимъ Вятическимъ городомъ является *Козельскъ* на Окскомъ притокѣ Жиздрѣ. Такими же Черниговскими волостями, не принадлежавшими однако къ землѣ собственно Вятичей, являются *Обловь* или *Блове* съ городомъ того же имени [236]), несомнѣнно мѣстность по теченію лѣваго притока Десны *Болвы*, *Болдыжъ лѣсъ*, на пути изъ Сѣвска въ Карачевъ и *Домагощь* (на Нерусѣ [237]); такъ что лѣсистый и холмистый водораздѣлъ между Деснянскими притоками Нерусою, Навлею, Ревною и Болвою съ одной стороны и Окскимъ притокомъ Жиздрою съ другой можетъ быть принятъ западнымъ порубежьемъ земли Вятичей. Съ юга ихъ разселенія едва-ли не ограничивались побережьемъ Зуши, ибо въ половинѣ XII вѣка городъ *Мченескъ* (Мценскъ) является уже внѣ Вятичской земли [238]). Какъ далеко на сѣверъ и востокъ простирались коренныя поселенія Вятичей—опредѣлить трудно. Съ этихъ сторонъ они сходились съ инородческими племени Мери, Мордвы, Мещеры,—которыя должны были издавна отступить передъ ихъ колонизаціоннымъ движеніемъ внизъ по Окѣ и вверхъ по

ея притокамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Рязанско-Муромскомъ краѣ, даже въ южной части Ростово-Суздальской области XII вѣка Вятичи издавна составили одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ славяно-русской колонизаціи; но связь этихъ областей съ Кривско-Словенскими землями, замѣчаемая съ первыхъ временъ нашей исторіи, даетъ основаніе предполагать, что въ колонизаціи ихъ болѣе дѣятельное участіе должны были принимать по-днѣпровскіе и поильменскіе Славяне. Во всякомъ случаѣ по лѣтописнымъ извѣстіямъ XII вѣка слѣдуетъ заключить, что земля собственно Вятичей того времени простиралось отъ Зуши внизъ по Окѣ, ограничиваясь ея теченіемъ съ сѣверо-запада, до Осетра, за которомъ начинались земли, первоначально занятыя Мордвою, въ эпоху русскаго государства уже колонизованныя выходцами изъ разныхъ концовъ восточнаго Славянства. На юго-востокъ они могли доходить по Соснѣ до верхняго Дона и Воронежа, въ сосѣдство сѣверскихъ разселеній. Въ это время чисто Вятичскими городами являются *Козлескъ* или *Козельскъ* (на Жиздрѣ), *Дѣдославль*, гдѣ въ 1147 году Черниговскіе князья Давидовичи созывали вѣче Вятичей (Ипат. 29),—теп. *Дѣдилова* Слобода, къ ю. в. отъ Тулы на Шиворонѣ, притокѣ Упы (близь истоковъ Осетра—сел. Дѣдиловскіе Выселки); *Лобынскъ* (Люблинецъ Амосовъ) противъ устья Протвы, *Неринскъ*, какъ вѣроятно у устья Нары, и *Колтескъ*, теп. *Колтово* на Окѣ, выше Каширы,—были порубежными Вятичскими городами съ Ростово-Суздальскою землею (1147. Ипат. 28—29). Въ этихъ предѣлахъ открываются слѣды единственнаго города Вятичей, извѣстнаго Начальному лѣтописцу, именно *Корьдны*, о походѣ на которую упоминаетъ Мономахъ въ своемъ Поученіи (Лавр. 103). Она пріурочивается къ подобно-звучащимъ теперешнимъ мѣстностямъ—*Карнадьи*, что на Зушѣ, къ с. в. отъ Новосиля, или къ *Карникамъ* и *Карничкамъ*, что на рѣчкѣ Карникѣ, черезъ Шату вливающейся въ Донъ, къ востоку отъ Тулы. Можетъ быть, остатки земельнаго имени Вятичей сохраняются до-нынѣ въ названіяхъ селеній *Вятскаго* на р. Старкѣ въ Тарусскомъ уѣздѣ, по Калужской дорогѣ въ Серпуховъ, *Вятчина* на рѣкѣ *Святицѣ* по дорогѣ изъ Мосальска въ Ельну.

Земли Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей вошли въ составъ русскаго государства въ разное время и на различныхъ условіяхъ;

но, благодаря географическому положенію своему, уже въ періодъ Начальной лѣтописи они являются въ тѣсной связи между собою. О подчиненіи Радимичей Кіевскимъ князьямъ мы имѣли уже случай говорить. Признавъ надъ собою добровольно, по соглашенію, власть Олега, освобождавшую ихъ отъ Казаръ, въ 885 году, они черезъ сто лѣтъ сдѣлали неудачную попытку возстать противъ Кіева и затѣмъ почти безъ слѣда исчезаютъ изъ исторіи. Нѣсколько раньше были подчинены Сѣверяне, обнаружившіе по отношенію къ Руси болѣе земельной самостоятельности и особности. Покореніе ихъ Олегомъ, которое лѣтопись относитъ къ 884 году, совершилось не безъ борьбы. Олегъ долженъ былъ лично предпринять походъ на нихъ, и изъ краткаго лѣтописнаго извѣстіе видно, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе главнымъ образомъ въ той части Сѣверянской земли, которая стояла въ болѣе тѣсной связи съ Казарами [239]). Что бы удержать за собою Сѣверянъ, онъ возложилъ на нихъ „дань легку". Близость непріязненныхъ и еще сильныхъ сосѣдей Казаръ—заставила Кіевскихъ князей обращать особенное вниманіе на эту окраинную землю. Уже при Олегѣ у Поднѣпровскихъ Сѣверянъ возникли княжескіе города *Черниговъ* и *Переяславль*, мало по малу сдѣлавшіеся центральными пунктами—первый для Сѣверянскаго Подесенья, второй—для Посулья. Какъ извѣстно изъ Олегова договора съ Греками, въ нихъ сидѣли князья „подъ Олегомъ суще", и на нихъ взяты съ Грековъ особые уклады. Здѣсь они являются уже съ значеніемъ первенствующихъ городовъ на Руси послѣ Кіева. Тоже самое замѣчается и въ Игоревѣ договорѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что уже въ это отдаленное время, подъ вліяніемъ Чернигова и Переяславля, стало ослабѣвать земельное единство Сѣверянъ, что у нихъ тогда еще начали выработыватьcя волости, во второй половинѣ XI вѣка окончательно сложившіяся въ особыя княженія Черниговское и Переяславское. Тѣмъ не менѣе изъ раздѣла русской земли между сыновьями Владиміра Святаго и изъ послѣдующаго хода событій не льзя не заключить, что въ X и въ началѣ XI вѣка русскимъ центрамъ Сѣверской земли служила отдаленная *Тмутаракань*. При Владимірѣ Святомъ Тмутаракань является единственнымъ княжескимъ удѣломъ на восточной сторонѣ Днѣпра, удѣломъ, въ который должны были входить всѣ Славянскія земли, по лѣвую сторону эту рѣки, подчиненныя

Руси. То была волость Владимірова сына Мстислава, въ борьбѣ котораго съ братомъ Ярославомъ усматривается, какъ было замѣчено выше, такая тѣсная связь Тмутаракани съ Сѣверскимъ населеніемъ. Усиленіе Тмутаракани было естественнымъ послѣдствіемъ войнъ Олега и особенно Святослава съ Казарами и походовъ русскихъ дружинъ, которыя, разрушивъ Казарское царство, раздвинули предѣлы русскаго государства до Кавказскихъ горъ. Необходимость борьбы съ кочевыми выходцами изъ Азіи, съ сосѣдними горными племенами и Греками заставили русскихъ князей выбрать эту окраину центромъ своей военной и административной дѣятельности на юго-востокѣ и притянуть къ нему славяно-русскія земли восточнаго Поднѣпровья. Впрочемъ невыгоды такого центра скоро обнаружились. Въ началѣ XI вѣка Мстиславъ, овладѣвъ лѣвымъ побережьемъ Днѣпра, перенесъ свой столъ въ Черниговъ и уже съ того времени Тмутаракань снизошла на степень второстепеннаго удѣла Черниговскаго княженія. Попытки князей—изгоевъ оторвать ея отъ Чернигова и образовать изъ нея отдѣльную и самостоятельную волость не имѣли успѣха. Отдаленность ея отъ Поднѣпровья, слабость мѣстнаго славяно-русскаго населенія и усиленный наплывъ азійскихъ кочевниковъ повели за собою паденіе въ Тмутаракани русской власти. Къ концу XI вѣка она выходитъ изъ ряда русскихъ волостей. Лѣтопись говоритъ о ней въ послѣдній разъ подъ 1094 годомъ, а изъ XII вѣка о ней дошло до насъ только имя въ поэтическихъ сказаніяхъ Слова о полку Игоревѣ. [240])

Раздѣлъ русскихъ земель между сыновьями Ярослава окончательно закрѣпилъ распаденіе Сѣверской земли на княженія Черниговское и Переяславское. Составляя юго-восточную окраину русскихъ владѣній со стороны степей, оба они имѣли задачею служить оплотомъ Руси противъ степныхъ варваровъ, сдерживая ихъ нападенія. Эта задача обусловила во многомъ ихъ историческія судьбы; но для Переяславскаго княженія, открытаго для степняковъ съ востока и юга, исполненіе ея было труднѣе, чѣмъ для княженія Черниговскаго, защищаемаго имъ съ юга. По этому, не смотря на богатую природу, на выгодное положеніе при Днѣпрѣ, князья, сидѣвшіе въ Переяславлѣ, дѣйствительно „много бѣдъ принимали отъ рати и голода“ (Поуч. Моном. 103), и по отношенію къ Чернигову онъ всегда занималъ второе мѣсто. Естественно,

что при такихъ условіяхъ, онъ не могъ достигнуть самостоятельности, и съ конца XI вѣка, съ усиленіемъ кочевыхъ ордъ, онъ вступаетъ въ тѣсную связь съ Кіевомъ, составляя почти не болѣе, какъ удѣлъ Кіевскаго княженія [241]).

Переяславское княженіе занимало область по Трубежу, Супою и Сулѣ до Ворсклы, простираясь на сѣверъ и сѣверо-востокъ до верховьевъ этихъ рѣкъ, до водораздѣла ихъ съ областью Десны и Сейма съ одной стороны, Сѣвернаго Донца съ другой. На сѣверо-западѣ оно примыкало къ собственно-Кіевскимъ владѣніямъ, находившимся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ, какъ это видно изъ извѣстія XII вѣка, рубежъ шолъ по рѣчкѣ *Корани* (1139. Лавр. 134), теп. Карани, лѣвому притоку Трубежа, за тѣмъ по Днѣпру. Что касается южной границы, то, какъ и на Кіевской сторонѣ, она измѣнялась соотвѣтственно ходу борьбы Руси съ степняками. Извѣстіе о дѣятельности Владиміра Святаго въ этомъ краю, первое, записанное въ Начальной лѣтописи, указываетъ самые южные города, основанные этимъ княземъ, на р. Сулѣ (Лавр. 52); въ нихъ были поселены „лучшіе мужы отъ Словенъ и отъ Кривичъ и отъ Чуди и отъ Вятичъ" — явный знакъ, что мѣстное славянское населеніе было тогда слишкомъ слабо, или же что его во все не было на этомъ южнорусскомъ порубежьи, что оно уже отступило въ болѣе безопасныя мѣста отъ нападеній Печенѣговъ. Но какъ ничтожны были вновь основанные города для защиты Переяславля, видно изъ послѣдующихъ лѣтописныхъ извѣстій. Уже при Владимірѣ Святомъ, подъ 992 годомъ, лѣтопись говоритъ о набѣгѣ на Переяславль Печенѣговъ, пришедшихъ изъ-за Сулы. Встрѣченные княземъ на Трубежѣ, они были прогнаны, благодаря русскому богатырю, который „перея славу" у богатыря Печенѣжина (ibid. 53). Какъ извѣстно, съ этою побѣдою лѣтописное преданіе связываетъ основаніе Переяславля, впрочемъ несомнѣнно существовавшаго ранѣе. Весьма вѣроятно, что новое укрѣпленіе, перестройка этаго *города* подала поводъ къ лѣтописной легендѣ, тѣмъ скорѣе, что она представляла наглядное объясненіе происхожденію его названія. Хотя Борисъ Св., отправленный изъ Кіева на Печенѣговъ (1015), не нашолъ ихъ въ предѣлахъ Переяславскаго княженія; но тѣмъ не менѣе всѣ извѣстія до конца XI вѣка указываетъ, что мѣстомъ борьбы ихъ съ русскими князьями служили окрестности Переяславля, тог-

да какъ на юго-востокѣ они свободно проникали до Подесенья и Посемья. Такъ въ 1017 году Святополкъ, поддерживаемый Печенѣгами, былъ разбитъ братомъ Ярославомъ на р. Альтѣ (Лавр. 62); въ 1067 году на Альтѣ же Кіевскій, Черниговскій и Переяславскій князья нанесли пораженіе Половцамъ (ibid. 74); въ 1078 году была битва съ ними у *Нѣжатины Нивы*, теп. Нѣжина (ibid. 86) [242], битва, въ которой палъ великій князь Изяславъ; въ слѣдующемъ году Половцы съ изгоемъ Романомъ Черниговскимъ подходили къ *Воину*, теп. *Войницѣ*, въ 11 верстахъ къ югу отъ Переяславля на р. Броваркѣ; Всеволодъ, бывшій тогда въ Переяславлѣ, заключилъ съ ними миръ (ibid. 87). Какъ кажется, уже тогда Русь поняла необходимость ограждать свои степныя порубежья отъ „дикихъ" кочевниковъ тѣми изъ ихъ сородичей, которые начинали привыкать къ осѣдлости и находили выгоднымъ признавать себя въ зависимости отъ русскихъ князей. Съ конца XI вѣка на Кіевской сторонѣ Днѣпра становится извѣстенъ Торційскъ, Торческъ, Торційскій градъ, городъ *Торковъ*, прежде кочеваго, а тогда уже полуосѣдлаго населенія. Нѣсколько ранѣе извѣстны Торки, поселившіеся на лѣвой сторонѣ Днѣпра и признававшія надъ собою власть Переяславскаго князя. По указаніямъ XII вѣка, они занимали область въ окрестностяхъ *Баруча*, города, лежавшаго близь городовъ *Бронь-Княжа* (1125. Лавр. 129), тепер. *Браницы* въ Кролевецкомъ у. на рѣчкѣ Грабаровкѣ, лѣвомъ притокѣ верхняго Трубежа, *Нѣжатина* (1135. Лавр. 132), [243]) *Городка* (ibid.), теп. *Городня* на Сможѣ, съ лѣвой стороны впадающей въ Удай выше Прилукъ,—и *Серебрянаго* (Ипат. 107) тепер. м. Сребнаго, Прилукскаго уѣзда, по Роменскому тракту, на р. Лысогорѣ;—т. е. или въ сѣверной части Прилукскаго или въ южной Нѣжинскаго уѣзда, можетъ быть, въ окрестностяхъ тепер. хутора *Барышовцова*, принадлежащаго сел. *Носовкѣ* (Нѣжинскаго у. на границѣ съ Прилукскимъ). Впрочемъ это полуосѣдлое населеніе не всегда оправдывало ожиданія русскихъ князей, и весьма часто обнаруживало враждебность противъ нихъ и кореннаго славянскаго населенія. Въ 1080 году, по извѣстію Начальной лѣтописи, Переяславскіе Торки заратились на Русь и были усмирены Владиміромъ Мономахомъ (Лавр. 87). Въ первой четверти XII вѣка Торки сами бѣжали изъ русской земли (1120. Лавр. 128), вмѣстѣ съ Печенѣгами

(1121. Ипат. 8),—„и тако мятущеся сдѣ, ондѣ, и тако погыбоша". Въ тоже время Берендичи были прогнаны Мономахомъ (ibid.). Не смотря на то и позднѣе замѣчаются остатки этаго порубежнаго полукочеваго—полуосѣдлаго населенія Переяславской области, въ тѣхъ же Торкахъ, а также въ *Турпѣяхъ*, державшихся окрестностей Переяславля (1150. Ипат. 50) и въ *Коуяхъ Черниговскихъ* (Ипат. 130). Можетъ быть, благодаря этому живому оплоту на южномъ порубежьи Переяславскаго княженья, но болѣе всего энергической дѣятельности Мономаха, къ концу XI вѣка кочевники были принуждены ограничить свои опустошительные набѣги областью Сулы, не заходя сѣвернѣе побережьевъ средняго Удая. Въ это время Переяславцы только два раза видѣли нападеніе ихъ на окрестности своего города, въ 1096 г., когда Половецкій ханъ Куря сжогъ *Устье*, по всей вѣроятности, Трубежа (Лавр. 97), и въ 1107 году, когда знаменитый Бонякъ захватилъ коней у самаго Переяславля (120)[244]. По Удаю и Сулѣ мы видимъ рядъ укрѣпленій, которыя или были возобновлены или вновь поставлены Мономахомъ. Они сдерживали нападенія Половцевъ. Таковы были—по Сулѣ: *Роменъ* (теп. Ромны), къ которому ходилъ на Половцевъ Мономахъ съ Олегомъ Черниговскимъ (Поуч. 104); *Песочный*, разоренный Половцами въ 1092 г. (Лавр. 92)[245]), *Кснятинъ* (теп. Скнятинъ м. Лубенскаго у.) и *Лубенъ* (Лубны), подвергавшіеся нападенію Боняка (Поуч. 103, 1107. 120); *Горошинъ*, въ 1086 году взятый Половцами (Поуч. 103), теп. Горошинъ на границѣ Хорольскаго уѣзда съ Лубенскимъ; по Удаю—*Прилукъ*, теп. Прилуки, и *Переволокъ* (1092. Лавр. 92), теп. *Переволочное*, къ в. отъ Прилукъ. Въ степныхъ походахъ, которыхъ необходимость для ослабленія Половцевъ была впервые указана Мономахомъ, русскіе князья проникали за *Хоролъ* (1086. Поуч. 103. 1107. Лавр. 120), *Голтавъ*, притоки *Псела*, и на ю. в. до *Дона*; но здѣсь уже не видно слѣдовъ постояннаго осѣдлаго населенія; здѣсь начинались Половецкія вежи и кочевья.

Что касается юго-восточнаго и восточнаго рубежей Переяславскаго княженія, то они очевидно заходили гораздо далѣе за область Сулы, захватывая верхнее теченіе не только этой рѣки, но и Псела, Голтвы и, можетъ быть, Ворсклы. Указанія на это представляютъ немногія данныя, сообщаемыя Начальною лѣтописью и

ея ближайшими продолженіями. Начальная лѣтопись называетъ здѣсь только два города—*Старую Бѣлувѣжу* и *Римовъ* (Поуч. Мон. 103, 104), подъ которыми Половцы потерпѣли пораженіе отъ Мономаха. Римовъ скорѣе всего приурочивается къ теп. сел. *Римовка*, на притокѣ Псела, Грунѣ, къ с. в. отъ Гадяча. Положеніе *Старой Бѣловѣжи* опредѣлить не льзя; но во всякомъ случаѣ ея не слѣдуетъ смѣшивать съ Черниговскимъ городомъ Бѣлою Вѣжею, возникшимъ нѣсколько позднѣе, и остатки котораго сохранились до-нынѣ у нѣмецкой колоніи Бѣлемешь, близь верховьевъ Остра [246]). По прямому свидѣтельству Мономаха Старая Бѣлавѣжа находилась на Сулѣ или за Сулою, къ в. отъ Прилукъ. Извѣстіе южнорусской лѣтописи 1149 года о томъ, что Юрій Долгорукій цѣлый мѣсяцъ ожидалъ у этаго города союзниковъ своихъ—Половцевъ, готовясь къ походу на Переяславль, указываетъ, что то былъ крайній украинный городъ на степномъ рубежѣ (Ипат. 42). Въ извѣстіяхъ о событіяхъ XII вѣка лѣтопись называетъ поселеніе *Лтаву* на рѣкѣ Ворсклѣ (1174. Ипат. 107), вѣроятно порубежное укрѣпленіе на мѣстѣ тепер. Полтавы. Нѣсколько позднѣе начало Половецкихъ кочевій мы видимъ за р. *Мерлью*, лѣвымъ притокомъ Ворсклы (1183. Ипат. 128). Въ какихъ отношеніяхъ къ Переяславлю находился городъ *Донецъ*, упоминаемый въ лѣтописномъ разсказѣ о извѣстномъ походѣ на Половцевъ Игоря Новгородъ-Сѣверскаго 1185 года (Ипат. 134),—тянулъ-ли онъ къ Переяславлю или къ Черниговскому Посемью—опредѣлить невозможно. На сѣверо-востокѣ Переяславскій рубежъ долженъ былъ проходить первоначально у сближающихъ между собою верховьевъ Ворсклы, Псела и Сулы, по холмистому водораздѣлу ихъ съ Посемьемъ. Между Посемьемъ и Переяславскими владѣніями простиралось *поле* (1127. Ипат. 35). Здѣсь въ XII вѣкѣ мы видимъ значительные порубежные городки-укрѣпленія—*Попашъ* и *Вьяхань* (ibid.), точное положеніе которыхъ впрочемъ не извѣстно [247]). Но въ концѣ XI вѣка, въ эпоху борьбы Мономаха съ Святославичами, къ Переяславскому княженію принадлежала также область лѣваго притока Сейма *Выря* съ городомъ *Выремъ* или *Выревымъ* [248]), которая стоитъ однако въ естественной связи съ Посемьемъ и потому уже должна была первоначально принадлежать къ этой окраинѣ Черниговскаго княженія. Такое предположеніе подтверждается сверхъ того постоянными стремленіями Черниговъ-

скихъ князей овладѣть этою областью, стремленіями, которыя въ половинѣ XII вѣка увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что Посемье было одинаково важно и для Чернигова и для Переяславля, ибо оно служило обычнымъ путемъ изъ поля въ Сѣверскую Русь для Половцевъ, въ которыхъ Черниговскіе князья находили себѣ постоянныхъ союзниковъ. Естественно, что, враждуя съ ними, Мономахъ понималъ необходимость затруднить сношенія Святославичей съ кочевниками, перерѣзать пути, которыми ходили степняки къ своимъ русскимъ союзникамъ, и озаботился овладѣть въ Посемьи Выремъ, какъ ближайшимъ пунктомъ къ своей Переяславской волости. Въ Поученіи своемъ онъ говоритъ о нападеніи на Вырь Половецкихъ хановъ Аепы и Боняка (Лавр. 103); въ 1113 году Половцы, думавшіе воспользоваться смертью Святополка Кіевскаго и смутами, какихъ они тогда ожидали на Руси, были отражены отъ Выря соединенными силами Мономаха и Олега (Ипат. 4). Какъ кажется, Выревская волость была возвращена Черниговскимъ князьямъ во второй половинѣ XII вѣка, когда Кіевскимъ столомъ овладѣлъ ихъ постоянный союзникъ Юрій Долгорукій. Въ 1147 году Выревцы отвѣчали на угрозы Всеволода Ольговича и Юрьевича „отдать ихъ Половцамъ въ полонъ", что ихъ князь—Изяславъ (Мстиславичъ)[249]. Съ 1160 года мы уже видимъ въ Выревѣ Черниговскихъ князей (Ипат. 87). На сѣверѣ Переяславско—Черниговскій рубежъ шолъ по тому же водораздѣлу между Посемьемъ съ одной стороны и притоками Сулы, а также Супоемъ и Трубежомъ съ другой до Кіевскаго рубежа на восточномъ побережьи Днѣпра. Изъ населенныхъ мѣстъ Переяславскаго княженія лѣтопись знаетъ упомянутые уже нами — *Переяславль*, который въ XII вѣкѣ, въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ городовъ, получилъ названіе *Русскаго*, на Трубежѣ, стольный городъ княженія и въ эпоху Начальной лѣтописи митрополья. Въ 1008 году въ немъ построена первая, извѣстная по лѣтописямъ, *церковь Воздвиженія Креста* (Никон. лѣт. I. 112); но лучшими постройками собственно городъ былъ обязанъ главнымъ образомъ строительной дѣятельности митрополита Ефрема, который, окончивъ *каменный храмъ св. Михаила*, заложенный княземъ Всеволодомъ въ своемъ *монастырѣ* (*Всеволожемъ*), построилъ новыя церкви — *св. Өеодора* на городскихъ воротахъ и *св. Андрея* у тѣхъ же воротъ; сверхъ того онъ

поставилъ „строенье баньное, сего же не бысть преже въ Руси“, и заложилъ каменный городъ, начиная отъ церкви св. Θеодора (1089. Лавр. 89). Въ 1098 году на *княжемъ дворѣ* Мономахъ положилъ основаніе церкви св. Богородицы. Въ окрестностяхъ Переяславля находились — къ востоку, по лѣвую сторону Трубежа *валы* (1095. Лавр. 97. ср. 1150, ibid. 139); какъ кажется это урочище называлось также *Обровью* (Поуч. Моном. 103), и селенье, — можетъ быть, городокъ, *Воинъ*, у котораго въ 1079 году Всеволодъ заключилъ миръ съ Половцами (Лавр. 87), на мѣстѣ теп. сел. Войницы на р. Броворкѣ къ югу въ 7 верстахъ отъ города; къ с. з. отъ города на р. Альтѣ—*Летьское поле*, урочище, на которомъ былъ убитъ св. Борисъ, и мѣсто битвы, рѣшившей усобицу Святополка и Ярослава Володимировичей (1019. Лавр. 62). Далѣе вверхъ по Трубежу—*Бронь княжь* — теп. Браница на притокѣ Трубежа Грабаровкѣ; и близи него *Баручъ*—можетъ быть, Барышовцевъ у м. Носова; въ области Сулы, по Удаю, *Прилукъ*, и *Переволокъ*, по самой Сулѣ — *Роменъ*, *Песоченъ*, *Къснятинъ* (Скнятинъ), *Лубенъ*, *Горошинъ*; здѣсь же надо предположить уроч. *Съжицу*, мѣсто битвы князей Кіевскаго Изяслава и Черниговскаго Всеволода съ Святославичами и Половцами въ 1078 году (Лавр. 85); оно пріурочивается не безъ вѣроятія къ побережьямъ праваго притока Сулы Оржицы, на которомъ теперь находятся мѣстности *Городище* (Пирятинскаго) и *Высокій Гробъ* (Лубенскаго у.),—и мѣстность *Воронищь*, откуда Мономахъ началъ одинъ изъ своихъ походовъ на Половцевъ (Поуч. 104), можетъ быть теп. *Воронницы* на Слѣпородѣ, вливающемся въ Сулу съ правой стороны, нѣсколько ниже Лубенъ. *Лукомль*, упоминаемый въ описаніяхъ событій второй половины XII вѣка, какъ *городищe* (1179. Ипат. 122),—въ эпоху Начальной лѣтописи могъ еще быть однимъ изъ посульскихъ городовъ, на мѣстѣ теперешняго *Лукомья* между Лубнами и Горошинымъ. *Варинъ*, у котораго Мономахъ взялъ Половецкія вежи, и котораго, по смыслу лѣтописнаго извѣстія, слѣдуетъ искать на Переяславской сторонѣ Днѣпра, принадлежитъ къ мѣстностямъ неопредѣлимымъ.

Собственно *Черниговское княженіе* только во второй половинѣ XI вѣка получило значеніе отдѣльнаго и самостоятельнаго княженія. При раздѣлѣ русскихъ земель между сыновьями Ярослава (1054), оно составило удѣлъ князя Святослава. Неудачная попытка

его овладѣть, при жизни старшаго брата Изяслава, старѣйшимъ Кіевскимъ столомъ вопреки господствовавшимъ понятіямъ того времени о княжескихъ правахъ (1073), сдѣлала его сыновей изгоями и на долго передала его Черниговскую волость въ руки Всеволода Переяславскаго и его сына Мономаха. Только послѣ упорной и продолжительной борьбы, въ которой погибъ младшій изъ Святославичей—Романъ (1079. Лавр. 87), брату его Олегу удалось при помощи Половцевъ вытѣснить изъ Чернигова Мономаха и овладѣть отцовскимъ удѣломъ (1094 Лавр. 96). Съ тѣхъ поръ Черниговское княженіе уже не выходило изъ рода Святославичей. Къ тому же времени оно опредѣлилось окончательно въ своемъ составѣ и рубежахъ. Какъ мы уже видѣли, Тмутараканская волость, первоначально тѣсно связанная съ Черниговымъ, съ конца XI вѣка исчезаетъ изъ ряда русскихъ владѣній. Съ ея потерею, юго-восточная украина Черниговскаго княженія ограничивается верхнимъ Посемьемъ съ центральнымъ городомъ *Курскомъ*, къ которому уже, можетъ быть, въ эпоху Начальной лѣтописи, тянула вся область, въ XII—XIII вѣкахъ составлявшая земли Курскаго княженія. Но потеря Тмутаракани была съ избыткомъ вознаграждена закрѣпленіемъ за Черниговскимъ удѣломъ земель *Вятичской* и *Рязанско-Муромской*. Какъ извѣстно, первое присоединеніе Вятичей къ русскому государству относится ко времени походовъ Святослава на Оку и Волгу и его войнъ съ Казарами, и стоитъ съ ними въ связи. Святославъ завоевалъ Вятичей и обложилъ ихъ данью въ 966 году, уже послѣ покоренія Казарскаго царства (Лавр. 27). Воспользовавшись ослабленіемъ Руси вслѣдствіе неудачной войны Болгарской, нападеній Печенѣговъ и смутъ, поднявшихся послѣ смерти Святослава, Вятичи успѣли возвратить себѣ независимость. Но эта земледѣльческая область, лежавшая на старинномъ торговомъ пути изъ Кіевскаго Поднѣпровья въ Поволжье, была слишкомъ привлекательна и важна для Кіевскихъ князей. Такъ мы видимъ, что Владиміръ св., только что утвердившись въ Кіевѣ, поспѣшилъ снова подчинить себѣ Вятичей,—„Вятичи побѣди и възложи нань дань отъ плуга, якоже и отецъ его имаше“ (981. Лавр. 35). Новое возстаніе ихъ въ слѣдующемъ 982 году не имѣло успѣха (ibid.). Можетъ быть, выселяя лучшихъ людей „отъ Вятичъ“ въ города, вновь построенные на порубежьи южной Руси, Владиміръ имѣлъ въ виду тѣмъ са-

мымъ ослабить самостоятельныя силы Вятичьской земли и прочнѣе утвердить надъ нею свою власть. Но во всякомъ случаѣ Вятичи успѣли удержать за собою нѣкоторую долю независимости до самаго конца XI в. и имѣли своихъ племенныхъ князей или вождей. Окончательное паденіе ихъ самостоятельности относится ко времени Черниговскаго княженія Мономаха. Этотъ князь дѣлалъ два похода „въ Вятичи",—первый на Ходоту и на сына его, въ которыхъ нельзя не видѣть старѣйшинъ или земельныхъ князей этаго племена,—второй на городокъ Корьдну, положеніе котораго мы старались опредѣлить выше (Поуч. Мон. 103). Съ тѣхъ поръ Вятичи оставались волостью Черниговскихъ князей, хотя еще въ XII вѣкѣ ихъ область удерживала ихъ племенное названіе.

Что касается *Муромской земли* (1096. Лавр. 108), то нѣтъ сомнѣнія, что первоначально она тянула къ Ростово-Суздальской землѣ и вмѣстѣ съ нею къ Новгороду. То было слѣдствіемъ участія Словенъ и Кривичей въ колонизаціи области нижней Оки. Давняя связь Мурома съ Новгородомъ указывается между прочимъ тѣмъ, что лѣтопись называетъ его въ числѣ городовъ, которые Новгородскій князь Рюрикъ раздавалъ своимъ мужамъ. Со второй половины X вѣка онъ получаетъ уже значеніе особаго княжескаго удѣла, и составляетъ волость Володимірова сына Глѣба (988. Лавр. 52). За тѣмъ изъ обстоятельствъ борьбы Олега Святославича съ Мономахомъ и его сыновьями видно, что при раздѣлѣ волостей между Ярославовыми сыновьями Муромская земля вмѣстѣ съ Рязанью досталась на долю Святослава Черниговскаго, тогда какъ Ростовъ отошолъ къ волости Переяславской [251]). Въ тѣсной связи съ Муромомъ стояла *Рязанская* область, точно также первоначально занятая финскою вѣтвью — Мордвою, но уже въ эпоху Начальной лѣтописи колонизованная выходцами съ славянскаго юго-запада. Она простиралась по правымъ притокамъ Оки—Пронѣ и Цнѣ, и по верхнему Дону и его притокамъ.

Такимъ образомъ къ концу XI вѣка рубежи Черниговскаго княженія охватывали, кромѣ Подесенскихъ и Посемскихъ Сѣверянъ, земли Радимичей и Вятичей, и колонизаціонную область Муромо-Рязанскую. Онѣ прилегали на сѣверѣ къ Суздальско-Ростовской землѣ и къ Смоленскому княженію, на западѣ къ княженіямъ Полоцкому и Кіевскому, на югѣ къ Переяславскому, тогда какъ на

юго востокѣ они терялись въ кочевьяхъ степняковъ, а на сѣверо-востокѣ примыкали къ землямъ Мордвы и Болгаръ. Южные и сѣверные рубежи Черниговскаго княженія мы имѣли случай опредѣлить выше,—первые при разсмотрѣніи границъ Переяславскаго княженія, вторые—стараясь, на основаніи данныхъ, предлагаемыхъ лѣтописными извѣстіями и отчасти свидѣтельствами топографической номенклатуры, возстановить земельные порубежья Радимичей съ Кривичами и Вятичей съ Кривскими поселеньями въ юго-западной части Окской области. Западный рубежъ Черниговскаго княженія составляло теченіе Днѣпра приблизительно отъ устья Березины, которое лежитъ между Полоцкимъ городомъ *Стрѣжевымъ* (1159. Ипат. 89) теп. *Стрѣшинъ* къ югу отъ Рогачева, и *Рѣчицею*, однимъ изъ крайнихъ на Черниговскомъ порубежьи городовъ, какъ то видно изъ извѣстія о походѣ Новгородцевъ на Черниговскую волость въ 1214 году (Новгор. I-ая, 32), — и во всякомъ случаѣ до устья Припети. Названія уже отмѣченныхъ нами мѣстностей на водораздѣлѣ между Брягинкой и Днѣпромъ (*Высокомежъ* у верховьевъ Брягинки, Сутава, Сѣвки, Кривичи) даютъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Черниговскія порубежныя мѣста заходили и на западную сторону Днѣпра. Сверхъ того *Любечь*, гдѣ по словамъ лѣтописи, была „вся жизнь“ Черниговскихъ князей (1148. Ипат. 37), конечно не могъ стоять открытымъ на самомъ рубежѣ Черниговскаго княженія [252]). Какъ вѣроятный остатокъ порубежныхъ укрѣпленій въ окрестностяхъ его нельзя не отмѣтить сел. *Воротецъ*, на правомъ болотистомъ побережьи Днѣпра, на р. Рѣчищѣ (Черниговскаго у.). Къ югу отъ устьевъ Припети Днѣпръ переставалъ служить рубежомъ Черниговскаго княженія. Мы видѣли, что низовья Десны принадлежали Кіевскому княженію. Здѣсь ближайшимъ порубежнымъ Черниговскимъ городомъ въ XII вѣкѣ является *Лутава* (1179. Ипат. 177), теперь сел. на Деснѣ въ 6 верстахъ выше отъ Остра. Рубежъ Черниговско-Переяславскій проходилъ, какъ мы уже видѣли, по водораздѣлу между Осетромъ и Семью съ одной стороны, Трубежомъ и Носульемъ съ другой. Область верхняго Сейма, которой по преимуществу придавалось названіе Посемья, имѣла центральнымъ пунктомъ городъ *Курскъ* (1095. Лавр.), впослѣдствіи составившій особый удѣлъ Черниговскаго княженія. Лѣтопись не сообщаетъ относительно его области никакихъ

географическихъ данныхъ; но весьма вѣроятно, что уже и въ ея время къ нему тянула всѣ тѣ земли, которыя впослѣдствіи составляли Курское княженіе. Именно юго-восточныя окраины ихъ могли достигать водораздѣла между верхними теченіями Сѣвернаго Донца и Оскола. Въ описаніи знаменитаго похода Игоря Святославича на Половцевъ 1185 лѣтопись говоритъ, что этотъ князь, переправившись черезъ Донецъ, два дня ждалъ брата своего, шедшаго другимъ путемъ изъ Курска, на Осколѣ (Ипат. 130),—явный знакъ, что на пространствѣ до этой рѣки русскіе князья видѣли себя еще дома, считали себя безопасными отъ враждебныхъ кочевниковъ. Подтвержденіе такому предположенію представляетъ Слово о Полку Игоревѣ, гдѣ поэтъ, говоря о переходѣ русскихъ воевъ черезъ холмистый водораздѣлъ Донецко-Оскольскій, восклицаетъ: „о русская земле, *уже за шеломянемъ* еси",—какъ бы указывая тѣмъ, что именно этотъ водораздѣлъ составлялъ грань между русскою землею и Половецкими кочевьями [253]). Уже упомянутый нами *Донецъ*, окраинный городъ на югѣ Курскаго княженія, въ которомъ нашолъ себѣ убѣжище Игорь Святославичъ въ бѣгствѣ изъ Половецкаго плѣна, долженъ былъ находиться, какъ показываетъ самое названіе его, на побережьяхъ Сѣвернаго Донца. Восточное порубежье Черниговскаго княженія охватывало не только теченіе верхняго Дона, гдѣ, по словамъ извѣстнаго „Хожденія Пименова во Цареградъ" XIV вѣка, „бываша древле грады красны и нарочиты зѣло видѣніемъ мѣста", но и всю область по Воронежу, можетъ быть простираясь въ глубь степей до Хопра и Вороны. На принадлежность Воронежской области (*Воронажа* или *Вороножа*) къ Рязанскому княженію уже въ XII вѣкѣ мы имѣемъ прямое лѣтописное свидѣтельство въ извѣстіи о войнѣ Всеволода Юрьевича Володомірскаго съ Рязанью въ 1177 г. [254]). Въ XIV вѣкѣ Рязанская украина занимала пространство отъ Дона и Воронежа на востокъ до Великой Вороны (правый притокъ Хопра въ теп. Пензенской и Тамбовской губерній) и Хопра, и, какъ кажется, носило названіе *Червленнаго яра* [255]). Въ грамотѣ Митрополита Ѳеогноста, данной Рязанскому владыкѣ (1334—1354) говорится о *городахъ* по Великую Ворону, которые должны зависѣть отъ Рязанской епископіи. Можно думать, что эти города существовали и въ эпоху Начальной лѣтописи, что и здѣсь они были поставлены въ огражденіе русской зем-

ли отъ степняковъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Никоновскій сводъ упоминаетъ о городахъ Черлечаго яру на Великой Воронѣ уже подъ 1148 годомъ (Никон. Лѣт. II. 105). Гдѣ проходилъ Черниговo-Рязанскій рубежъ къ с. отъ Вороны, на предѣлахъ съ Мордвою, опредѣлить невозможно. По всей вѣроятности онъ терялся въ лѣсистой мѣстности, омываемой теченіемъ *Цны*, славянское названіе которой указываетъ на раннюю принадлежность ея къ Славяно-русской землѣ. Этою Цною и низовьями Мокши, на которой въ началѣ XIII вѣка мы видимъ крайній Рязанскій городъ *Кадомъ* (1209 Никон. лѣт. II. 306), при устьи Вада, порубежье шло къ Окѣ къ собственно Муромской землѣ. Въ концѣ XI вѣка Муромъ лежалъ на самомъ порубежьи Русской земли съ землями Камскихъ Болгаръ, какъ то видно изъ лѣтописнаго извѣстія о взятіи этаго города Болгарами Камскими въ 1088 году (Лавр. 89). Основаніе Нижняго Новгорода на мордовскихъ предѣлахъ спустя три съ половиною столѣтія послѣ утвержденія русской власти въ Муромѣ (1221. Лавр. 189) указываетъ, какаго труда стоило русскимъ князьямъ упрочить за собою устья Оки, и какъ медленно утверждалась въ этомъ краю славяно-русская колонизація. Сѣверо-западная окраина Черниговскаго княженія прилегала частью къ Ростово-Суздальской землѣ, частью къ Смоленской. Порубежье съ Ростовомъ, начинаясь въ низовьяхъ Клязмы, отъ Болгарскаго рубежа, шло лѣсистымъ и болотистымъ водораздѣломъ между Клязмой и Окою до устья Москвы. На этомъ пространствѣ ближайшимъ къ Мурому городомъ Ростовской земли является *Суздаль* (1096. Лавр. 108—109), на рѣкѣ Нерли, и изъ обстоятельствъ борьбы между Мстиславомъ Мономашичемъ и Олегомъ Черниговскимъ нельзя не видѣть, что между этими городами не было иныхъ порубежныхъ укрѣпленій; иначе враждующіе князья не могли бы совершать своихъ походовъ отъ одного города къ другому такъ свободно, не встрѣчая на пути никакихъ преградъ. Самый Владиміръ на Клязмѣ былъ построенъ Владиміромъ Мономахомъ не ранѣе конца XI или начала XII вѣка едва ли не въ видахъ огражденія Суздальско-Ростовской земли со стороны Черниговскаго порубежья. Отъ Москвы рѣки, при устьи которой уже въ XII вѣкѣ стоялъ Рязанскій городъ *Коломна* (1176. Лавр. 161), рубежъ направлялся на востокъ по водораздѣлу между бассейномъ Оки и

Москвы рѣки, огибая лѣвые Окскіе притоки *Лопасну* (1176. Ипат. 118), *Нару* и *Угру*, верховья которой въ XII вѣкѣ принадлежали однако къ Смоленскому княженью (1147. Ипат. 30). Деснянскій бассейнъ принадлежалъ Черниговскому княженію, какъ кажется, не вполнѣ. Здѣсь рубежъ направлялся отъ волока Угро-Болвянскаго на югъ по водораздѣлу между Десною и Болвою за тѣмъ на юго западъ пересѣкая Десну у Черниговскаго города *Вщижа* (1142. Ипат. 19), перерѣзывалъ теченіе Ипути, Остра и Сожи у устьевъ Вскры и по той линіи, которая была отмѣчена нами выше, какъ возможное староземельное порубежье Радимичей, доходилъ до Днѣпра, который отдѣлялъ Черниговское княженіе отъ Полоцкаго.

На обширномъ пространствѣ, которое занимало Черниговское княженіе, Начальная лѣтопись знаетъ весьма немного населенныхъ мѣстъ. Она называетъ только въ области Десны *Черниговъ* (907. Лавр. 13) на *Деснѣ* и рѣчкѣ *Стрижени* (86), стольный городъ всего княженія, съ двойными укрѣпленіями (градъ окольный и днѣшній градъ), съ церковью *св. Спаса*, заложенною Мстиславомъ Тмутараканскимъ, который и былъ въ ней похороненъ (1036. Лавр. 65), и княжимъ *Краснымъ* дворомъ (103). Въ окрестностяхъ его на Болдиныхъ горахъ, на мѣстѣ, гдѣ жилъ нѣкоторое время св. Антоній,—монастырь *св. Богородицы* (ibid. 83). Близь Чернигова *Лиственъ*, мѣсто битвы и заключенія мира между Ярославомъ Новгородскимъ и Мстиславомъ Тмутараканскимъ въ 1024 году (ibid 64), — вѣроятно на мѣстѣ теп. Листвена, сел. на р. Рудѣ, впадающей въ Сновъ, въ 12 верстахъ отъ Городна (близь него *Малый Лиственъ*); *Сновескъ*, подъ которымъ Святославъ Ярославичъ разбилъ Половцевъ въ 1064 году (74); на мѣстѣ этаго городка, находившагося на Деснѣ при впаденіи Снови, указываютъ городище у теп. мѣстечкѣ Брусилова,—далѣе урочище или село *Нѣжатина Нива*, гдѣ Половцы нанесли пораженіе князьямъ Ярославичамъ въ битвѣ 1078 года, въ которой палъ Изяславъ Кіевскій (Лавр. 86); Нѣжатина Нива должна была находиться на р. Острѣ, можетъ быть тамъ, гдѣ теперь Нѣжинъ, ибо съ мѣста битвы тѣло павшаго князя везли къ *Городьцу*, несомнѣнно Остерскому; *Стародубъ*, сильное укрѣпленіе, выдержавшее въ 1098 году 33 дневную осаду соединенныхъ силъ Кіевскаго Святополка и Мономаха (Лавр. 98), *Новый Городъ* (Новгородъ Сѣверскъ) на Деснѣ), подъ которымъ Мономахъ разбилъ Половцевъ, разо-

рявшихъ окрестности Стародуба (Поуч. 103) и *Курскъ* въ Посемьи (ibid.); въ области Оки—Вятичьскій городъ *Корьдна*, *Рязань* (1096. Лавр. 108) и *Муромъ* съ монастыремъ св. Спаса (ibid.).

Глава VIII.—*Кривичи* и *Новгородскіе Славяне*. — Разселеніе *Кривичей*.—Полоцкое и Смоленское княженія.—Ихъ границы и населенныя мѣста.—*Новгородскіе Славяне*.—Область Новгорода въ половинѣ XI вѣка и въ началѣ XII вѣка. — Бѣлоозеро и Ростово-Суздальская земля.

На сѣверо-западѣ восточнаго Славянства, верховья Волги, Днѣпра и Двины, и южную часть озерной области, занимали близко родственныя между собою [156]) Славянскія вѣтви *Кривичей* и собственно *Славянъ*, *Словенъ*. Ихъ географическое положеніе на окраинѣ Славянскаго міра, въ средоточіи важнѣйшихъ водныхъ путей всей восточно-европейской равнины обусловило ихъ важное историческое значеніе для славяно-русской колонизаціи первоначально-инородческихъ земель. Они были призваны подчинить Славянству обширныя земли на финскомъ сѣверо-востокѣ, на который главнымъ образомъ было направлено ихъ колонизаціонное движеніе, встрѣчавшее сильную преграду на западѣ въ западныхъ чудскихъ племенахъ, обнаруживавшихъ болѣе самостоятельности и устоя, чѣмъ ихъ восточные собратья, и въ воинственной Литвѣ. Кривичи и Славяне составили главную основу великорусской народности; ихъ выходцы первые проложили пути въ области разрозненныхъ чудскихъ народцевъ Поволжья и облегчили движеніе другимъ Славяно-русскимъ племенамъ.

Географическое положеніе Кривичей Начальная лѣтопись опредѣляетъ верховьями Двины, Днѣпра и Волги; Полоцкая вѣтвь ихъ указывается по теченью Двины и вливающейся въ нее Полоты. Но нѣтъ сомнѣнія, что область, занятая ими, была гораздо обширнѣе, простираясь на югъ до земель Дреговичей, Древлянъ и Радимичей, на востокъ до Радимичей и Сѣверянъ, на сѣверъ до разселеній Новгородскихъ Славянъ. Южное порубежье ихъ должно было идти, какъ мы уже видѣли, на правой сторонѣ Днѣпра—водораздѣломъ между Припетью, Нѣманомъ и Березиной, на лѣвой—волокомъ между Днѣпромъ и Сожей и верхними теченьями сѣверныхъ притоковъ Десны. На этомъ пространствѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ

мѣстностей съ названіями, напоминающими собою Кривичей и вблизи мѣстностей, въ названіяхъ которыхъ сохраняются явные слѣды наименованій сосѣднихъ племенъ и старинныхъ городовыхъ сооруженій. Таковы на Дреговичскомъ порубежьи, въ области, гдѣ замѣчаются остатки древнихъ Ятвяжскихъ поселеній,—три селенья съ названіями Кривичей: къ западу отъ Слонима, между рр. Зельвянкой и Щарою, въ Лидскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Нѣмана, и въ Новогрудскомъ на лѣвомъ берегу его,—въ сосѣдствѣ ихъ—Дороглинъ, Деречинъ, Дрогобыль, и т. п. и нѣсколько *городковъ*; далѣе на извѣстномъ уже намъ Брягинско-Днѣпровскомъ водораздѣлѣ, —*Кривскъ* и двѣ *Кривчи* вблизи мѣстностей — Радуль, Сѣвки, Сутава, Городище; на лѣвой сторонѣ Днѣпра на Радимическомъ порубежьи—озеро *Кречаны* близь Рогачева, южнѣе его *Кривскъ* у верховьевъ Сожскаго притока Узы, къ в. отъ Гомеля (Черниговскій городъ *Гомьи* 1142.), близь него Радѣевъ; *Кривскъ* и *Городецъ* къ с. з. отъ Черниговскаго города Чечерска (1159. Ипат. 84), *Кривецъ* къ с. з. отъ Горокъ, и вблизи его нѣсколько городковъ и сел. Радимля, что на Пронѣ, къ с. отъ Чаусъ,—*Кривецъ* на Сожѣ, къ югу отъ Мстиславля, *Кривецъ* на дорогѣ изъ Рославля въ Смоленскъ и др. На востокѣ исконныя поселенія Кривичей едва ли переходили волоки, раздѣляющіе бассейны Днѣпра и Оки. Неславянскія названія притоковъ верхняго Днѣпра до самаго Смоленска и Десны до того мѣста, гдѣ она измѣняетъ свое теченіе на юго-западъ (у устья Болвы), даютъ основаніе думать, что даже здѣсь первоначальное населеніе должны были составлять инородцы. Но въ эпоху Начальной лѣтописи Славянство перешло уже въ область Оки, заняло чудскія земли Мери и Мордвы, и въ этой колонизаціи Кривичи принимали немаловажное участіе. Верхнія теченія Угры и Десны, какъ занятыя сплошнымъ Кривскимъ населеніемъ, могли изстари и вполнѣ входить въ составъ Кривской земли, ибо весьма вѣроятно, что пролегавшій здѣсь позднѣе рубежъ Черниговo-Смоленскій возникъ на основѣ стараго земельнаго рубежа Кривско-Сѣверскаго или Радимичскаго. Какъ возможные остатки его считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь по Угрѣ вверхъ отъ усть Сиговки (въ Юхновскомъ у.) селл. *Городянка*, *Городище*, *Городокъ* Дорогобужскаго уѣзда; къ сѣверу отъ нихъ *Городокъ* на Осмѣ, къ югу—*Городечно* на ручьѣ *Городнѣ* близь верховьевъ Болвы, два селенья *Сутоки* на волокѣ между Десною и Болвою, *Ого-*

родня по правой сторонѣ Десны, почти на одной линіи съ Черниговскимъ городомъ Вщижемъ. Но если здѣсь могло проходить древнее земельное порубежье Кривичей, то множество Кривскихъ названій въ Окской области до верхняго Дона указываютъ, что отдѣльныя поселенія Кривичей, ихъ колоніи участвовали въ образованіи Славяно-русскаго населенія этаго первообразно финскаго края. Тамъ между прочимъ мы видимъ въ области Оки—*Криво Городище*, близь истоковъ Оки къ западу отъ Кромъ, *Покривское* къ югу отъ Орла на Курскомъ шоссе, *Кревье* или *Волосатое* у истоковъ Нугря, близь него *Радзино*, *Кривчее* къ с. з и *Кривцоеъ* къ с. отъ Болхова—на Жиздрѣ-*Кричина* (въ Козельскомъ уѣздѣ) между двумя селеньями *Волосовыми* и близь сел. *Меренищъ*; къ з. отъ послѣдняго *Кривуша*, далѣе на с. *Кривская* на *Протвѣ*, къ с. отъ Малоярославца и др. Въ области Дона—*Кривая* (Покровская), Большой и Малый *Кривецъ* на Любовшѣ, притокѣ Сосны, ручей *Кривецъ* и. т. д. Что касается сѣверо-восточныхъ разселеній Кривскаго племени, то они должны были занимать значительную часть Волжскаго бассейна. Свидѣтельство XII вѣка, что *Суздальско-Залѣская* дань принадлежала первоначально Смоленскимъ, т. е. Кривскимъ князьямъ, даетъ основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ южная часть Суздальской земли стояла въ связи съ Смоленскомъ, зависила отъ него. Эта связь и зависимость естественнѣе всего объясняется колонизаціоннымъ движеніемъ Смоленскихъ Кривичей въ земли Мери и Веси, въ область Москвы рѣки и Клязмы до самой Волги, при чемъ переселенцы не теряли земельной связи съ своей митрополіей. Наиболѣе существенныя и основательныя разъясненія по этому предположенію могло бы дать сравнительное изученье народныхъ нарѣчій и говоровъ въ земляхъ древне Кривскихъ и въ Поволжьи. Для насъ же оно кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что въ пользу его говоритъ географическая связь Кривскаго Поднѣпровья съ этимъ краемъ, связь, которую мы старались указать выше (Глава I). Если справедливо, что колонизаціонное движеніе Славянъ вообще совершалось по рѣкамъ, составлявшимъ въ этой лѣсистой и дикой странѣ единственные пути сообщенія, то часть верхняго Поволожья между Угрою, Окою, Клязмою и Волгою, пересѣкаемая теченьями Москвы и Клязмы, скорѣе всего могла заселиться Кривичами. Обращаясь затѣмъ къ даннымъ топографической номеклатуры, мы находимъ въ

довольно значительномъ количествѣ слѣды Кривскихъ наименованій въ области Клязмы и средняго Поволожья. Таковыми могутъ быть въ области Москвы рѣки и Клязмы—деревня *Кривцовская* въ 1504 принадлежавшая Онуфріевскому монастырю въ Звенигородѣ (Собр. Госуд. Гр. и Догов. I. 365), нынѣшнія селенія *Кречково* или *Кричковъ* въ Нижегородскомъ уѣздѣ, *Кривцы* или *Кривцовы*—одно на Истрѣ вь Клинскомъ уѣздѣ, а другое въ Бронницкомъ на Рязанскомъ шоссе, три *Кривцова* въ теп. Владимірской губерніи—Юрьевскаго уѣзда, на рѣкѣ Николаевкѣ въ 32 верстахъ къ югу отъ у. г. (близь него сел. *Вески*) другое къ сѣверу въ 54 верстахъ отъ того же города на побережьяхъ Нерли, и третье—въ Шуйскомъ у. въ 38 верстахъ отъ у. г.; здѣсь же *Кривцы* на р. Воршѣ Владимірскаго уѣзда (къ с. з. въ 42 верстахъ отъ у. г.) и *Кривицы* па р. Жерновѣ къ ю. з. въ 15 верстахъ отъ Мурома. Но болѣе подобныхъ названій замѣчается къ сѣверу отъ Клязмы, въ излучинѣ, которая образуется теченіемъ Волги отъ устья Тверцы до Костромы. Этотъ край могъ заселяться Кривскими выходцами какъ съ верховьевъ Днѣпра, такъ и съ верхней Волги, которую лѣтопись указываетъ, какъ мѣсто его исконныхъ поселеній. Здѣсь мы находимъ—*Кривецъ* Дмитровскаго у. на р. Дубнѣ, *Крево* на Волгѣ при устьи рѣчки Кревки въ 6 верстахъ ниже Корчева, и вблизи на правой сторонѣ Волги *Кривецъ* (въ 17 верстахъ отъ Корчевы); далѣе мы видимъ цѣлый рядъ селеній съ названіями „Кривцовъ"—къ с. отъ Корчевы въ 55 верстахъ,—на рѣчкѣ Гусевнѣ въ 22 верстахъ отъ Калязина,—на рѣкѣ Вонжѣ въ 6 верстахъ на с. отъ Кашина,—два Кривцова въ 47 верстахъ отъ Углича близь Переяславской границѣ, и третье въ 24 верстахъ къ югу отъ того же города; за тѣмъ *Кривцы* въ 40 в. къ ю. з. отъ Мышкина, *Кривецъ* на правой сторонѣ Волги въ 7 верстахъ отъ того же города; деревни *Кривцовы*, которыхъ насчитывается до шести въ уѣздѣ Мышкинскомъ, Моложскомъ, Рыбинскомъ и Пошехонскомъ, два сел. *Кривандина* въ Романово-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, *Кривикъ* на Соти Моложскаго, *Кривецъ* Большой и Малый на Сухонѣ Вологодскаго уѣзда, два *Кривецкихъ* въ Никольскомъ, *Кривовская* дер. въ Кадниковскомъ у. и. др. могутъ указывать, какъ далеко въ эту сторону простирались разселенія Кривичей, встрѣчавшіяся тутъ съ поселенцами изъ области Ильменскихъ Славянъ. Далѣе на западъ поселенія Кривичей прилегали къ корен-

нымъ поселеніямъ Новгородскихъ Славянъ. Изъ указаній самой Начальной лѣтописи, которая опредѣляетъ область Кривичей верховьями Волги, Двины и Днѣпра, надо заключить, что ихъ поселенія первоначально ограничивали на с. з. гористымъ водораздѣломъ системы этихъ рѣкъ съ озерной областью, которая образуетъ Алаунская возвышенность и Валдайскія горы. Но, благодаря удобствамъ водныхъ путей, Новгородскіе Славяне весьма рано проникли въ сѣверо-западную часть Поволожья, заняли область Мсты и верхней Мологи. Уже въ XII вѣкѣ Медвѣдица является ихъ межою со стороны Ростово-Суздальской земли. Въ тоже время Кривское племя вошло на сѣверо-западъ въ область Чудскаго озера, захвативъ при этомъ верхнюю часть Ловатскаго бассейна. Вѣроятные слѣды Кривскаго разселенія въ озерной области могутъ представлять сел. *Кривкина* Демянскаго у. къ западу отъ оз. Велья; два селенья *Кривцы* на Березнѣ, правомъ притокѣ Полисты въ с. з. углу того же у. *Кривецъ* на з. отъ Порхова, близь Прощеницъ; къ ю. отъ него *Славковичи; Кривецъ* на югъ отъ Порхова, и *Кривины* близь истоковъ Шелони. Кривское происхожденіе Славянъ, поселявшихся у Чудскаго озера, указываетъ сама Начальная лѣтопись, называя Кривичей въ числѣ трехъ племенъ или земель, призвавшихъ Варяго-русскихъ князей, изъ которыхъ Рюрикъ сѣлъ въ Новѣ городѣ у Славянъ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ—у Чуди, а Труворъ—въ *Изборскѣ* (что подъ Псковомъ)—у Кривичей. Эти Изборскіе Кривичи участвовали въ призваніи русскихъ князей и въ подчиненіи ихъ власти своихъ Полоцкихъ и Смоленскихъ собратьевъ, совершившемся при Рюрикѣ и Олегѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что они составляли древнею Кривскую колонію въ области, заселенной первоначально чудскими племенами, были выходцами съ Славянскаго Поднѣпровья. Первобытное инородческое населеніе оставило доселѣ слѣды свои въ большой части географическихъ наименованій, и главнымъ образомъ въ наименованіяхъ живыхъ урочищъ таковы напримѣръ названія притоковъ Великой (Алюля, Кудка, Ують, Исса, Утроя, Кувва и другія). Самое названіе рѣки *Великой*, по которой преимущественно группировались славянскія поселенія, также какъ и названія многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Чудское озеро съ юго-востока (Черная, Бѣлая и другіе) отзываются не чисто славянскимъ происхожденіемъ; скорѣе всего они составляютъ переводъ прежнихъ инородческихъ названій. Здѣсь Кривскія разселе-

нія могли достигать водораздѣла между бассейнами Великой съ одной стороны и полостями рѣкъ, текущихъ въ Рижскій заливъ и нижнюю Двину, съ другой. Здѣсь, какъ возможные слѣды ихъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣстности: *Кривовицы* близь праваго берега Псковскаго озера, на с. отъ Пскова, и къ югу отъ сел. Власовой (*Волосовой*) Губы и рѣчки *Волосны*, которыхъ названія могутъ указывать на древнее, еще въ языческія времена совершившееся переселеніе Славянъ въ этотъ край; за тѣмъ *Кривска* на южномъ берегу Псковскаго озера у устья рѣки Андоги; *Смоленскій* на Кудеби, и къ югу отъ него сел. *Кривино*; далѣе на западъ у Маріенгаузена сел. *Крикинъ*, и близь него сел. *Межерники* и *Межерія* (Карта Шуб. № XVII); послѣднія три мѣстности находятся какъ разъ на волокѣ между притокомъ Великой, Кудебью, и Эвстомъ, впадающимъ въ западную Двину. Озерная область, которая связуетъ полости Великой р. и западной Двины, заселенная искони Литовскою вѣтвію Летголы и, можетъ быть, даже Ливью, издавна привлекала къ себѣ славяно-кривскую колонизацію. Весьма вѣроятно, что она простиралась отъ верховьевъ Великой отъ границъ Опочкскаго и Великолуцкаго у. до Двины въ юго-западномъ направленіи, захватывая озера Себежъ и Освѣй, и область р. Дриссы, до крутаго поворота западной Двины, на сѣверъ (у Динабурга), гдѣ мы видимъ теп. сел. *Креславъ* или *Креславку* на Двинѣ, *Б. Кривины* на с. в. отъ Динабурга (верст. въ 20), и *Кривины* къ с. отъ того же города. На этомъ пространствѣ замѣчаются сел. *Кривина*, на р. Льжѣ, къ в. отъ пригорода *Краснаго* на самой границѣ Псковской губ. съ Витебской, *Кривены* къ западу отъ него (верстахъ въ 10), *Кривцы* на озерѣ Ужо, у той же границы; *Кривини* къ в. отъ Люцина, на лѣвой сторонѣ отъ Лжи, вблизи—*Криванда* по дорогѣ изъ Люцина въ Опочку, *Кревули* къ ю. в. отъ Рѣжицы, и близь него сел. *Латыти*, *Кривина*, къ западу отъ него верстахъ въ 6, *Крицевка* на восточномъ берегу Себежа, и т. д. Вся эта область особенно богата мѣстностями, которыхъ названія напоминаютъ порубежье и порубежныя укрѣпленія, каковы напр. *Городки*, *Городищи*, *Городиновичи*, *Межи*, *Межники*, *Межеватки*, *Рубежи*, *Рубежевичи*, *Сутоки* и т. п. На югъ отъ Двины, отъ отмѣченнаго нами ея поворота, Кривскія разселенія шли вдоль чисто Литовскихъ поселеній, перемежаясь съ ними въ области Ви-

ліи и Нѣмана до самаго водораздѣла этой послѣдней рѣки съ полостью Припети. Здѣсь, на намѣченнымъ нами выше (глава II) этнографической границѣ Литвы съ Славянскимъ населеніемъ, замѣчаются мѣстности: *Крицевичи* на р. Храборовкѣ, съ юга впадающей въ Двину, верстахъ въ 25 ниже Дисны, Н. *Городцы* на Диснѣ (верстъ 20 выше устья), *Браславъ*, на югъ отъ Динабурга, *Русачы* на ю. отъ Поставъ, къ сѣверу отъ которыхъ— *Сутоки* и *Русаки*, и на югъ *Сутоки* же и *Городники*, *Русакинъ*, къ ю. отъ сел. Годуцишки (къ в. отъ Свенцянъ), *Русаки* на Мядзіолкѣ въ сѣверной части Свѣнцянскаго у.; *Будславъ*, *Кривичи*, *Русачки* и *Сутоки* на рѣкѣ Сервечи (Вилейскаго у.); далѣе на югъ сел. *Крево*, къ юго-востокъ отъ Свенцянъ, и вблизи его *Городечно*, *Городски*, *Городиловъ* и *Словенскъ*, *Смолинскъ* на Жижмѣ; *Кривцы*, къ с. з. отъ Лиды верстахъ въ 3-хъ врѣзываются въ Полость Нѣмана въ первоначально —Литовско-Ятвяжсвую область, извѣстную въ XIII вѣкѣ подъ именемъ Дайновы, а теперь уже вполнѣ ославянившуюся. Слѣды Кривскихъ поселеній на южной окраинѣ ихъ между Припетью, Нѣманомъ и Днѣпромъ мы уже разсмотрѣли.

Многочисленное племя Кривичей, разсѣянное на такомъ обширномъ пространствѣ, должно было рано распасться на отдѣльныя земли. Дѣйствительно, уже въ эпоху образованія русскаго государства, мы видимъ три центра Кривскаго населенія—*Изборскъ*, *Полоцкъ* и *Смоленскъ*. Изъ нихъ Изборскъ, поставленный на самой окраинѣ Кривскаго населенія, съ сѣверо-запада, на рубежѣ съ сильною Чудью, и въ сосѣдствѣ Новгородцевъ, не могъ держаться самостоятельно, силою одной своей области; онъ долженъ былъ примкнуть или къ Полоцку или къ Новгороду. Весьма вѣроятно, что первоначально, онъ примкнулъ къ Полоцку который упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о городахъ, разданныхъ Рюрикомъ—по смерти братьевъ своимъ мужамъ; этотъ же городъ названъ Олеговымъ договоромъ съ Греками въ числѣ городовъ, на которые были взяты уклады; но географическая связь съ полостью Ильменя (черезъ Череху и Узу, см. гл. I. стр. 22) рѣшила дѣло ва пользу Новгорода. Можетъ быть, этому содѣйствовало подчиненіе Полоцка Варяжскому выходцу Рогволоду (въ половинѣ X. в.). Во всякомъ случаѣ весьма вѣроятно, что отдѣленіе Изборскихъ Кривичей отъ Подвинскихъ окончательно совершилось только въ половинѣ XI

вѣка, на что указываютъ попытки Всеслава овладѣть Псковомъ и его союзъ съ Водью, который не можетъ быть иначе объясненъ, какъ давнею связью Изборскихъ Кривичей съ финскимъ побережьемъ. Послѣ отпаденія Изборска, центромъ западныхъ подвинскихъ Кривичей сдѣлался Полоцкъ, отъ котораго они и ихъ область уже въ эпоху лѣтописца получили свое названіе „Полочанъ". Еще ранѣе центромъ восточныхъ поднѣпровскихъ Славянъ сдѣлался *Смоленскъ*, который лѣтопись называетъ городомъ собственно Кривичей „на верхъ Волги, и наверхъ Двины и на верхъ Днѣпра, ихъ же градъ есть Смоленьскъ". При образованіи русскаго государства обѣ эти вѣтви Кривичей обособились въ отдѣльныя княженія—*Полоцкое* и *Смоленское*, никогда между собою не соединявшіяся.

Полоцкіе Кривичи ранѣе своихъ приднѣпровскихъ сородичей вошли въ составъ русскаго государства (885. Лавр. 13) и образовали въ немъ особое княженіе, которое, съ перваго времени своего существованія, стало особнякомъ въ ряду всѣхъ другихъ русскихъ княженій. Важнѣйшею причиною этой обособленности издавна признавалось то обстоятельство, что Полоцкое княженіе составило волость Рогнѣдича сына Изяслава Володиміровича, которую онъ получилъ, какъ *отчину* своей матери, а не по общему для всего Рюрикова рода праву участвовать въ володѣніи русской землею. По отношенію къ Ярославичамъ, потомство Изяслава считалось изгоями. „Оттолѣ, говоритъ лѣтопись, мечь взимають Рогволожи внуци противу Ярославлимъ внукомъ" (Лавр. 131). Но обособленіе Полоцкаго княженія имѣло другія, болѣе существенныя причины въ самомъ географическомъ положеніи его. Занимая теченіе Западной Двины и верховья рѣкъ Вилейско-Нѣманскаго бассейна, оно составляло русскую украину на Литовско-Чудскомъ сѣверо-западѣ. Стремленіе утвердиться на Западно-Двинской вѣтви великаго-воднаго пути, отношенія къ инородцамъ, которыя опредѣлялись необходимостьи не только ограждать отъ нихъ свои владѣнія, но и поддерживались колонизаціонное движеніе Кривскаго племени въ инородческія земли, все это отвлекало Полоцкихъ князей отъ интересовъ, которые наполняли и направляли жизнь Поднѣпровской Руси. Наша лѣтопись не сохранила никакихъ указаній на дѣятельность Полоцкихъ князей по отношенію къ ихъ западнымъ сосѣдямъ; въ Начальной лѣтописи есть только одно извѣстіе о страш-

номъ пораженіи, которое нанесла Зимѣгола Всеславичамъ въ 1106 году, пораженіи, въ которомъ пало будто бы 9,000 полоцкой дружины (Лавр. 120). Но ко второй половинѣ XII вѣка Полоцкіе князья уже стали твердою ногою на всемъ теченіи Западной Двины внизъ отъ Полоцка до самаго устья, подчинивъ себѣ инородческое населеніе этой области, которое было обложено данью (Gruber, Orig. Livoniae, p. 3). Въ 1180 году въ рядахъ Полоцкаго князя мы видимъ Литву и Ливь (Ипат. 121), что даетъ основаніе предполагать, что зависимость подвинскихъ инородцевъ отъ Полоцка не ограничивалась платежомъ дани, но что они должны были доставлять Полоцкимъ князьямъ въ помощь военныя дружины. Передовыми постами русскихъ владѣній были здѣсь городки *Герцике* [157]) и *Кукенойсъ* (Kukenoys Orig. Liv. 33, теперь *Кокенгаузенъ* на Двинѣ, нѣсколько выше Фридрихштата), въ которыхъ сидѣли русскіе князья. Понятно, что приведеніе въ зависимость Подвинскаго населенія не могло совершиться безъ борьбы, и требовало отъ Рогволожичей много времени и усилій, и тѣмъ самымъ много способствовало ихъ обособленности и отдѣльности. Съ другой стороны, владѣя Западною Двиною и частью Поднѣпровья, Полоцкіе князья не имѣли въ своихъ рукахъ верхнихъ теченій этихъ рѣкъ, гдѣ, какъ мы видѣли, проходили главнѣйшіе пути изъ южной Руси въ Озерную область и въ Поволжье. Они принадлежали отчасти Новгороду, но главнымъ образомъ Смоленску. Естественное стремленіе Полоцкихъ князей овладѣть ими, а съ другой стороны стремленіе Новгорода и Смоленска какъ можно тверже стать на этихъ путяхъ, были причиною постоянныхъ столкновеній Полоцка съ сосѣдними князьями, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали всѣ Ярославичи, ибо въ интересахъ всего Ярославова рода, всѣхъ поднѣпровскихъ князей, было безраздѣльно владѣть великимъ воднымъ путемъ. Во все время самостоятельнаго существованія Полоцкаго княженія эта борьба не прекращалась и къ концу XII вѣка завершилась полнымъ успѣхомъ Ярославлихъ внуковъ, которымъ удалось оттѣснить Полочанъ за правый берегъ Днѣпра и овладѣть верхнимъ Подвиньемъ до самаго Витебска [158]).

Въ эпоху Начальной лѣтописи границы Полоцкаго княженія прилегали на сѣверѣ къ Новгородскимъ, на востокѣ къ Смоленскимъ и Черниговскимъ, на югѣ къ Кіевскимъ, на западѣ и сѣве-

ро-западѣ къ Литовскимъ и Чудскимъ разселеніямъ. Первымъ ближайшимъ къ Новгороду пунктомъ Полоцкихъ владѣній въ XI вѣкѣ мы видимъ *Въсвятъ* (теперь Усвятъ на озерѣ того же имени въ Суражскомъ у. Витебской губ.), отданный въ 1021 году Ярославомъ Великимъ Брячиславу Изяславичу Полоцкому вмѣстѣ съ *Витебскомъ* (Соф. Врем. въ Полн. Собр. р. лѣт. V. 134). Весьма вѣроятно, что предшествовавшій этой уступкѣ набѣгъ Брячислава Полоцкаго на Новгородъ, и война, подробности которой сохранились въ Исландскихъ сагахъ, [159]) были вызваны захватомъ со стороны Новгородцевъ Усвятской вѣтви великаго воднаго пути. У Въсвята Полоцкое порубежье сходилось также съ Торопецкою волостью Смоленскаго Княженія, и оттуда пролегало на югъ по водораздѣлу между рѣч. Усвятомъ съ одной стороны, озер. Жездо и Двиньемъ и верхнею Двиною съ другой— (гдѣ мы видимъ теперь два *Городца* къ с. отъ Усвята и къ югу отъ Велижа), къ устью Касплы, теченіе которой принадлежало уже къ Смоленскому княженію. Далѣе на югъ, названія мѣстностей на холмистомъ волокѣ между Западно-Двинскими притоками Касплею и Лучесою—*Стреженево* и *Городокъ* къ с. отъ Бабиновичъ и Добромысля, *Сутоки* Большіе и Малые у самаго Добромысля (на р. Черницѣ, правомъ притокѣ Лучесы), и на с. в. нѣсколько *Городковъ*, селенія *Рубежницы*, *Рубежъ* даютъ возможность положить здѣсь продолженіе Полоцко-Смоленскаго порубежья. Далѣе на югъ отъ верховьевъ Касплы и Лучесы, въ области Днѣпра Полоцкія владѣнія простирались на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ къ нимъ принадлежали города *Ръша* (Орша) и *Копысъ* (1059. Соф. Вр. 139), причина войны Ярославичей съ Всеславомъ Полоцкимъ въ 1066 году. Ярославичи успѣли овладѣть тогда Ръшею, какъ то видно изъ обстоятельствъ плѣненія Всеслава, [160]) но не успѣли удержать его за собою. Ръша и Копысъ были на всегда отняты Мономахомъ и присоединены къ Смоленску только въ 1116 году (Ипат. 48). Съ того времени восточная граница Полоцкаго княженія отодвинулась за правый берегъ Днѣпра [161]). Самымъ южнымъ пунктомъ ея въ началѣ XII вѣка является *Стрѣжевъ* (Стрѣчивъ 1127. Ипат. 11), порубежный городъ съ Черниговскимъ княженіемъ, который пріурочивается обыкновенно къ теп. м. Стрѣшину, къ ю. отъ Рогачева и нѣсколько выше устья Березины. Вблизи этого мѣстечка обращаютъ также на себя вниманіе

деревня *Стрѣнки* въ в. отъ Рогачева, не далеко отъ сел. *Брѣнное*, и *Воротинъ*, что на р. Олѣ, съ сѣвера вливающейся въ Березину. Названія этихъ мѣстностей могутъ указывать, что здѣсь начиналось южное порубежье Полоцкаго княженія съ Кіевскими владѣніями. Оно шло по водораздѣлу, и теперь еще болотистому и топкому, между Березиною и Ведричемъ, впадающимъ въ Днѣпръ у Черниговскаго города *Рѣчицы*, и затѣмъ по водораздѣлу между Свислочемъ, правымъ притокомъ Березины, и Птичемъ, съ сѣвера текущимъ въ Припеть. Здѣсь, на южномъ порубежьи, замѣчаются теперь мѣстности *Городокъ* къ югу отъ м. Свислоча, и близь него *Горожи* и *Горожцы*; далѣе въ томъ мѣстѣ, гдѣ Припеть и Свислочъ наиболѣе сближаются между собою—уже упомянутые нами *Сутинъ* и *Сутина*, *Граничи* у верховьевъ Свислочи и Птича, *Воротынки*, *Рубежевичи* (глава VI). Тутъ же ищутъ упоминаемые Словомъ о Полку Игоревѣ *Дудутки*, съ которыхъ знаменитый Всеславъ „скочи влъкомъ до Нѣмиги". И. Д. Бѣляевъ признаетъ ихъ Полоцкимъ городомъ, и, основываясь на томъ, что подъ Нѣмигою надо понимать здѣсь Нѣманъ, къ которому „пустился Всеславъ отъ Дудутокъ"; пріурочиваетъ ихъ къ м. *Дудичи* (на р. Птичи, къ югу отъ Минска), ибо нынѣшнія Дудичи именно стоятъ очень близко отъ верховьевъ Нѣмана. Но, сближая это указаніе—или вѣрнѣе поэтическій намекъ — „Слова" на дѣйствительный историческій фактъ, съ положительными извѣстіями лѣтописи, нельзя не видѣть, что онъ долженъ относиться къ извѣстному бѣгству Всеслава изъ-подъ Кіева въ свою отчину при возвращеніи изъ изгнанія Изяслава Ярославича съ Польскою помощью. Дудутки означаютъ здѣсь крайній Кіевскій городъ,—тогда какъ ручей Нѣмига и донынѣ существуетъ въ Минскѣ;—его кровавые берега упоминаетъ Слово о Полку Игоревѣ, которато авторъ конечно зналъ о кровавомъ разгромѣ Минска Мономахомъ[262]). У верховьевъ Птича и Свислочи, сближающихся съ верховьями Нѣмана, прекращались Полоцкія владѣнія, ибо, какъ уже мы видѣли, полосѣ верхняго Нѣмана, была первоначально занята Ятвягами, которые были оттѣснены изъ нея, благодаря воинственной дѣятельности Ярославичей, и славяно-русской колонизаціи вышедшей изъ земель Дреговичей, Древлянъ и даже Кривичей. Извѣстіе о томъ, что борьба Руси съ Литовскими племенами, обитавшими къ югу отъ Виліи, шла пер-

воначально не изъ Полоцка, а изъ Кіева, доставляютъ намъ Литовско-Польскіе источники; объ участіи Кривичей въ колонизаціи не только Понѣманья, но и области, лежащей къ западу отъ него, водораздѣла Нѣмансво-Бужскаго, могутъ свидѣтельствовать до сей поры уцѣлѣвшія тамъ Кривскія названія многихъ мѣстностей[263]); но зависимость Понѣманской области отъ Приднѣпровской Руси, ея давняя связь съ нею обнаруживается господствомъ въ ней мелкихъ удѣльныхъ князей изъ потомства Изяслава Ярославича еще въ второй половинѣ XII вѣка. Крайнимъ городомъ Полоцкихъ владѣній на западномъ Порубежьи съ Литвою лѣтописныя извѣстія XII вѣка называютъ *Городокъ* или *Городецъ* (1162. Ипат. 91), который пріурочивается къ тец. м. *Городку* къ ю. отъ Молодечна, на верховьяхъ Нѣманской Березины съ сохранившимся до-нынѣ остатками стариныхъ городовыхъ сооруженій; но—сколько можно судить по даннымъ географической номенклатуры—Полоцкія владѣнія могли простираться нѣсколько далѣе на западъ, охватывая ту мѣстность, гдѣ теперь встрѣчаются слѣды древнихъ Кривскихъ разселеній. Здѣсь мы видимъ слѣды порубежныхъ городовыхъ сооруженій, которые занимаютъ съ одной стороны все лѣвое побережье Нѣманской Березины, съ другой всю верхнюю область Виліи до устьевъ Ошмянки и Нарочa. Здѣсь мы видимъ *Городинки*, близь устья Березины, въ сосѣдствѣ сел. *Неровы*, что при впаденіи въ Березину рѣчки Пурвилы, далѣе на сѣверъ *Городзиловъ* и *Городечно*, близь Березины къ з. отъ Молодечно и къ ю. в. отъ м. Крево; за тѣмъ на Виліи *Городенвнто* къ с. в. отъ Вилейки, *Городково*, въ окрестностяхъ котораго *Руская* и *Славча*, *Groди* по лѣвую сторону отъ Виліи. На сѣверъ отъ Виліи рубежъ могъ идти областью Дисны къ Двинѣ и на сѣверъ отъ Двины по той линіи, которую мы уже отмѣтили, какъ возможную этнографическую окраину Кривскаго племени, и на которой также замѣчается значительное количество „городковъ". Что касается сѣверо-западнаго рубежа Полоцкаго княженія, прилегавшаго къ литовско-чудскимъ народцамъ, то въ настоящее время мы не находимъ никакихъ указаній на него. На сѣверѣ, гдѣ онъ сходился съ Новгородскими владѣньями, въ XII в. порубежнымъ мѣстомъ указывается *Еменецъ* (1189 г.), на томъ водораздѣлѣ между Западно-Двинскою и Озерною областями, въ восточномъ углу котораго расположенъ Усвятъ.

Въ Полоцкомъ княженіи Начальной лѣтописи извѣстны населенныя мѣста по Двинѣ: *Полоцкъ*, стольный городъ княженія и съ 1105 года епископія (Лавр. 119), *Витебскъ* (Соф. Вр. 134), *Всвятъ* (Лавр.) и *Лукомль*, въ Поднѣпровьи: уже извѣстные намъ *Рьша* и *Копысь*, *Дрьютескъ* (на верховьяхъ Друча), *Изяславль* и *Минскъ* на Свислочи; *Логожскъ* (на Гнойнѣ, притокѣ Березины); здѣсь же слѣдуетъ искать *Одрьскъ*, лежавшій на пути отъ Полоцка къ Чернигову;—для опредѣленія его Ходаковскій указываетъ рѣчку *Одровь*, съ правой стороны впадающую въ Днѣпръ, — и *Голотичьскъ* (1071. Лавр. 73), подъ которымъ Ярополкъ разбилъ Всеслава.

Восточная Смоленская вѣтвь Кривичей въ эпоху, обнимаемую Начальною лѣтописью, не успѣла образовать особаго княженія; и, по географическому положенію своему, стояла въ тѣсной зависимости отъ южнаго Поднѣпровья. Впрочемъ это обстоятельство не могло ослаблять значеніе Смоленска, какъ стародавняго центра земли Поднѣпровскихъ Кривичей. Присоединенный къ русскимъ владѣніямъ въ 882 году (Лавр. 10), онъ является въ ряду удѣльныхъ княжескихъ владѣній не ранѣе половины XI вѣка, при раздѣлѣ русской земли между сыновьями Ярослава и до того времени могъ зависѣть непосредственно отъ Кіева. По смерти Ярославичей— Вячеслава (1057) и Игоря (1060), послѣдовательно владѣвшихъ Смоленскимъ удѣломъ, онъ вошелъ, какъ кажется, въ составъ Черниговскаго удѣла; по крайней мѣрѣ во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ до самаго Любецкаго съѣзда владѣніе имъ неразрывно связано съ владѣніемъ Черниговомъ. Такъ при вторичномъ изгнаніи Изяслава Ярославича, когда Кіевскій столъ былъ захваченъ Святославомъ, а Черниговъ отошелъ къ Всеволоду Ярославичу, Всеволодъ отдалъ Смоленскъ своему сыну Мономаху, который и удерживалъ его за собою во все время, пока володѣлъ Черниговскимъ столомъ. Но въ 1094 году, когда изгою Олегу Святославичу удалось захватить Черниговъ, вытѣснивъ изъ него Мономаха (Лавр. 96, 103 — 104) вмѣстѣ съ тѣмъ и Смоленскъ перешолъ въ руки его брата Давида,—впрочемъ не на долго. Какъ видно, Любецкій съѣздъ нашолъ неудобнымъ совмѣщеніе двухъ смежныхъ и богатыхъ волостей, Черниговской и Смоленской, въ рукахъ Святославичей, враждебныхъ остальному племени Ярославу, и ограничилъ ихъ

однимъ Черниговомъ съ прилегавшимъ къ нему Посемьемъ, землею Вятичей и Рязанско-Муромскою землею,—тогда какъ Смоленскъ снова отошолъ къ Мономаху, внукъ котораго Ростиславъ Мстиславичъ (въ половинѣ XII вѣка) положилъ начало самостоятельному существованію Смоленскаго княженія, какъ волости особой вѣтви рода Рюриковичей.

Понятно, что при такомъ подчиненномъ и зависимомъ положеніи Смоленской волости, ея границы не могли быть опредѣлены рѣзко особенно съ тѣхъ сторонъ, гдѣ они примыкали къ инородческимъ землямъ, которыя постепенно колонизовались изъ Кривской земли, какъ то было на с. в., въ Поволжьи, или же гдѣ они прилегали къ волостямъ, находившимся въ владѣніи того же князя, которому принадлежалъ и Смоленскъ, какъ напр. на юго-востокѣ. Окончательно они опредѣлились не ранѣе половины XII вѣка, во время усобицы Юрія Долгорукаго Суздальскаго съ племянниками Мстиславичами. Мы уже имѣли случай видѣть, что рубежъ Смоленско-Черниговскій, начинаясь у восточнаго берега Днѣпра, на волокѣ между ложемъ Днѣпра и Сожи, перерѣзывалъ Сожу у устьевъ Вехры и захватывалъ верхнія теченія Остра, Ипути, Десны, на востокъ отъ которой за водораздѣломъ съ Окою шла уже Черниговская волость Вятичей. Въ области верхней Угры, еще въ XII вѣкѣ принадлежавшей Смоленскому княженію (1147. Ипат. 30), Смоленскія владѣнія сходились съ Ростово-Суздальскими. Въ XII—XIII вѣкахъ они занимали верхнее теченіе Поротвы, заселенное Голядью (1147. Ип. 29), и область верхней Москвы рѣки, гдѣ съ конца XIII вѣка становится извѣстнымъ *Можаескъ*, удѣльный городъ Смоленскаго княженія (1277. Воскр. лѣт. въ П. С. Л. V. 173), при сліяніи Можайки съ Москвою. Впрочемъ въ уставной грамотѣ, данной княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ Смоленскому епископу около 1150 г., есть указаніе, что ранѣе Смоленскія владѣнія простирались гораздо далѣе на сѣверо-западъ, въ область Суздальско-Залѣсскую, съ которой шла на Смоленскъ дань, захваченная Юріемъ Долгорукимъ (Доп. къ А. Ист. I, № 4); такъ что отмѣченное нами Ростово-Смоленское порубежье не основывалось на старомъ земельномъ рубежѣ, а возникло случайно, какъ результатъ борьбы сосѣднихъ князей за волости и земли. Этимъ объясняется, можетъ быть, то обстоятельство, что въ теперешней топо-

графической номенклатурѣ разсматриваемаго края: почти вовсе не замѣтно таких слѣдовъ пограничныхъ сооруженій, какія мы видимъ въ довольно значительномъ числѣ всюду на старо-земельныхъ рубежахъ. Но за то такіе слѣды замѣчаются на Смоленско-Новгородскомъ порубежьи, которое въ эпоху Начальной лѣтописи, когда Суздальскіе владѣнія не заходили еще вверхъ по Волгѣ выше устья *Медвѣдицы* (нѣсколько ниже Корчевы), можно предположить по водораздѣлу между Москвою и Ламою, на которой—извѣстный Новгородскій городъ *Волокъ* (Ламскій), прямою чертою къ Волгѣ, на устье Вазузы и оттуда водораздѣломъ Тверцы и Волги къ озеру Селигеру. На этомъ пространствѣ мы видимъ цѣлый рядъ *Городковъ* и *Городищъ*, во многихъ изъ которыхъ могутъ сохраняться остатки древнихъ порубежныхъ укрѣпленій. Таковы: *Городище* (Николино или Апраксино) на р. Шошѣ, и къ с. отъ него верстахъ въ 7—Валуево *Городище*; далѣе и къ юго-западу отъ нихъ на водораздѣлѣ рѣкъ Гжати и Вазузы съ Москвою: *Городокъ* къ ю. в. отъ Гжати, *Городокъ* къ с. отъ него же и вблизи *Волмежа*, на с. з. отъ нихъ *Буйгородникъ*, близь праваго берега Гжати (у границы Сычевскаго и Гжатскаго уу.), *Погорѣлое Городище* на р. Держѣ, къ в. отъ Зубцова, *Городище* (Өоминское) къ югу отъ него же при впаденіи Осуги въ Вазузу, и на ю. з. отъ него въ 25 в. *Рубежнова* въ области рѣчки Осуги и близь него *Ржева* въ XIII вѣкѣ порубежный городокъ Торопецкой волости съ Ростово-Суздальской землею (1216, Воскр. 120); по лѣвую сторону Волги рѣки: *Городокъ* при устьи *Холохольни*, которая подъ именемъ *Холохны*, въ началѣ XIII в. является порубежною рѣкою Новгородской и Суздальской земель (1216. Воскр. ibid.), далѣе *Городки* на с. з. въ 30 верстахъ отъ Ржевы, *Городцы* и близь него *Вышегородокъ* на Осугѣ къ в. отъ Торжка въ Новгородскомъ уѣздѣ; *Городолюбля* на рѣчкѣ того же имени въ 8 в. верстахъ отъ Вышняго Волочка, и нѣсколько *Городковъ*, расположенныхъ къ югу и юго-западу отъ него въ уѣздахъ Вышневолоцкомъ и Осташковскомъ, и др. Такой рядъ остатковъ городовыхъ сооруженій не можетъ быть дѣломъ случая, и, по своему положенію тамъ, гдѣ, какъ достовѣрно извѣстно, соприкасались Смоленскія и Новгородскія земли, должно обратить на себя вниманіе и вызвать подробныя мѣстныя изслѣдованія. Не извѣстно, кому принадлежало озеро Селигеръ; вѣроятно,

что этотъ важный *Серегърскій путь* изъ озерной области въ Поволжье, и изъ Подвинья въ Озерную область находился въ общемъ пользованіи прилегавшихъ къ нему земель,—и хотя Новгородскій лѣтописецъ, при описаніи набѣга Литвы на Новгородскую область въ 1229 году, называетъ Серегѣрь въ числѣ другихъ разоренныхъ тогда Новгородскихъ волостей, но тѣмъ не менѣе, сколько извѣстно пока изъ Писцовыхъ книгъ XVI в., къ Серегерю пріурочивается безспорно только одинъ погостъ *Полоновскій* (К. А. Неволинъ, о пятинахъ и погост. Новгор. 183), находившійся на м. теп. *Полонова* (карта Шуб. Полнова), при устьи озера Полонецъ въ самый сѣверный уголъ Серегѣра. Въ окрестностяхъ этаго озера замѣчаются сел. *Рубежъ* близь истоковъ рѣчки *Городиловы*, впадающей съ с. въ Полонецъ, — къ западу отъ него Б. и М. *Межники* у истоковъ праваго притока рѣки Полы, въ которую вливается съ правой же стороны рѣчка *Межна*, нѣсколько выше погоста *Молвятичъ* (XV в.), къ югу отъ него *Межникъ* вблизи волости *Морево*- (тепер. Морево-Успѣнскій, близь него Морево-Никольскій на р. Озерешнѣ, и Морево-Новая Руеса на р. Полѣ въ Демянскомъ уѣздѣ),—извѣстной въ XIV вѣка, какъ одна изъ украинныхъ Новгородскихъ волостей съ Литвою (П. С. Л. ibid). Нельзя не замѣтить, что выше отмѣченныя нами мѣстности находятся на самымъ водораздѣлѣ басейновъ Ильменя и Волги, который и по указаніямъ Начальной лѣтописи долженъ считаться порубежьемъ Смоленскихъ Кривичей. Далѣе на югъ Смоленское порубежье шло волокомъ между Куньей и Ловатью, на которыхъ находятся древніе Новгородскіе города *Холмъ* (на Куньи)[264]) и *Луки* (1166 Новгор. I Лѣт. 14, теп. *Великія Луки* на Ловати), и Смоленскими владѣньями *Лучиномъ* (1150) у теп. *Лучанскаго* озера, *Торопцомъ* (1150), *Жижцемъ* (1150) у теп. озера Жесцо-Живецъ,—и такимъ образомъ достигало Усвяты, гдѣ Смоленскія земли, какъ было уже разсмотрѣно выше, сходились съ Полоцкими. Изъ населенныхъ мѣстъ Смоленско-Кривской земли Начальная лѣтопись знаетъ только *Смоленскъ*, центральный городъ восточныхъ Кривичей (Лавр. 5), въ которомъ Владиміръ Мономахъ, учредилъ епископью, поставивъ каменную церковь св. Богородицы (1101 Лавр. 117),—и урочище *Смядынь*, при впаденіи рѣчки Смядыни въ Днѣпръ, ниже Смоленска („яко зрѣемо"), на которомъ погибъ Глѣбъ Муромскій (1015 Лавр. 56).

Новгородскіе Славяне, окраинное на сѣверо-западѣ восточной равнины Славяно-русское населеніе, которымъ мы оканчиваемъ обзоръ географіи Начальнаго лѣтописца, менѣе другихъ Славяно-русскихъ вѣтвей было извѣстно лѣтописи, возникшей въ южномъ Поднѣпровьи, хотя исходнымъ пунктомъ ея въ изложеніи событій и послужило чисто Новгородское сказаніе о призваніи Руси. Географическія свѣдѣнія, сообщаемыя ею объ этомъ краѣ, ограничиваются почти однимъ только именемъ Славянъ, указаніемъ на ихъ сродство съ другими Славянскими племенами и на ихъ разселенія по Ильменю. Они пополняются немногими извѣстіями, которыя представляютъ за время, обнимаемое Начальною лѣтописью, мѣстныя Новгородскія лѣтописи. Между тѣмъ разъясненіе географіи Новгородскихъ Славянъ именно въ эту древнюю эпоху должно имѣть важное значеніе въ русской исторической наукѣ, ибо съ нимъ связаны разъясненія вопросовъ о ходѣ Славяно-русской колонизаціи на инородческомъ сѣверо-востокѣ, и о сѣверныхъ предѣлахъ русскаго государства въ первые два вѣка его существованія. Нѣтъ сомнѣнія, что вся вѣтвь Новгородскихъ Славянъ есть не что иное, какъ древнѣйшіе переселенцы изъ Славянскаго Поднѣпровья въ южную часть Озерной области, вытѣснившіе первоначальное инородческое населеніе. Это указывается отчасти затемненными и искаженными преданьями XVI—XVII вѣка о водвореніи русскаго населенія въ Ильменскомъ краю [265], но болѣе всего непреложнымъ свидѣтельствомъ географической номенклатуры его, въ которой Славянство является населеніемъ не первоначальнымъ, но пришлымъ и позднѣйшимъ, заступившимъ мѣсто первобытнаго инородческаго (финскаго) населенія. Благодаря выгодамъ положенія, переселенцы не только утвердились и окрѣпили во вновь занятой ими области, но, пользуясь удобствами водныхъ путей, съ глубокой древности стали проникать на сѣверо-востокъ, въ область, простирающуюся отъ Волхова, Msты и верхняго Поволжья до Волока, подчиняя себя туземную Чудь (Емь, Весь и Мерю), или же оттѣсняя ее въ Заволочье, гдѣ также они не замедлили стать твердою ногою.

Рука объ руку съ такимъ этнографическимъ распространеніемъ Новгородскаго Славянства, шло распространеніе Новгородскихъ владѣній, ибо Новгородъ никогда не терялъ изъ виду своихъ переселенцевъ, которые имѣли постоянную и сильную поддержку въ воен-

ной дѣятельности своихъ князей и дружинъ. Относительно колонизаціи Поволжскаго края, прилегавшаго къ старославянскимъ землямъ Кривичей и Вятичей, такая дѣятельность Новгорода продолжалась до образованія русскаго государства, когда на вновь колонизованныхъ земляхъ возникли свои административно-политическіе центры (Ростовъ, Суздаль, Бѣлозеро, Муромъ) и Новгородъ не могъ уже удержать надъ нимъ свое главенство. Такимъ образомъ—гдѣ въ Озерной области находились самыя раннія и наиболѣе сплошныя поселенія Славянъ, сложившіяся подъ вліяніемъ Новгорода въ отдѣльную землю Новгородскихъ Славянъ,—какими путями шли изъ нея дальнѣйшія выселенія въ инородческія земли, и какихъ предѣловъ къ концу XI и началу XII вѣка достигли эти разселенія, а съ ними и Новгородская область,—вотъ вопросы, которые представляются на первомъ планѣ въ исторической географіи древняго Новгорода, и которые, за недостаткомъ письменныхъ источниковъ, могутъ быть обстоятельно разрѣшены только путемъ филологическаго изученія географической номенклатуры древней Новгородской области и мѣстныхъ археологическихъ изслѣдованій остатковъ древнѣйшихъ поселеній, которые сохранились тамъ до нашего времени

Не принимая на себя рѣшенія этихъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь нѣсколько данныхъ, которыя скорѣе всего могли быть замѣчены при чтеніи топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края, и соображеній, къ которымъ приводятъ древнѣйшіе письменные памятники Новгородской географіи, именно „Уставъ о мостѣхъ", приписываемый не безъ основанія Ярославу, и Уставная грамота Новгородскаго князя Святослава Ольговича. Изъ нихъ первая проливаетъ свѣтъ на распространенность Новгородскихъ волостей въ половинѣ XI вѣка, а вторая даетъ точныя указанія на владѣнія Новгорода въ первой половинѣ XII в. (1137), тѣмъ самымъ представляя основанія для опредѣленія ихъ къ концу эпохи, обнимаемой Начальною лѣтописью. При чтеніи спеціальныхъ топографическихъ картъ древняго Новгородскаго края не льзя не замѣтить, что географическія названія чисто славянскаго происхожденія господствуютъ только на южной окраинѣ его, въ той части Озерной области, которая непосредственно примыкаетъ къ Оковскому лѣсу и верхнему Подвинью, искони заселеннымъ Кривичами. Эту область можно ограничить Ше-

лонью (на с. з.) и Мстою (на с. в.), т. е. полостью Ловати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не льзя не видѣть также, что Славянство уже не было въ не-первобытнымъ населеніемъ, что оно водворилось здѣсь на инородческой основѣ. Довольно ясныя указанія на это представляются въ инородческихъ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей означенной области-хотя они и встрѣчаются въ незначительнымъ количествѣ. Самое названіе *Ловати* звучитъ какъ будто не по-славянски; несомнѣнно инородческаго происхожденія наименованія сел. *Еглина* на с. з. отъ Валдая, *Тухоли* къ с. отъ него же, *Усть-Волми* (ср. *Волмино* уроч. въ Новгородской обл. 1192—1207. Д. къ А. Ист. I, 8) и др.; къ югу отъ Ильменя: *Мелечи* къ с. отъ Демянска, на р. *Лиговкѣ* (ср. Мелеча 1265 Собр. Госу. Гр. и Дог. I —) *Меглина*, *Моревы* (1220), р. *Шульги* близь Холма, *Севеги*, *Ямна*, *Ерзовки*, *Яски*, *Егольской*, *Скугры* и друг. Съ другой стороны большая часть Славянскихъ мѣстныхъ названій, даже названій хорографическихъ (живыхъ урочищъ), которыя должны принадлежать къ древнѣйшимъ, отзываются или позднѣйшимъ происхожденіемъ или даже переводомъ первоначальныхъ инородческихъ наименованій; къ послѣднимъ относятся рѣки, ручьи и озера *Черные*, *Волчьи*, *Бѣлые*, *Глыбокіе*, *Безымянныя*, *Березовые* и др. Близь озера Полиста есть озеро *Чудское* и невдалекѣ отъ него *Русское*. Къ сѣверу отъ Шелони и Мсты начинается область сравнительно позднѣйшихъ разселеній Славянъ на инородческой почвѣ (см. выше о Води), которая главнымъ образомъ пролегаетъ въ полости Волхова, славянское названіе котораго поражаетъ своею оригинальностью и связью съ древнѣйшими миѳологическими представленіями Славянъ; но его притоки представляютъ пеструю связь инородческихъ и славянскихъ наименованій, при чемъ первыя начинаютъ преобладать внизъ по его теченію (съ лѣвой стороны *Пидьба*, *Еглинка*, *Дыменка*, *Глубочка* съ *Смотрухой* и *Ледянкой*, *Полистъ* съ Глушицей и Дубномъ, *Кересть*, *Тигода* съ *Равиньюю*, *Чагодой*, *Перестержемъ* и др., *Оломна* и т. д. съ правой: *Вишера*, *Осьма*, *Дупна*, *Выбро*, *Соснинка* съ *Витковою*, *Оскуя* съ *Обуйкой*, *Лебенью*, *Медвѣдовомъ*, *Осинкой*, *Колпинкой*, *Ингоремъ*; ниже вливающіеся мелкіе ручьи носятъ славянскія названія *Бродни*, *Сестры Жупанки* Карт. Шуб. №№ 18 и 13). На с. з. славянскія разселенія могли проникать въ область Луги и Оредежи, низовья которыхъ были заняты Водью, а на с. в. они еще въ началѣ XII в. едва начали захо-

дить за южныя побережья Ладоги (Нево озера) и Свиры. И здѣсь и тамъ колонизаціонное движеніе Новгородцевъ встрѣчало сильный отпоръ со стороны наиболѣе устойчивыхъ финскихъ племенъ (*Западной Чуди*, *Води* и *Еми*). Но тѣмъ съ большею силою оно должно было направляться на сѣверо востокъ, въ Поволжскую область и на Волокъ, чему способствовало самое удобство водныхъ путей сообщенія (Моложскій и Мстинскіе пути. Гл. I. 26, 27). Уже съ глубокой древности Новгородскіе Славяне должны были занять сѣверо-западную часть Поволожья отъ Мсты, черезъ Тверцу до верхней Мологи, гдѣ они являются прочно установившимися въ XI вѣкѣ. Въ Бѣжецкой области (пятинѣ), непосредственно зависѣвшей отъ Новгорода, должно было быть сплошное, по крайней мѣрѣ безусловно преобладающее Славянское населеніе. Отсюда и черезъ эту область поселенія Новгородскихъ Славянъ должны были распространиться въ земли Веси до Бѣлоозера (на с. в.), захватывая сѣверныя разселенія Мери, и, можетъ быть, достигая на крайнемъ востокѣ, по теченію Клязмы(черезъ Нерль—гл. I, стр. 26) Муромскихъ земель. Въ первыхъ извѣстіяхъ Начальной лѣтописи Бѣлоозеро является чисто Новгородскою колоніею. Лѣтописецъ говоритъ по преданію, что на Бѣлоозерѣ была когда-то Весь; но по тому же лѣтописному преданію Весь не участвуетъ въ первыхъ событіяхъ, сопровождавшихъ основаніе русскаго государства. Ея не видно ни въ числѣ племенъ, завоеванныхъ и обложенныхъ данью Варягами, ни въ числѣ призвавшихъ Русь изъ заморія [266]), а между тѣмъ одинъ изъ призванныхъ братьевъ Князей садится въ Бѣлѣозерѣ. Въ XI в., когда, подъ вліяніемъ княжеской власти, Бѣлоозеро уже начинаетъ терять связь со Новгородомъ, и тяготѣетъ къ Ростову, все таки оно является независимымъ отъ южно-русскихъ князей, взимавшихъ тогда дань съ Поволжья, что также даетъ основаніе предполагать и въ это еще время связь его съ Новгородомъ [267]). Впрочемъ надо думать, что, по численности населенія, Славянскій элементъ былъ тогда довольно слабъ, и усилился только въ христіанскую эпоху исторической жизни этаго края. Значительнѣйшіе притоки рѣки Чагоды (Чагодощи), и соединенныя съ нею озера носятъ названія не-славянскія; инородческимъ происхожденіемъ отзываются также названія второстепенныхъ рѣкъ, — тогда какъ славянскія имена если и встрѣчаются въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ, то большин-

ство ихъ несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія—или отъ христіанскихъ личныхъ именъ (Василева, Кузмина и Максимова Горки, Игнатовъ конецъ, Тереховы, Лукины, Митины, Савинскіе, Фетисовы, Алексины, Михайловы и пр.) или отъ приходскихъ церквей—(Рождественскіе, Преображенскіе, Покровскіе, Никольскіе, Спасскіе, Св. Просковѣи Великомученницы къ ю. отъ Кириллова и др.),—такъ что Славянскія наименованія, въ которыхъ можно подозрѣвать древнѣйшее происхожденіе, представляются почти исключеніями. Таковы между прочимъ, на пространствѣ между Оятью, Чагодой, Бѣлоозеромъ и Шексною: *Ярославичи* на Ояти, *Надпорожье* (ср. Напрези Констант. Порфирор.) на Копшѣ, *Радгощъ* на рѣкѣ Леди и близь него *Святозеро, Волосово* въ в. углу Кирилловскаго у- между рѣками Судою и Колпью, южнѣе его уже упомянутые нами *Желѣзныя Ворота*, ручей съ правой стороны вливающійся въ Чагоду, озеро *Городня* вблизи (къ ю. з.) отъ сліянія Суды съ Шексною. По Шекснѣ почти вовсе не замѣтно старо-славянскихъ географическихъ названій за исключеніемъ, можетъ быть, рѣки Славянки и сел. Волокословинскаго. Ясно, что на Бѣлоозерѣ, т. е. въ области, расположенной по теченью Шексны (Пошехонье), по крайней мѣрѣ въ языческія времена Славянство не было еще сплошнымъ населеніемъ, хотя названіе „Бѣлозерцевъ", которымъ характеризуетъ его Начальная лѣтопись въ изложеніи событіи половины XI вѣка указываетъ на то, что тогда оно преобладало уже надъ финнскими инородцами. Названіе рѣчки *Словянки*, владающей въ Шексну вмѣстѣ съ Мломою, нѣсколько выше Сизмы, и находящагося въ верховьяхъ ея сел. *Волокословинскаго* (см. гл. I, стр. 27) и также сел. *Славянки* (нѣсколько ниже Волокословинскаго) могутъ сохранять память о древнѣйшихъ выселенцахъ въ этотъ край изъ земли Новгородскихъ Славянъ. Отмѣтимъ также ручей *Ильмень*, черезъ Ратцу вливающійся въ Песъ, нѣсколько выше Леди, и озеро *Ильменское* верстахъ въ 7 къ в. отъ устья Суды, которыхъ имена также даютъ нѣкоторое основаніе сближать населеніе Бѣлоозера съ населеніемъ Новгородскаго Ильменя. Болѣе сплошными массами Новгородскіе Славяне могли распространиться за правый берегъ Волги въ инородческія земли Мери и Муромы, гдѣ ихъ колоніи смѣшивались и перепутывались съ выселенцами изъ Поднѣпровья и верхняго Поволжья. Еще въ XII—XIII вѣкахъ область по Ламѣ, правому при-

току Волги, съ городомъ *Волокомъ*, непосредственно принадлежала Новгороду, и могла быть пріобрѣтена для него древнѣйшими переселенцами изъ Поильменскаго Славянства. Есть мнѣніе, что самая Москва возникла на старинныхъ Новгородскихъ земляхъ [268]). Далѣе на востокъ область Мери и Муромы, т. е. край, ограниченный съ сѣвера излучиною Волги отъ Ламы и Шоцы до Костромы, съ востока Нерлью, съ юга Москвою и Клязьмою, является въ первыхъ извѣстіяхъ лѣтописи не только въ тѣсной связи съ Новгородомъ, но и въ зависисмости отъ него. Вмѣстѣ съ Новгородомъ, Меря подпадаетъ подъ власть завоевателей Варяговъ, и, по изгнаніи ихъ, признанные Новгородомъ князья обладаютъ Ростовомъ и Муромомъ (Лавр. 9). Эта связь и зависимость можетъ быть объяснена только раннимъ наплывомъ въ означеныхъ краяхъ Новгородскихъ переселенцевъ. Съ другой стороны,—какъ мы уже видѣли, Меря извѣстна лѣтописи только въ первое пятидесятилѣіе нашей исторіи; но и тогда, подобно родственнымъ ей Веси и Муромѣ, она ничѣмъ не обнаруживаетъ самостоятельности. Вслѣдъ за тѣмъ самое имя ея исчезаетъ; и область, занятая ею первоначально, обозначается названіемъ *Ростовской* и *Суздальской* земель. Эта перемѣна не могла быть случайна; она указываетъ на полное перерожденіе населенія, на окончательное торжество Славянства въ этомъ первоначально финскомъ краю, а такое перерожденіе конечно не могло бы совершиться въ столь короткое время, если бы оно не подготовлялосьиз давна колонизаціоннымъ движеніемъ Славянъ. Въ теперешней географической номенклатурѣ отмѣченнаго края встрѣчаются названія, которыя указываютъ съ одной стороны на распространеніе въ немъ Славянскаго населенія еще въ языческую эпоху, съ другой на его родство съ Ильменскими Славянами [269]).

При такомъ обширномъ географическомъ распространеніи Поильменскихъ Славянъ, Новгородъ не могъ удержать непосредстенно за собою всѣхъ земель, въ которыя проникли ихъ переселенцы. Отпаденіе колонизаціонныхъ земель началось съ потерею Новгородомъ центральнаго значенія для всей Руси, съ переходомъ русскихъ князей въ Кіевъ. Уже въ началѣ X вѣка мы видимъ Ростовъ, который можно считать центромъ Новгородскихъ поселеній въ Поволжьи, въ непосредственной зависимости отъ Кіева (907. Лавр. 13). При раздѣлѣ Руси между сыновьями Владиміра,

Ростовъ и Муромъ являются особыми удѣлами; но вскорѣ за тѣмъ они теряютъ такое самостоятельное положеніе, до XII вѣка, когда они образовали особыя княженія (*Ростовско-Суздальское*, *Муромское*), остаются волостями южно-русскихъ приднѣпровскихъ княженій — Ростовъ вмѣстѣ съ Бѣлоозеромъ — Переяславскаго, Муромъ — Черниговскаго. Такимъ образомъ, съ перенесеніемъ старѣйшаго стола на югъ, въ Кіевъ, собственно *Новгородская земля* ограничивалась областію первоначальныхъ разселеній Ильменскихъ Славянъ, и ихъ ближайшихъ, болѣе сплошныхъ колоній въ инородческихъ земляхъ. Она была окружена съ востока Ростовскою землею Переяславскаго княженія, съ юга Смоленскимъ и Полоцкими княженіями, а на западъ и сѣверо-востокъ соприкасалась съ инородческими землями, въ глубь которыхъ продолжали идти и колонизація Новгородцевъ и связанное съ нею ихъ политическое господство. Впрочемъ на с. в., въ Заволочье они могли распространяться успѣшнѣе, чѣмъ къ побережьямъ Варяжскаго моря, на которыхъ инородческое населеніе являлось болѣе устойчивымъ. Древнѣйшимъ памятникомъ исторической географіи собственно Новгородской земли можно признать извѣстный „Уставъ Ярослава о мостѣхъ или о мостникахъ", которымъ опредѣляются повинности по отношенію къ городу со стороны Новгородскихъ горожанъ и волостей, непосредственно зависѣвшихъ отъ Новгорода. Этотъ памятникъ дошолъ до насъ въ спискахъ, изъ которыхъ древнѣйшій относится къ XII вѣку, и по видимому представляетъ черты позднѣйшаго происхожденія, которыя не позволяютъ относить его къ Ярославу Великому. Такъ онъ упоминаетъ церковь св. Бориса и Глѣба, объ основаніи которой лѣтопись сообщаетъ только подъ 1176 (Новгор. І-ая Лѣт. въ П. С. Л. III. 10), и иноземныхъ купцевъ, начало постоянныхъ поселеній которыхъ въ Новгородѣ необходимо отнести къ позднѣйшему времени; особенно, если имѣть въ виду, что между иноземными торговцами упоминаются въ уставѣ не одни Готы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Нѣмцы: а Нѣмцы, по соображенію всѣхъ историческихъ обстоятельствъ, никакъ не могли явиться въ Новгородѣ, какъ особое населеніе, раньше конца XII и начала XIII столѣтій, ибо непосредственныя сношенія Германцевъ съ Русскими начинаются только со времени открытія Остзейскаго края Бременскими купцвми въ 1158 году и затѣмъ уже въ XIII вѣкѣ

развиваются въ Новгородѣ, подъ крыломъ Готландцевъ, до образованія особеннаго, отдѣльнаго отъ Готскаго, Нѣмецкаго двора, который и нужно разумѣетъ въ уставѣ подъ названіемъ: „Нѣмцы". Все это заставляетъ приписывать уставъ о мостѣхъ Ярославу, сыну Всеволода Большое гнѣздо (конецъ XII и начало XIII вѣка) или даже Ярославу Ярославичу, брату АлександраНевскаго [270]). Но тѣмъ не менѣе было бы не совсѣмъ согласно съ строгою историческою критикой отвергать всякую связь устава о мостѣхъ съ именемъ Ярослава Великаго; быть можетъ, первоначальная редакція этого устава дѣйствительно обязана своимъ началомъ этому князю: по крайней мѣрѣ всѣ извѣстные списки Устава о мостѣхъ находятся въ спискахъ суда Ярослава и устава о пошлинахъ и урокахъ. Далѣе нѣтъ сомнѣнія что уставъ о мостѣхъ есть не что иное, какъ писменное подтвержденіе, закрѣпленіе и разъясненіе тѣхъ повинностей, которыя существовали для населенія гораздо ранѣе его, и которыя установились въ силу обычая, еще въ то отдаленное время, когда, по лѣтописному преданію, Словѣни „сѣдоша около озера Ильмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ" (Лавр. 3). Съ другой стороны, признавая, что дошедшая до насъ редакція Устава о мостѣхъ относиться къ XIII вѣку, и сравнивая ее съ другими Новгородскими грамотами того же времени, въ которыхъ перечисляются Новгородскія волости, не льзя не видѣть, что она не упоминаетъ многихъ волостей, упоминаемыхъ послѣдними, и что такія волости — именно тѣ, гдѣ Новгородцы могли утвердиться только со второй половины XI вѣка, т. е. сѣверо-восточныя, лежащія за Бѣлоозеромъ; въ Уставѣ нѣтъ Вологды, Заволочья, (Колоперми), Трѣ, Перемн, Печеры, Югры [271]). Эта разница можетъ быть объяснена только тѣмъ, что, при расширеніи Новгородскихъ предѣловъ, городовыя повинности не распространялись на вновь присоединяемыя волости, и что ихъ продолжали нести только тѣ, на которыхъ они пали въ старину. Такія соображенія даютъ нѣкоторыя основанія искать въ Уставѣ о мостѣхъ указаній на географію Новгородской земли—по крайней мѣрѣ половины XI вѣка.

Городовыми повинностіями относительно Новгорода были обязаны, кромѣ городскаго населенія, волости *Ржевская*, *Бѣжицкая*, *Водская*, *Обонѣжская*, *Яжелбицкая*. Изъ нихъ Обонѣжская распадалась на три рьли: *Лужскую*, *Лопскую* и *Воло-*

ховскую, Яжелбицкая на двѣ, которыхъ названія уставъ не приводитъ [272]). *Ржевская* занимала юго-западное побережье Ильменя, примыкая на западѣ къ Псковской землѣ на югѣ къ Полоцкимъ и Смоленскимъ землямъ. Названіе ея объясняется древнимъ Новгородскимъ городомъ *Ржевою*, лежавшимъ на южной окраинѣ Новгородской земли, можетъ быть на мѣстѣ теп. Новоржева, и позднѣе замѣнилось названіемъ Шелонской пятины. Къ в. отъ Ржевской волости за Ловатью, простиралась *Яжелбицкая* позднѣе *Деревская* пятина, соприкасавшаяся на югъ съ Смоленскою землею, на ю. в. съ Ростово-Суздальской. Центромъ ея былъ *Яжелбицкій* пог. на мѣстѣ теп. Яма Яжелбицкаго на рѣкѣ Поломеди, къ западу отъ Валдая, по дорогѣ въ Новгородъ. Съ востока къ ней примыкала *Бѣжицкая* волость,—по уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича—*Бѣжицкій рядъ*, заключавшій въ себѣ въ 1137 году населенныя мѣста: *Бѣжицы*, *Городецькъ* (къ югу отъ него), *Змень*, *Иезьскъ*, *Рыбаньскъ* (ниже его по теченію Мологи) и *Выизьскъ* (мѣсто неопредѣленное). Здѣсь Новгородскія владѣнія могли простираться по Мологѣ до устья рѣки Кобожи, а на ю. в. до Медвѣдицы, которая въ извѣстіи Начальной лѣтописи о войнѣ Олеговичей съ Мономаховичами 1069 г. является порубежною рѣкою между Новгородскою и Ростово-Суздальскою землею (Лавр. 108). Сѣверную часть Новгородской земли составляли волости *Водская* и *Обонѣжская*. Первая, получившая свое названіе отъ исконнаго инородческаго населенія Води или Вожанъ, занимала южное побережье Финскаго залива. Что касается Обонѣжской волости, то Уставъ о мостѣхъ, перечисляя ея части, дастъ возможность опредѣлить ея первоначальное положеніе и пространство. Изъ самаго названія ея видно, что она достигала Онѣжскаго озера. Въ первой половинѣ XII в. область *Обонѣжскаго ряда* заключалась между озерами Ладожскимъ и Онѣжскимъ, занимала побержья рр. Олонки, Свири, Паши и Сяси, и съ запада Волховомъ отдѣлялись отъ Водской волости. Но рели Лужская, Лопская и Волоховская, которыя, по смыслу Устава о мостѣхъ, слѣдуетъ признать составными частями упоминаемаго имъ Обонѣжья, показываютъ, что при составленіи этаго Устава, къ нему причисляли область, простирающуюся отъ южныхъ побережьевъ Ладожскаго озера и истока Невы на юго-западъ по крайней мѣрѣ до верховьевъ Луги. Сюда пріурочиваются рели

Лужская и Лопская, первая—къ верховьямъ Луги, гдѣ и теперь еще находится погостъ *Лужскій* (Егорьевскій), вторая къ Ладожскому побережью, на которомъ, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ 1500 года, былъ расположенъ погостъ *Лопскій-Егорьевскій*, по рр. Нарвѣ, Шельдихѣ и Лавѣ (Лавуѣ), доходя берегомъ озера до самаго Орѣшка. Здѣсь же по р. Лавѣ и восточному берегу юго-западнаго залива Ладожскаго озера находилась особая волостка, *Малая Лопца* состоявшая изъ нѣсколько деревень [273]). Лежащая по Волхову и этою рѣкою *Волховская рель* могла достигать южныхъ береговъ Онѣжскаго озера, и въ первой половинѣ XII вѣка составила уже особый рядъ Обонѣжскій—зачатокъ позднѣйшей Обонѣжской пятины. Весьма вѣроятно, что усиленіе Славянскаго элемента въ Обонѣжьи, распространеніе Новгородскихъ владѣній за Свирь, наконецъ успѣшный ходъ колонизаціи за озеро Онѣгу и въ Подвинье къ концу XI и въ началѣ XII в. повели за собою отдѣленіе собственно Обонѣжья, Волховской рели Устава, отъ релей Лужской и Лопской, присоединенныхъ при этомъ къ Водской пятинѣ, частями которой они являются позднѣе. По уставной грамотѣ князя Святослава Олеговича 1137 года Обонѣжскій рядъ состоялъ изъ четырнадцати населенныхъ мѣстъ, разсѣянныхъ на пространствѣ отъ р. Олонки до истоковъ Ояти, Паши и Сяси. То были *Олоньсъ* (теп. Олонецъ), *Свирь* (которое надо искать на рѣкѣ этаго имени), *Юскола*, можетъ быть, теп. сел. *Юксовское* на озерѣ Юксовскомъ, соединенномъ рѣчкою со Свирью, недалеко отъ ея истоковъ; *Тервиничъ*— или теп. *Терничъ Наволокъ* на р. Свири ниже Лодейнаго поля, или, что вѣроятнѣе, погостъ *Тервиничи* (1500 г.) на южномъ притокѣ Ояти въ Тихвинскомъ уѣздѣ, почти на границѣ съ Лодейнопольскимъ, *Вьница (Вьюница)* теп. *Виницкій погостъ* (1500 г.) на Ояти, выше Ярославичей въ Лодейнопольскомъ у.; далѣе на западъ по р. Пашѣ: *Устье Паши, Пахитокъ на Пашѣ* (мѣсто неопредѣленное), *Кукуева Гора* теп. или *Кучевина* на Пашѣ Новгородскаго у., или *Кокова* на Пашѣ же въ сѣверномъ углу Тихвинскаго уѣзда. Далѣе—*Пермино* и *Кокорка*—мѣста неопредѣленныя, но такъ какъ уставная грамота въ исчисленіи мѣстностей соблюдаютъ извѣстный порядокъ, слѣдуя ихъ расположенью съ сѣвера на югъ и юго-западъ, то ихъ слѣдуетъ искать гдѣ-то между Пашею и Сясью въ полости которой грамота вслѣдъ за тѣмъ переходитъ. Здѣсь,

на Сяси, лежали *Масіега*, *Липсуевичи*, *Тойвота* и *Липна*. Изъ нихъ *Масіега* пріурочивается къ побережью рѣчки *Масельги*, черезъ Волгому (Валгаму), вливающейся въ Сясь, близь самаго впаденія этой послѣдней въ Ладожское озеро. Здѣсь мы видимъ населенныя мѣста: *Масельская Горка*, *Масельскій погостъ* и деревни съ именемъ *Масельга: Усадище*, *Зарѣчье*, *Залужье*, *Тихомировщина*. *Липна* Устава пріурочивается къ погосту *Липицкому* или *Липинскому* (1509 г.), на Сяси, нѣсколько выше впаденія въ нее р. Тихвины. *Липсуевичи* и *Тойвота*—мѣста теперь неопредѣленныя— надо искать по той же рѣкѣ между Липною и Масіегою.

Такое обширное пространство занималъ Обонѣжскій рядъ въ первой половинѣ XII вѣка. Въ эпоху Начальной лѣтописи оно должно было быть меньше, ограничиваться землями, ближайшими къ болѣе сплошному населенію Новгородцевъ по Волхову. Рассматривая географическое распространеніе Еми мы видѣли, что во всю эпоху Начальной лѣтописи Новгородъ велъ съ этимъ племенемъ борьбу, и, сколько позволяетъ судить краткость лѣтописныхъ извѣстій о ней, эта борьба шла на сѣверной окраинѣ Обонѣжскаго ряда (см. выше гл. II, стр. 50). Къ концу XI вѣка Новгородцы стояли уже въ немъ твердою ногою. Онъ былъ передовымъ постомъ собственно Новгородской земли на крайнемъ сѣверо-востокѣ; отъ него и черезъ него Новгородскія колоніи стали распространяться за озеро Онѣгу къ Сѣверному морю и въ Подвинье, находя себѣ поддержку въ одновременномъ колонизаціонномъ движеніи Славянъ черезъ Бѣлоозеро и Сухону, на рр. Югъ и Вычегду, въ область Югры, Печеры, Самояди. Изъ устава 1137 года видно, что въ это время колонизаціонная область Новгородцевъ достигала только на с. в. *Пинеги*, и что Славянское населеніе было въ ней крайне малочисленно и рѣдко. На необозримомъ пространствѣ отъ Онѣжскаго озера до Бѣлаго моря, Пинеги, Ваги и Сухоны, этотъ уставъ насчитываетъ только двадцать шесть мѣстностей, въ которыхъ успѣли тогда утвердиться Новгородцы [274]). Ясно, что конецъ XI вѣка слѣдуетъ признать эпохою перваго утвержденія Новгородскаго Славянства въ Поонѣжьи и въ Подвиньи.

Въ собственно Новгородской землѣ Начальная лѣтопись называетъ только *Новгородъ* и—*Ладогу*, въ которой, по позднѣйшимъ спискамъ ея (Ипат. и др.), утвердился первоначально Рюрикъ (теп.

Старая Ладога на Волховѣ). Новгородъ былъ поставленъ Словѣнами при ихъ первомъ разселеніи около озера Ильмеря (Лавр. 3.), по обоимъ берегамъ Волхова, который уже въ XI вѣкѣ раздѣлялъ городъ на двѣ части или стороны—*Торговую* 1030 (Новгор. III-а 210) на правой сторонѣ Волхова, и *Софійскую*, на которой въ 1042 году Ярославъ заложилъ каменный городъ (ibid. 211). Изъ построекъ Новгородскихъ эпохи Начальной лѣтописи извѣстны: деревянная (дубовая старая) *церковь св. Софіи*, поставленная при крещеніи Новгорода въ 989 году владыкою Іоакимомъ въ концѣ Пискиила улицы надъ Волховомъ (208), и черезъ 60 лѣтъ въ 1049 сгорѣвшая (ibid. Соф. Вр. 138); въ 1045 году князь Владиміръ Ярославичъ заложилъ новую каменную церковь св. Софіи (Лавр. 67.); *Поромонь дворъ* (на Варяжской улицѣ), гдѣ были перебиты Новгородцами Варяги, вызванные княземъ Ярославомъ въ 1015 г. (Лавр. 61); и княжь дворъ *Ярославль* („дворище Ярославле") на Торговой сторонѣ, надъ Волховомъ, на которомъ въ 1113 году Мстиславъ Великій заложилъ каменную церковь св Николая (Ипат. 4.). Въ окрестностяхъ Новгорода: урочище *Къземль (Гзень)* у *Звѣринца*, на которомъ Новгородцы отразили нападеніе Всеслава Полоцкаго въ 1069 г. (Новг. I. 2), уроч. *Перынь*, на мѣстѣ теп. скита Перыня на лѣвомъ берегу Волхова у самого истока его изъ озера; здѣсь стоялъ истуканъ Перунъ, уничтоженный крестителемъ Новгорода Іоакимомъ; далѣе на югъ *Рокомъ* (*Ракомъ*), загородный княжъ дворъ Ярослава, на мѣстѣ теп. дер. Ракома на с. з. побережья Ильменя (1015. Лавр. 61.)

Поволжье, какъ мы видѣли, первоначально соединенное съ Новгородомъ, по перенесеніи обще-русскаго государственнаго центра въ Кіевъ, является въ непосредственной зависимости отъ Приднѣпровья. Есть извѣстіе, что при раздѣлѣ русской земли между потомствомъ Ярослава, Ростовъ былъ отданъ въ удѣлъ князью Ростиславу Володиміровичу, который въ 1056 году былъ переведенъ въ Володоміръ на Волынѣ [275]). Затѣмъ въ 1071 году Ростовъ является данническою областью Святослава Ярославича, родоначальника Черниговскихъ князей (Лавр. 75). Но тѣмъ не менѣе въ концѣ XI вѣка онъ признавался волостью третьяго сына Ярослава *Всеволода* (1096. Лавр. 107), княжившаго въ Переяславлѣ; такъ, что зависимость его отъ Святослава Черниговскаго, какъ

надо полагать, была временною; Всеволодъ могъ уступить Ростовъ Святославу, когда тотъ при вторичномъ изгнаніи Изяслава Кіевскаго, перешолъ на Кіевскій столъ, уступивши свой Черниговъ Всеволоду. По смерти же Святослава и по возвращеніи Изяслава, (1076—1077), Ростовъ снова былъ присоединенъ къ Переяславскому удѣлу. Въ 1095 году въ немъ былъ посаженъ сынъ Мономаха Изяславъ, вскорѣ убитый во борьбѣ съ Олегомъ Святославичемъ (1095. Лавр. 108), который захватилъ было Суздаль и Ростовъ, но былъ тотчасъ же выгнанъ другимъ Мономашичемъ Мстиславомъ. Съ тѣхъ поръ Ростовъ и соединенныя съ ними области Суздальская и Бѣлозерская не выходили уже изъ рода Мономаха, сынъ котораго Юріи (въ XII вѣкѣ) положилъ начало самостоятельному существованію Ростово-Суздальскаго княженія.

Изъ населенныхъ мѣстъ Ростово-Суздальской земли Начальной лѣтописи извѣстны только—упомянутые уже нами: *Ростовъ* на озерѣ Ростовскомъ или теп. Неро, *Бѣлоозеро* и *Суждаль*, въ 1094 году разоренный Олегомъ (Лавр. 108). Въ Суздалѣ указывается дворъ Монастырскій Печерскій и на немъ церковь св. Димитрія, поставленная Митрополитомъ Ефремомъ (ibid.). Въ окрестностяхъ его уроч. *Кулачькъ* (Колачькъ), на которомъ Мстиславъ Мономашичъ нанесъ рѣшительное пораженіе Черниговскимъ Святославичамъ (Лавр. 109). Эта мѣстность пріурочивается къ *Колокшѣ*, впадающей съ правой стороны въ Клязму нѣсколько выше Владиміра.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. Изслѣдованіе К. Н. *Бестужева Рюмина* „О составѣ русскихъ лѣтописей“ Спб. 1868. О мѣстныхъ извѣстіяхъ, вошедшихъ въ сводъ, на стр. 31 и сля.

[2]) См. И. И. Срезневскаго „Чтенія о древней русской лѣтописи“ 11, 32, 33 и К. Н. Бестужева-Рюмина, 26.

[3]) „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ (черноризца Ѳедосьева монастыря Печерьскаго) откуда есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуда русская земля стала есть.“

[4]) См. К. А. Попова, В. Н. Татищевъ и его время. М. 1861. 455 и сля. Недовѣріе къ Татищевскому своду, возбужденное Карамзинымъ, который, какъ извѣстно, отвергалъ всѣ его извѣстія, невстрѣчающіяся въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, старались поколебать *Бутковъ* (Оборона р. лѣтописи), *Шегренъ* (въ изслѣдованіи Ueber die Wohnsitze der Jemen); С. М. *Соловьевъ* въ своей Исторіи Россіи принимаетъ многія изъ такихъ извѣстій. Разсужденіе Н. А. *Лавровскаго* о Іоакимовской лѣтописи даетъ прочное основаніе для опредѣленія степени достовѣрности этого важнаго историческаго источника.

[5]) Шлецера, Несторъ (въ переводѣ Языкова) I стр. 13.

[6]) Ibid. 14—15.

[7]) Ibid. стр. 14—15. Строевъ открылъ хронику Амартолы (въ Славянскомъ переводѣ) въ 1819 г. См. статью его въ „Сѣверномъ Архивѣ,“ И его же: „О Византійскомъ источникѣ Нестора“ въ Трудахъ Общества исторіи и древностей. Москва. 1828. т. IV, гдѣ (стр. 171) онъ указалъ мѣста (числомъ семь), заимствованныя нашею лѣтописью у Амартола. Ср. также предисловіе къ изданному имъ Софійскому Временнику.

[8]) Подлинникъ Георгія Амартолы, приготовленный къ изданію *Муральтомъ*, напечатанъ въ VI томѣ Ученыхъ Записокъ II-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ: Georgii Monachii, dicti Hamartoli Chro-

nicon ab Urbe condita ad annum p. Chr. N. 842.—Космографическій отрывокъ „Повѣсти времянныхъ лѣтъ" заимствованъ изъ IV главы этой хроники: Περὶ τοῦ τῆς γῆς διαμερισμον. (стр. 39—40). Онъ отличается отъ космографіи Амартола въ славянскомъ переводѣ, напечатанной въ Приложеніяхъ къ 1-му тому Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей (стр. 239);—послѣдняя ближе къ подлиннику, и удерживаетъ, хотя и въ испорченномъ видѣ, начало космографіи, которое составитель лѣтописнаго свода почелъ нужнымъ, во избѣжаніе слишкомъ явнаго повторенія, исключить: „По размѣшени убо и стльпу розорения, раздѣлише трое сыновы Носвы всѣхь иже от-ныхъ рожденнымъ, и даше имь списанием мѣста по уставу, иже от отца Ноя приеше" и т. д. Общее обозрѣніе границъ дѣленія въ переводѣ спутано пропускомъ словъ подлинника: „И дастьсе убо въ наслѣдіе прьворожденому сыну Носву Симу от Персиди и Вакьтронѣя, и Индискаа (въ подл. ἕως Ἰνδικης) и Ринокурурь до Гадирь, яже кь югу (въ подлинникѣ: Και Ρινοχουρούρων τὰ πρὸς ἀνατολὴν, τῷ δὲ Χὰμ ἀπὸ Ρινοχουρουρων ἕως Γαδείρων τὰ πρὸς νότον Ринокурурь на востокъ; Хаму же отъ Ринокорура до Гадира на югъ). Лѣтописный перечень относитъ къ востоку, въ предѣлъ Симовъ: Персиду, Ватрь (Бактрію) „тоже и до Индикія въ долготу и въ ширину и до Нирокурія (вм. Ринокурура), якоже рещи отъ востока и до полуденья," Сурію (Сирію), Мидію по Ефратъ рѣку а), Вавилонъ, Кордуну б), Асурянъ (Асирія), Мисопотамиру (Месопотамія), Аравію старѣйшую, Елмаисъ, Инди (въ подл. Ἰνδικὴ), Аравію сильную (въ подл. ἡ εὐδαίμων счастливая в) Кулію Κοίλη-συρια у Амортола Кылисирія), Комагинъ, Финикію всю (въ подл.: Φοινίκη πασα καὶ ποταμὸς Εὐφράτης). Перечисливъ затѣмъ области, вошедшія въ часть Хамову, въ полуденье, лѣтописный перечень переходитъ опять къ востоку, къ части Симовой: „Сущимъ ко востокомъ имать г): Киликію Памфилію, Писидію, Мосію (Мизію), Лукаонію (Ликаонію), Фругію (Фригію), Камилію (въ подл. Καβαλίαν), Ликію, Карію, Лудью (Лидію) Масію, (Мизію) другую, Троаду, Еолиду, Виѳунію (Виѳинію), старую Фругію

а) „Сирія и Мидія по Ефратъ рѣку"—въ подлинникѣ нѣтъ.

б) Кордуна (въ подл. Κορδυνα) Шлецеръ видитъ въ этой области т. *Курдистанъ* I. 25.

в) Шлецеръ полагаетъ что Елмаисъ и Инди надо считать частію Аравіи, такъ какъ они поставлены между Аравіей старѣйшею и сильною. ib.

г) Въ подл.: ἐν δε τοῖς κατὰ βορρᾶν τά παρὰ θαλάσσαν ἔχει; въ одномъ спискѣ славянскаго перевода: къ сѣверу же поморіе иметь,—въ другомъ, какъ въ лѣтописи; сущимъ ко въстоку имать. (стр. 240).

Фригію); и острова: Саръдани (Сардинію), Критъ, Купръ (Кипръ) и рѣку Гѣонъ, зовемую Нилъ. Въ Хамовой части: Еюпетъ (Египетъ), Еѳивопья (Эѳіопія), сопредѣльная съ Индами, другая Еѳивопья, изъ которой выходитъ рѣка Еѳіопьская Чермна д), текущая на востокъ, Ѳива (Ѳиваида), Ливія, прилежащая къ Киринііи (Κορήνη), Мармарія, Суритѣ (Сирсисъ), Ливуи (Ливія) другая, Нумидія, Масурія, Мавританія, лежащая противъ Гадира. Въ Афетовой части, въ полунощныхъ и западныхъ странахъ: Мидія, Албанія Арменія малая и великая, Кападокія, Фефлигопи (Пафлагонія), Галасъ (Галатія), Колхисъ (Колхида) Воспоріи (жители Воспоры), Меоти, Дереви (въ подл. Δερβὶς), Сармати, Тавріани, Скуѳіа (Скиѳія), Фраци (Ѳраки), Македонья, Далматія, Ѳесаліа, Локрія (Локрида), Пеленія, которая называется также Пелопониссомъ, Аркадія, Ипронія (Ἠπειρῶτις), Илюрикъ (Иллирія), Словѣни е), Лухитія, Аньдріакія, Оньорѣятиньская пучина и острова: Вританія (Британія), Сикилія, Евія (Εὔβοια), Родока (Родосъ) Кіонъ (Хіосъ), Лѣзвонъ (Лесбосъ), Кофиранъ (Киѳера), Кодуру Закуньфъ (Закинфъ), Кефалинья (Кефалонія), Ифакино (Иѳака), Керькура (Корцира); часть ахійской страны, парицаемая Онія (іонійское побережье Малой Азіи) и рѣка Тигръ, текущая между Мидами и Вавилономъ. Лавр. стр. 1—2.

[9]) Народы, называемые перечнемъ: Асуряне, Комагины, Воспоріи, Меоты, Деревы (?) Сарматы, Тавріане, Молоссы (одно изъ Ѳессалійскихъ племенъ).

[10]) Въ разсказѣ о призваніи князей Начальная Лѣтопись называетъ четыре Варяжскихъ народа въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они помѣще-

---

д) Въ славянскомъ переводѣ Амартолы: дрогаа Эѳіопіа, отнюдже исходить рѣка Еѳіопьскаа Эріѳра (Черлена), зрещіа (текущи) на вьстокь 240. Въ подлинникѣ: ἑτέρα Αἰθιοπία ὅθεν ἐκπορεύεται ὁ ποταμὸς τῶν Αἰθιόπων Ἐρυθρὰ ἡ βλέπουσα κατὰ ἀνατολάς. Здѣсь очевидно говорится о Красномъ (Аравійскомъ) морѣ—mare Erytraeum s. Rubrum, какъ и догадывается издатель Амартола. Шлецеръ полагаетъ, что подъ рѣкою Чермною слѣдуетъ понимать Нилъ; но Нилъ упоминается Амартоломъ въ другомъ мѣстѣ.

е) По замѣчанію Шлецера (I. 32) названія Славянъ нѣтъ въ параллельныхъ мѣстахъ ни въ Византійскихъ, ни въ другихъ извѣстныхъ ему космографіяхъ. Его нѣтъ также ни въ подлинникѣ Амартола, ни въ славянскомъ переводѣ его. Вѣроятно, оно внесено въ лѣтопись первымъ, кто вставилъ космографическій отрывокъ въ Повѣсть времянныхъ лѣтъ, какъ объясненіе слова Иллурикъ (Šafař, Slov. Starož. 190); — ибо оно встрѣчается во всѣхъ спискахъ.

ии въ перечнѣ (Лавр. въ Полн. Собр. р. Лѣт. 1. 8.) Племена восточной половины Европы, исчисляются три раза — съ небольшими измѣненіями; см. ibid. 3, 5, 9.

[11]) Карамзинъ Ист. Гос. Росс., изд. Эйнерлинга Спб. 1842. Т. 1 стр. 23.; опредѣлительнѣе высказалъ и доказалъ это мнѣніе академикъ Шегренъ въ изслѣдованіи 'Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen (Mémoir. de l'Aladém. Impér. des Sciences de Stpb. VI Sér. Sc. polit. etc. I. S. 264 399). — И. Д. Бѣляевъ въ изслѣдованіи о Геогр. Свѣд. въ древн. Россіи (см. слѣд. прим.) стр. 6, принимаетъ, что извѣстія Нестора относятся къ эпохѣ до призванія Варяговъ.

[12]) И. Д. Бѣляева „О Географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи,“ въ Записк. Имп. Русскаго Географ. Общ. кн. VI. Спб. 1852 стр. 24.

[13]) Именемъ *Austur-vigi* Снорри Стурлезонъ обозначаетъ путь черезъ русскія земли съ сѣвера на югъ въ Грецію. Путь вокругъ западныхъ береговъ Европы назывался Vestur-vigi; Ihre's Glossarium Suegoth 11. 542. Ewers Kritische Vorarb. I. 35,42, — а также Šafař. Slov. Starož. стр. 517. — Въ „Трудахъ и Лѣтопис. Общ. исторіи и древн. русск.“ помѣщено извлеченіе изъ Schlözer's Allgem. Geschichte (S. 541 ff.) о скандинавскихъ путешествіяхъ въ переводѣ *Зиновьева.*

[14]) .... того озера (Нево) внидеть устье въ море варяжьское, и *по тому морю* ити до Рима, а отъ Рима прити *по тому же морю* ко Царю-городу, а отъ Царя города прити въ Понтъ море .... Лавр. 3. — Ср. Ewer's Krit. Vorarb. I. 46—47.

[15]) Волга же идеть на встокъ..... въ часть Симову. Лавр. 2..... Изъ того же (Оковскаго) лѣса потече Волга на въстокъ..... тѣмже изъ Руси *можетъ ити въ Болгары* и въ Хвалисы, *на въстокъ доити въ жребій Симовъ.*

[16]) У Гельмольда (Chron. Slav. I. 3. Dani si quidem ac Sueones gens Northmannos vocamus, *Septentrionale litus* (Варяжскаго моря нашей лѣтописи см. ниже стр. 24) et omnes in eo continent. At litus australe Slavorum incolunt nationes, quorum ab oriente primi sunt Ruci, deinde Poloni etc.

[17]) Въ изданіи, приготовленномъ Вередниковымъ: „Афетово бо и то колѣно: Варязи, Русь“ и т. д. Лавр. 2.; такъ что Варяги составляютъ какъ бы отдѣльное племя отъ Руси и др. Но самый смыслъ лѣтописныхъ словъ противорѣчитъ такому чтенію текста. По сему же морю сѣдятъ Варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдятъ къ западу до земли Агнянски и Волошьски (т. е до Италіи см. ниже); за тѣмъ исчисляются племена, принадлежащія къ *этому колѣну* Афетову: Свеи, Урмане и т. д. Въ другомъ мѣстѣ стр. 8.: „сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи Гъте, тако и си.“ На такое же значеніе слова Варягъ

указываетъ широкое значеніе Варяжскаго моря (см. выше прим. 14) Сравни: *Ewer's* kritisho Vorarbeitung. zur Gesch. der Russen. Dorp. 1814 1-es Buch. S. 48. ff. Приведенное въ текстѣ мѣсто онъ переводитъ: Und auch diess ist das Geschlechs Jafet's: die Warjager (*nämlich*) Swej, Urmanen u. s. w. 52.

[18]) Нѣмчемъ (поплати)—до Ивaня вымолѣ, ѿ Ивaня вымола Гтомъ до Гералда вымола"—Уст. Ярослава о мост. Русскія Достоп. изд. М. Общ. Ист. и Др. II стр. 293. См. также прим. на стр. 311.

[19]) Шлецеръ (Нест. I. 103.) указываетъ въ *Галичанахъ* лѣтописи жителей Испанской Галиціи, которая уже въ началѣ IX в. стала извѣстна своимъ городомъ С. Яго де Компостелла (См. также въ Allgem. Nord. Gesch. S. 542 о путешествіи Сигурда). На Туринской картѣ XII вѣка, помѣщенной въ атласѣ Лелевеля подъ № 35 отмѣчена: Gallecia, Sancti Jacobi apostoli см. Lelewel Géogr. du moyeu âge 1. 87. Галатское море (Behr Ghalatikon, galatikub) какъ называетъ Варяжское море персидскій географъ Hamd-ullah Mesteufi Kaswiny (полов. XIV в.). Френъ (Ibn—Foszlan's u. anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit Stp. 1823 S. 188), производитъ отъ Γαλατια или Galia; этимъ названіемъ, по его замѣчанію, многіе Греческіе и Латинскіе писатели обозначали также и нѣкоторую часть Германіи. С. М. Соловьевъ (Ист. Росс. 1. 83) говоритъ, что Галичане лѣтописи, можетъ быть,—жители Валлиса, Pays des Gals.

[20]) Начальная лѣтопись очень немногое говоритъ о Влохахъ; но изъ всѣхъ показаній ея очевидно, что именемъ *Влохъ*, *Волъхва* и т. д. Славяне обозначали первоначальное населеніе древней римской Имперіи и затѣмъ населеніе, современной лѣтописцу, Италіи. „По мнозѣхъ же времянѣхъ, говоритъ она, о разсѣленіи Славянъ, сѣли суть Славяне, по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьская земля и Болгарьска. . . . Волхомъ же нашедшимъ на Словѣне па Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ" и т. д. Лавр. 3. За тѣмъ подъ 898 годомъ: пришелъ отъ востока и устремишася черезъ горы (Угры), и почаша воевати на живущія ту Волхи и Словѣни. Сидяху бо ту преже Словѣне, и Волъхы пріяша землю Словенску, по семъ же Угра прогнаша Волъхи и наслѣдиша землю. . . . . оттолѣ прозвася земля Угорьска Ib. 10—11. Такимъ образомъ Волхи исчезаютъ изъ Угорской земли. Вслѣдъ за тѣмъ они исчезаютъ и въ Болгарской землѣ, гдѣ лѣтопись знаетъ вмѣсто ихъ Грековъ. Въ 967 году, говоритъ она, иде Святославъ на Дунай на Болгары. Бившемся обоимъ одолѣ Святославъ Болгаромъ и взя городовъ 80 по Дунаю; сѣде княжа ту въ Переяславли, емля дань на *Грькахъ* (Лавр. 27). Далѣе вездѣ вмѣстѣ съ Болгарами—Греки (20). Какъ произоп-

ла эта замѣна, видно изъ объясненія, которое даетъ происхожденію слова Влохъ Шафарикъ. По его мнѣнію Славянское Влахъ образовалось изъ Нѣмецкаго Wal, Walh, Veälh, Wälsche,—имени, обозначавшаго у Нѣмцевъ человѣка Галльскаго или Кельтскаго происхожденія. Славяне, говоритъ онъ, подобно нѣмцамъ, именемъ Влаховъ первоначально называли одни только народы племени Кельтскаго, однакоже—такъ какъ въ древнее время сѣверная Италія и значительная часть южной Германіи была заселена Галлами, то случилось, что оба племени—Славяне и Нѣмцы мало по малу перенесли имя Влаховъ на всю Италію и на народы, обитавшіе за Галлами, именно на Римлянъ. Легко можно догадаться, что это перенесеніе имени случилось еще въ древнее время, при Галлахъ, потому что, по истребленіи Галловъ, оно не могло уже имѣть мѣста. „Отсюда, замѣчаетъ почтенный изслѣдователь, очевидна древность Славянскихъ народовъ.“ Извѣстіе о разселеніи Славянъ съ Дуная лѣтопись могла конечно почерпнуть не иначе, какъ изъ народныхъ преданій и народныхъ пѣсенъ, до сей поры сохранившихъ память объ этой рѣкѣ. Преданіе сохранило и имя народа, потѣснившаго Славянъ, но въ то время, когда писалъ лѣтописецъ, это имя утратило уже свой первоначальный широкій смыслъ, въ которомъ приняло его преданіе. Подъ Влохомъ понимали тогда только Итальянца, жителя Италіи, населеніе же сохранившейся Восточной Римской Имперіи обозначалось именемъ Грековъ; въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слово Влохъ (Włoch) до сей поры сохранилось у Поляковъ, у которыхъ оно значитъ Итальянецъ. Что именно такъ понималъ и лѣтописецъ, видно изъ перечня племенъ, гдѣ вслѣдъ за Волхами, онъ поставилъ Римлянъ, Веньдицей, ... Фряговъ, и, конечно, не иначе, какъ для ближайшаго опредѣленія того, что именно онъ называетъ Волъхвою. Имя Волховъ или Влоховъ вызвало нѣсколько толкованій и объясненій. Шлецеръ производитъ его одинаково съ Шафарикомъ, но нѣсколько разъ перемѣнялъ свое мнѣніе о значеніи его; Карамзинъ (Ист. Гос. Росс. 1. 18) считаетъ Волоховъ потомками древнихъ Гетовъ и римскихъ поселенниковъ Троянова времени. Опроверженіе этого мнѣнія у Шафарика. Соловьевъ (Ист Россіи т. I. 1851., стр. 83). объясняетъ Волхву, какъ общее имя для романскихъ народовъ, но выраженіе „Волошская земля“ указываетъ на территорію однаго народа, какъ агнянская земля, русская, угорская. Отъ всѣхъ этихъ мнѣній отличается мнѣніе Эверса, который думаетъ, что Влохъ есть славянское названіе, обозначавшее Болгаръ, преимущественно, какъ номадовъ (отъ слова влеку, волоку, *польское* włoczę. I. S. 9. Мнѣніе его раздѣлялъ и Арцыбышевъ. — А. Ѳ. Гильфердингъ считалъ Влаховъ X—XI вѣка потомками римскихъ колонистовъ или обримленныхъ туземцевъ, на обоихъ склонахъ хребта Пинда.

[21]) Ср. С. М. Соловьевъ Ист. Росс. I. стр. 83.

[22]) . . . . а Двина изъ того же (Оковскаго) лѣса и потечеть, а *идеть на полунощье*, и *внидеть* въ море Варажское (Лавр. 3). Выраженія: „идеть" и „внидеть" явно указываютъ на *направленіе* теченія Двины, а не на *положеніе* ея (въ сѣверу) относительно Кіева, какъ можно было бы думать.

[23]) Ист. Росс. I 82 - 83. Впрочемъ трудно рѣшить, имѣло ли здѣсь Варяжское море лѣтописи форму залива или пролива,—стояло ли оно въ связи съ тѣмъ моремъ на далекомъ сѣверѣ, о которомъ въ концѣ XI вѣка лѣтопись узнала изъ извѣстнаго разсказа Гюряты Роговича, и за лукоморье котораго заходили высокія горы (Лавр. 107). Лѣтописецъ ничего не говоритъ объ этомъ опредѣленнаго. Ниже мы увидимъ замѣчательное сходство извѣстій нашей лѣтописи о Варяжскомъ морѣ, съ показаніями восточныхъ географовъ. Пріурочивая его къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ, большая часть ихъ даютъ ему восточное же направленіе, но уже въ началѣ XIII вѣка персидскій географъ Ибрагимъ-бенъ-Весифшахъ († 1228) говоритъ о двухъ прѣсныхъ моряхъ у береговъ славянской земки, изъ которыхъ одно течетъ съ с. на ю. (Charmoy. Rélation de Masoudi et d'autres auteurs musulmans sur les anciens Slaves, въ Mém. de l'Acad. des scienc. VI. Sér. Scienc. Polit. etc. t. 11 p. 302). Захарія Казвини (пис. 1275 г.) также называетъ Варяжское море рукавомъ океана, простиравшимся съ сѣвера на югъ ibid. 304, 345. Бакуви (въ нач. XV в).—*Ouazane* (Ouarane-Wareng). Lieu sur le bord de la mer du Nord. Il sort de l'océan septentrional un *détroit* qui va se rendre dans la mer du midi, on le nomme mer de Ouazane (Ouarane-Wareng) См. Frähn, Ibn-Foszlan's Berichte 195—196.—Варяговъ восточные писатели полагали на поморьи противу Славянъ (Саклабъ) Ibid. 189—192, Charmoy. 354—355,—слѣдовательно, считая Варяжское море рукавомъ или проливомъ сѣвернаго океана и давая ему протяженіе съ сѣвера на югъ, они могли представить себѣ Скандинавію не иначе, какъ островомъ. Мукадези (XI и XII в.) указываетъ отечество Руси на островѣ *Вабіи*, въ которомъ Френъ видитъ теперь Данію. Свѣдѣнія свои мусульманскіе географы получали въ землѣ Волжскихъ и Камскихъ Болгаръ, отъ Норм ановъ, — которые распространили ихъ и на Руси, гдѣ также могло составиться понятіе о Скандинавіи, какъ объ островѣ. Въ такомъ случаѣ Варажское море лѣтописи тянулось бы на востокъ, не какъ заливъ Атлантическаго океана, но какъ его продолженіе,—отдѣляя Скандинавію отъ русскихъ владѣній и омывая сѣверные берега поселеній крайнихъ сѣверо-восточныхъ племенъ Афетовой части. Эти племена были подчинены Варяго-руссамъ, пла-

тили имъ дань, почему лѣтописецъ и могъ считать себя въ правѣ сказать: „по сему морю сѣдять Варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова.“

[24]) Адамъ Бременскій (вторая половина XI вѣка) и за нимъ Гельмолдъ (Helmoldi presbyteri Chron. Slavorum ex rec. Lapenbergi, ex Monum. Germ. Hannov. 1868 I. p. 3). Sinus hujus maris ab occidentale oceano orientem versus porrigitur, adpelatur ideo Balticus eo quod in modo balthei longo tracta per scithicas regiones tenditur *usque in Greciam*. Ср. Tabulam rotundam Rogerianam ad mentem geographorum Siciliae anni 1154 restauratam duce discriptionis Edrisianae въ 1 томѣ Лелевеля Géogr. du moyen âge.

[25]) Frähn, Ibn Foszlan's Berichte, 199.

[26]) Frähn, Ibn. Foszlan's Berichte 182—183 Charmoy Rélat. 333—334; Lelewel, Géographie du moyen âge III. 15.

[27]) Charmoy Rélat 326.

[28]) Frähn Ibn. Foszlan's Berichte-186.

[29]) Лавр. лѣт. 2: „Дунай, Дънѣстръ и Кавкаисинскія (кавькасінскія) горы.“ Шлецеръ (Несторъ I. 43) не считаетъ себя въ правѣ читать вмѣсто Кавкаисиньскихъ—Карпатскія, хотя лѣтопись конечно имѣла здѣсь въ виду именно Карпатскія горы, вблизи которыхъ беретъ начало Днѣстръ: у Грековъ Кавказскими горами назывался не одинъ только хребетъ, которому теперь присвоено это названіе, но вообще большія горы, которыя они полагали на концѣ своей вселенной. Подъ 1015 г. въ Лавр. 60: Угорская гора.

[30]) Чешскій лѣсъ, Böhmer Wald принадлежитъ къ Герцинской горной системѣ, и тянется на югъ отъ Эгера, между Богеміей и Моравіей, образуя водораздѣлъ между Дунаемъ и Влетавой (Молдавой). Если Чешскій лѣсъ Мономаха—дѣйствительно этотъ хребетъ, въ такомъ случаѣ въ 1076 году русскія войска прошли всю Богемію; начиная отъ Силезскихъ границъ. Мономахъ упоминаетъ однако Глогову (Глогау у Одера) какъ ближайшій пунктъ къ своему Чешскому лѣсу. Это даетъ поводъ думать, что дружины его не проникали такъ глубоко въ Чешскую землю и доходили только до Силезско-Моравскихъ горъ (d. Schlesisch-Mährishe Gebirge), которыя онъ и назвалъ Чешскимъ лѣсомъ.

[31]) Siögren, Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen (Mémoir. de l'acad. Impér. des Sciences de Stpb. VI Sér. Scienc. politiq. etc. I. S. 269): Волокомъ называется узкая полоса земли между двумя рѣками, текущими въ противуположныхъ направленіяхъ,—отъ слова „волочить, переволакивать“ (финское walka, walkama), 2, обширная, лѣсистая, неза-

селенная область. Въ послѣднемъ значеніи оно распространено во всей сѣверной Россіи. См. также Щекатова Словарь (1. 976, 1027). Лѣсъ по рѣкѣ Илети, впадающей въ Волгу съ сѣвера, нѣсколько выше Казани, и теперь называется *Илецкимъ* волокомъ.—Ходаковскій („О путяхъ сообщенія въ Русск. Историч. Сборникѣ, издав. Общ. Истор. и Древн. Росс. т. I. М. 1837) принималъ *волокъ* только въ смыслѣ пути по перешейку между рѣчными системами, хотя въ топографической номенклатурѣ Европейской Россіи онъ нашелъ мѣста съ названіями, сродными „волоку" между такими рѣками, „которыхъ не только вершины приближаются къ себѣ, но и теченія обѣихъ имѣются въ одну сторону, и часто не въ дальнемъ разстояніи" (ibid. 39—40), т. е. волоки въ другомъ смыслѣ этаго слова. Что слово *волокъ* могло имѣть болѣе опредѣленное значеніе, какъ собственное имя границы верхняго Поволжья, Поднѣпровья и Подвинья, доказываетъ кромѣ свидѣтельствъ топ. географической номенклатуры этой мѣстности, старинныя поселенія: городъ *Стародубъ*, въ спискѣ градовъ всѣхъ русскихъ (Полн. Собр. р. лѣтоп. VIII. 241), названный *Волоцкимъ*, *Заволочье* близъ истоковъ р. Великой (на границѣ Псковской и Витебской губерній) и *Заволочье* упоминаемое въ межевой книгѣ Грязовецкаго уѣзда (Васильевскій погостъ въ Заволочьи, Ходак. Пути Сообщ. 30). Оба эти Заволочья указываютъ крайніе предѣлы *Волока* на западѣ и востокѣ. Западнѣе Псковскаго Заволочья мы не нашли ни одной мѣстности съ названіями, напоминающими волокъ,—тогда какъ на востокъ они тянутся непрерывной чередой до самаго Бѣлоозера. Подобныя названія встрѣчаются и далѣе на сѣверо-востокѣ въ области сѣверной Двины и по Бѣломорскому Побережью, но тамъ ими обозначаются исключительно мѣстности на перешейкахъ, по которымъ производится перевозка товаровъ и даже судовъ сухимъ путемъ и они очевидно получили названіе позднѣе, съ водвореніемъ на с. в. русской народности. Такова наприм. *Волоковая Губа* въ 2 верстахъ на ю. в. отъ Святаго Носа, служившая пристанищемъ промышленничьимъ лодкамъ, которыя, чтобы не огибать Святаго Носа, перетаскиваются изъ нея въ Лопское становище (См. Рейнеке Гидрограф. Описаніе сѣв. берега Россіи. Спб. 1850 Т. I. стр. 203). О значеніи волока, какъ нарицательнаго имени, у Рейнике и въ предисловіи къ Спискахъ насел. мѣст. Арханг. губ. Но яснѣе всего обнаруживается значеніе слова Волокъ, какъ собственнаго имени, въ названіи цѣлой области Бѣломорскаго бассейна, *Заволочье*, т. е. область по ту сторону *Волока*, за Волокомъ. Въ теперешней номенклатурѣ мы находимъ слѣдующія мѣста съ названіями волоковъ, на пространствѣ отъ верхнихъ теченій западной Двины, Днѣпра и Волги до Сѣверной Двины: два *Волочка* въ восточной части Дорогобужскаго уѣзда, оба въ 25 верстахъ отъ у. г.,—далѣе на сѣверъ—*Волочокъ*

на Днѣпрѣ нѣсколько выше устья р. Вязмы (Сычовскаго уѣзда), отсюда черезъ Двину къ западному побережью озера Ильменя сел. *Волоковое* къ югу отъ оз. Касплинскаго, въ Порѣчьскомъ у., озеро *Волочня* въ Невельскомъ у., Большой *Волочокъ* къ западу отъ Порхова; Волочокъ и Большой *Волокъ* на озерѣ Красногорскомъ (Лужскаго уѣзда), сѣверный пунктъ. Самый западный пунктъ—*Заволочье*, о которомъ было выше. За тѣмъ на востокъ: озеро *Волочно* къ юв. отъ Демянска, въ его уѣздѣ; *Волокъ* на югъ отъ Лучанскаго озера, Торопецкаго уѣзда, *Волокъ*—Красное тожъ—у сѣверо-восточнаго берега озера Жаденья, въ лѣсистой мѣстности Осташковскаго у., и созвучные *Переволокъ* Старый и Новый на сѣверо-востокъ отъ того же озера, *Паволокъ* у сѣвернаго берега озера Селугъ, Осташковскаго же уѣзда; Волокъ на Мстѣ, ниже Боровичей (Держковскій, см. Ходаковск. ub. в. 26). По правую сторону Волги мы нахо- *Волокъ* Ламскій и въ его уѣздѣ селл.: *Волочановскій* въ 17 верстахъ отъ города и *Волочаново*, оба въ направленіи къ Зубцову; по лѣвую сторону Волги: *ВолокъХотьславль* или *Волокославинское* на р. Чагодѣ, въ Тихвинскомъ у.; ручей *Волочня* въ томъ же уѣздѣ, почти на границѣ съ Бѣлозерскимъ, впадающій въ Колпь, притокъ Шексны (черезъ Суду), *Волоцкая* дер. на Судѣ, къ западу отъ Череповца, озеро *Волоцкое*, верстахъ въ 10 на востокъ отъ Бѣлаозера; *Волоковое* сел. въ Пошехонскомъ уѣздѣ, на большой дорогѣ въ Вологду; *Волокотино* къ западу отъ Юрьева Польскаго, *Волокобино* въ Гороховскомъ уѣздѣ, почти на границѣ съ Ковровскимъ. Въ области *Онѣги-Волокъ* на р. Воложкѣ правомъ притокѣ Онѣги (Ходаковскій). Наконецъ, въ бассейнѣ Сѣверной Двины *Волоковская* (Лыткинская) и *Подволочье* на Вагѣ въ Вельскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Тотемскимъ; *Волочокъ* на озерѣ Скрипонѣ (Устюжскаго у.), *Волочокъ* на Тоймѣ (Сольвычегодскаго у.) и *Волочокъ* на р. Лузѣ, въ Лальскомъ уѣздѣ: это-самые крайніе пункты на с. в.; самый сѣверный пунктъ Волоковское (церковный погостъ, Троицкое) на Щердѣ, притокѣ Емцы, впадающей въ Сѣверную Двину. Такимъ образомъ мы имѣемъ рядъ Волоковъ отъ верхнихъ Днѣпра и Двины, и отъ озера Ильменя черезъ Боровичи къ Бѣлоозеру и Емцѣ съ одной стороны, и съ другой черезъ Дорогобужъ и Волоколамскъ къ Грязовцу и Сольвычегодску. Города, лежащіе въ этой области, въ XIV и XV вѣкѣ назывались *Залѣсскими*, какъ увидитъ ниже, при разсмотрѣніи Списка всѣхъ русскихъ городовъ, и это названіе должно стоять въ связи съ древнимъ значеніемъ Волока, какъ лѣснаго пространства. Нельзя не замѣтить также того обстоятельства, что географическія названія „Волокъ" съ его видоизмѣненіями встрѣчаются въ лѣсистомъ водораздѣлѣ между бассейнами Днѣпра съ одной стороны, Двины, Нѣмана и Вислы съ другой,—отъ Урало-Алаунской гряды

до Авратынскихъ горъ и Карпатъ; но здѣсь они рѣже. Приведемъ замѣченныя нами: Волоки на р. *Мрать*, притокѣ Березины въ Мосальскомъ у.; *Переволока* въ Копысскомъ у, у верховьевъ Дручи; три сел. *Волоки* на Вязынѣ, притокѣ Виліи въ Вилейскомъ у.; *Волоки* на р. Сервечѣ, и *Переволока*, притокъ Сервеча въ Новогрудскомъ у.; два сел. *Переволока* въ Волковыскомъ у., *Красный Волокъ* въ Овручскомъ уѣздѣ на р. Жеревѣ, притокѣ Уши,—за тѣмъ далѣе на югозападъ, уже въ Прикарпатской области *Волочанка* Большая и Малая, къ ю. отъ Самбора у верхняго Стрыя, по ту сторону Карпатъ: Волоцъ, Волоцкѣ и т. д. Мѣстности съ такими же названіями встрѣчаются и на в. отъ Днѣпра, но еще рѣже (о нихъ см. Ходак, Пути Сообщ. 36 и слл.). Въ сѣверной Россіи—главнымъ образомъ въ Архангельской и Олонецкой губерніяхъ, въ названіяхъ селеній и урочищъ очень часто встрѣчается слово *Наволокъ*, иногда въ соединеніи съ финскими именами: Корбнаволокъ, Пертнаволокъ и др. Въ послѣднемъ случаѣ мѣстные фины переводятъ его словомъ *niemi* (Korbniemi), что значитъ *мысъ* (См. Sjögren, Ueb. die Wohns. d. Jëmen. S. 334 Anm. 80), По Академическому Словарю, Наволокъ обозначаетъ кромѣ того *лугъ*, на который отъ разлитія водъ наносится илъ или дрязгъ.

[32]) О значеніи Заволоцкой Чуди, какъ географическаго, а не этнографическаго термина, см. ниже.

[33]) Названіе *Угорскаго* Начальная Лѣтопись ставитъ по видимому въ связь съ *Уграми*: „Идоша Угри мимо Кіева, говоритъ она подъ 898 годомъ (Лавр. 10) *горою*, еже се зоветь нынѣ *Угорское*.“ Въ сѣверной Россіи *угоръ* значитъ крутой и землистый берегъ рѣки.

[34]) Кругъ, разбирая значеніе слова „гора“ въ извѣстіяхъ Начальной лѣтописи и лѣтописи Новгородской, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Кажется, что слово гора имѣетъ здѣсь, какъ и во многихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, одинаковое значеніе съ словомъ „брегъ, берегъ,“ и тожественно съ Нѣмецкимъ Berg, въ противуположность долины (d. Thal, сравни Thal—Weg bei Flüssen, долинный, долный путь у рѣкъ), ибо выраженіе Berg -гора—употреблялось когда-то вмѣсто *Ufer*—берегъ—откуда до сей поры осталось выраженіе bergen—спасать, тащить къ берегу (an's Ufer ziehen).“ См. Forschung. in d. älter. Gesch. Russl.'s II. S. 363. У насъ въ просторѣчьи -- во многихъ мѣстахъ — ѣхать „горою“ говорится въ смыслѣ „сухимъ путемъ.“ О словѣ Угоръ, см. выше. прим. 33.

[35]) См. въ рукоп. Имп. Публ. Библіотеки „Рисунки и Чертежи къ путешествію по Россіи, по Высочайшему повелѣнію, ст. сов. Константина Бороздина въ 1810 г. ч. I., объяснительный текстъ къ чертежу подъ № XXIII, и часть II подъ № I.

[36]) Константинъ Порфирородный, оставившій подробное описаніе Днѣпровскихъ пороговъ, говоритъ только о спускѣ судовъ по нимъ, но ничего не сообщаетъ о взводѣ судовъ вверхъ по теченію. Ему извѣстны только *семь* пороговъ (изъ девяти), которыхъ имена онъ приводитъ по русски и по славянски: 1) Эссупи (Ἐσσουπῆ), что истолковывается по русски и по славянски „не спать" 2) Ульворси (Οὐλβορσί) по славянски островуннпрахъ (Οστρο βουνίπραχ) что значитъ островъ порога (Островънынпрагъ ?) 3) Геландри, (Γελανδρί) по славянски звукъ порога (Звонецкій); 4) самый большой и опасный Айфаръ (Αειφάρ), по славянски Неасыть, (Νεασήτ) потому что въ скалахъ его водятся пеликаны; 5) Варуфоросъ (Βαρουφόρος), по славянски Вулнипрахъ—Βουλνηπράχ—(Вольный прагъ), 6) Леанти (Λεάντί), по славянски Веруцц (Βερούτζι) т. е. кипѣніе влаги и 7) Струвунъ (Στρούβουγ) по славянски Напрези (Ναπρεζῆ) что значитъ Малый порогъ. (На Свири и другихъ сѣверныхъ рѣкахъ встрѣчаются мѣстности съ названіями *Надпорожье*). См. *Лерберга* изслѣдованія, въ переводѣ Языкова, о Днѣпровскихъ порогахъ и подлинникъ. Untersuchungen S. 318—382. Теперешнія названія пороговъ: Старо-Кайдацкій, Лаханскій, Сурскій, Звонецкій, Ненасытецкій, Волнисскій, Будиновскій или Будильный, Лишный, Вольный.

По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, для прохода черезъ всѣ пороги, кромѣ четвертаго, Неасытя, суда не разгружались; только люди высаживались на берегъ. Неясыть обходили, перетаскивая грузъ и разгруженныя суда волокомъ, по берегу, или перенося ихъ на рукахъ. Относительно хода судовъ у пороговъ вверхъ, противъ теченія, мы имѣемъ домашнія свидѣтельства русскихъ лѣтописей, со времени гибели Святослава у пороговъ въ 972 г. Выраженія: „поиде въ пороги" (Лавр. 31), „возведоша пороги" (Ипат. 93. 161), „взиде гречникъ и залозникъ," указываютъ кажется, что суда именно взводились черезъ пороги вверхъ, по рѣкѣ,—и что едва ли надо было прибѣгать тогда къ перетаскиванію ихъ берегомъ на всемъ пространствѣ отъ конца до начала пороговъ.

[37]) Въ Рост. Лѣт. подъ 1111 годомъ, при описаніи знаменія въ Печерскомъ монастырѣ: ту бо бѣ князь Владимиръ *врадостнеся,* въ Никоновской (II. 43) „вРадосыни." У *Бороздина* (часть 1-ая на чертежѣ окружностей древняго Кіева) *Радосынь* показана на мѣстѣ лощинки *Радуни.* Она брала начало изъ озера, находящагося къ югу отъ села Ольжичъ (при истокѣ Черторыи изъ Десны), протекала на югъ до Городца, гдѣ дѣлала крутой поворотъ на западъ, и, принявъ съ лѣвой стороны ручей, вытекавшій изъ озера *Подлюбскаго,* впадала въ Черторыю нѣсколько выше Долобскаго озера. На планѣ 1810 года (ibid) верхней Радосы-

ни нѣтъ, но ручей, текущій изъ озера Подлюбскаго, до устья Черторыи показанъ подъ именемъ *Гнилуши.* У *Закревскаго* (Описаніе Кіева. М. 1868) эта мѣстность оставлена безъ объясненія.

[38]) Въ поученіи Мономаха: „и паки Итлареву чадь избиша и вежи ихъ взяхомъ шедше за Голтавомъ“ (Лавр. 104). Въ походѣ на Половцевъ 1111 года Русскіе—„priидоша на Пслъ, и оттуда сташа на рѣцѣ Голтѣ.... И оттудѣ доидоша Ворьскла.“ Ипат. 2. Названіе Голтвы имѣютъ пять рѣкъ, принадлежащихъ бессейну Псела: 1) *Собственно Голтва*, беретъ начало въ Зеньковскомъ у. течетъ съ с. на югъ, впадаетъ въ Псел съ лѣвой стороны, близъ м. Голтвы; 2) *Шишацкая Голтва*, рукавъ Голтвы у с. Рѣшетиловки, сливаясь вмѣстѣ съ Ольховою, образуетъ собственно Голтву; 3) *Ольховая Голтва*, начинаясь въ Зеньковскомъ у., близъ м. Опашня, течетъ съ св. на юз., близъ сел. Надежды, Полтавской губ. впадаетъ въ Шишацкую Голтву. 4) *Средняя Голтва*, правый притокъ Ольховой, впадаетъ въ Ольховую съ правой стороны у сел. Надежды; 5) *Сухая Голтва*, правый притокъ Средней,—въ Зеньковскомъ уѣздѣ, 5 верстъ теченья. (См. Географическій Словарь Семенова т. 1. 652).

[39]) *Судома* рѣка беретъ начало у Дмитріевой Горы, сел. на границѣ Порховскаго и Псковскаго уѣздовъ, и впадаетъ въ Шелонь съ лѣвой стороны у сел. Княжьихъ горъ.

[40]) На другіе водные пути изъ Двинской области въ Поднѣпровье есть—впрочемъ неясное—указаніе, въ извѣстіи о походѣ Новгородцевъ на Полоцкихъ Кривичей въ 1127 году къ *Неколочу*, который приуроченъ Надеждинымъ къ сел. Некучѣ (вѣрнѣе *Некочь*, на картѣ Шуб. № 29) къ с. в. отъ Лепеля, у небольшаго озера. Въ Новгор. Первой лѣтоп.; стр. 9; подъ 1141 годомъ Новгородцы... Якуна (бѣжавшаго изъ Новгорода съ княземъ Святославомъ Ольговичемъ) *яша* на *Плисѣ*.“ Для соображенія отмѣчаемъ р. Плису, черезъ Бобръ вливающуюся въ Березину (въ восточной части Борисовскаго уѣзда).

[41]) Подъ 1168 годомъ мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе о пути кіевскаго князя Ростислава Мстиславича изъ Кіева въ Новгородъ. Онъ шолъ на Чичерскъ, т. е. вверхъ по Сожѣ, къ Смоленску; „и оттудѣ въ Торопечь. И оттудѣ посла къ сыну Святославу Новугороду, веля ему *въѣхати* противу себѣ на Луки, бѣ бо уже Ростиславъ не здравствуя вельми, и ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородци. И оттудѣ возвратися Смоленьску.“ Ипат. 94. Это извѣстіе передано или неполно или невѣрно. *Луки* (т. е. Великія Луки) лежатъ значительно на ю. з. отъ *Торопца*, во все не по пути изъ этого города въ Новгородъ. Желая уладить

затрудненія, возникшія въ отношеніяхъ Святослава къ Новгородцамъ,— и, не чувствуя себя въ силахъ продолжать путь до самаго Новгорода, Ростиславъ вѣроятно съ дороги въ Торопецъ свернулъ въ ближайшій Новгородскій городъ Великія Луки, и вызвалъ туда сына и недовольныхъ Новгородцевъ, которые конечно не охотно приняли бы предложеніе вести переговоры въ Торопцѣ волости враждебнаго имъ князя. Въ Новгор. I-ой лѣт.: „На зиму, приде Ростиславъ изъ Киева на Луки и позва Новгородьцѣ на порядъ“ стр. 14. Во всякомъ случаѣ для насъ важно это извѣстіе лѣтописи, какъ указаніе Торопецкой вѣтви великаго воднаго пути. Здѣсь находятся населенныя мѣста: *Городокъ*, *Желна*, *Шейно* (можетъ быть *Женни Великая*, упоминаемая въ грамотѣ того же князя Ростислава 1150 г. Допол. къ Акт. Ист I. 6.), *Верховье*, *Волокъ*, *Волковская*, *Понизовья*.

12) Подробное описаніе этого пути находится въ помянутомъ уже сочиненіи Рейнеке о Сѣверномъ берегѣ Россіи, т. I. на стр. 413. Онъ идетъ отъ города Онѣги вверхъ по р. Онѣгѣ 275 верстъ, до устья р. Кены, впадающей въ рѣку Онѣгу съ лѣвой стороны у сел. Плесковскаго, въ излукѣ между почтовою станціею Архангельскою и Коневскою. Далѣе—по р. Кано 30 верстъ, Кепозеромъ 25 верстъ до сѣвернаго угла губы Свиной, къ устью рѣчки Почей; этою рѣчкою черезъ Почозеро въ рѣчку Волошу и въ Волошозеро, всего 35 верстъ; изъ Волошозера 6 верстъ болотистымъ волокомъ на р. Череву, къ сел. Спасскому; отсюда внизъ по рѣкѣ Черевѣ 15 верстъ; по р. Водлѣ до города Пудожа 80 верстъ, и еще 12 верстъ до сел. Подпорожья, у котораго грузятся гальясы, и до устья Водлы 20 верстъ. Этимъ путемъ отъ Онѣги до Петербурга считается 1022 версты. Еще въ началѣ этаго столѣтія онъ имѣлъ важное значеніе для доставки грузовъ отъ Петрозаводска въ Архангельскъ. Новгородцамъ онъ сдѣлался извѣстенъ очень рано, не позже начала XII вѣка, какъ мы увидимъ при разборѣ Уставной Грамоты 1137 г.

13) Эверсъ полагаетъ, что всѣ европейскіе Іафетиды Нестора могутъ быть раздѣлены на Словянъ, Чудь, Варяговъ. Fast sollte man glauben„ sie (d. h. unvollkommene Ethnographie Nestor's) habe alle europäische Iaphetiden in Slaven, Tschuden u. Warjager getheilt. Kritische Vorarbeit. I. 51). Но Греки и Литва составляютъ въ понятіяхъ лѣтописца два особаго рода племени, которыя онъ отличаетъ отъ Славянъ, Чуди и Варяговъ.

14) Въ русской правдѣ: „Ожели будетъ Варягъ или Колбягъ“ ... Руск. Дост. II. 33. Татищевъ 11. объясняетъ Колбяговъ — жителями Кольберга (*Кологбрѣгъ* слав.), пріѣзжавшими въ Новгородъ для тор-

говли. Карамзинъ (II. стр. 34) переводитъ слово Колбягъ — чужестранецъ. По Ходаковскому, Колбяги — жители береговъ Колпи, впадающей черезъ Суду въ Шексну. Розенкампфъ (О Кормчей стр. 228) сообщаетъ приписку къ этому слову изъ Кормчей XIII вѣка: „а оже боудеть Варягъ или Колобягъ, крещения не имѣя, а боудеть има ротѣ по своей вѣре...." изъ чего можно заключить, что Колбягъ значитъ или идолопоклонникъ, язычникъ, или вообще неправославный (Ср. пр. 27 въ русск. Правдѣ въ Русск. Дост. II. 68). У восточнаго писателя Демешки встрѣчается названіе народа *Келябіи*, жившаго по берегамъ Варяжскаго моря вмѣстѣ съ Варягами и Славянами; это были по всей вѣроятности Литовцы (см. Frähn', Ibn-Foszlans's Berichte 192—193, Charmoy 354); но г. Гедеоновъ (Отрывки о Варяжскомъ Вопр. стр. 150 прим.) полагаетъ, что подъ Келябіями скрываются Колбяги Русской Правды, хотя Демешки писалъ въ концѣ XIV вѣка (Charm. 305), когда Колбяги не встрѣчаются, сколько намъ извѣстно, въ памятникахъ. Не было ли слово Колбягъ какимъ нибудь болѣе или менѣе общимъ названіемъ для Чуди, пріѣзжавшей въ Новгородѣ, или селившейся въ Новгородской области? Есть погостъ *Колбежицкій* къ ю. отъ Тихвина на р. Воложебю, и близъ него „*Чудскій конецъ*" сел. На всемъ финскомъ сѣверѣ много мѣстностей съ названіями Колбь, Колбино, Колбинскій и т. д. По замѣчанію Кастрена *Kolba*, *Kolva* значитъ *рыбная вода*, — отъ лап. *Kuolle*—рыба, и *va*—вода. (Vorles. 98).

[15]) Лѣтопись рѣзко различаетъ Славянъ и Варяговъ. Изъ прибалтійскихъ Славянъ она знаетъ Поморянъ (Ляховъ), и помѣщаетъ Варяговъ на другомъ противуположномъ берегу моря. Въ славянскихъ и финскихъ городахъ она отличаетъ первыхъ насельниковъ (туземцевъ, автохтоновъ) отъ Варяговъ находниковъ т. е. пришельцовъ. „Отъ нихъ, говоритъ она, прозвася русская земля Ноугородцы: ти суть люди Ноугородци отъ рода Варяжьска, преже бо быша Словѣни" (Лавр. 9). Въ походахъ Олега (880, 898 г.) Игоря 912 и 954) Владиміра (980), Ярослава (1015—1018) и въ битвѣ съ Печенѣгами (1037) всюду они отдѣлены отъ Славянскихъ племенъ.

[16]) Въ Новгор. I-ой лѣтоп., подъ 1189 годомъ записано: Рубоша Новгородьцѣ Варязи на Гътѣхъ Нѣмцѣ въ Хоружьку и Новоторжцѣ, а на весну не пустиша изъ Новагорода своихъ ни одиного мужь за море, ни съла вѣдаша Варягомъ; нъ пустиша я безъ мира (стр. 20). Мѣсто очевидно испорченное, но все таки ясно, что тутъ „Варязи на Гътѣхъ" могутъ означать только Готландцевъ. Въ 1201 г. „Варягы пустиша (изъ Нов-Новгорода) безъ мира за море.... а на осень придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всей воли своей (ibid. 25). Это сколько намъ

извѣстно, послѣднее употребленіе слова Врягъ лѣтописью въ изложеніи русскихъ событій. Въ сказаніи о взятіи Царяграда Крестоносцами Варяги—наемная дружина Грековъ: по взятіи города Фрязи—Грькы же и Варягы изгнаша изъ града. ibid. 29. Въ Новгородѣ было два иностранныхъ двора Нѣмецкій принадлежавшій Ганзѣ и Готландскій (см. Карамз. III прим. 244) По нашимъ лѣтописямъ, дворъ, стоявшій на Торговой сторонѣ на Варяжской улицѣ, на посадѣ, у княжаго двора, назывался Нѣмецкимъ (Новг. III-ая лѣт. 216, 222, и I-ая 63, 66.) церковь, находившаяся на торговищи, т. е. Торговой площади, близь церкви св. Михаила, называлась Варяжская, которая отличается отъ Нѣмецкой ропоты (Новг. 1 – 11 18, Новг. III. 216 и т. д.). Эта Варяжская церковь могла принадлежать Готландцамъ. Готскій (Готьскый) дворъ упоминается въ 1-ый разъ подъ 1403 годомъ (см. Новг. 1. 102; въ Новгор. IV., вѣроятно по ошибкѣ Нѣмецкій дворъ стр. 144).

[47]) Нѣмцы вмѣстѣ съ Готами обязаны были содержать въ порядкѣ мостовыя въ занятыхъ ими улицахъ въ Новѣгородѣ, см. Уст. Яросл. о мостѣхъ.

[48]) См. Погодинъ М. П., „О походѣ русскихъ на Сурожъ“ въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древн. I. 195 и слл.; Срезневскій И. И., Слѣды древняго знакомства русскихъ съ южной Азіей. Девятый вѣкъ. (Вѣстн. Импер. русск. Геогр. Общ. 1852. X. стр. 59).

[49]) По объясненію *Финлея* въ его Исторіи Византіи. *Шлецеръ* (Несторъ I. 52) полагаетъ Черную рѣку лѣтописи въ Μαυροποταμος или Μέγας ποταμός, которая течетъ по западной части Ѳракійскаго полуострова въ Эгейское море, и которую не льзя смѣшивать съ Черною рѣкою въ Памфиліи, слѣдовательно на окраинѣ тогдашней Греческой Имперіи.

[50]) *Арцыбышевъ* о Тмутаракани. Труды и Лѣтописи Общ. Исторіи и древн. Русскихъ IV. стр. 80. Такъ называемый Тмутараканскій камень найденъ въ 1772—1793 год. на островѣ Тамани. Это мраморный кусокъ въ сажень съ небольшимъ въ длину, въ аршинъ шириною и нѣсколько болѣе 5 вершковъ толщиною. На боку его, въ двѣ строки, выдолблена надпись: въ лѣто 6576 индикта 6 Глѣбъ мѣрилъ море по леду отъ Тмутаракана до Кърчева 14,000 саженъ. ibid. 81. О подлинности Тмутараканскаго камня см. Замѣтку *Кеппена* въ Тру-дахъ V. стр. 400.

[51]) *Пруссовъ* Начальная лѣтопись упоминаетъ только мимоходомъ въ перечнѣ народовъ и вовсе не знаетъ ихъ въ изложеніи событій. Въ то время едва-ли они и входили въ столкновенія съ Южной Русью, отъ которой очень рано, можетъ быть, съ XI вѣка они отдѣлялись племенемъ

Ятвяговъ (см. ниже прим. 55). Впрочемъ есть извѣстіе, что еще въ X вѣкѣ русскія владѣнія соприкасались съ землею Пруссовъ: Дитмаръ (VI. 58) говоритъ, что св. Бруно проповѣдывалъ въ Пруссіи на границѣ съ Русью. Названіе одной изъ Новгородскихъ улицъ (Прусская улица) заставляетъ предполагать старинную связь между Новгородомъ и Пруссами. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ самыхъ предѣлахъ древней русской земли, въ области Нарева и Западнаго Буга, и далѣе на югъ встрѣчаются населенныя мѣста съ Прусскими наименованіями; таковы: Большіе *Прусы* къ ю. отъ Визны по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Ломжу; *Прусечки* у Каменца Литовскаго, *Пруски* къ западу отъ Кобрина верстахъ въ 7; *Прусье*, *Прусна* Нова и Прусна Стара близь истоковъ Раты къ ю. з. отъ Белза въ Галиціи; *Прусы* къ в. отъ Львова въ 7 верстахъ; *Прусы* на одномъ изъ правыхъ притоковъ Днѣстра, верстахъ въ 10 на югъ отъ Самбора, и мн. др. (Карты Шуберта и Военно-Топогр. Депо 3-хъ верстная; для Галиціи: Skorowidz wszystkich miejscowości w Galicji i Lodomeryi. Lwów. 1855 str. 173). Такія же названія встрѣчаются и на ю. з. въ предѣлахъ б. Польши до самаго Бромберга (Uebers. der Bestandtheile u. Verzeichniss aller Ortschaft. d. Bromberger Regirungsbezirks Bromberg 1818. S. 37 № 85 S. 59. NN. 34, 38). Если эти названія имѣютъ какія либо отношенія къ стариннымъ поселеніямъ Пруссовъ на Славянской территоріи, то они могутъ быть объяснены или тѣмъ, что первоначальныя поселенія Пруссовъ простирались гораздо южнѣе той области, гдѣ застаетъ ихъ исторія, или же позднѣйшимъ переходомъ ихъ на югъ. О послѣднемъ обстоятельствѣ относительно русской земли наши лѣтописи XIII в. даютъ нѣкоторыя извѣстія. Такъ въ 1275 году, по словамъ южнорусскаго лѣтописца, „пріидоша Пруси къ Тройденови изъ своей земли неволею передъ Нѣмци; онъ же прія ѣ къ собѣ и посади часть я къ Городнѣ, а часть ихъ посади въ Въслонимѣ“ (Ипат. 206). Въ этомъ переселеніи участвовали и *Борты* (ibid. 207, подъ 1277 г.). Въ 1281 году мы видимъ въ дружинѣ Владиміро-Волынскаго князя Владиміра *Прусина* (ibid. 210).

[52]). Въ исчисленіи народовъ чтеніе „Норова“ встрѣчается только въ Лаврентьевскомъ — древнѣйшемъ — спискѣ Начальной Лѣтописи; въ Ипатьевскомъ *Норома* и въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ *Нерома*. Тѣмъ не менѣе не льзя не признать правильности позднѣйшихъ чтеній, по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Лѣтописецъ въ перечнѣ племенъ несомнѣнно держится того порядка, въ какомъ они, по его представленію, расселились,— и, помѣщая Норову, Нерому, съ Корсью и Либью (Литва, Зимигола, Корсь, *Норова*, Либь. Лавр. 5), тѣмъ самымъ указываетъ на ихъ близкое сосѣдство;

2) сѣверно-русскія лѣтописи, сообщая довольно подробныя свѣдѣнія—по крайней мѣрѣ о названіяхъ различныхъ чудскихъ племенъ въ прибалтійскомъ краѣ, вовсе не знаютъ племени Норовы: имъ извѣстна только р. Норова (Нерова. Соф. Вр. въ Полн. Собр. Лѣт. V. 188), протокъ изъ Чудскаго озера въ Финскій заливъ, весьма часто упоминаемый въ изложеніи событій XIII и XIV вѣковъ.

[53]) Вопрос о происхожденіи и національности Ятвяговъ не можеть считаться рѣшеннымъ, хотя относительно его было уже высказано нѣсколько болѣе или менѣе удачныхъ предположеній. Изъ нихъ самое важное—отца славянскихъ древностей Шафарика (Slov. Staroż. 274—295) который, причисляя ихъ къ Сарматскому племени *Язиговъ*, часть которой уже въ I вѣкѣ по Р. Хр. проникла въ Подлѣсье со стороны Днѣпра и Черноморскихъ краевъ и въ X вѣкѣ является въ исторіи подъ названіемъ Ятвяговъ, (Ятвеза, Яцвези). Большая часть Польскихъ историковъ видитъ въ нихъ *Литовское племя*, основываясь на свидѣтельствахъ *Кромера* (Getharum s. Prussorum genus L. IV. c. 19), *Длугоша*; утверждающаго большое сходство ихъ съ Литовцами, Самогитами и Пруссами по народности, языку, обрядамъ (ritu) религіи и нравамъ. (Hist. Pol. IV) и *Матвея Мѣховита*; послѣдній говоритъ, что въ его время (въ началѣ XVI вѣка) Ятвяговъ оставалось уже немного и что у нихъ свое собственное нарѣчіе, отличное отъ Литовскато, Жмудскаго и Прусскаго. „Quatuor ergo gentes Prutheni, Jaczwingi, Lithuani cum Samogitis et Lotipali habent *propria linguagia* valde in paucis consonantia et convenientia Cronic. Polon. Cracov. 152 p. 40). Въ другомъ сочиненіи Descriptio Sormatiae „Linguagium Lithuanicum est quadripartitum: primum linguagium est Jaczwingorum,... alterum est Lithnanorum... tertium pruthenicum, quartum in Lotwa s. Lothihola. Въ томъ же смыслѣ высказываются Гвагнинъ и Стрыйковскій. Эти свидѣтельства признали Нарбутъ, Ярошевичъ и др., Henning (Comment. de rebus Jazygum s. Jadzwingorum Regiomonti 1812) и изъ нашихъ ученыхъ академикъ *Шегренъ* въ изслѣдованіи, къ сожалѣнію, не получившемъ окончательной обработки—Ueber die Wohnsitze und die Verhältnisse d. Jatwägen (aus d. Memoir. de l'Acad. Sc. polit. IX Stp. 1858). Если мнѣніе это и не можетъ быть признано окончательно доказаннымъ, то во всякомъ случаѣ оно сильно поддерживается историческими данными о близости отношеній Ятвягомъ къ Пруссамъ, Бартамъ и Литвѣ въ XII—XIII вѣкѣ,—данными, которыя представляетъ наша южно-русская лѣтопись. По этому мнѣніе это имѣетъ преимущество передъ патріотической теоріей, высказанной д-ромъ *Шульцомъ* о Лехитскомъ происхожденіи Ятвяговъ, и опровергаемой самымъ ходомъ событій XIII вѣка; (Szulc. O znaczeniu Prus

dawnych. str. 23, 140—151) а также и передъ догадкой о финскомъ ихъ происхожденіи (*Thunmann* Untersuch. üb. die Geschichte einiger nördl. Völker), невѣрность которой призналъ Шегренъ, прежде ее раздѣлявшій (его статья въ Denkschriften d. russisch. geographisch. Gesellsch. Weimar. 1849. B. I.). Положительнаго разъясненія національности Ятвяговъ слѣдуетъ ожидать только отъ научнаго филологическаго изслѣдованія тѣхъ немногихъ остатковъ ятвяжскаго языка, которые сохранились до насъ въ лѣтописяхъ, главнымъ образомъ въ нашей южнорусской, т. е. нѣсколько личныхъ именъ и географическихъ названій. О послѣднихъ см. ниже (Прим. 55). Имена личныя—Ятвяжскихъ князей и старѣйшинъ читаются въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1227 годомъ.—*Шютръ* (Шутръ) *Моньдуничъ, Стегутъ, Зебровичъ Небръ* (167); подъ 1248: *Скомондъ* и *Борутъ* зла воиника, иже убіена быста посланіемъ. Скомондъ бо бѣ волхвъ и кобникъ нарочитъ; борзъ же бѣ яко звѣрь; пѣшь бо ходи повоева землю Пиньскую" (182). Онъ былъ убитъ и голова его посажена на колъ. Выраженіе „волхвъ и кобникъ нарочитъ" не указываетъ ли на жреческое званіе Скомонда. Замѣчательно, что два изъ озеръ бывшей въ XIII-мъ вѣкѣ Ятвяжской земли, въ восточной Пруссіи, — *Скомацко* къ с. отъ Іоганисберга, и *Скоментенъ* на в. отъ Лыка, носятъ названія, родственныя имени этаго волхва и кобника, воды же у языческой Литвы пользовались, какъ извѣстно, особымъ религіознымъ почитаніемъ.... Затѣмъ подъ 1251 г.: *Небястъ*; подъ 1255: *Стейкинтъ* (Стекинтъ, Стекынтъ, стр. 191, 193), *Коматъ* (ibid); подъ 1256: *Анкадъ* (192); *Юндилъ* (193); подъ 1274: князи Ятвяжеціи—*Минтеля, Шюрпъ* (ср. Шютръ 1227), *Мудейко, Пестила* (205).—Подобный разборъ Географическихъ названій сдѣлалъ *Шульцъ* въ названномъ выше сочиненіи,—но не вѣрно и пристрастно. Съ извѣстіями южнорусской лѣтописи онъ былъ знакомъ только по примѣчаніямъ къ Исторіи Карамзина; сверхъ того, задавшись идеей о единоплеменности Ятвяговъ съ Мазовшею, онъ выбралъ изъ этой лѣтописи только тѣ Ятвяжскія названія, которыми ему можно было—съ нѣкоторою натяжкою—поддержать свою теорію. При этомъ ясныя свидѣтельства лѣтописи, противорѣчащія его теоріи, оставлены безъ вниманія, и принято въ основаніе, что въ лѣтописи славянскія имена испорчены такъ, что въ нихъ трудно узнать Славянское происхожденіе. Между тѣмъ—во всѣхъ искаженіяхъ собственныхъ именъ, какія тамъ замѣчаются, совершенно противуположное явленіе. Лѣтописи скорѣе всего искажаютъ иноязычныя названія, славянизируя ихъ въ видахъ осмысленія. Славянскія же имена—особенно географическія—передаются почти вездѣ съ такою же замѣчательною точностью, съ какою они сохраняются народомъ въ теченіи столѣтій.

[54]) *Голяди, люди Голядь* нашихъ лѣтописей (Лавр. 58, Ипат. 29). Сродство ихъ съ Прусской *Галиндіею* доказывается только созвучностью племеннаго названія; другихъ основаній не представляется. Тѣмъ не мѣнѣе оно принято историками Литвы и Россіи (*Narbutt*, 235—256.—*Соловьёвъ* С. М. Исторія Росс. т. I. 1851 стр. 77). *Ходаковскій* сомнѣвается однако въ значеніи нашей лѣтописной Голяди, какъ племеннаго названія,—полагая, что здѣсь надо принимать особый классъ народа; но ничѣмъ не поддерживаетъ своей догадки. Прусская Галиндія находилась къ сѣверу отъ Мазовіи у верховьевъ рѣки *Алліи* (гдѣ теперь Алленштейнъ). О границѣ ея см. Нарбутъ, Dzieje Litewskie II. 514,—извлеченіе изъ книги „Privilegien des Stifts Samland, u. Voigt Geschichte Preussens“ I. 495.

[55]) Область Ятвяговъ указывается Длугощемъ въ сосѣдствѣ земель: Русской, Мазовской и Литовской; ихъ митрополія *Дрогичинъ*. Мѣховитъ, сообщая тоже извѣстіе, не называетъ однако Дрогичина ихъ городомъ. По Стрыйковскому, ихъ область простиралась отъ Волыни до Пруссовъ; и имъ принадлежали города Дрогичинъ и Новогрудокъ. На основаніи такихъ указаній, составилось мнѣніе о разселеніи Ятвяговъ по нижнему Бугу, Нареву и Нѣману, въ западномъ Подлѣсьи, Подляхіи, части Мазовіи — между пригокомъ Нарева Вальпущею и Бугомъ, въ древней Прусской и Самогито-Литовской Судавіи (Henning. De reb. Iazyg.; ср. Нарб. Dzieje III. 171. и Jarosz, Obraz Litwy I.);—область, къ которой Шегренъ (Die Wohns. d. Jatwäg. 8) прибавляетъ еще юго-западную Литву. Эта область намѣчена, особенно для XIII вѣка, слишкомъ широко. Вообще все теченіе З. Буга отъ истоковъ до сліянія съ Наревомъ никогда не было занято Ятвягами; оно всегда принадлежало Славяно-русскому племени. Городъ *Дрогичинъ* никогда не былъ Ятвяжскомъ городомъ. Тоже самое должно сказать о верхнемъ Наревѣ до устьевъ *Бобри*, гдѣ уже въ первой половинѣ XII вѣка извѣстенъ славянскій городъ *Визна* (Ипат. 18. подъ 1145 г.). Первоначальныя поселенія Ятвяговъ въ IX—XI вѣкѣ находились, какъ увидимъ ниже, въ верхнемъ Понѣманьи, отдѣляя русскія владѣнія отъ Литвы. Въ XII—XIII вѣкахъ усиленіе Славянства на югѣ Ятвяжской земли, и наступательное движеніе собственно Литвы съ с. в. оттѣснили ихъ на сѣверо-западъ за Наревъ и Бобръ, въ южную часть Прусской озерной области. Оттуда они въ свою очередь отодвинули къ с. Прусовъ, въ X вѣкѣ пограничныхъ съ Русью. Тамъ застаетъ ихъ исторія въ XIII вѣкѣ, оставившемъ о нихъ въ южно русской лѣтописи довольно подробныя извѣстія. Оставшіеся въ Понѣманьи Ятвяги потерявъ независимость, долж-

ны были слиться съ Славянскомъ на югѣ, и съ собственно Литвою на сѣверѣ. По свидѣтельству извѣстной грамоты Миндовга 1259 года, Литовская область Денова или Дейнова (см. прим. 57) называлась въ его время нѣкоторыми *Яцвезинъ*: Denowa tota, quam etiam quidem Jacwezin vocant. Впрочемъ слѣды ихъ удержались тамъ до начала XVI вѣка. Этотъ переворотъ въ расселеніи Ятвяговъ, это передвиженіе ихъ на сѣверо-западъ конечно не обошлось безъ борьбы, на которую мы имѣемъ указанія въ нашихъ лѣтописяхъ. Изъ XII вѣка до насъ дошло только два извѣстія о походахъ русскихъ князей на Ятвяговъ: въ 1112 году Ярополка Святополчича изъ Владиміра на Волыни (Ипат. 3. Новгор. Перв. 4) и въ 1196 году Романа Мстиславича (Ипат. 150). Конечно, ихъ могло быть больше. Къ первой половинѣ XIII вѣка относится извѣстіе, которое, хотя и принадлежитъ позднѣйшему лѣтописному своду—Густынской лѣтописи, тѣмъ не менѣе не можетъ быть отвергнуто безусловно. Въ 1247 году, говоритъ эта лѣтопись, „многая быша брани княземъ Литовскимъ со Ятвяги.“ Литовскіе князья обратились за помощью къ Даніилу Романовичу Галицкому, который послѣ долгой борьбы побѣдилъ Ятвяговъ и наложилъ на нихъ дань, „и отселѣ Ятвягове начаша давати дань русскимъ“ (Полн. Собр. русск. лѣт. II. 342). Здѣсь можно разумѣть только Понѣманскихъ Ятвяговъ, ибо на за-бобранскихъ Ятвяговъ Даніилъ предпринималъ походы нѣсколько лѣтъ спустя, при чемъ, какъ оказывается, русскіе были совсѣмъ незнакомы съ тамошнею мѣстностью и нуждались въ проводникахъ, чего конечно не могло бы быть въ землѣ покоренной и данической.—Слѣдя за лѣтописными извѣстіями, легко видѣть, какъ постепенно русскіе отряды проникали далѣе и далѣе на сѣверъ. Еще въ 1229 году *Берестье* теперь Брестъ Литовскъ мы видимъ ближайшимъ городомъ къ землѣ Ятвяговъ, (Ипат. 168) такимъ же онъ является и въ 1235 (ibid.); но уже въ 1248 году Василько разбилъ Ятвяговъ, возвращавшихся съ набѣга на Холмскую землю у Дрогичинскихъ воротъ (Дрогичинъ къ с. отъ Бреста) и гналъ ихъ нѣсколько поприщъ (Ипат. 182); черезъ два года въ 1250 году Конрадъ Мазовецкій и Василько были принуждены вернуться за снѣгами и сереномъ съ задуманнаго похода на Ятвяговъ уже на Нурѣ, еще сѣвернѣе Дрогичина, а съ 1251 до 1281 г. мы имѣемъ рядъ походовъ Русско-Польскихъ дружинъ въ глубину Ятвяжской земли, за Визну, Бобръ и Райгородское озеро. Объ этой за-бобрянской мѣстности наши лѣтописи сообщаютъ много географическихъ данныхъ. Здѣсь поселенія Ятвяговъ шли по рѣкѣ *Лыку* (Ипат. 186) или *Олегу*, правому притоку Бобра (Łeka, Elk, Łyk) до верхней Алны на с. з., и почти до лѣваго берега Прегеля на сѣверѣ (по рр. Роминтѣ, Голдапу и Ангерапу), какъ то открывается изъ

разсмотрѣнія топографическихъ данныхъ въ разсказѣ южнорусской лѣтописи о походѣ Даніила Романовича въ 1256 году. На южной границѣ этой области указывается озеро, на гористомъ берегу котораго Даніилъ Романовичъ, возвращаясь изъ Ятвяжскаго похода въ 1255 году, видѣлъ „градъ бывшій преже именемъ Рай,“ слѣдовательно т. *Райгородское озеро* въ Гумбиненскомъ округѣ.—Ятвяги раздѣлялись на племена или поколѣнья, находившіяся подъ властью князей довольно многочисленныхъ. Такъ въ битвѣ у Дорогичинскихъ воротъ 1247 года пало *сорокъ* Ятвяжскихъ князей (Ипат. 182); въ походѣ Даніила 1251 года „мнози князи Ятвязціи избіени быша“ (ibid. 186); въ 1273 году съ князьями Галицкимъ и Володимірскимъ заключили мирный договоръ четыре Ятвяжскіе князя (ibid. 205). Изъ такихъ племенъ лѣтописи извѣстны: *Злинцы* (1251. Ипат. 185, 193) въ области *Злинь* (ibid. 205) находившейся, какъ кажется, ближе другихъ къ русскимъ границамъ, можетъ быть тамъ, гдѣ теперь озеро *Зельментъ*, съ побережнымъ селеньемъ *Зеллигенъ* въ Гумбиненскомъ округѣ,—*Крисменцы* и *Покънцы* (1256. Ипат. 193), какъ полагаютъ, жители двухъ областей въ Судавіи—territorium *Crasima* s. *Crasime* и territorium *Pokima* s. *Pokime*, упоминаемые Дунсбургомъ подъ общимъ названіемъ Silian (ср. Sjögren. 29). Земля Ятвяговъ была покрыта болотами и сама по себѣ представляла значительныя препятствія непріятельскимъ вторженіямъ. Походы въ нее были возможны только зимою, и въ случаѣ нападенія *осѣки* въ лѣсахъ служили превосходнымъ средствомъ защиты и обороны. Городовъ у нихъ не было. Они жили *весями* и *селами*, расположенными *во островѣхъ*, на островахъ среди болотъ. Какъ вездѣ въ лѣсахъ, на болотистой землѣ, поселенія были не велики. Изъ нихъ въ походы Данила Романовича сдѣлались извѣстны: *Жака* (1251. Ипат. 186), которую указываютъ въ исчезнувшей теперь, но на картахъ XVIII в. значущейся деревнѣ *Щакъ*, на ю. в. отъ Олецка и къ в. отъ прихода Вилицкенъ, почти на Литовской границѣ *); *Болдикищe* или *Олдикищe* (1256. Ип. 193) можетъ быть теп. *Walidikiten*, приходъ на р. Писсѣ, на большой дорогѣ изъ Гумбинена въ Кальварію, какъ полагаетъ Шегренъ (S. 29), или, что вѣроят-

*) Такъ думаетъ Шегренъ; но въ лѣтописномъ выраженіи: Даніилъ... проиде жаку плѣняя (проидежаку, жаку плѣе), и пріиде на чиста мѣста, сташа станомъ“ *жака*, противупоставляемая чистымъ мѣстамъ, не имѣетъ ли нарицательнаго значенія? На западѣ Россіи есть много пунктовъ съ названіемъ *Жаки* или Щаки, *Жайке*.

нѣе, деревня *Вальдаукодель* къ югу отъ Гумбинена, на одномъ изъ правыхъ притоковъ Роминты: она ближе къ мѣсту дѣйствій похода 1256 г.; далѣе *Тайсевичи* и *Привищи* (ibid.) мѣста неопредѣлимыя; *Комата* (ibid.) можетъ быть тамъ, гдѣ теперь Большой и Малый *Куммеченъ* (Gr. und Kl. Kummetschen) на озерѣ къ с. з. отъ Голдапа, или гдѣ *Комойченъ* (Komojtschen) въ Гумбиненскомъ округѣ; *Буряля* (ibid.) теперь сел. *Вореллень* (Worellen), къ с. отъ Куммечена; *Раймоче* (ibid.) теперь или *Роминтенъ* на р. Роминтѣ или *Рамошкеменъ* къ сѣверу отъ Вореллена; *Дора* (ibid.) можетъ быть или теп. сел. *Турнвнъ* или *Туренъ* оба лежащія въ недальнемъ разстояніи къ ю. отъ Гумбинена; наконецъ *Корковичи* (вар. *Корновичи* ibid.) самый отдаленный пунктъ, куда заходили русскіе отряды, можетъ быть *Карклиненъ* на р. Луксинѣ, къ западу отъ Гумбинена (Cp. Siögren. Die Wohns. d. Jatwäg. Ss. 21, 29).—*Шульцъ* (O znaczeniu Prus dawnych) ищетъ Ятвяговъ южнѣе въ предѣлахъ Мазовіи; но, при теоріи его о Лехитскомъ происхожденіи этаго племени, ему иначе и не льзя было намѣтить ихъ область. Мнѣнію Шульца слѣдуетъ авторъ „Замѣтокъ о Гродненской губерніи" въ III томѣ Этнографическаго Сборника, изд. Имп. Русск. Геогр. Общ.

[56]) Narb. Dzije Litwy II. 174. Cp. Jarosz. Obraz Litwy I. 17.

[57]) См. выше прим. 55. Область Денова находилась между Нѣманомъ и Виліей, по притокамъ Нѣмана, *Мерeчанки*, *Дитвѣ* и *Жижмѣ*, въ теперешнихъ уѣздахъ Лидскомъ, Ошмянскомъ и въ южной части Виленскаго, и, можетъ быть Вилейскаго. Здѣсь до сей поры находятся нѣсколько населенныхъ мѣстъ, сохранившихъ древнее областное названіе. Намъ извѣстны—по р. Мерeчанкѣ и ея притокамъ: *Дойнова* и *Дойновка* къ ю. отъ Мѣдниковъ (верстахъ въ 5-ти), *Дайнова* на юз. отъ нихъ (верстахъ въ 20), *Дайнишки* и *Дайнова* на р. Сольчѣ, *Дейново* на ю. отъ Сольчи (всѣ въ Вилейскомъ уѣздѣ); по *Дитвѣ* —Дойново къ западу отъ Лиды верстахъ въ 5; по Жижмѣ: *Дайнувка* у верховьевъ ея на Виленско-Ошмянской границѣ, *Дайновка* ниже Германишекъ; два селенія *Дайнова*, между Жижмой и Ольшанкой, къ с. в. отъ Лиды. Сверхъ того подобно-именныя селенія встрѣчаются и въ южной части Вилейскаго уѣзда, на Минской границѣ, въ области Нѣманскаго притока Березины: *Дойнова* Большая, и *Дойновка* на рѣчкѣ Пурвилѣ. О Деновѣ Narbutt. Dzieje т. IV. дополненіе V.; т. VII. дополн. IX.; а также у Ярошевича I. 27, который полагаетъ, что это теперешняя Дейнова, сел. къ з. отъ Лиды.

[58]) Авторъ упомянутыхъ нами „Замѣтокъ о Гродненской губерніи" (Этн. Сборн. III. стр. 70. прим. 72) сообщаетъ, что близъ Ятвезей, что не далеко отъ Суховоля (на картѣ Шуб. Большой и Малой *Ясвичь*, у Jaro-

szewicz'a *Jadźwię*) въ двухъ или трехъ мѣстахъ находится нѣчто въ родѣ кладбищъ; мѣстные жители называютъ ихъ Ятвяжскими кладбищами (mogilki Jadzwingowskie), и говорятъ что на камняхъ, во множествѣ находящихся на нихъ, они видали земледѣльческія орудія: серпы, косы, топоры и т. д. Авторъ видѣлъ только одно такое кладбище, занимающее среди вспаханныхъ полей пространство около 150 шаговъ длины и 75 ширины. На немъ находится до 100 большихъ необтесанныхъ камней, плитообразныхъ, продолговатыхъ, всѣ въ стоячемъ положеніи; но ни на одномъ изъ нихъ не было замѣчено изображеній. Камни эти внушаютъ суевѣрный страхъ, и остаются неприкосновенными. Было бы желательно подробное ихъ изслѣдованіе. Очень можетъ быть, что они дѣйствительно стоятъ въ связи, если не съ походомъ Даніила Романовича на Ятвяговъ въ 1251 году, какъ думаетъ авторъ „Замѣтокъ," то вообще съ борьбою этаго племени съ сосѣднимъ славянскимъ населеніемъ. По изданнымъ въ Вильнѣ грамотамъ, этотъ Ятвязь извѣстенъ съ 1536 года (*Ятвязь Великая* Археогр. Сборн. I. 22).

[59]) Данныя, приводимыя нами, взяты изъ карты Шуберта и провѣрены по 3-хъ верстной картѣ Военно-Топографическаго Депо. Изъ мѣстностей съ названіями, напоминающими Ятвяговъ, Нарбуту, Ярошевичу, Шульцу и Шегрену, были извѣстны только Лидскія и лежащія близъ Волковыска и Суховоля. Остальныя не были приняты ими во вниманіе. Нарбутъ разсказываетъ, что въ м. *Скидели* Гродненскаго уѣзда была открыта надпись церковно-славянскими буквами, свидѣтельствующая о крещеніи Ятвяговъ въ этой церкви священникомъ Варѳоломеемъ въ 1553 году (см. Tygodnik Wileński 1817. t. IV. 59—61; 78—80. Ср. Dzieje II. 191). По его же свидѣтельству Литвины, называли Русь Гродненскаго княжества или Запелясскую, жившую за р. *Пелясою*, притокомъ Котры, *Jatweźi* или Jatweźaj (Dzieje II. 170), что значитъ, замѣчаетъ почтенный историкъ, *черные раки*, „podobno dla tego że czarnych kaftanów używali." (Скидель къ з. отъ Лидскихъ Ятвезей верстахъ въ 25).

[60]) См. выше прим. 52.—Прежнее названіе Виліи—*Нерисъ*; на ней теп. сел. *Понары*, близъ Вильны. Въ области этой рѣки находится подобно-именное озеро *Нарочь*, соединяемое съ Виліей—р. *Нарочью*, впадающею съ правой стороны, ниже Вилейки; южнѣе, въ области Нѣмана: *Нарвелишки* къ ю. з. отъ Ошмянъ; *Нарейки* и *Неровы* къ ю. отъ этого же города, на р. Березинѣ, Нѣманскомъ притокѣ.

[61]) По крайней мѣрѣ, Финскія племена, занимавшія сѣверную покатость, *Заволочье*, обозначаются, общимъ названіемъ *Заволоцкой Чуди*. Въ Ростовѣ инородчиное населеніе (*Меря*) занимало часть города, назы-

вавшуюся, *Чудскимъ концомъ*. Такъ въ житіи Авраамія Ростовскаго читается:... „не оубо бѣ еще пріа святое крещеніе, но и *чюдьскы конець* поклоняхоуся идолоу каменоу." До сей поры многія населенныя мѣстности и живыя урочища въ области, занятой Финнскими племенами, носятъ названія чудскихъ; вблизи ихъ часто встрѣчаются названія, напоминающія частныя, племенныя названія Финнскихъ народцевъ. О такихъ мѣстностяхъ, см. ниже въ прим. 87. Остатки нѣкоторыхъ Финнскихъ племенъ называются у сосѣднихъ русскихъ Чудью. *Водь* около Копорья смежные русскіе зовутъ и теперь *Чудью*, браннымъ образомъ *Чудью бѣлоглазою и Варягами*. См. Ходаковскій. Донесеніе о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи. Русск. Ист. Сборн. VII. 17. Объ остаткахъ Еми см. ниже.

[62]) Sjögren. Ueber die älter. Wohnsitze d. Jemen. S. 308.

[63]) Подъ 1143 въ Новгор. Первой Лѣт. стр. 9; далѣе: Ипат. 88; Лавр. 191; Новгор. 1-я 42—43.

[64]) *Siögren.* Ueber d. finn. Bevölkerung Ingermannland's. Mémoir. de l'Academ. Imp. de Scienc. Sc. polit. etc. II. 146.

[65]) См. *Arndt* Livl. Chron.; ср. Siögren Ueber die Wohnsitze der Jemen. Mém. de l'Acad. I. 311.

[66]) О сродствѣ Веси и Води см. Castrén's Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849. S. Psb. 1856. S. 15 u. ff.

[67]) Упоминается въ изгонныхъ книгахъ XVI вѣка. Ср. Ходаковск. въ Р. Ист. Сборн. VII. 87—89.

[68]) По замѣчанію г. Европеуса, въ одной Тверской губерніи находится до девяти мѣстныхъ названій, образовавшихся отъ типа Весь. О народахъ Средней и Сѣверн. Россіи до Славянъ. Журн. Мин. Нар. Просв 1868 Іюль.

[69]) Впрочемъ С. М. Соловьевъ видитъ упоминовеніе Веси въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ о призваніи князей. Онъ предлагаетъ чтеніе этого мѣста лѣтописи: „Имаху дань Варязи изъ-за морья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери, и на *Веси*, *Кривичахъ*," — вмѣсто „и *на всѣхъ Кривичахъ*," какъ стоитъ во всѣхъ спискахъ; ибо, говоритъ онъ, если Меря платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань, и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлоозерѣ одного изъ братьевъ — Синеуса; потомъ, какъ видно, всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. (Ист. Россіи, т. I, изд. 1851. прим. 151. стр. XXIV). Такое предположеніе уважаемаго историка ослабляется нѣсколько другими данными, представляемыми лѣтописью. *Мурома* не участвовала въ призваніи князей, но тѣмъ не менѣе

входила въ составъ Рюрикова владѣнія. За тѣмъ лѣтопись не говоритъ о взятіи, т. е. завоеванія, покореніи Смоленска; а только о подчиненіи— скорѣе всего добровольномъ: „приде къ Смоленьску *съ Кривичи* и *прія градъ*, и посади мужъ свой (Лавр. 10)." Не льзя не обратить вниманія на то, что, разсказывая о подчиненіи Смоленска, лѣтопись именно указываетъ, что Олегъ подошолъ къ нему съ Кривичами, какъ будто видя въ этомъ причину или объясняющее обстоятельство *пріятія* Смоленска. Объясненіе этого мѣста С. М. Соловьевымъ, см. ibid. прим. 174, стр. XXX.

[10]) Siögren. Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 281.

[11]) См. превосходное изслѣдованіе Графа А. С. Уварова: „Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ" въ Трудахъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ. Москва 1871. т. II-й.

[12]) Данныя, приводимыя нами, кромѣ указанныхъ грамотъ, взяты изъ Списковъ населенныхъ мѣстъ, Карты Шуберта, и дополнены по Географическому словарю Д. Ходаковскаго, нѣсколько томовъ котораго хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и по изслѣдованію Графа А. С. Уварова (стр. 641—642).

[13]) Близость этихъ народовъ между собою доказывается ихъ племенными названіями. *Черемисы* называютъ себя „*mara*," что значитъ „человѣкъ" — откуда *marja* и *merja* (Меря русскихъ лѣтописей). *Мурома* и *Мордва*—отъ *murt*, *mort*, тоже что и „*mara*." Слово „Мордва" объясняется, какъ „люди, живущіе при водѣ, водныхъ путяхъ" (va—вода); „Мурома"—люди на сушѣ, (ma—земля). См. Castrén. Reiseberichte u. Briefe aus den Jahren 1845—49 S. 17.

[14]) Лавр. 5.

[15]) Кромѣ указанныхъ мѣстностей, въ древнихъ актахъ мы находимъ мѣстности съ Мордовскими названіями: *Мордышъ*, сел., пожалованное въ 1440 великимъ княземъ Гороховецкому монастырю св. Василія на Клязмѣ (Акты Ист. № 38), *Мордошное* въ области Нерли 1472; *Мордошское* въ Суздалѣ 1472. Акты Ист. I. 333.

[16]) См. Карамз. Ист. Гос. Росс. V. 25, и прим. 40 и 41, стр. 16.

[17]) Лѣтопись не говоритъ ничего о *Мещерѣ*, хотя племя это оставило по себѣ многочисленные слѣды въ Окской области, слѣды, извѣстные съ очень ранняго времени. До сей поры четыре сѣверныхъ уѣзда Рязанской губерніи называются *Мещерскими*. Въ древнихъ актахъ находимъ: деревню *Пурина* и деревню *Филиповскую на Мещерскѣ* въ Нижегородскомъ уѣздѣ (до 1418 г. Акты Ист. I. № 25); рубежъ *Мещерскій* между Переяславлемъ и Рязанью (1496. Собр. Госуд. Гр. и Договор. I. 332). Въ Рязанскомъ княжествѣ были *Мещерскіе бортники*, *Мещерскія волости* (ibid). Въ Московской области *Мещерка* у Коломны (1356·

Собр. Гос. Гр. и Догов. I. 39); *Мещерка* Коломенская волость. (1389, ibid. 58); *Мещерка* во Владимирскомъ удѣлѣ, въ Мелехотскомъ уѣздѣ, 1504. Акты Эксп. 111). Въ Окской области и теперь много мѣстностей носятъ названія Мещерскихъ.

[78]) *Siögren.* Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 290.

[79]) *Castrén.* Ethnolog. Vorlesungen. 136.

[80]) Въ 1489 г. „Князь великій былъ въ Новѣгородѣ да пославъ рать свою въ Гамскую землю... на Свѣйскіе и Каанскіе Нѣмцы...., они же ходиша до Гамецкаго города, землю Нѣмецкую створиша пусту." Въ Новгор. и Воскр. Лѣт. Полн. Собр. Лѣтоп. т. IV, 135. VIII. 231.

[81]) См. Изслѣдованія, въ переводѣ Языкова, стр. 37.

[82]) О порядкѣ исчисленія чудскихъ племенъ у Нестора, см. замѣтку Шегрена. l. c.

[83]) Извѣстія Новгородской I лѣтописи, подъ 1143, 1191, 1228 и др. (стр. 20, 42—43).

[84]) Въ не разъ приведенномъ нами изслѣдованіи Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen.

[85]) Общее число этого племени Шегренъ полагалъ до 20 тысячь душъ обоего пола,— но, по его замѣчанію, это племя съ каждымъ годомъ уменьшается, подвергаясь сильно вліянію сосѣдняго русскаго населенія.

[86]) *Liudi—Kiele,*—языкъ Люди. Слово „Liudi" *Кастренъ* считаетъ русскимъ переводомъ (*люди*) какого то собственнаго племеннаго названія этого народца, теперь утратившагося. См. прим. 73.

[87]) Такъ, начиная отъ Ладожскаго озера, на сѣверо-востокъ и востокъ: сел. *Емава* къ с. в. отъ Пудожа, близь р. Водлы; рѣка и озеро *Еменъ* (изъ финскаго „Hämehjoki, Hämehjogi) въ Каргопольскомъ уѣздѣ на границѣ съ Вельскимъ; *Емба*, рѣка Вельскаго уѣзда, восточный притокъ Кубины; *Емская* гора на Вагѣ (1471. Акт. Ист. I. 75); Емца рѣка, лѣвый притокъ Сѣверной Двины (*Устьемецъ*, 1137. Русск. Дост. I. 85); *Емецкій* погостъ, *Емецкій* городокъ (1471. Акт. Ист. ub. s.) По ту сторону Двины волость *Гамъ* на Важкѣ, притокъ Важки *Гамшоръ*, въ Яренскомъ уѣздѣ, гдѣ, какъ утверждаетъ Шегренъ, въ народѣ донынѣ сохранилась память о *Гамахъ*, составлявшихъ тамъ первоначальное населеніе; дер. *Гамовская* въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, и на Ижмѣ, недалеко отъ рѣки Печоры, дер. *Гамская*. За тѣмъ на юго-западъ, въ область Волги: *Емское* село въ Тотемскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Кологривскимъ, на р. Кеми, притокѣ Унжи; *Еманово* къ юго-востоку отъ Солигалича; *Заемье* въ южномъ углу Гороховецкаго уѣзда и близь него *Заемье* въ Пошехонскомъ уѣздѣ; рѣка Емена, впадающая въ Нерехту къ югу отъ г. Нерехты, и на ней сел. *Поеменье*—въ сосѣдствѣ съ областью Мери.

Далѣе, возвращаясь опять къ Ладожскому озеру, и слѣдуя отъ него по направленію на юго-западъ и югъ, встрѣчаемъ: *Емское* село на р. Пашѣ, въ Ладожскомъ уѣздѣ; (*Ямина* гора въ Тихвинскомъ); *Емецкое* озеро въ Боровицкомъ уѣздѣ, близь рѣки Песа, черезъ Кобужу вливающейся въ Молочу, и недалеко отъ него рѣку *Ямницу*, и дер. *Ямница, Ямскъ, Ямно*; *Емиги* у озера Селигера, *Емша*, въ Осташковскомъ уѣздѣ, и на крайнемъ юго-западѣ озеро *Еменецъ* и двѣ рѣки *Еменецъ* въ Невельскомъ уѣздѣ. Кромѣ того въ этой области встрѣчается много названій, напоминающихъ собою Емь,—Ямно (1471), *Ямы*, *Ямь* и т. п. Областное названіе Кинешемскаго уѣзда — *Ямохонь* (См. Шафарикъ, Народоп. 12).— Къ западу отъ Судскаго озера слѣды Еми указываютъ въ селеньи Яма, на лѣвомъ берегу *Эмбаха*, въ самомъ названіи Эмбаха (*Emma — jõgi*, эст. рѣка Еми; старорусское *Омовыжа*, *Амовжа*), въ западномъ притокѣ Наровы, *Ямъ* и т. д. См. *Krug*, Urgeschichte. 498—500).

[88]) Въ извѣстномъ разсказѣ о хожденіи лѣтописца въ Лагоду (Ипат. Лѣт. подъ 1114 годомъ стр. 4—5), разсказѣ, принадлежащемъ по всей вѣроятности тому же перу, которое записало разсказъ Новгородца Гюряты Роговича о Югрѣ (см. ниже прим. 90). „Пришедшю ми въ Ладогу, говоритъ лѣтописецъ по поводу укрѣпленія этого города, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть, егда будеть туча велика, и находять дѣти наши глазкы стекляныи, и малыи, и великыи, провертаны, и другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполоскываеть вода, отъ нихъ же взялъ болѣе ста; суть же розличны. Сему же ми ся дивлящю, рекоша ми: се не дивно, и еще мужи старіи *ходили за Югру и за Самоядь*, яко видѣвше сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена, и взростши и расходятся по земли, и пакы бываеть другая туча, и спадають оленци мали въ ней и възрастають и расходятся по земли. Сему же ми послухъ Павелъ Ладожскый и вси Ладожане.“ Преданіе о падающихъ съ неба бѣлкахъ было повсемѣстно распространено на всемъ сѣверѣ Европы; —даже въ XVI—XVII вѣкахъ оно вызвало въ Швеціи нѣсколько ученыхъ изслѣдованій. Ему вѣрили *Олафъ Магнусъ*, Упсальскій епископъ (1518) и *Олафъ Ворніусъ*, написавшій цѣлую книгу о падающихъ съ неба *Лемерахъ*. По замѣчанію Брэма (Жизнь животныхъ, въ русск. перев. 159) это не что иное, какъ *пеструшка* (Myodes, Норвежская пеструшка Myodes Lemmus); она переселяется обыкновенное огромными массами и на большія пространства. Ея внезапное появленіе въ мѣстахъ, гдѣ прежде ея не было, и гдѣ вовсе ея не ожидали, дало поводъ преданію, записанному и въ нашей лѣтописи.

[89]) Разсказъ о Югрѣ внесенъ въ Лаврентьевскую лѣтопись подъ 1096 годомъ, тотчасъ же вслѣдъ за поученіемъ Мономаха и его письмомъ

къ Олегу; но происхожденіе его, кажется, — болѣе позднее; оно относится къ первой четверти XII вѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что оно составляетъ продолженіе того этнографическаго объясненія, какое дѣлаетъ лѣтописецъ относительно происхожденія Хвалисъ, Болгаръ, Половцевъ и др., по поводу Половецкаго набѣга на окрестности Кіева и сожженія ими монастырей Печерскаго, Выдубицкаго и др. (Лавр. 99—100). И это объясненіе и разговоръ съ Гюрятою связуются вопросомъ о нечистыхъ человѣкахъ, заклепанныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ, которые должны изытти передъ кончиною міра. Поученіе и письмо Мономаха — позднѣйшая вставка, сдѣланная или самимъ Лаврентіемъ (въ XIV в.) или въ одномъ изъ списковъ лѣтописи, которымъ онъ пользовался. Одно-ли и тоже лицо написало и упомянутое этнографическое объясненіе происхожденія Половцевъ, Туркменъ и др., и разговоръ съ Гюрятой, конечно, рѣшить категорически трудно. Скорѣе однако можно допустить, что разговоръ съ Гюрятою вписанъ при составленіи свода Сильвестромъ отъ его собственнаго лица, по поводу объясненія, сдѣланнаго Печерскимъ инокомъ. На это указываютъ вступительныя слова: „Се же хощю сказати яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ." (Лавр. 107). По складу своему, онъ очень близокъ къ разсказу о Ладожскихъ чудесахъ въ Ипатьевской лѣтописи; близокъ онъ и по времени происхожденія. О падающихъ главкахъ, вѣверицахъ и оленцахъ лѣтописецъ слышалъ, бывши въ Ладогѣ въ 1114 году; о Югрѣ — въ Новгородѣ „преже сихъ 4 лѣтъ," — выраженіе, которое не иначе можно понять, какъ „за четыре года до сего," то есть до окончанія древняго текста начальной лѣтописи въ 1116—1117 году, слѣдовательно также около 1113—1114 года.

[90]) Желѣзными Воротами называются проливы на Бѣломъ морѣ — между островами Соловецкимъ и Муксомъ, у устья Двины между островомъ Мудьюжскимъ и твердою землею, и на Океанѣ между Новою Землею и Вайгачемъ. На нихъ указываетъ Лербергъ въ Изслѣдованіи о географическомъ положеніи Югорской земли. Онъ искалъ Югру XI вѣка за уральскимъ хребтомъ до рѣкъ Надыма, Агана и Ваха на востокѣ, въ области, извѣстной нѣсколько столѣтій спустя, подъ именемъ Югорской земли, и полагалъ, что походъ 1032 года былъ совершенъ моремъ, изъ устьевъ Двины, и что Желѣзныя Ворота лѣтописи слѣдуетъ полагать въ одномъ изъ указанныхъ проливовъ. Но даже позднѣе мы не видимъ морскихъ предпріятій изъ устьевъ Двины къ устьямъ Оби, хотя извѣстенъ походъ Новгородцевъ изъ Заволочья на Норвегію въ 1411 году (Новгор. I. 104).

[91]) *Sjögren*. Wann und wie ward Zawolotschje russisch.

[92]) Подъ 1219 годомъ у Татищева записано, что въ тотъ годъ Бол-

гаре воевали Югровъ и взяли городъ ихъ *Унжу*; по Воскресенской — нападеніе сдѣлано было на Устюгъ.

[93]) Новгор. I. 73—74. Замѣтимъ, что Сухоной и Вычегдой, сколько извѣстно, никогда не пролегалъ путь въ Сибирь. Онъ шолъ Камою, а Кама была уже извѣстна въ первой четверти XIV вѣка. Въ 1324 году Юрій Новгородскій, заключивши миръ съ Устьюжскими князьями „поиде въ Орду изъ Заволочья по Камѣ рѣкѣ.“ (ibid. 73).

[94]) Оно приведено у *Карамзина* (т. V. прим. 8). Въ Ростовской лѣтописи: Той же зимы съ Югры Новгородци пріѣхаша. Дѣти боярскіе и люди молоды воеводы Александръ Абакумовичь, воеваша по Оби рѣкѣ и Двиняне сташа противу ихъ полкомъ и избиша Двинянъ *на Кучрѣ*. Въ Троицкой подъ 1365: того же лѣта поидоша Новгородци изъ Югры, а Двиняне взяша *Нукурью* (ibid).

[95]) Шведскій подполковникъ P. Schönström былъ военно-плѣннымъ въ Россіи въ 1741 году,—и написалъ книгу: „Kort anledning till Svenske historicus forbättrande“ (Краткое введеніе къ исправленію Шведской Исторіи), изданную въ 1816 году. Отрывки изъ нея, относящіеся къ историко-этнографическимъ вопросамъ сѣверной Россіи приведены у Миллера (D. ungrische Volksstamm, и у Шегрена Die älter. Wohnsitze d. Jemen и въ статьѣ: Wann und wie ward Zawolotichije russisch?). Онъ между прочимъ свидѣтельствуетъ, что въ его время, около Каргополя, по р. Вагѣ и по озеркамъ Онѣжскому и Ладожскому говорили испорченнымъ финнскимъ языкомъ (Siögr. Ueber die Jemen S. 340 Anm. 91). Онъ утверждаетъ также, что собственно Біармія лежала на восточномъ берегу Двины. На востокъ отъ рѣки Камы и отъ Перми, говоритъ онъ далѣе, живетъ народъ, который русскіе называютъ Вогулами. Прежде они жили, какъ разсказывали мнѣ нѣкоторые изъ нихъ, на рѣкахъ Двинѣ и Югѣ, и назывались тогда *Югорски* (*Jugorski*) безъ сомнѣнія, по рѣкѣ Югу, впадающей въ Двину, — ибо въ тѣхъ странахъ къ названіямъ всѣхъ рѣкъ придается окончаніе *ora:* Югора, Обдора, Печора. . . Вогуличи говорятъ языкомъ, составляющимъ нарѣчіе финскаго. Шегренъ отвергаетъ замѣтку Шенштрема относительно окончанія названій рѣкъ на *ora*, но думаетъ, что, если бы подтвердилось преданіе Вогуловъ о прежнихъ жилищахъ ихъ по сю сторону Урала, до верхней Двины и Юга, то тогда оправдалось бы мнѣніе Татищева о жилищахъ древней Югры по этимъ рѣкамъ, — мнѣніе, которое, какъ мы видѣли, сильно поддерживается свидѣтельствами исторіи. Зыряне до сей поры называютъ сосѣдей Вогуличей, Уральскихъ Остяковъ Jögra — jass (jass форма множ. числа); Jögra — русская Югра, (см. Siögren. Wann und wie ward Sawolotschije russisch. S. 525. Nachtrag zur S. 511 ff. Это же преданіе Вогуличей

приводится и Миллеромъ (D. Ugrische Volksstamm I. 153), который относитъ его къ той части Пермяковъ и Зырянъ, которые, избѣгая миссіонерскаго рвенія Стефана Пермскаго, во второй половинѣ XIV вѣка перешли по ту сторону Урала. Съ этимъ соглашается вполнѣ *Кастренъ* (Vorlesung. über d. altaische Völker. 99). Впрочемъ мнѣніе Кастрена въ этомъ вопросѣ вытекаетъ не столько изъ безпристрастнаго разсмотрѣнія историческихъ и этнографическихъ данныхъ, сколько изъ предвзятой имъ теоріи о происхожденіи Остяковъ и Вогуловъ, которые вмѣстѣ носятъ названіе Угровъ или Югровъ (Ugrier — Jugrier), изъ Алтая. Признать ихъ переселеніе съ запада на востокъ — значило бы стать въ явное противорѣчіе съ этой теоріей. О ней см. статью его Ueber die Ursitze d. finnischen Volkes. St. Petersb. Zeit. 1850. NN. 7—8.

[96]) Это доказано изслѣдованіями, сдѣланными надъ вогульскимъ языкомъ извѣстнымъ мадьярскимъ путешественникомъ и изслѣдователемъ пріуральскихъ языковъ Антономъ Регули. См. статью г. *Европеуса* „О народахъ Средней и Сѣверной Европы,“ въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1868 Іюль, стр. 55.

[97]) Въ космографическомъ отрывкѣ Георгія Амартохла: Илюрикъ, Словѣне. См. выше примѣч. 8. Въ сказаніи о первоучителѣ Меѳодіи: „ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо бяше Словѣни первѣе“. Полн. Собр. Лѣтоп. I. 12.

[98]) Симъ бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словѣнская, яжа грамота есть въ Руси и въ *Болгарѣхъ Дунайскихъ*. ibid.

[99]) Переяславецъ, извѣстный у греческихъ писателей подъ различными именами (Preslaw, Presthlawa, Prestlawa, Persthlawa, Peristhlawa, Parasthlawa), по замѣчанію Шафарика, древній Марціанополисъ, теперь находящійся въ развалинахъ. (Slov. Staroż. 618). Марціанополисъ лежалъ къ югу отъ балканскихъ горъ, близъ береговъ Чернаго моря. Переяславецъ нашей лѣтописи, полагавшей его на Дунаѣ, конечно не одно и тоже съ Марціанополисомъ. Положеніе его въ точности неизвѣстно. „Если правда, говоритъ А. Ѳ. Гильфердингъ, что *Рущукъ*, Рущикъ, иначе Roszik, Oroszik, получилъ свое названіе отъ Руси, то быть можетъ онъ и есть древній Переяславецъ или Прѣславъ Малый. (Ист. Серб. и Болгар. стр. 145, прим. 3). На Подробной Картѣ Шуберта (LX) показана дер. *Приславъ* на р. Георгіевскомъ Дунаѣ, къ ю. в. отъ Тульчи.

[100]) Кіевецъ, городъ на Дунаѣ, извѣстенъ не по однимъ только нашимъ лѣтописямъ. По замѣчанію В. Гр. Васильевскаго (Византія и Печенѣги. Ж. М. Н. Пр. 1872. Декабрь стр. 304) еще въ XII в. въ подунайской области былъ городокъ Кій-Κίος; въ одномъ греческомъ географиче-

скомъ словарѣ (XI в.) указанъ такой городъ въ Малой Азіи, а потомъ прибавлено, что и въ Мизіи (Болгаріи) существуетъ одноименный городъ. До сей поры въ области нижняго Дуная есть нѣсколько мѣстностей съ подобнозвучащими наименованіями: *Кимени* нт р. Бузео, къ западу отъ Браилова, *Кіора* близь устья Яломицы, въ болотистыхъ низинахъ, почти напротивъ Гирсова, *Кіатра* (Тамбурешти) на Дунайскомъ притокѣ Ботчи, ниже Силистріи.

[101]) Святополкъ.... прибѣже въ пустыню межы Ляхы и Чехы. Лавр. 63., подъ 1019. О чешекомъ лѣсѣ выше, прим. 30.

[102]) .... А Словяне свое (княженіе) въ Новгородѣ, а другое на Полотѣ иже Полочане. *Отъ нихъ* же Кривичи... тажъ Сѣверъ *отъ нихъ*. (Лавр. 5).

[103]) Истор. Росс. I. 43. С. М. Соловьевъ допускаетъ, что появленіе извѣстныхъ Голядей, родственныхъ Литвѣ, въ области Москвы рѣки, можетъ стоять въ связи съ болѣе позднимъ переселеніемъ на востокъ Радимичей и Вятичей.

[104]) Такъ напр. къ числу племенъ, раньше другихъ явившихся въ Поднѣпровьи, по первому извѣстію, слѣдовало бы отнести племя Сѣверо или Сѣверянъ; тогда—какъ по второму Сѣверянъ надо считать развѣтвленіемъ Кривичей, которые въ свою очередь произошли отъ Полочанъ или Новгородскихъ Славянъ, такъ что Сѣверяне должны появиться позднѣе не только Полянъ и Древлянъ, но и Кривичей. Затѣмъ Кривичей, жившихъ но верхней Волгѣ, Двинѣ и Днѣпру, на которомъ былъ городъ ихъ Смоленскъ, Повѣсть называетъ развѣтвленіемъ Полочанъ; между тѣмъ изъ дальнѣйшихъ ея извѣстій открывается, что напротивъ скорѣе Полочанъ слѣдуетъ признать развѣтвленіемъ обширнаго племени Кривичей, получившимъ свое мѣстное, видовое названіе отъ рѣки Полоты или отъ города Полотска (какъ Галичане отъ Галича, Витебляне отъ Витебска): такъ въ разсказѣ о Рюрикѣ первыми насельниками въ Полотьскѣ показаны Кривичи (Лавр. 9); въ 882 году Олегъ подступаетъ къ Смоленску между прочимъ съ Кривичами, которые очевидно замѣщаютъ здѣсь Полочанъ; въ XII же вѣкѣ населеніе Полоцкаго княженія опредѣлительно называется Кривичами и Полоцкіе князья—князьями Кривскими (Лавр. 132., Ипат. 11, 91). Наконецъ въ третьемъ перечнѣ опущены Дреговичи и въ первой разъ упомянуты Хорваты, изъ чего слѣдовало бы заключить, что въ эпоху, ближайшую къ основанію русскаго государства, первые уже исчезли, а вторые только что явились. Дѣйствительно, о Дреговичахъ Начальная лѣтопись не упоминаетъ далѣе, въ разсказѣ о событіяхъ; но Константинъ Порфирородный упоминаетъ ихъ (Другувиты) въ числѣ племенъ, данническихъ Руси, а еще въ XII вѣкѣ ихъ именемъ обозначалась область

средняго и нижняго теченія Припети (Ипат. 7.. 15),—явный знакъ, что они и тогда еще не утратили своей земельной особности, или, по крайней мѣрѣ, что на Руси и тогда сохранялось о ней свѣжее преданіе. Что касается Хорватовъ, то самое имя ихъ и географическое положеніе заставляетъ видѣть въ нихъ вѣтвь большаго племени Бѣлыхъ Хорватовъ и считать ихъ коренным древнѣйшимъ населеніемъ Прикарпатской области. Всѣ эти обстоятельства сильно опровергаютъ объясненіе, предложенное С. М. Соловьевымъ.

[105]) Н. И. *Надеждинъ*. Опытъ Исторической Географіи русскаго міра, въ Библіот. для чтен. т. 22-ой, ч. 2-ая, стр. 28. См. ниже прим. 111.

[106]) Будины, Нервы, Борисѳены—Геродота; Венеды, Сербы, Славяне, Поляне, Велеты, Пѣняне, Хорваты, Кривичи, Сѣверяне и т. п.—Плинія и Птоломея; Споры (Сербы)—древнее общее названіе двухъ главнѣйшихъ вѣтвей этого племени Антовъ и Славянъ, извѣстныхъ Прокопію и т. д. Ср. Шафарикъ Слав. Древн. § 23.

[107]) См. выше прим. 20.

[108]) Происхожденіе преданія о разселеніи Славянъ въ Дунаѣ, объяснялось различно. Какъ кажется, первый обратилъ на него вниманіе *Голэнбіовскій* (O Dziejopisach Polskich. 58—59) который указывалъ его византійское происхожденіе. Его мнѣнію послѣдовалъ *Розенкампфъ* въ Обозрѣніи Кормчей Книги. Митрополитъ Евгеній (Словарь духовн. писат. II. 90—91), говоритъ, что источники лѣтописныхъ сказаній неизвѣстны; могли быть однако какія нибудь записки предковъ лѣтописца; кромѣ того онъ могъ имѣть еще довольно вѣрныя преданія. Народность его происхожденія признана только въ послѣднее время въ трудахъ И. И. Срезневскаго, М. И. Сухомлинова, К. Н. Бестужева Рюмина. Наконецъ Н. И. Костомаровъ въ своихъ послѣднихъ изслѣдованіяхъ о народныхъ преданіяхъ въ лѣтописи (Вѣстн. Европы 1873) высказалъ относительно сказанія о пришествіи Славянъ съ Дуная мнѣніе, съ которымъ мы не можемъ не согласиться.

([109] Въ Начальной лѣтописи не разъ и съ видимою настойчивостью утверждается фактъ единства великаго славянскаго племени. „Отъ сихъ 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнескъ отъ племени Афетова, Норци (Шафар. читаетъ Илюрици), еже суть Словѣне“ (Лавр. 3) . . . Послѣ разсказа о разселеніи ихъ съ Дуная: „тако разидеся словѣньскій языкъ; тѣмже и грамота прозвася словѣньская (ibid.). Перечисляя разноязычныя племена, населявшія восточную равнину, лѣтописецъ снова замѣчаетъ: се бо токмо Словенескъ языкъ на Руси. . . . А се суть иніи языцы иже дань даютъ Руси (5). Очень любопытно въ устахъ лѣтописца Кіевлянина, не совсѣмъ свободнаго отъ племенной враждебности или пред-

убѣжденія къ сосѣдямъ Древлянамъ, слѣдующее замѣчаніе: Поляномъ же живущемъ особѣ . . . . суще отъ рода Словѣньска, и нарекошося Поляне, а Древяня же отъ Словѣнъ, и нарекошася Древляне. . . . (ibid.). Въ сказаніи о нашествіи Угровъ: Бѣ единъ языкъ Словенескъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси и Ляхове, и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь. Лавр. 11. Въ сказаніи о Кирилѣ и Меѳодіѣ Морава называется общимъ именемъ *Словѣнъ* и ихъ князи князьями Словѣнскими (11). Далѣе: А Словѣнескъ языкъ и Руский одинъ, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первѣе быша Словѣне; аще и Поляне звахуся, но Словѣньская рѣчь бѣ, Полями же прозвашася занеже въ полѣ сѣдяху, языкъ Словѣньскій бѣ имъ единъ (12).

110) Такой оплотъ составляли Черные Клобуки на восточной (Черниговской) и западной (Кіевской) сторонѣ Днѣпра, т. е. Турпѣи, Торки, Берендѣи, Коуи, остатки Печенѣговъ, и сами Половцы; именно въ противуположность послѣднимъ замиреннымъ лѣтопись (Ипат.) не разъ называетъ Половцевъ „дикихъ.“ Къ числу ихъ Зубрицкій не безъ основанія относитъ Болоховскихъ князей въ области Южнаго Буга, пощаженныхъ Татарами при разгромѣ южной Руси въ 1240—41 годахъ. (Ист. Гал. Руси. III. 135 sqq.).

111) Этнографическія границы инородцевъ на восточно-европейской равнинѣ были указаны выше, при обзорѣ инородческихъ поселеній, по извѣстіямъ Начальной лѣтописи, и по соображенію данныхъ, представляемыхъ теперешней географической номенклатурой. На основаніи тѣхъ же данныхъ могутъ быть возстановлены предѣлы первоначальной коренной славянской мѣстности на сѣверо-восточной равнинѣ. Географическая номенклатура имѣетъ огромное значеніе не только для исторической географіи, но и вообще для изученія исторической жизни народовъ; это значеніе всегда сознавалось;—всегда чувствовалось, что „земля есть книга, гдѣ исторія человѣческая записывается въ географической номенклатурѣ.“ Но этотъ источникъ исторической географіи только въ послѣднее время начинаетъ обращать на себя надлежащее вниманіе. (*) Народъ, создавая первыя географическія названія въ заселяемой

(*) „Ученіе географіи, говоритъ академикъ Я. К. Гротъ (въ замѣткѣ о топографическихъ названіяхъ вообще, Журн. Мин. Нар. Пр. 1867. Апрѣль 617—628) пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ цей названія мѣстъ и урочищъ были болѣе, нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщены филологіей, то есть по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы.“ Первый систематическій опытъ подобнаго труда представля-

имъ странѣ, не только вносилъ въ нихъ свое міросозерцаніе, свое пониманіе окружающаго видимаго міра, но и связывалъ съ нимъ свои религіозно-нравственныя представленія и древнѣйшія преданія своего прошлаго. Естественно, что первоначально географическія названія были осмысленны; каждое изъ нихъ имѣло свое опредѣленное, всѣмъ понятное значеніе. Названія придавались мѣстности или по ея физическимъ свойствамъ (рѣки: *Каменка*, *Лозовая Грязка*; города: *Кременецъ*, *Каменецъ*, *Вышегородъ*, *Холмъ*), или въ честь божества или лица, такъ или иначе связаннаго съ нею въ народномъ пониманіи (*Перуново*, *Волосово*, Кіевъ, Лыбедь, Большое Батыево и др.), или по событіямъ, которыми она ознаменовалась (Побоище, Погоня, Крови, Кровинки—лѣвый протокъ Западной Двины, или же по имени всего народа или одной какой либо его вѣтви

етъ книги: Edwin Adam's the geographical Word Expositor, or Names and Terms occuring in the scien ce of geography, etymologically and otherwise explained," (второе изд. 1856 г.); послѣднее—1860 года шестое изданіе". Въ то же время явился другой опытъ разъясненія географическихъ названій, именно книга Виктора Якоби (V. *Jacobi*, Die Bedentung der böhmischen Dorfnamen für Sprachund Weltgeschichte, topograhisch, napturwissenchaflich nnd ethymologisch nachgewiesen. Lpz. 1856). Впрочемъ книга эта написана съ довольно смѣлою цѣлью возстановить на основаніи географическихъ именъ, которыя имѣютъ, по мнѣнію автора, исключительно описательное значеніе для мѣстностей (Ortsbeschreibungen), тотъ единобразный языкъ, которымъ, долго спустя по разселеніи, говорили люди, и который они приложили къ географической номенклатурѣ. (Ortsbeschreibungs od. Ortsnamensprache). Въ большой близости къ этому языку удержался славянскій, вслѣдствіе болѣе ранняго и продолжительнаго обособленія жизни этого племени." (S. 34). Изъ всѣхъ же славянскихъ нарѣчій ближе къ этому Ortsnamensprache стоитъ *чешскій* (s. 9). Очевидно, что подобные труды отводятъ второстепенное мѣсто тому матеріалу, который можетъ быть извлеченъ изъ изученія географическихъ названій извѣстной мѣстности собственно для разработки ея исторической географіи. Значеніе ихъ въ отношеніи исторической географіи славянскаго міра указаны въ трудахъ Яна Коллара (Rozprawy o gmenách, počatkach i storožitnostech národu Slawskiego, a geho Kménů, w Buduin 1830), Шафарика (Слав. Древн.), въ превосходномъ, къ сожалѣнію не оконченномъ, „Опытѣ исторической географіи Русскаго міра" Н. И. *Надеждина*; а также въ небольшой замѣткѣ *Эрбена* о славянскихъ топографичеслихъ названіяхъ (собственно о возстановленіи славянскихъ онѣмченныхъ названій), напечатанной въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1869 Октябрь, съ замѣткой В. И. Ламанскаго.

(Болгаръ, Козары, Печенѣги въ Харьковской губ., Словѣни, Кривичи, Литва, Русь). Послѣднія чаще всего встрѣчаются на этнографическихъ порубежьяхъ, гдѣ сходилось разноплеменное населеніе, и мы будемъ имѣть случай говорить о нихъ ниже. (О происхожденіи географическихъ именъ—см. *Jacobi* Die Bedeutung d. böhm. Dorfsnam. Ss—47 ff.; о ихъ словообразованіи въ древне-польскомъ языкѣ—соч. Бодуэнъ де Куртене, О древне-польскомъ языкѣ до XIV в. Лейпц. 1870 стр. §§ 102—106, стр. 87—90. О племенныхъ или народныхъ названіяхъ см. *Колляръ*. O gmĕnach nar. Slov. str. 3., а также замѣтку, брошенную мимоходомъ Шафарикомъ въ Слав. Древн. § 25; русскій переводъ О. В. Бодянскаго, изд. 48 г. т. II кн. I. 69 и слл.) Съ теченіемъ времени, при естественномъ развитіи и измѣненіи живаго языка, вслѣдствіе развитія и измѣненія склада и духа народной жизни, первоначальный смыслъ географическихъ названій стушевывался и терялся, такъ что теперь въ большой части случаевъ только глубокое филологическое изученіе можетъ возстановить его. Но тѣмъ не менѣе сами названія не исчезаютъ за исключеніемъ весьма рѣдкихъ и особенныхъ случаевъ. Они отличаются замѣчательною живучестью. Они сохраняются не только въ одномъ народѣ, переходя какъ бы по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, но даже и при полной племенной смѣнѣ они переходятъ отъ исчезающаго или вытѣсняемаго народа къ тому, который является ему на смѣну. Новое, пришлое населеніе даетъ свои названія только тѣмъ мѣстамъ, которыя не были до него заняты и воздѣланы, и которыя оно первое заняло и воздѣлало;—старыя же географическія имена—особенно хорографическія—оно сохраняетъ, конечно, нѣсколько измѣняя ихъ въ духѣ своего языка, иногда осмысливая ихъ, иногда давая имъ другую, соотвѣтствующую строю его, форму. Но и въ этомъ измѣненномъ и испорченомъ видѣ географическія названія остаются памятникомъ *языка* того исчезнувшаго населенія, которое создало ихъ, и въ этомъ смыслѣ ихъ свидѣтельства о населеніи и этнографическомъ наслоеніи той или другой земли неопровержимо и несомнѣнно. Изъ того, что географическія названія извѣстной области принадлежатъ одному только языку, одному народу, необходимо заключить, что этотъ народъ составлялъ въ ней первое начавшее жить исторически населеніе; тогда какъ названія, принадлежащія двумъ различнымъ языкамъ, тѣмъ самымъ обличаютъ двойственность населенія въ той мѣстности, гдѣ они преобладаютъ, смѣну или поглощеніе одного народа другимъ. При этомъ, какъ справедливо замѣтилъ Надеждинъ, древнѣйшему первобытному принадлежитъ обыкновенно хорографическая номенклатура (названія живыхъ урочищъ), тогда какъ рукозданныя мѣстности получаютъ имена отъ пришлаго. Понятно, что изученіе такихъ

данныхъ исторической географіи тѣсно соприкасается съ языкознаніемъ, и что только послѣ основательной филологической разработки ихъ, историческая географія можетъ воспользоваться ими, не рискуя слишкомъ точностью своихъ выводовъ и вѣроятностью своихъ предположеній. Такого разъясненія ждутъ еще географическія имена восточно-европейской равнины, и по этому область коренныхъ славянскихъ поселеній опредѣляется теперь только приблизительно и гадательно. Н. И. Надеждинъ, первый поставившій вопросъ о предѣлахъ этой области на восточной равнинѣ, и первый воспользовавшійся для разрѣшенія его данными географической номенклатуры, замѣтилъ, что Карпаты (Горбы) были основнымъ гнѣздомъ племени, къ которому мы принадлежимъ; полость Днѣстровская представляетъ также несомнѣнные признаки Славянства (52). Полость Днѣпра представляетъ уже смѣсь названій славянскихъ и не-славянскихъ, смѣсь, которая усиливается по мѣрѣ приближенія къ водораздѣламъ Западно-Двинскому съ одной стороны, Волжско-Окскому и Донскому съ другой. На сѣверо-западъ отъ Днѣпра, а также и къ востоку отъ него, по всѣмъ лѣвымъ его притокамъ, первоначальное населеніе не было Славянское. Лѣвая сторона Днѣпровскаго бассейна не принадлежитъ къ первобытному славянскому міру (54). Здѣсь первоначальное населеніе было чудское, которое въ стародавнія времена простиралось отъ своего уральскаго гнѣзда непрерывно на западъ, по верховьямъ Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ по крайней мѣрѣ до Западнаго Буга и Нѣмана. Въ самыхъ *Вятичахъ* Начальной лѣтописи Надеждинъ, согласно съ Шлецеромъ, признаетъ чудское племя (63). Всѣ эти выводы, сдѣланныя очень остроумно и блестяще, требуются конечно провѣрки путемъ филологическаго изученія мѣстныхъ названій. Уже въ глубокой древности Славянство вышло изъ своихъ первоначальныхъ этнографическихъ предѣловъ, занявши верхнее теченіе Западной Двины, южныя окраины Озерной области и юго-западную часть Волжско-Окскаго бассейна до полости самаго Дона. Славянъ на этомъ пространствѣ Начальная лѣтопись знаетъ уже сплошнымъ и установившимъ населеніемъ. Съ другой стороны признаки стародавности этого разселенія остались и въ географической номенклатурѣ означенныхъ областей. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что не-славянскія названія принадлежатъ важнѣйшимъ водамъ-рѣкамъ и озерамъ—и самымъ древнимъ поселеніямъ, которыхъ впрочемъ весьма немного; тогда какъ второ-степенныя рѣки, притоки, ручьи и озера, а также большинство рукозданныхъ мѣстностей—чисто славянскихъ наименованій: явный знакъ, что первоначальное инородческое населеніе занимало и воздѣлывало только побережья значительнѣйшихъ водъ, наиболѣе удобныя и для по-

селеній, и для сообщеній, что оно было слабо по численности, и что пришлое славянское населеніе, превосходя его и числомъ и духомъ предпріимчивости, не только вытѣснило его изъ стародавнихъ жилищъ, но перешло на второстепенныя рѣки и озера и дало имъ свои славянскія названія. Такимъ изстари пришлымъ на чуждую почву населеніемъ являются по указаніямъ географической номенклатуры Полочане, Новгородскіе Славяне, частью Кривичи, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, которыхъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ, лѣтопись считаетъ столь же древними на своихъ мѣстахъ, какъ поднѣпровское и прикарпатское населеніе. Между тѣмъ географическая номенклатура указываетъ, что здѣсь Славяне составляютъ наслоеніе, хотя и весьма древнее, на инородческой основѣ. Такъ напр. въ области Днѣпра не-славянскія названія замѣчаются только въ притокахъ самаго верхняго Днѣпра, выше Смоленска: Вязьма, Осьма, Вопецъ, Вопь, Надва, далѣе же Ужа, Устрома, Лежа, Морейка, Березань, Тройца, Трощанка, Дрьють и др., за которыми можно уже признать Славянское происхожденіе. Тоже мы находимъ въ области Десны, верхніе притоки которой —Деклогъ, Витьма, (Брянскаго у.), *Болва* съ *Пучиской* (Жиздринскаго у.)—звучатъ не по-славянски; тогда какъ нижніе—чисто славянскаго наименованія, за немногими исключеніями (какъ напр. *Вага*, которая вливается въ Сновь вмѣстѣ съ Трубежомъ, Вербачовкой, Городной и др.). Далѣе, за Днѣпровско-Окскимъ водораздѣломъ, въ области верхней Оки до впаденія въ нее Угры мы видимъ большія рѣки—инородческихъ именъ, малыя-славянскихъ. Въ Оку вливаются *Зуша* съ Раковней, Пшевкой, Жердевкой, Алешней, Черныо, Снѣжатью; *Жиздра* съ Которянкой, Ресетою, которая принимаетъ Ловать и Велью, и Вытебетью, въ которую впадаетъ Лютна; *Упа* съ Шивороныо, Плавомъ, Милыныо, Железнищемъ; малые притоки Оки: Крома, Недна, Цона, Орелъ, Сотумока, Неполодь, Березуя—представляютъ смѣсь славянскихъ и иноязычныхъ звуковъ. Системы *Угры* и рѣкъ, впадающихъ въ Оку ниже ея (Москва, Клязма), характеризуются уже преобладаніемъ не-славянскихъ наименованій побочныхъ водъ, хотя на водораздѣлѣ между Угрой и Клязмой, рѣчные пути котораго мы разсмотрѣли выше, славянскія имена очень многихъ рѣчекъ и ручьевъ (Песочня, Колодня, Страда, Сосенка, Сходня) свидѣтельствуютъ о раннемъ водвореніи въ этой инородческой области славянскихъ населеній; далѣе къ сѣверу по Волгѣ—хорографическія названія славянскія встрѣчаются рѣже и рѣже по мѣрѣ приближенія къ Волоку, а за Волокомъ славянскіе звуки слышатся только въ названіяхъ рукозданныхъ мѣстностей,—между тѣмъ, какъ всѣ хорографическія названія—или инородческія, или же несомнѣнно переведены съ финскаго (Черная, Святая и т. п.) Тоже

самое замѣчается и въ Донскомъ бассейнѣ, гдѣ въ верховьяхъ Дона есть только очень немного притоковъ и рѣчекъ съ славянскими именами;— напр. Сосна съ ручьемъ Кривець; Воронежъ, въ который (ниже Задонска) впадаетъ рѣчка Кривка; и рядомъ съ нею Мещерка. Притоки Сѣвернаго Донца—славянскіе, но очевидно позднѣйшаго происхожденія; какъ напр. Трость, Дубовой, Ольшанка, Березовка, Чесноковка, Солона, Суходольна, Подгорная. Притоки Хопра и Медвѣдицы преимущественно инородческихъ наименованій, напр. у Хопра: Арчада, Камишлой, *Сердоба* съ Касмалой, Елшанкой, Бакурою, Кистендей; Аркаданъ, Карай, *Ворона* съ Пандой, Алебугомъ, Чигарономъ и т. д. Савага, Караганъ. Ср. Гидрограф. карту Европ. Россіи, составленую Департаментомъ проэктовъ и смѣты Главнаго Управленія Путей Сообщ. и Публичн. зданій, 1846 г. а также карты Шуберта и 3-хъ верстную Генер. Штаба.

[112]) *Шафарикъ* Слав. Древ. § 27., 1. перев. Бодянскаго II. 1. 82— полагаетъ, что до конца X вѣка этнографическая граница русскихъ Славянъ шла на сѣверо-востокѣ „почти отъ Ладожскаго озера на востокъ, порѣчьемъ Тверцы къ Волгѣ. потомъ западной стороной Москвы рѣки къ Окѣ“ и т. д. Но уже въ это время славянское населеніе стояло твердою ногою на Бѣлоозерѣ, и слѣдовательно по Шекснѣ и въ отмѣченной нами моложской полости, какъ то видно, между прочимъ, изъ памятника первой половины XI вѣка „Устава Ярославова о мостѣхъ.“

[113]) Лавр. 191.

[114]) Ленчицане и Сербы Константина Порфиророднаго были, по всей вѣроятности, первые Лучане, или часть Волынянъ около Луцка, или часть Кривскаго племени на югѣ Озерной области (Великія Луки, Лучане и др.),—вторые-Сѣверяне. О нихъ будемъ говорить подробнѣе при обзорѣ отдѣльныхъ земель. О мусульманскихъ писателяхъ, ср. сводъ „Сказаній Мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“, собранный А. Я. Гаркави. Спб. 1870. Что касается географа Баварскаго (846—890), напечатаннаго Шафарикомъ въ XIX приложеніи къ Славянскимъ Древностямъ, гдѣ между прочимъ приведена полная библіографія изданій этаго памятника, то запутанность его дѣлается очевидною изъ сравненія противорѣчивыхъ объясненій, которыя сдѣлали ему Шафарикъ (Слав. Древн. I. с. стр. 71—74), и *Лелевель* (Narody na Ziemiach słowiańskich, 673 и слл.). По крайней мѣрѣ для географіи русскаго славянства географъ Баварскій не даетъ ничего положительнаго.

[115]) На „городища“, какъ памятники древне-славянскаго быта, первый обратилъ вниманіе извѣстный труженникъ славянской, преимущественно русской, исторической географіи полякъ Зоріянъ *Долуга-Ходаковскій*. Наблюденія надъ городищами и городами въ большей части древ-

не-славянскаго міра, которыя онъ сдѣлалъ, „странствуя отъ Шлезіи до Москвы, и отъ береговъ Днѣстра до Бѣлозерскаго уѣзда“, убѣдили его въ важности для славянской исторіи этого рода памятниковъ, и онъ предпринялъ собрать о нихъ воможно-полныя свѣдѣнія, какъ мѣстныя, такъ историческія, въ письменныхъ источникахъ. Въ 1820—2 году, при пособіи отъ русскаго правительства, обратившаго вниманіе на его труды, онъ предпринялъ для своихъ изслѣдованій путешествіе по Петербургской, Новгородской, Московской и Смоленской губерніяхъ. Въ тоже время онъ имѣлъ случай прочитать подробныя межевыя и др. карты 21 губерній, и извлечь изъ нихъ данныя топографической номенклатуры. Результаты его путешествія изложены въ „Донесеніи о первыхъ успѣхахъ путешествія въ Россіи“ (Русск. Истор. Сборн., изд. Общ. Ист. и Др. Росс., ред. Проф. Погодинъ т. VII. 1844), къ которому приложенъ Сравнительный Словарь, „показывающій одинакія урочища въ цѣломъ пространствѣ Славянства.“ Словарь заключаетъ 1,350 словъ. Сверхъ того въ Сынѣ Отечества за 1820 годъ помѣщена также часть собранныхъ имъ матеріаловъ по географической номенклатурѣ, а за тѣмъ остался ненапечатаннымъ огромный историко-географическій лексиконъ, котораго только небольшая часть хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а большая часть едва-ли не погибла; по крайней мѣрѣ никакихъ свѣдѣній о ней мы не могли получить.... Теорія Ходаковскаго о происхожденіи городищъ и значеніи городковъ *или* городовъ поражаетъ оригинальностью. Впрочемъ изложеніе ея всюду очень темно и запутанно, не смотря на богатство данныхъ, свидѣтельствующихъ о необычной наблюдательности и эрудиціи автора. Система городовъ (*градство* или *городство*) разбросанныхъ по всей древней славянской территоріи, и отличающихся единообразіемъ построенія, указываетъ на единство славянскаго племени, создавшаго ихъ, и можетъ служить признакомъ, по которому опредѣляются древніе этнографическіе предѣлы Славянства (Истор. Сист. Ходаковск. въ 3 книжкѣ I т. Истор. Сборн. стр. 96). Это—основная мысль. Во всѣхъ этихъ городахъ замѣчается одинъ характеръ и неизмѣнныя условія. „Исчисляю здѣсь ихъ условія, говоритъ онъ (ibid. 11—12): 1) находятся вообще въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, *имѣя входъ съ востока....* 2) *валъ изъ чернозема* насыпанъ до самой подошвы; 3) внутренная *тѣснота* (въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что въ городѣ могло помѣститься не больше двухъ жилыхъ домовъ); 4) *постоянныя* вокругъ *урочища* *)...... и 5) из-

*) Для объясненія этого положенія, которымъ особенно увлекся Ходаковскій, и въ которомъ едва-ли не заключается главная причина односто-

вѣстное разстояніе отъ другихъ городковъ, въ 4, 6, 8-мъ старыхъ *) верстахъ, или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ".—Что касается историческаго значенія этихъ городовъ, то это были не болѣе, какъ ограды („городъ или градъ есть просто ограда, вѣнецъ, или, говоря Виндскими словами, кругъ, черта, объятія." Донес. 76), посвященныя славянскому многобожію. (Ibid. 77); въ нихъ должны были совершаться общественныя богослуженія Славянъ особыми жрецами. Ходаковскій сближаетъ слово городъ съ „горою", „горѣть" (68). Жрецами онъ считаетъ тѣхъ племенныхъ князей, о которыхъ упоминаетъ Начальная лѣтопись, а также князей „сущихъ подъ рукою русскаго князя" Олегова договора съ Греками. Теорію Ходаковскаго Шафарикъ нашелъ заслуживающею вниманія; но опредѣлательнаго мнѣнія о ея достоинствѣ не высказалъ. Она вызвала опроверженіе со стороны *Калайдовича* въ „Письмахъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губ." 1822, а также академика И. И. Срезневскаго, въ „Святилищахъ и обрядахъ языческаго богослу-

---

ронности его теоріи, подрывающей весь кредитъ ея, необходимо замѣтить слѣдующія мѣста изъ его Донесенія и Истор. Системы: „Уже въ Новгородской и Псковской губерніяхъ (Ладог., Луг. и Гдов. уѣздахъ) замѣчалъ я, что одинакія урочища встрѣчаются при сихъ земляныхъ памятникахъ, но совершенно въ томъ удостовѣрился въ Тверской губерніи... особенно въ Осташковскомъ и Ржевскомъ уу... Я началъ употреблять циркулъ съ размѣромъ по масштабу, напр. *межъ* 2 городковъ находящихся *часто* въ разстояніи 8 верстъ, сдѣлавъ по срединѣ мысленный предѣлъ, разсчитывалъ по оному всѣ урочища, которыя окружаютъ въ особенности тотъ и другой городокъ; оказалось, что та и другая черта заключали (раздѣляли?) одинакія названія; въ иныхъ мѣстахъ явились по-видимому несогласныя, но существенно къ одномъ значеніи... Тоже замѣтилъ Ходаковскій и въ дальнѣйшемъ путешествіи отъ Твери, и при чтеніи межевыхъ катръ 21 губ., и имѣвшихся у него подъ рукою картъ западныхъ и южныхъ Славянъ.... „Чѣмъ больше вникалъ я, продолжаетъ онъ, въ сію древнюю черту, тѣмъ сильнѣе увѣрялся въ существеніи *какого то правила, учредившаго сію однообразную идею у всѣхъ Славянъ* (Ист. Сист. 9). Въ Донесеніи онъ говоритъ о той же чертѣ подгородной топографіи, прибавляя: „...чѣмъ дальше я углублялся въ Россію, тѣмъ болѣе утверждался въ мысли, что *какія то правила были руководствомъ для Славянъ учредить одинаковыя вездѣ городища*, въ избранныхъ къ тому красивыхъ мѣстахъ, и *окружающимъ ихъ урочищамъ дать одинакія названія*" (3—4)....

*) (700 саженыхъ).

женія древнихъ Славянъ", Харьковъ 1846, стр. 35 и слл, и еше болѣе въ запискахъ „О городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ" (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей т. II; 1850, стр. 532 и слл.). Но если ближайшее археологическое изученіе городищъ показало односторонность и исключительность теоріи Ходаковскаго, то съ другой стороны не льзя не признать столь-же одностороннимъ мнѣніе, высказанное въ послѣднее время г. *Самоквасовымъ* (Древніе города Россіи. Спб. 1873), который утверждаетъ, что въ дотатарскій періодъ было будто бы на Руси нѣсколько тысячъ городовъ (укрѣпленій и центровъ промышленнаго населенія), и что городища, въ такомъ обиліи разбросанныя на восточно-европейской равнинѣ, не что иное, какъ остатки этихъ исчезнувшихъ городовъ. Всѣ лѣтописныя и документальныя свидѣтельства, приводимыя г. Самоквасовымъ въ пользу своего мнѣнія, могутъ указывать только на то, что городовъ въ древней Руси было дѣйствительно больше, чѣмъ ихъ извѣстно по-именно; но какъ могли бы помѣститься нѣсколько тысячъ городовъ на пространствѣ отъ Западнаго Буга до Окской области, отъ Урало-Карпатской Гряды до Олонецкихъ горъ и Бѣлоозера среди населенія, занятаго преимущественно хлѣбопашествомъ и лѣсными промыслами? Это одно могло бы остановить смѣлость такого предположенія. За тѣмъ и въ дотатарскій періодъ были городища, безъ сомнѣнія такія же остатки давно исчезнувшихъ городовыхъ сооруженій. Преданіе о городищѣ Кіевцѣ въ Подунайской области указываетъ, что въ глазахъ лѣтописца XI вѣка городища именно въ этомъ смыслѣ вовсе не были новостью. Изъ XII и первой четверти XIII вѣка по лѣтописямъ извѣстно нѣсколько городищъ: у Новгорода, въ двухъ поприщахъ отъ него, 1195 г.; городище св. Маріи или Марины на рѣкѣ Саррѣ 1216 г. Такія древнія городища можно считать остатками древняго славянскаго быта, только въ первоначальныхъ этнографическихъ предѣлахъ славянства, тогда какъ въ первобытныхъ инородческихъ земляхъ они не что иное, какъ памятники быта инородцевъ, что очевидно изъ изслѣдованія о бытѣ Мерянъ графа А. С. Уварова. Далѣе—начало многихъ городищъ относится къ самой эпохѣ татарскаго погрома, ко времени татарскихъ набѣговъ и наѣздовъ, когда населеніе искало защиты въ лѣсахъ, сооружая въ нихъ новыя временныя окопы и укрѣпленія. Преданія о такихъ окопахъ намъ извѣстны въ Польшѣ; они вѣроятны и на Руси. На юго-западѣ Руси разбросаны курганы и городища, явившіеся во времена казачества, и его борьбы съ Татарвой и Ляхами; на юго-востокѣ подъ многими городищами скрываются остатки сторожевой линіи Московскаго государства. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ заключать о числѣ и положеніи древнихъ русскихъ городовъ

на основаніи теперь замѣчаемыхъ городищъ, предварительно необходимо изъ общей массы ихъ выдѣлить ихъ различные и по происхожденію и по цѣлямъ роды и виды. Очевидно, что это-задача, которую предстоитъ еще рѣшить русской археологіи. Что касается картъ распространенія городищъ въ теперешней Россіи, то первыя были составлены Ходаковскимъ: они недавно обнародованы М. П. Погодинымъ вь III-мъ томѣ его Древней Русской Исторіи въ до-Монгольскій періодъ. Сколько нибудь наглядное, но конечно, не полное изображеніе географическаго распредѣленія городищъ, и области населенныхъ мѣстъ, названіе которыхъ—Городиша, Городъ, Городокъ и т. п., представляетъ также „Исторической Атласъ Россіи", изданный Павлищевымъ въ Варшавѣ еще въ 1846 г. На это замѣчательное по своей аккуратности, научнымъ цѣлямъ, и практическому приспособленію къ преподаванію отечественной исторіи, изданіе, къ сожалѣнію, очень мало обращаетъ у насъ вниманія; оно очень мало распространено.

[116]) Впрочемъ обычный терминъ, употребляемый Начальною лѣтописью для населенныхъ мѣстъ, кромѣ города и городьца—*село*, *сельце* (Предславино сельцо—Лавр. 34); и *погостъ* (Ольга устави *погосты*—въ Ипат., повосты въ Лавр. I. 25); терминъ „весь" встрѣчается только однажды въ лѣтописи, сколько мы могли замѣтить, а именно въ описаніи половецкаго погрома 1093 г,; уведенные Половцами плѣнные... отвѣщеваху другъ къ другу глаголюще: „азъ бѣхъ сего города", а другія: „*азъ сея веси*"; тако съупрошаются со слезами, родъ свой повѣдающе и вздышюче. (Лавр. 96).—Это обстоятельство не можетъ не указывать по крайней мѣрѣ на малораспространенность рѣченія „весь" у восточныхъ Славянъ, хоть оно имѣетъ полное гражданство въ языкѣ Славянъ западныхъ. При этомъ, замѣтимъ мимоходомъ, что выраженіе „*родъ* (т. е. происхожденіе) свое повѣдающе" увеличиваетъ собою доказательства въ пользу родоваго начала, изъ котораго вышли и развились наши сельскія и городскія населенія.

[117]) Изложеніе и разборъ различныхъ мнѣній, высказанныхъ въ исторической наукѣ см. у К. А. Неволина въ изслѣдованіи „О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ въ XVI вѣкѣ" (Записки Имп. р. геогр. общ. VIII. 69 и слл.) „По буквальному смыслу, замѣчаетъ онъ, разбирая извѣстіе объ учрежденіи погостовъ Ольгою, извѣстіе лѣтописное должно, кажется, относить ближайшимъ образомъ къ главнымъ мѣстамъ округовъ." Позднѣе погостъ значилъ мѣсто, на которомъ стоитъ церковь съ ея принадлежностями. Въ такомъ же смыслѣ это слово употребляется теперь въ архангельской губерніи для обозначенія Лопарскихъ селеній. Вообще же имъ обозначаютъ кладбище, при которомъ находится церковь.

Неволинъ высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что погосты были первоначально мѣста языческаго богослуженія,—то. что Ходаковскій видитъ въ городищахъ 85—87. Во всякомъ случаѣ сродство этого слова съ „гостить,“ („гость,“ „гостьба“) несомнѣнна. Можетъ быть, мѣста языческихъ богослуженій были мѣстами сходокъ и для торговаго обмѣна; такъ какъ торговыя пошлины (гостебное) составляли издревле важную статью дохода для князя, то поэтому не учреждались-ли центральные пункты управленія именно въ такихъ мѣстахъ.

118) О именахъ отечественныхъ (patronymica) ср. Шафарикъ Слав. Древности. § 25. 8. въ перев. Бодянск. II. 1. 69.

119) См. *связь Западной Двины съ озерной областью* гл. I стр. 20.

120) *Иречекъ* Entstehen christl. Reiche in Gebiete d. heut. oesterr. Kaiderstaats 80—81. утверждаетъ, что лучшею охраною отъ нападенія врага Славяне считали лѣса. Ср. Бестужевъ—Рюминъ К. Н. Русская исторія. I. 55. Какое стратегическое значеніе имѣли лѣса даже въ позднѣйшее время въ XVI в., уже не между мелкими вѣтвями Славянства, но между большими государствами, Рѣчью Посполитою и Московскимъ государствомъ, можно видѣть изъ тѣхъ препятствій, какія должны были преодолѣвать польско-литовскія войска Стефана Баторія въ походѣ отъ Полоцка къ Пскову (Heidenstein).

121) Послѣ битвы на Рожни Поли, Ростиславичи говорятъ: довлѣеть „нама нъ *межи* своей стати.“ Лавр. 115. Въ Русск. правдѣ: межа бортьная, ролѣйная; дубъ знаменный или межьный. Русск. Дост. 1. 42.

122) Лавр. 7.

123) Это названіе встрѣчается въ слѣдующихъ мѣстахъ лѣтописей. Въ поученіи Мономаха: „идохъ. . . . изъ Переяславля та Володимерю на *Сутейску* мира творить съ Ляхами. (Лавр. 103.; событіе относится къ 1073 г.). Въ 1097 г., въ усобицу послѣ ослѣпленія Василька, Давидъ Игоревичъ „заимъ *Сутѣску* (въ Ипат. Сутѣйску), Червень, приде внезапу и зая Володимерцѣ. ibid. 115—Подъ 1125 г. Ярополкъ Мономашичъ, погнавшись за Половцами изъ Переяславля. . . . испостиже я у *Полкъстеня* (Полѣкостеня, полокъстѣня) ibid. 129. Въ Ипат. Лѣт. въ разсказѣ о томъ же событіи названіе мѣстности опущено. Въ Никон. Лѣт.: „Постиже ихъ Ераполкъ у *Стѣня*“. III. 59. Какъ кажется, Арцыбашевъ первый высказалъ мнѣніе о томъ, что эти рѣченія слѣдуетъ понимать, какъ нарицательныя имена, обозначающія границу (II. 322.. 348). Карамзинъ (11. прим. 192) держится того же мнѣнія. Послѣдующіе изслѣдователи (Погодинъ, Надеждинъ и Неволинъ, Бѣляевъ) не отвергали его. Нельзя не обратить вниманія, что подобнозвучныя названія *Утиски*, *Хутиски*, *Хучиски* встрѣчаются въ древ-

ней юго-западной руси именно и исключительно на порубежныхъ мѣстахъ, и при томъ съ замѣчательною правильностю. Мы не знаемъ, случайно или нѣтъ такое явленіе, но считаемъ нелишнимъ привести замѣченныя нами данныя. На порубежьи Галицко-Волынскимъ, какимъ оно является въ извѣстіяхъ XI—XIII вѣковъ, находятся: къ югу отъ *Буска* въ Галиціи, *Утиско*, и на одной параллели съ нами, къ востоку, верстахъ въ 20 *Хутиско*, въ югу отъ Олеско (тоже въ Галиціи). Далѣе два *Хучиска* къ югу отъ Бродъ, на одной параллели съ порубежнымъ *Плеснескомъ* (1188 Ипат. 137. въ предѣлахъ Россіи). На рубежѣ Галицко-Лядскомъ: рѣчка *Хучва*, на которой *Чермно*—на мѣстѣ древняго *Червеня*, (ср. Сутеску 1097 г.), и къ западу отъ него, близь *Красноброда*: *Хусиско, Хусино, Хуциско* (тутъ же множество мѣстностей съ названіями Хута Хутки, Гута). За тѣмъ къ 10 в. отъ нихъ, но всѣ таки по старому рубежу *Галицко-Ляцкому—Хутиска* къ западу, въ верстахъ въ 10 отъ Жолкева. Далѣе на сѣверо-западъ на правой сторонѣ отъ Сана близь теперешней границы Галиціи на дорогѣ изъ *Бѣлгорая* къ *Кржешову: Хуциска* и Вулка *Хуциска*; на лѣво отъ Сана, между нимъ и Лонкою два *Хучиска*, на одной параллели къ с.-з. отъ Лежайска къ с. в. отъ Ржешова, *Хучиско* и *Хучино* у истоковъ Лонки; на одной линіи съ ними *Пршевратно*, о которомъ см. слѣдующее примѣчаніе. Наконецъ два *Хутиска* въ довольно дальнемъ разстояніи другъ отъ друга лежатъ между верхнимъ Вягромъ и Саномъ, къ западу отъ Перемышля, и къ сѣверу отъ Санока. Въ рединѣ Галицкой земли замѣчаются только три мѣстности съ такими названіями: *Хучиска* и *Хучиско* Суходольске къ 10. отъ Львова и къ з. отъ Бобрка и *Хутиско* къ ю. з. верстахъ въ 15 отъ Бржежанъ. Но и тутъ едва-ли не проходилъ рубежъ между Перемышльскою и Теребовлскою (первоначально составлявшею часть Червенской) землею. На Волыни къ в. отъ Кременца сгруппированы четыре *Гутиска*; но близь нихъ показанъ стеклянный заводъ Антоновскій, по польски *Гута*. (Карты Шуберта № 39 и 40). Другія подобноименныя названія мы будемъ имѣть случай привести ниже.

124) *Ворота* указываются въ Галицко-Волынской лѣтописи по поводу нападенія Ляховъ на окрестности Червеня и Бельза въ 1268. Въ этотъ годъ былъ назначенъ сеймъ русскихъ и лядскихъ князей въ *Тернавѣ* (вѣроятно *Тарнава*, по дорогѣ изъ Люблина въ Бѣлгорай). Но „Ляхове къ сонмови не пошли, но обишедше около (т. е. Тернавы) на *Ворота* (*), и тако поидоша къ Белжу, и почаша воевати и села жечи". Ва-

(*) Такое чтеніе принято въ новомъ изданіи Ипатьевской лѣтописи покойнымъ С. Н. Палаузовымъ, которому я сообщилъ излагаемыя здѣсь сообра-

силько, узнавшій о набѣгѣ, на пути къ Тернавѣ изъ Володимеря, въ Грабовцѣ, повернулъ въ Червень, разослалъ отряды бить хищниковъ, и, когда они отправились въ обратный путь, послалъ за нимъ племенника Шварна, который и настигъ ихъ, когда они. . . . бяху и еще не вошли въ свою землю, но токмо бяшеть *Ворота* прошли: *се же бѣашеть мѣсто твердо, зане не мочно быть обойти его никуда же, тѣмже нарѣчахуться Ворота тѣснотою своею.* (Ипат 203). По точному смыслу этаго извѣстія, *Ворота* находились въ русской землѣ, близь польской границы со стороны Тернавы („обишедше около"), по направленію къ Белзу и Червеню т. е. на сѣверо-западной окраинѣ Галицкой земли, гдѣ самыми крайними русскими городами мы знаемъ *Ярославъ* и *Переворескъ* теп. *Пржеворскъ*, близь Вислока. Въ этихъ мѣстахъ мы дѣйствительно видимъ селеніе *Пршевратно* (Превратно, можетъ быть вм. Предвратье): оно лежитъ въ лѣсистой мѣстности Рѣшовскаго округа, на сѣверъ верстахъ въ 20 отъ Рѣшова по дорогѣ въ Осѣкъ и Сандоміръ царства Польскаго, между *Хутисками,* которыя отмѣчены въ 123 прим. въ области Сана, и на одной параллели съ ними. Мѣстнымъ изысканіямъ слѣдуетъ предоставить рѣшить, на сколько вѣрно это предположеніе, и соотвѣтствуютъ ли окрестности Пршевратна описанію, которое даетъ лѣтопись Воротамъ 1268 г. Какъ кажется, объ этой же мѣстности идетъ дѣло въ извѣстіи той же лѣтописи подъ 1226 годомъ, о войнѣ Данила Романовича съ Лестькомъ. Когда Угры были разбиты подъ Звенигородомъ (чтò близь Львова), и король „смятеся умомъ и пойде изъ земли борзо", Данилъ съ Василькомъ отправлился въ *Городокъ* (теп. Грудекъ на дорогѣ изо Львова въ Перемышлѣ). „Лестькови же въ то время идущу въ помощь (Уграмъ, уже ушедшимъ изъ Галичкой земли), Данилови же бранящю ему не помогати королеви, оному наипаче хотящю; Данилъ же и Василько посласта люди свои къ *брату,* не даста ему прити (Ипат. 166: Новое изд. 500). „Братъ"— очевидно не нарицательное имя, а географическое названіе мѣстности, гдѣ галицкій князь остановилъ походъ Ляховъ въ помощь Уграмъ. Эта мѣстность должна была быть на сѣверо-западной границѣ Галицкаго княженія, ибо Даніилъ, разбивъ у *Звенигорода* Угровъ, которые бѣжали *на югъ,* вмѣсто того, что бы преслѣдовать ихъ, какъ совѣтывали братъ и дружины, направляется на сѣверо-западъ, въ *Городокъ,* и оттуда ведетъ переговоры съ Лестькомъ, и посылаетъ противъ него войска къ „брату". Этимъ соображеніемъ уничтожается всякое значеніе варіантовъ Хлѣбни-

---

женія о положеніи этихъ *Воротъ.* Въ Полн. Собр. р. Лѣтоп. II: „около Наворота."

ковскаго и Ермолаескаго текстовъ, въ которыхъ читается вмѣсто: къ „*брату*“—„къ Бугу“. Сколько же приходилось намъ читать подробныхъ картъ по крайней мѣрѣ восточнаго славянства, мы не помнимъ ни одного географическаго названія подобнаго имени; въ данныхъ же исторической географіи до XVI вѣка такихъ названій положительно нѣтъ. Можетъ быть переписчикъ или Ипатьевскаго списка, или первоначальнаго варіанта, написавъ, по ошибкѣ или недоразумѣнію „къ брату“ вмѣсто къ „вратомъ“ (у Карамзина. т. IV, прим. 145, стр. 52, въ выпискѣ изъ Волынской лѣтописи приведеннаго нами извѣстія подъ 1268: Ляховъ бяху еще не вошли въ свою землю, но токмо *вѣрота* прошли). Въ такомъ случаѣ, Вѣрота (Братъ и Бугъ) 1226 года могутъ совпадать съ Воротами 1168 г... Во всякомъ случаѣ существованіе этихъ „Воротъ“ на галицко-лядскомъ рубежѣ—несомнѣнно. Но кромѣ того есть въ Ипатьевской лѣтописи еще нѣсколько извѣстій, указывающихъ на существованіе такихъ же пограничныхъ укрѣпленій—въ окрестностяхъ *Червеня*, *Дорогичина* и *Санока*, и носившихъ названіе этихъ городовъ, на которыхъ могла лежать обязанность наблюдать и поддерживать эти пограничныя укрѣпленія. Подъ 1205 годомъ читается, что Литва и Ятвяги повоевали Турійскъ, и около Комова... „и бишася у *воротъ Червенскихъ*, а застава бѣ у Уханяхъ“. Ипат. 157.—Въ 1248 году Ятвяги повоевали около Охожи и Бусовны „гна же по нихъ Василько изъ Володимеря, и угони ѣ, а бывшу ему третій день изъ Володимеря въ Дорогичинѣ, онымъ же бьющимся у *Воротъ Дорогичиньскихъ*, и приде на не Василко (182). И въ томъ и въ другомъ случаѣ не льзя допустить, что бы говорилось о битвахъ подъ *городскими воротами* Червеня и Дорогичина. Кромѣ того, что городскія ворота назывались не по своему городу, а по мѣстности, которая къ нимъ прилегала (Жидовскія, Лядьскія, Подольскія ворота въ Кіевѣ; Водныя ворота въ Треполи. Ср. Ист. Геогр. Слов.), или же можетъ быть по путямъ, на которыхъ они находились; но по самому смыслу лѣтописныхъ извѣстій, въ этихъ воротахъ надо разумѣть порубежныя подгородныя укрѣпленія. Наконецъ въ Волынской же лѣтописи *Санокъ* названъ *Угорскими воротами* (1231 г. 171). Подобныя же порубежныя укрѣпленія, были и у другихъ Славянъ. У Чеховъ *brány zemské* или *brány strážné*, custodiae porta, custodiae claustra, porta terrae, porta provinciae, munitio in custodia, in ipsa regionis janua, о которыхъ см. у Иричека Slovanské pravo. I. 92 и слл. На Руси, на порубежныхъ мѣстахъ мы увидимъ много мѣстностей съ названіями, напоминающими такія же обороны: Броня, Бронки, Браницы и т. п., а также *Стражи*.

[125]) Указаніе на *твердь*, укрѣпленіе на угорско-русской границѣ мы находимъ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Угорскаго короля Гейзы

II, союзника Изяслава Мстиславича на Володимірка Галицкаго въ 1152 (Лавр. 145, Ипат. 61): „Приде король съ Угры и со Мстиславомъ, и *вшедъ въ землю Володимеркову сташа*, бѣ бо девь недѣля... Володимерку же *недадучю внити въ свою землю рати* и срѣте и... (слѣдовательно на границѣ, къ которой подошолъ Гейза II). На утріе же день вставъ король поиде, Володимерю же выступая назадъ, за *твердь ста*". Не выдержавъ натиска Угровъ, Владимірко отступилъ къ Перемышлю, откуда завелъ переговоры съ Гейзою, надѣясь уладиться съ нимъ до прихода Изяслава Мстиславича, который между тѣмъ приближался изъ Кіева. Гейза не принялъ однако предложеній Галицкаго князя, дождался Изяслава, и Галичане потерпѣли, какъ извѣстно, подъ Перемышлемъ страшное пораженіе. Такъ разсказывается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. Въ Ипатьевскомъ встрѣчается нѣсколько новыхъ подробностей объ этомъ походѣ, но обстоятельства его очевидно спутаны составителемъ или переписчикомъ, можетъ быть, имѣвшимъ подъ рукой два разсказа—тотъ, которымъ пользовался Лаврентій, и другой, тому неизвѣстный. Ипатьевская лѣтопись говоритъ о походѣ Изяслава Мстиславича изъ Кіева черезъ Дорогобужъ во Владиміръ Волынскій и Ярославь къ Перемышлю, о соединеніи его съ Гейзою II у Перемышля, и о битвѣ подъ Перемышлемъ; на какъ явился Угорскій король въ Галицкую землю—она не знаетъ. Слова Лаврентьевскаго списка: „И вшедше въ землю Володимеркову (въ Ипат. *Галицкую*).... Володимерко за твердь ста", приведены ею до-словно въ описаніи начала битвы подъ Перемышлемъ, такъ что Перемышль является уже пограничнымъ городомъ Галицкой земли, а *твердь* какимъ то подгороднымъ укрѣпленіемъ, на Санѣ, ниже Перемышля. Такъ принимаетъ И. В. Бѣляевъ (О распростр. Геогр. Свѣд. въ древн. Россіи. Зап. И. Геогр. Общ. VI. 138). Карамзинъ (II. 154) говоритъ, что Гейза и Изяславъ должны были соединиться у подошвы горъ Карпатскихъ, и въ прим. 347—348 къ тому же тому сдѣлалъ выписки изъ Ипатьевскаго списка. Соловьевъ оставляетъ это мѣсто безъ дальнѣйшихъ разъясненій (II. 195). Путь Венгерскаго короля и въ 1152 году вѣроятно былъ тотъ же, что и въ 1150 г.—именно на Санокъ (Ипат. 52), черезъ городъ *Синно* въ Венгріи на рѣкѣ Чирокѣ черезъ селенья Стакесинъ (*Ростока*), *Старину Полену*, *Руску*, и горами къ Галицкимъ селамъ *Ростоки*, *Чисна* и т. д. (по дорогѣ въ Санокъ). Здѣсь за Карпатами, близъ верховьевъ Чирока—сел. *Острозница*.

[126]) Такіе лѣсныя *Осѣки* указываются въ Польшѣ по поводу похода Льва на Краковъ въ 1280 году, близъ Кропивницы (теп. Koprzywnica) на Вислѣ, вѣроятно на мѣстѣ нынѣшняго города *Осѣка*. Ипат. 208), и у Ятвяговъ, подъ 1255. (ibid. 191).

[127]) Основаніе для высказанныхъ здѣсь предположеній относительно первоначальной зависимости при-карпатскаго славянства отъ Ляховъ, и подчиненности Драговичей и Волынянъ Кіеву уже въ эту отдаленную эпоху, даютъ факты, которые будутъ разсмотрѣны при подробномъ обзорѣ восточно-славянскихъ земель и княжескихъ удѣловъ и волостей.

[128]) Различныя мнѣнія, высказанныя въ русской исторической наукѣ объ отношеніяхъ древне-славянскихъ земель къ русскимъ княженіямъ, приведены къ Русской Исторіи К. Н. Бестужева-Рюмина т. I. стр. 159.

[129]) Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими.....а се ти же Словѣни *Хроваты* Бѣліи, Серебь, и Хорутане. Лавр. 3. У Конст. Порфирор. De administr. Imp. cap. 31.

[130]) И бѣ обладая Олегъ Поляны и Деревляны, Сѣверены и Радимичи, а съ Уличи и Тѣверци имяше рать. Лавр. 10.

[131]) Подобныя названія встрѣчаются также далѣе на сѣверъ, на верхнемъ Днѣстрѣ и даже въ области Вислы. Таковы—*Тирава* сел. къ с. отъ Самбора, *Тирава* Вольска и *Тирава* Солна къ в. и с. отъ Санока въ верховьяхъ Вягра; *Тарнова* Горна къ ю. отъ того же города; *Тарновъ* г. на Дунайцѣ, *Тарногродъ* къ ю. отъ Бѣлгорая, *Тарногура* и др.

[132]) Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн. I. 235.

[133]) См. Карамзинъ, И. Г. Р. I. пр. 362. *Шафарикъ* Слав. Древн. § 28. ст. 12 утверждаетъ, что, по всѣмъ свидѣтельствамъ, Уличей надо признать сосѣдями Древлянъ, Тиверцевъ и Печенѣговъ, и объясняетъ извѣстія нѣкоторыхъ списковъ лѣтописи о поселеніяхъ ихъ по нижнему Днѣпру тѣмъ, что они распространялись по обѣимъ сторонамъ Буга до самаго Днѣпра. Впослѣдствіи, тѣснимые безъ сомнѣнія наплывомъ Печенѣговъ, они перешли въ область Сѣверянъ на рѣку *Воинъ*, теперь называемую Вьюнкою, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Остръ (иначе Естеръ, откуда въ рукописяхъ испорченное Дестръ, Дрестръ, Днѣстръ). Slav. Star. 1837. II. 548.

[134]) Изслѣдованіе Н. П. Ламбина „Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи I. О Свенгельдѣ и Угличахъ“, не могло, къ сожалѣнію, быть у насъ подъ рукою. Мы узнали о немъ изъ рецензіи Академика А. Ѳ. Бычкова въ Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова.

[135]) Въ извѣстномъ разсказѣ Гюряты Роговича о Югрѣ: „Суть горы зайдуче луку моря“. Лавр. 107.—Ипат. лѣт. подъ 1193. стр. 142 говоритъ о Лукоморскихъ Половцахъ. Сближеніе названія Улучей съ этимъ географическимъ именемъ сдѣлано С. М. Соловьевымъ. Ист. Росс. I.

[136]) Отчетъ о XIV Прис. Наградъ гр. Уварова, 96. прим. 45.

7

[137]) См. выше стр. 81 и сл.
[138]) Ibid. 95.
[139]) Const. Porph. De Administrat. Imp. c. 37.

[140]) Извѣстіе о войнѣ Руси съ Улучами въ 914 году, послѣднее, какое имѣемъ объ этомъ племени, встрѣчается во всѣхъ спискахъ Начальной лѣтописи, кромѣ древнѣйшихъ Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго.

[141]) Анонимъ (Regis Belae Notarius) сообщаетъ извѣстіе о переходѣ Руссовъ за Карпаты вмѣстѣ съ Мадьярами: „Multi de Ruthenis Almo Duci adhaerentes secum in Pannoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem per diversa loca in Hungaria habitat. Gesta Hungar. § 10 *Endlicher*, Monum. Arpadiana S. Galli 1849. Cp. Bidermann, D. Ung. Ruthenen. I. Theil, 6, гдѣ приведена и другія извѣстія о выселеніи Руси за Карпаты.

[142]) См. *Irecek* Slovan. Pravo. 47.

[143]) Это видно изъ сопоставленія слѣдующихъ мѣстъ Начальной лѣтописи: „Бужане зане сѣдоша по Бугу, послѣже Велыняне“ (второй перечень Славянскихъ вѣтвей) и (въ третьемъ)—„Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Велыняне“: Лавр. 5.

[144]) *Ходаковск.* Русск. Истор. Сборн. I. 8.

[145]) Болеславъ, посадившій Святополка на Кіевскій столъ, узнавъ о избіеніи пришедшихъ съ нимъ Ляховъ.....побѣже изъ Кіева..,..и городы Червенскіе зая собѣ и приде въ свою землю. Лавр. 62.

[146]) См. выше стр. 81 и прим. 131.

[147]) Въ Никоновской лѣтописи подъ 992 годомъ I. 104 есть извѣстіе: ходи Володимеръ въ Суздальскую землю, и тамо крести всѣхъ; бѣже съ Володимеромъ два епископа Ѳотѣя патріарха. И заложи тамо градъ въ свое имя *Володимеръ* на рѣце на Клязме и церковъ внемъ постави древяну пречистые богородицы.“ Тоже въ Соф. Врем. Полн. Соб. р. лѣт. V. 120. Владиміра на Клязмѣ не было еще въ концѣ XI вѣкѣ, что́ очевидно изъ описанія борьбы за Ростово-Суздальскую землю между Олегомъ Святославичемъ и Мономашичами въ 1096 г. (Лавр. 107—109 ср. также Погод. Изсѣд. IV. 279), и онъ могъ быть поставленъ Мономахомъ. Въ такомъ случаѣ это извѣстіе или невѣрно хронологически, или же оно должно относиться къ Владиміру Волынскому, уже существовавшему при Владимірѣ Святомъ, и основанному несомнѣнно этимъ княземъ.

[148]) И посади (Володиміръ)... Святослава Деревѣхъ, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани. Лавр. 52.

[149]) Ditmari Episc. Merseburg Cronicon VII. 244.

[150]) Лавр. 64—65.

[151]) Это извѣстіе находится только у Татищева II. 117. Оно подтверждается притязаніями, которыя имѣли на Володимірскую землю и на земли, связанныя съ нею, сыновья Ростислава. Ср. С. М. Соловьевъ Ист. Росс. II. пр. 32.

[152]) Извѣстія объ этомъ захватѣ Перемышля представляетъ Длугошъ Historiae Polonicae Lib. III pp 267—268. (edit. Lips. 1740). Подробности, сообщаемыя имъ, заслуживаютъ недовѣрія уже по самой точности и обстоятельности, съ какой они у него изложены. Но подлинность самаго факта подтверждается ходомъ событій, какъ онъ представленъ въ нашихъ и польскихъ источникахъ. О нападеніяхъ на Волынь изъ Перемышля см. 1073 г. pp. 271—272. Длугошъ объясняетъ ихъ желаніемъ Болеслава возстановить на Кіевскомъ столѣ Изяслава, котораго права, по его же разсказу, были возстановлены за два года предъ тѣмъ.

[153]) Длугошъ сообщаетъ, подъ 1081 г., что Василько Ростиславичъ, узнавъ объ изгнаніи Болеслава изъ Польши и о возникшихъ вслѣдствіе того смутахъ, съ наемными войсками напалъ на Польшу и овладѣлъ нѣсколькими укрѣпленіями (aliquibus munitionibus conquisitis). III. 300. Далѣе подъ 1092 годомъ (IV. 316—317), онъ говоритъ о возстаніи въ русскихъ областяхъ Польши, и о нападеніи русскихъ, которое не хотѣлъ или не могъ остановить Владиславъ. Извѣстіе это, невыгодное для такой харектеристики отношеній Польши къ Руси, какую имѣлъ въ виду представить Длугошъ, изложено вообще темно и запутано. Но, кажется, что настоящій смыслъ его открывается въ заключительныхъ его словахъ: Itaque sub unius anni tempore *terrarum Russiae* justa et continuata *posessio* propter principis desidiam *a Polonorum ditione subducta est* Ruthenis non tam ex injusto et avaro regimine quam ex ritus in fide disparitatate Polonorum imperiam quam maxime abhomentibus. Дѣло идетъ слѣдовательно о потери Польшею цѣлой русской области; а изъ русскихъ земель ей принадлежала тогда только Перемышльская. Замѣтимъ здѣсь, что, соображая всѣ извѣстія нашихъ и польскихъ источниковъ, не льзя не придти къ заключенію, что возвращеніе Перемышля тѣсно связаны съ борьбою, которую велъ въ то время Мономахъ съ Ярополкомъ Изяславичемъ, имѣвшимъ Ляховъ постоянными союзниками.

[154]) 1097.... роздая Всеволодъ городы... Ростиславичамъ Перемышль Володареви, Теребовль Васильковн. Лавр. 109.

[155]) 1086. Лавр. 88. *Звенигородъ* — въ Бережанскомъ округѣ близь Львова - по своему географическому положенію долженъ быть отнесенъ скорѣе къ Теребовльскому, чѣмъ къ Перемышльскому удѣлу, и такимъ образомъ его можно признать частью Червенской земли. Былъ ли то военный походъ или простая поѣздка Ярополка въ Звенигородъ,

изъ словъ лѣтописца опредѣлить трудно. Въ Ипатьевскомъ спискѣ ея есть извѣстіе, подъ тѣмъ же годомъ: „ходи Всеволодъ къ Перемышлю" (ibid 89); оно должно быть въ близкой связи съ убійствомъ Ярополка и съ бѣгствомъ убійцы его Нерадца къ Перемышльскому князю.

156) *Галичъ* упоминается въ первый разъ въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ только въ первой половинѣ XII вѣка. Въ 1138 году *Галичане* являются союзниками Ярополка Мономашича въ его усобицѣ съ Ольговичами. Лавр. 133.—Подъ 1144.—Галичъ см. Ипат. 20. Въ Патерикѣ Печерскомъ, въ сказаніи о Прохорѣ Черноризцѣ: Егда же Святополкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать заяаста про Василькову слѣпоту, его же ослѣпи Святополкъ; .... и не пустиша (Василько и Володарь) гостеи изъ *Галича*, ни лодеи отъ *Перемышля*, и не бысть соли во всеи Роуской земли. Изд. В. А. *Яковлева*, Памятн. Русск. литер. XII—XIII в. стр. 154.

157) См. выше прим. 151.

158).... Лавр 103.

159) Всеволодъ Олеговичъ, занявши Кіевскій столъ, успѣлъ присоединить Волынь къ волостямъ своего племени, выведя изъ Володиміра Изяслава Мстиславича въ Переяславль, а на его мѣсто посадивъ сына своего Святослава (1142 Ипат. 19.). Но тотчасъ же по его смерти Изяславъ снова овладѣлъ Волынью, изъ которой только пять городовъ оставилъ Святославу въ держанье. (ibid. 31).

160) Въ началѣ XIII вѣка.

161) *Любачевъ* былъ уступленъ изъ Галичскихъ городовъ Угорскимъ королемъ Андреемъ при занятіи Галича (около 1215 г.) воеводѣ *Пакославу*. (Ипат. лѣт. подъ 1213 г. стр. 160. Теп. городъ на р. Любачевкѣ). *Ярославль* извѣстенъ съ 1152 г. (ibid 67) — теп. Ярославъ на Санѣ, ниже Перемышля. *Переворескъ*, захваченный Поляками у Льва Даниловича Галичскаго, на рѣчкѣ Млечкѣ, притокѣ Сана.

162) О *Вратахъ* Галицкихъ см. выше, прим. 123; о положеніи *Пршевратна* ibid. стр. XLVI.

163) Грамота, данная Казиміромъ Великимъ Калочицкому войту Петру въ 1348 году, напечатанная Зубрицкимъ въ его „Granic. między Rusk. i polsk. narod. w Galicyi, Lwów 1849" str. 4—9, и перепечатанная въ Геогр. Словарѣ Русской земли IX—XIV в. Вильна 1865. По изслѣдованіямъ австрійскаго этнографа Чернига (Ethnographie d. Oesterr. Monarch. von K. Freiherr von Czörnig), теперешнею этнографическою границею польско-русской народности въ Галиціи можно признать рѣку Санъ, такъ—что область польскаго языка совпадаетъ съ областью Краковскаго округа по послѣднему административному дѣленію. Впрочемъ верхнія теченія Попрада (до деревни Mniszek), Бялой (почти до гор. Грабова), Ропы (до

д. Ропы, нѣсколько выше г. Горлицы), Вислока вислянскаго (почти до Змыгрода и Осѣка), и Ясла до Дуклы онъ уступаетъ русскому языку. Далѣе на сѣверъ границу онъ полагаетъ по водораздѣлу между Вислокомъ Саноцкимъ и Саномъ, такъ что *Переворескъ*, исторически извѣстный, какъ русскій городъ, находится уже въ Польской области, *Ярославъ* же, лежащій къ юго-востоку отъ Перевореска, Чернигъ называетъ польско-нѣмецкимъ, „der polnisch- deutsche Jaroslau" (1-er Band, 1-te abth. S. 49.; см. также Этнограф. карт. Чернига). Конечно эти указанія не могутъ быть приняты, какъ безусловно достовѣрныя; они требуютъ повѣрки уже потому одному, что противорѣчатъ историческимъ свидѣтельствамъ о распространенности Русской народности.

[164]) См. ниже, прим. 169.

[165]) Срав. *Мацѣіовскій*, Исп. перв об. Христ. Церкви у Сл. 24 и сл.

[166]) См. выше прим. 125.

[167]) Положеніе Бани Рудны объясняется изъ обстоятельствъ того событія, по поводу котораго она упоминается. Извѣстно, что передъ самымъ Батыевымъ нашествіемъ на с. в. Русь, Черниговскій князь Михаилъ Всеволодовичъ овладѣлъ Галичемъ, и отдалъ его сыну своему Ростиславу; не успѣвъ еще утвердиться въ немъ, Ростиславъ предпринялъ походъ въ степи на Половцевъ. (Въ Ипат., подъ 1235: Шедшю же Ростиславу *въ поле*.. и далѣе: Ростиславъ сошелъ есть на Литву (ошибка вмѣсто Половцевъ, см. объ этомъ въ исторіи Галицк. Княж. Зубрицкаго томъ III. стр. 120, прим. 104). Этимъ воспользовался Даніилъ, и въ отсутствіе его овладѣлъ Галичемъ. Ростиславъ возвращался уже въ Галичъ, но, говоритъ лѣтописецъ, „слышавъ пріятье градское бѣ жа во Угры путемъ, имъ же идяше на Боръсуковъ дѣлъ (въ др. списк. Борьсуковъ-дѣдъ) и пріиде къ Бани, рекомѣй Родна, и оттуда иде въ Угры (Ипат. 175). Такимъ образомъ Баня Родна находилась въ Галицкой области, близь Угорской границы, между Галичемъ, до котораго не дошолъ Ростиславъ, и полемъ, съ котораго онъ возвращался, — слѣдовательно на востокъ отъ Угоръ и къ западу отъ Борсуковъ дѣла. Что такое *боръсуковъдѣлъ* неизвѣстно. Есть *Барсучени* въ сѣверной части Молдавіи на р. Серетѣ, къ с. з. отъ Батушанъ, и *Бурсучена* въ южной части Бѣлецкаго уѣзда въ Бессарабіи. *Дѣлъ*, по замѣчанію Зубрицкаго, значитъ вообще хребетъ; въ такомъ случаѣ Боръсуковъ Дѣлъ можетъ быть частью Седмиградскихъ Карпатъ, напримѣръ хребтомъ *Кукуреаса* (Kukuréasza), за которымъ у верховьевъ Большаго Самоша, находиться сел. Старая Рудна, на мѣстѣ будто-бы нѣмецкаго города *Роденаце*, разрушеннаго татарами (см. Stein, Handbuch d. Geogr. IV, I. S. 606), къ которому ближе всего отнести Баню Родну 1235 года. Есть

деревня *Рудники* въ Коломыйскомъ округѣ, на которую, для соображеній, указываетъ Зубрицкій. Кромѣ того — *Rudobánya* теперь село, а прежде городъ въ Боршодскомъ комитатѣ милахъ въ 4 къ с. отъ Машковецъ и въ такомъ же разстояніи къ юз. отъ Кошицъ Рудобанья на извѣстномъ пути изъ Галиціи въ Венгрію черезъ Бардуевъ или Бартфельдъ; но слишкомъ далеко отъ мѣста дѣйствія въ событіи 1235 года. Нелишнимъ считаетъ прибавить, что *Баня* значитъ вообще *солеварня*, и въ Прикарпатской Руси очень часто употребляется въ значеніи собственнаго географическаго названія и какъ прибавка къ другому географическому названію.

[168]) Географическій отрывокъ, находящійся въ Воскресенскомъ Сводѣ русскихъ лѣтописей (Полн. Собр. р. лѣтоп. т. VII. стр. 240—241: „А се имена градомъ всѣмъ Русскымъ, далнимъ и ближнимъ") принадлежитъ и теперь къ ряду матеріаловъ, неразъясненныхъ историческою наукою. Самое полное мнѣніе относительно его принадлежитъ *Ходаковскому* (Историч. Сист. въ Русск. Ист. Сбор. III. 98—99). Онъ относитъ его къ 1430 году.—„Это мнѣніе, говоритъ онъ, принадлежитъ мнѣ, ибо Шлецеръ (II. 177) по названію озера Ильмеря считалъ его гораздо древнѣе. Исторіографъ (II. прим. 117) колебался въ опредѣленіи между XIV и XV вѣкомъ. Воскресенскій списокъ, соединяя Новгородъ Великій и Псковъ съ залѣсскими городами, показываетъ, что онъ списанъ „послѣ 1480 г."(Псковъ послѣ 1510г.?); первое же сочиненіе должно отнести ко временамъ Витовта или къ 1430 году, потому—что 1) Задунайская страна подпала вторженію Турокъ и не знала утвержденной власти; Валахія была подъ покровительствомъ Литовско-Русскаго великаго князя Витовта. Сочинитель по такимъ причинамъ совокупилъ все въ одинъ составъ подъ названіемъ всѣхъ градовъ русскихъ дальнихъ и ближнихъ; 2) тогда Подольскіе города были отторгнуты отъ Литовскаго правленія, подчинены короннымъ конституціямъ или Литовскому языку (Кар. V. прим. 162) и потому у сочинителя называются „Польскіе грады"; 3) тогда Смоленское княжество, также Мченскъ, Корачевъ, Воротынскъ; Оболенскъ, Шернскъ и прочіе Вятичскіе городы по Оку и Угру покорены Витовтомъ, и съ 1396 г. принадлежали Литвѣ". Хотя это мнѣніе заслуживаетъ вниманія не по одной только опредѣленности, съ какою оно высказано, но во всякомъ случаѣ требуетъ пересмотра и провѣрки.

[169]) *Чёрнигъ* проводитъ этнографическую русско-мадьярскую границу отъ сел. Уй-Саллашъ (къ югу отъ Кошицы) по верхнему теченію лѣвыхъ притоковъ Тиссы на Мункачъ, затѣмъ къ Уйлаку на Тиссѣ, къ югу отъ Мункача и на югъ отъ этой рѣки почти до самаго Самоша (нѣсколько на сѣверо-западъ отъ Сатмаръ-Немета); здѣсь граница по-

ворачиваетъ снова на сѣверъ къ Тиссѣ, раздѣляющей Славянское население отъ Романскаго. У истоковъ этой рѣки русско-романское сумежье поворачиваетъ круто на сѣверо-востокъ къ Черновицу на Прутѣ, захватывая верхнія теченія Сучавы и Середа (Ethnogr. d. Oesterr. Monarch. von Freih. von Czörnig 1 B. 1 Abth. S. 51—52).. Такіе же предѣлы теперешней Угорской Руси,—т. е. на сѣверѣ и востокѣ—часть Карпатъ, извѣстная у новѣйшихъ географовъ подъ названіемъ Угорскаго лѣса (das Ungarische Waldgebirge), на югѣ—теченіе Тиссы, пока оно не перемѣняетъ западнаго направленія своего на южное,—даетъ и Бидерманнъ (см. Bidermann's die Ungar. Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb u. ihre Geschichte 1 Th. 1862. S. 14—15). Но славянскія названія многихъ мѣстностей къ югу отъ Тиссы по притокамъ ея Самошу, Краснѣ и другимъ до самаго Дуная, свидѣтельствуютъ, что и тутъ было первоначально славянское население Хорватской вѣтви (Horváth сел. на верхнемъ теченіи Красны, къ сѣверо-западу отъ Клаузенбурга. Еще южнѣе и ближе къ Клаузенбургу *Горбо* и т. д. см. выше стр. 80—81).

170) Въ договорѣ Игоря дѣло идетъ только о Корсунской странѣ, которая сходилась съ Русскими областями, въ нижнемъ Поднѣпровьи: Аще обрящеть въ вустьѣ Днѣпрьскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяще, да не творять имъ зла никакоже. И да не имѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлъбережи, ни у святаго Елферія. Лавр. 22.

171) Лавр. 31.

172) Иде Володимеръ на Болгаръ съ Добрынею уемъ своимъ въ лодьяхъ, а *Торки берегомъ приведе* на конихъ, и побѣди Болгары. Въ Никон. лѣт. прибавлено „на *Болгары Низовскія*" — слѣд. Поволжскіе. Въ *Воскр.* Лѣт. (VII. 296) извѣстіе *озаглавлено*: „Побѣда Болгаромъ иже на Волгѣ". Такъ принимаетъ это извѣстіе Карамзинъ, I. стр. 125, прим. 436. Но участіе *Торковъ* и невозможность „конныхъ походовъ" по побережьямъ Волги, которая ясна изъ всѣхъ извѣстій о дѣйствіяхъ по Низовой Волгѣ и Новгородцевъ XIII—XIV и даже Московскихъ князей XIV—XV вѣка, заставляютъ видѣть въ Болгарахъ лѣтописи 983—Болгаръ Дунайскихъ, а не Поволжскихъ.

173) Лавр. 66—67.

174) *Constant. Porphyr.* De administr. Imp.—Ср. статью Бруна въ Запискахъ Одесскаго Общества Ист. и Древн. т. III. 451—453.

175) Это предположеніе допускается тѣмъ, что Иванъ Ростиславичъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Днѣстровскому населенію. Въ 1159 году, однаго появленія его у Поднѣстровскихъ городовъ Кучельмина и Ушицы было достаточно, что бы склонить на его сторону городское население (*смердовъ* Ипат. 84). Ипат. Лѣт., 1157,—стр. 80—81, 1159 г., 83.—Соло-

вьевъ С. М. (Исторія Россіи II, 223), объясняетъ настойчивость, съ какою Галицкій князь требовалъ выдачи Ивана Ростиславича, и готовность, которую показали Лядскіе и Русскіе князья поддерживать это требованіе,— тѣмъ, что Иванъ сносился съ недовольными Галичанами, и съ другой стороны „взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему.“

[176]) Ипат. 83—84.

[177]) *Кар.*, Ист. Гос. Росс.

[178]) По Картамъ Шуберта.

[179]) Галицко-Волынская граница, какъ она открывается изъ приведенныхъ указаній, не совсѣмъ согласна съ общепринятымъ теперь мнѣніемъ о томъ, что Волынскія владѣнія простирались будто-бы на югъ по лѣвымъ притокамъ Днѣстра—Збручу, Смотричу, Ушицѣ и т. д. Мнѣніе это основывается единственно на томъ, что Каменецъ, о которомъ говорятъ наши лѣтописи, подъ 1196, 1210, 1228, 1235, 1239 и 1240 годами (см. Ипат. Лѣт.), какъ о Волынскомъ городѣ, пріурочивается обыкновенно къ теперешнему Каменцу Подольскому, не смотря на видимыя противорѣчія съ другими лѣтописными извѣстіями, и даже съ совершенно ясными указаніями лѣтописи о положеніи Каменца совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Каменецъ Подольскъ не могъ быть Волынскимъ городомъ уже по тому одному, что собственно Галицкая земля простиралась по словамъ лѣтописи „отъ Боброкы (притокъ Днѣстра въ Бережанскомъ округѣ) даже и *до рѣки Ушицы* и Прута“ (Ипат. стр. 169, г. 1229); такъ что Каменецъ Подольскъ представлялъ бы какую то уединенную Волынскую колонію среди Галицкихъ владѣній.—Въ первомъ же извѣстіи о Каменцѣ мы находимъ указаніе на его положеніе. — Въ концѣ XII вѣка онъ принадлежалъ Волынскому князю Роману Мстиславичу,—враждовавшему съ Рюрикомъ Кіевскимъ и Володиміромъ Галицкимъ. Оба эти князи напали одновременно на владѣнія Романа: „Володимеръ, говоритъ Кіевскій лѣтописецъ (ibid. 149, г. 1196). . . повоева и пожьже волость Романову около Перемиля, а *отселѣ* Ростиславъ Рюриковичъ съ Володимеричи и съ Чернымъ Клобукомъ ѣхавше повоеваша и пожгоша волость Романову *около Каменця*.—„Отселѣ“—въ устахъ Кіевскаго Лѣтописца очевидно значитъ „со стороны Кіева“.—Нѣсколько выше говорится, что Рюрикъ посылалъ сказать Галицкому князю: „а ты, брате, *оттолѣ* со сыновцемъ моимъ воюйта волость его“ (Романа ibid.). Слѣдовательно князья Кіевскій и Галицкій условились напасть на Волынь съ двухъ сторонъ, съ юго-запада отъ Галича, и съ востока, со стороны Кіева, и Каменецъ слѣдуетъ такимъ образомъ искать не на югѣ Волыни, а на востокѣ. Затѣмъ (подъ 1210 годомъ) мы видимъ, что Романовичи, выгнанные изъ Галича и Вла-

димiра, находятъ убѣжище въ Каменцѣ,—и изъ словъ лѣтописца нельзя не видѣть, что въ ихъ судьбѣ принималъ дѣятельное участiе Всеволодъ Святославичъ Кiевскiй; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за извѣстiемъ о прiѣздѣ ихъ въ этотъ городъ, онъ говоритъ: „Княжаше Всеволодъ въ Кiевѣ Святославичъ имѣя великую любовь къ дѣтемъ Романовоѣ" (Ипат. 159). Изъ извѣстiя объ осадѣ Каменца Володимiромъ Кiевскимъ въ 1228 году, и особенно изъ дѣйствiй Котяна Половецкаго, во всякомъ случаѣ не видно, что бы дѣло шло о Каменцѣ Подольскомъ; напротивъ скорѣе всего можно заключить, что между Каменцомъ и Галичскою землею лежали Половецкiя степи: „ѣхавъ (Котянъ, отступившiй отъ осаждавшихъ этотъ городъ) взя землю Галичьскую, иде въ землю Половецкую, и *не обратился къ нимъ* (то есть къ осаждавшимъ Каменецъ. Ипат. 167). Подъ 1235 годомъ прямо говорится, что Каменецъ стоялъ — со стороны Галича и земли Болоховскихъ Князей (что по восточному Бугу), — за Хоморомъ, лѣвымъ притокомъ Случи, и недалеко отъ Кiева и отъ Торковъ, жившихъ, какъ извѣстно, по Роси: „Придоша Галичане на Каменецъ и вси Болоховсцiи князи съ ними, и повоеваша по Хомору и поидоша ко Каменцю. Въ то же время послалъ бяше Володимеръ Даниловi помощь, Торкы (Ипат. 174). Наконецъ последнее извѣстiе о Каменцѣ представляетъ описанiе похода Батыева подъ 1240 годомъ, описанiе, на которомъ основывается главнымъ образомъ мнѣнiе о тожественности этого города съ Каменцомъ Подольскимъ. Разрушивши Кiевъ, и услышавши о Данилѣ, яко въ Угрѣхъ есть, *поиде* самъ (Батый) *Володимерю*, и приде къ городу Колодяжьну . . . и приде Каменцю, Изяславлю, взятъ я; видивъ же Кремянець, градъ Даниловъ, яко не возможно прiяти ему и отъиде отъ нихъ и приде къ Володимерю (Ипат. 178). Этотъ путь обыкновенно объясняется теперь мѣстечкомъ *Ладыжиномъ* въ Гайсинскомъ у., Каменцомъ Подольскомъ, Заславомъ Волынской губ., Кременцомъ; такъ что Батый по дорогѣ во Владимiръ дѣлаетъ совершенно необъяснимый крюкъ,—направляясь отъ Кiева сперва круто на юго-западъ, въ Ладыжину, оттуда на западъ къ Каменцу, затѣмъ отъ Каменца, прямо на сѣверъ къ Заславу и Владимiру, и прибавляя себѣ пути—противъ прямой дороги—почти *въ 300 верстъ*, если брать прямыя разстоянiя. Между тѣмъ онъ видимо спѣшилъ къ Владимiру; это видно изъ замѣчанiя лѣтописца о походѣ его изъ Кiева, по полученiи извѣстiя о пребыванiи Данiила въ Уграхъ; онъ не останавливается на осадѣ крѣпкихъ городовъ: Колодяжнъ беретъ хитростью, мимо Кременца и Данилова проходитъ, не пытаясь даже взять ихъ. Это обстоятельство значительно ослабляетъ достовѣрность приведеннаго выше объясненiя Батыева пути, и позволяетъ думать, что онъ лежалъ го-

раздо прямѣе по направленію отъ Кіева къ Заславу.—Соображая всѣ эти данныя, необходимо принять, что Каменецъ выше приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстій находился - на востокѣ Волынскихъ владѣній, близь Кіевскаго рубежа,—недалеко отъ Торковъ въ Поросьи,—близь р. Хомора, бывшей отъ него на западъ и юго-западъ со стороны Болоховской земли,—на пути изъ Кіева въ Заславъ, и къ западу отъ Колодяжна. Дѣйствительно, къ востоку отъ Хомора, на р. Случи въ южной части Новградъ—Волынскаго уѣзда мы находимъ и теперь мѣстечко Колодяжно, *) и близь него къ сѣверу въ одной милѣ, на лѣвомъ берегу Случи м. *Каменку.* Мѣстныя изысканія должны указать, есть ли теперь какіе либо остатки существовавшаго тамъ города; но положеніе его а отчасти и названіе—говорятъ сильно въ пользу того, что именно тутъ надо искать лѣтописный Каменецъ.

180) Лавр. лѣт. 135. Услышавъ о приближеніи Приднѣпровскихъ князей къ границамъ Галича... „выиде противу имъ Володимеръ, весь совкупивъся, къ Теребовлю; и Угры приведъ... и не могоша битися, зане бяшетъ межи има рѣка Серетъ; идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю въ Звенигороду (что близь Львова); а на Рожни поли не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ“. Затѣмъ приднѣпровскіе князя осадили Звенигородъ. Такимъ образомъ Рожне поле надо искать на пути отъ Теребовля къ Звенигороду между Середомъ и Голыми горами, тец. *Гологоры.*—М. *Рожношинцы* къ с. в. отъ Збаража (Карт. Шуб. Розношинцы), которымъ *Зубрицкій,* въ Истор. Гал. Кн. II. стр. 43, объясняетъ Рожне поле 1097 и 1144 годовъ, слишкомъ далеко на востокъ отъ Середа, *Рожню* которую указываетъ М. П. Погодинъ (Изсл. IV. 168) именно между верховьми Середа, Стыря и Западнаго Буга, къ сожалѣнію, мы не могли найти на извѣстныхъ намъ картахъ. Догадка Зубрицкаго, что Рожне поле означало только „равнину, чистое поле, пахаемую землю, на коей рожъ сѣютъ и на которой удобно было сражаться“ (ibid),— основывается, кажется, на весьма отдаленномъ сопоставленіи смысла этаго рѣченія съ названіемъ „Голыя Горы.“

181) Въ Ипат. лѣт. подъ 1262: Король же (Даниилъ Романовичъ) ѣха въ Угры, и угони его Борисъ (отправленной Василькомъ къ брату изъ Володиміра на Волыни съ сайгатомъ, захваченнымъ у Литвы, которая передъ тѣмъ потерпѣла пораженіе у Небля города) у *Телича* (въ др. писк. Подтелича), стр. 200. Кромѣ указаннаго нами *Потелича* (на

---

*) На Волыни есть еще два Колодежна—одинъ къ ю. з. отъ Луцка, въ Дубенскомъ у., на дорогѣ изъ Дубна во Владиміръ Волынскій; другой—Колодезно—къ ю. в. отъ Ковеля—въ 10 верстахъ, близь Волошекъ.

дорогѣ изъ Любачева въ Бельзъ, недалеко отъ пересѣченія его съ Львовско-Томашевскою дорогою), есть еще м. *Тиличъ* на с. склонѣ Карпатъ близь истоковъ Попрада, къ ю. в. отъ Новаго Сандеца у самаго прохода через Карпаты на *Бардуевъ* (Бартфельдъ); но эта мѣстность слишкомъ далеко на западѣ, и едва ли даже черезъ нее пролегалъ путь изъ Галицкой Руси въ Угры.

[182]) ...„А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы... и паки по Изяславичахъ за Микулинъ и не постигохомъ ихъ и на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды" (Поуч. Моном). Здѣсь вмѣсто „Изяславичей" надо, вѣроятно, читать „Ростиславичи". Въ 1092 году Ростиславичи (Василько и Володарь), воспользовались отъѣздомъ Ярополка Володимірскаго въ Кіевъ, захватили Володиміръ; и посла Всеволодъ Володимера сына своего, и выгна Ростиславича и посади Ярополка Володимери. Лавр. 88.

[183]) *Зубрицкій* Истор· Галическо-р. кн. II. 61—62. Онъ полагаетъ очень вѣроятнымъ, „что этотъ внѣ Галицкаго княжества лежащій Микулинъ былъ подобнымъ же образомъ во владѣніи Галичскаго государя, какимъ Городецъ Остерскій надъ *Днѣпромъ* (Десною?) во владѣніи Георгія князя Суздальскаго".—Однако къ Микулинцамъ на Згарѣ можно пріурочивать Микулинъ, упоминаемый лѣтописью при описаніи занятія Кіева Мстиславомъ Изяславичемъ Володимірскимъ въ 1167 году, но то былъ или Волынскій или скорѣе всего Кіевскій городъ, и едва ли не стоялъ въ связи съ полуосѣдлымъ населеніемъ собственной Руси—Черными Клобуками „По Ростиславли смерти начаша слати по Мстислава братья (князья Володиміръ Мстиславичъ и Ростиславичи) и Кіане отъ себе послаше, *Черны Клобуки отъ себѣ послаше*... и приде (Мстиславъ) къ Микулину; и *ту придоша* ему Берендичи вси, и Торци, и Печенечи *и весь Черный Клобукъ*". Ипат. 96). Замѣтимъ здѣсь также, что на рѣкѣ *Хоморѣ* къ западу отъ *Полоннаго* (обѣ эти мѣстности исторически извѣстны съ XII в.) есть сел.*Микулинъ* въ юго-восточномъ углу Заславскаго уѣзда.

[184]) *Берестье*, въ первой разъ упоминаемый въ описаніи усобицы Святополка и Ярослава Володиміровичей въ 1019 году (Лавр. 62) пріурочивается къ тел. Брестъ—Литовскому на Бугѣ, что ясно изъ разсказа о событіяхъ 1097 года (ibid. 114).

[185]) Въ Ипат. лѣт. подъ 1262 годомъ... Рать литовская воеваша около Мельницѣ... князь же Василько (Володимірскій) поѣха по нихъ и угониша у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ..Василько же поиде противу имъ. . Литва же не стерпѣвше устремишася на бѣгъ. . Се же услышавше князя Пиньсціи Өеодоръ и Демидъ и Юрьи и пріѣхаша къ Василькови съ питьемъ и начаша веселитися. Стр. 200.

[186]) „Веснѣ же бывши посла (Даніилъ) сына своего Шварна на

Городокъ и на Сѣмоць и на вси городы, и взя Городокъ и Сѣмоць и всѣ городы, сѣдящія за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жидичева.

[187]) *Торчевъ, Торцевьскъ* указывается Ипат. лѣтописью въ описаніи битвы Данила Романовича, тогда княжившаго на Волыни, съ Угорскимъ королевичемъ, владѣльцемъ Галича, подъ 1231 годомъ, къ западу отъ Шумска, въ недальнемъ отъ него разстояніи въ гористой мѣстности. Положеніе теп. *Стараго Таража* на Иквѣ какъ не льзя ближе отвѣчаетъ лѣтописнымъ указаніямъ. Къ с. з. отъ Луцка на р. Ставѣ, лѣвомъ притокѣ Стыря, есть теп. м. *Торчинъ*; но въ объясненіи Торчева 1231 онъ не можетъ имѣть мѣста.

[188]) „Василько и Володарь изъ Теребовля... придоста ко Всеволожю, а Давидъ затворися Володимери. Онѣма же ставшима около Всеволожа и взяста копьемъ градъ... По семъ же поидоста къ Володимерю". Такимъ образомъ Всеволожь должно полагать ближайшимъ къ Теребовльскимъ границамъ, и по этому не льзя пріурочивать его къ теп. сел. *Воложки* или *Волощки* въ Ковельскомъ у., верстахъ въ 12 на ю. в. отъ у. г., какъ то сдѣлано Надеждинымъ и Неволинымъ. Погод. Изсл. IV. 158. Эта мѣстность ни въ какомъ случаѣ не могла быть занята Ростиславичами; ибо въ описаніи тѣхъ же событій, *Турійскъ*, который лежитъ гораздо западнѣе *Волошекъ* и прямо къ с. отъ Владиміра, является Волынскимъ городомъ. Всеволожъ надо причислить теперь къ мѣстностямъ неопредѣленнымъ.

[189]) Названіе *Дреговичей* выводятъ обыкновенно отъ слова *дрега, дрягва*, что значитъ *болото*. Но окончаніе слова *Дреговичи* указываетъ образованіе этаго племеннаго названія, какъ имени отечественнаго (nomen patronymicum). См. выше стр. 70, прим. 118.

[190]) Въ Ипат. Лѣт. подъ 1231..... „движе рать Андрей Королевичъ на Данила и иде ко Бѣлобережью... Володиславу же ѣхавшу изъ Кіева и срете рать въ Бѣлобережьи, и бившимся имъ о рѣку Случь, и гониша до рѣки Деревное и лѣса Чертова". 174.

[191]) *Деревичъ* упоминается Волынскою лѣтописью въ числѣ Болоховскихъ городовъ (вмѣстѣ съ Губинымъ, Кобудомъ, Кудиномъ, Городцемъ Бужескимъ, Дядьковымъ), разоренныхъ Даниломъ въ 1241 году, въ отмщеніе за нападеніе, которое сдѣлали Болоховскіе князья вмѣстѣ съ Ростиславомъ Михайловичемъ Черниговскимъ, претендентомъ на Галицкій столъ, на Приднѣстровскій городъ Бакоту. Ипат. лѣт. 183.— Теперь есть *Деревичи* въ южной части Новградъ-Волынскаго у притоковъ Стыри, на с. з. отъ Любара.

[192]) См. выше пр. 36.

[193] Въ Никон. лѣт. подъ 865 годомъ:„воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша", I. 16.—С. М. Соловьевъ, основываясь на томъ, что Дреговичи не упоминаются ни въ числѣ племенъ, призвавшихъ Русь, ни въ числѣ племенъ, участвовашихъ въ походахъ Олега, предполагаетъ, что они были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная половина ихъ, почему и княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежитъ къ Полоцку (Ист. Росс. I. прим. 180). Но порубежье между Дреговичами и Кривичами, какъ оно открывается данными лѣтописи и топографической номенклатуры, и до нынѣ остается этнографическимъ порубежьемъ Малорусскаго иБѣлорусскаго племенъ.

[194]) Лавр. 52.

[195]) Такая зависимость его отъ Кіева открывается въ послѣдующихъ извѣстіяхъ лѣтописи. См. ниже прим. 197.

[196]) „Та посла мя Святославъ въ Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса";... Извѣстіе объ этомъ походѣ на Чеховъ лѣтопись сообщаетъ подъ 1076. Лавр. 85.... и въ то же лѣто и дитя ся роди ми старѣйшее Новгородское, та оттуда (изъ похода на Чеховъ или изъ Новгорода?) *Турову*, а на весну та Переяславлю, таже *Турову*. 103. Княженіе Мономаха въ Туровѣ подтверждается извѣстіемъ его поученія о ловляхъ, которые онъ вмѣстѣ сь отцомъ производилъ въ Туровскомъ полѣсьи: „А се тружахъся ловы дѣя.... кромѣ иного лова, кромѣ *Турова*, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь. 104. — Мономахъ былъ переведенъ въ Черниговъ въ 1078, тотчасъ послѣ того, какъ отецъ его Всеволодъ занялъ Кіевскій столъ.

[197]) Туровъ составлялъ удѣлъ Мономахова сына *Вячеслава*, который, сколько можно судить по отрывочнымъ лѣтописнымъ даннымъ, стремился дать ему значеніе самостоятельной княжеской волости. Поставленной въ 1144 году въ Туровскіе епископы Акимъ (Ипат. 19), по Исторіи Іерарх. Амвр. (изд. втор. I. 226) шестой епископъ Туровскій и Пинскій, былъ ревностнымъ приверженцемъ этого князя и пострадалъ во время неудачной борьбы его съ племянникомъ Изяславомъ Волынскимъ (Ипат. 25). Къ Туровской области принадлажало нѣсколько городовъ, которые Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, занявши Кіевъ, отнялъ у Вячеслава (ibid). Но со смертью Вячеслава, Туровъ перешелъ въ полное распоряженіе Кіевскихъ князей. Юрій Долгорукій отдалъ его вмѣстѣ съ Пинскомъ, Дорогобужемъ, Пересопницею сыну своему Андрею (1150 Лавр. 145, Ипат.52), а позднѣе другому сыну Борису (1154. ibid. 148). Ростиславъ Мстиславичъ, вокняжившись въ Кіевѣ въ 1154 г., уступилъ Туровъ Святославу Всеволодовичу. Въ 1157 году мы видимъ Туровъ

въ рукахъ Юрья Ярославича (изъ рода Изяслава Ярославича), и претендентомъ на него—извѣстнаго младшаго сына Мстислава Великаго Владиміра, который съ Волынскими полками, Смольнянами, Половцами и Галицкою помощью безуспѣшно осажалъ этотъ городъ въ теченіи десяти недѣль. (Ипат. 89).. Подъ 1179 упоминается сынъ Юрья, *Иванъ*—подручный князь Мстислава Изяславича Кіевскаго (ibid. 98).

[198]) Порубежное положеніе *Сырвячи* (Сервячи), лѣваго притока Нѣмана (въ Новгородокскомъ у.) указывается описаніемъ похода Волынско-Галицкихъ князей въ союзѣ съ князьями Пинскими и Туровскими на Литовскій Новгородокъ, записанный въ Волынской лѣтописи подъ 1274 годомъ:... „и бысть идущимъ имъ мимо Турово къ Случку, и ту ся сняста съ Татары у Случка, а тако поидоша вси вборзѣ къ Новугородку; и не дошедши рѣкы *Сырьвячь, туже сташа нощь,* а заутр а рано возставше поидоша *и перешедша рѣку до свѣта,* ту же и дождаша свѣта, восходящю же солнцю и начаша изряживати полкы, изрядивше же полкы, и тако идоша къ городу.“ Стр. 207.—Относительно порубежнаго положенія Шары (Щарьи) см. ibid. подъ 1262 стр. 200 (о Неблѣ озерѣ и городѣ), и подъ 1253 г. стр. 188.

[199]) Нарбуттъ относитъ построеніе Новгородка къ 1116 году и приписываетъ его князю Ярополку Владиміровичу, который „сруби городъ Желни Дрьючаномъ, ихъ же полони“ (Лавр. 128), во время похода приднѣпровскихъ князей на Полоцкую область. Онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ одномъ предположеніи, что прежде Новгородокъ назывался будто бы *Желни*; по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, это названіе сохранила часть его, или подгородная слободка на въѣздѣ въ городъ изъ Кореличъ. Нарбуттъ имѣлъ въ рукахъ договоръ, заключенный мѣщанами съ Бодевичами въ 1589 г., и 16 Января 1590 внесенный въ Новгородскіе земскіе акты. Въ немъ помѣтка: „Писанъ у Новгородку на Желненскомъ подзамчьи въ лѣто Божего нароженія 1589 Августа 5 дня“. Эта догадка была принята всѣми компиляторами Нарбута и послѣдующими изслѣдователями Литовской исторіи (*Ярошевичь, Турчиновичь, Безкорниловичь*) и между прочимъ недавно—умершимъ членомъ —корреспондентомъ Имп. Русск. Геогр. Общ. М. А. Дмитріевымъ, составившимъ очеркъ исторіи Новогрудка. Но Ярополкъ Мономаховичъ княжилъ въ Переяславлѣ русскомъ и безъ сомнѣнія вывелъ плѣненныхъ Дрьючанъ въ южную Русь, весьма скудную населеніемъ, въ чемъ онъ послѣдовалъ примѣру Ярослава Великаго, который посадилъ плѣненныхъ имъ Ляховъ на южныхъ окраинахъ Кіевской области по рѣкѣ Роси. Въ Полтавской губерніи Золотоношскаго у. на Сулѣ, недалеко отъ ея устьевъ и теперь есть с. *Жовнинъ* (Жолнинъ).

[200]) См. Лавр. 130., подъ 1127.—Подъ 1132: ходи Мстиславъ на Литву съ сыньми своими, и съ Олегомъ, и съ Всеволодомъ Городенскимъ. Ипат. 12. По Татищеву (II 263) Всеволодъ—сынъ Давида Игоревича.

[201]) „И нача (Владиміръ Св.) городы ставити по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ" Лавр. 32. Такимъ образомъ Стугна является крайнимъ южнымъ предѣломъ городовыхъ построекъ того времени на правой сторонѣ Днѣпра, какъ Сула на лѣвой.

[202]) *Гильфердингъ*, Неизданное свидѣтельство современника о Владимірѣ св. и Болеславѣ храбромъ въ Русск. Бесѣдѣ 1856 №I. 12.,,me preeunte, cum sociis, говоритъ, Бруно о выѣздѣ изъ Кіевскихъ владѣній въ степи, занятыя тогда Печенѣгами, illo seqente cum majoribus suis egredimus *portam*.

[203]) *Фундуклей* Ив., Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губ. Кіевъ 1848. стр. 30.

[204]) Въ позднѣйшей передѣлкѣ грамоты, данной Андреемъ Боголюбскимъ Кіево-Печерскому монастырю, напечатанной митрополитомъ Евгеніемъ въ его описаніи Кіево Печерской Лавры. Ср. Ист.-геогр. Слов. др. Руси. стр. 25.

[205]) *Юрьевъ* упоминается лѣтописью въ первый разъ подъ 1095 годомъ, въ описаніи набѣга Половцевъ, которые сожгли его тогда. Лавр. 97, и въ Поученіи Мономаха, послѣ разсказа о нападеніи Половцевъ на Прилукъ, бѣгствѣ ихъ на Сулу и о пораженіи, нанесенномъ имъ у Бѣлой Вѣжи: ,,и потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по Половцихъ, и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ. Лавр. 103. Далѣе подъ 1103, ibid. 119,—подъ 1113. Ипат. 4 и. т. д. Юрьевъ находился несомнѣнно въ Поросьи,—но не на самой Роси, хотя на ней мы видимъ *Уро-Городокъ* (къ югу отъ Канева, на лѣвомъ берегу Роси, почти у самаго поворота ея теченія на сѣверъ). Это видно изъ извѣстія лѣтописи о наѣздѣ Половцевъ на Черныхъ Клобуковъ, вѣжи которыхъ лежали по рѣкѣ *Роту* (теп. Рутокъ, на картѣ Щуб. Протокъ, у Бѣлой Церкви вливающейся съ лѣвой стороны въ Рось). Въ 1162 г. „придоша Половцы мнози къ Гюргеву, и взяша вежи многи по Роту... Черный же Клобукъ весь со въкупившеся *ѣхаша по нихъ, и постигоша* (слѣд., когда они шли уже въ обратный путь) на Рси. Ипат. 91.—Б. и М. Ерчики находятся къ с. отъ Сквиры, верстахъ въ 10—12.—Между ними сел. Буки—Бакожинъ, по преданію древній городъ. *Фунд.* 46

[206]) Лавр. 75. Въ древнѣйшемъ Лаврентьевскомъ спискѣ—вмѣсто *Неятина*, принятаго редакцію I-го тома Полн. Соб. р. лѣт.—Ятинъ,

[207]) О Святославлѣ см. выше, прим. 205. Изъ этаго извѣстія труд-

но даже опредѣлить, на какой сторонѣ Днѣпра слѣдуетъ искать эту мѣстность. На подробныхъ картахъ южнаго Приднѣпровья мы не нашли ни одной подобноименной мѣстности. Съ *Святославлей Криницею* 1150 (Ипат. 56) Святославль Мономахова поученія не имѣетъ конечно ничего общаго.

208) Фундуклей 50

209) ibid. 46.

210) См. выше, прим. 205. Упомянувъ о своихъ походахъ на Половцевъ, Мономахъ непосредственно говоритъ о возвращеніи Ярополка на Владимірскій столъ и его смерти, чтó записано въ лѣтописи подъ 1086 г. Лавр. 88.

211) *Фундуклей*. 120.

212) И на Богъ идохомъ со Святополкомъ на Боняка за Рось. Лавр. 104.

213) Конечно многія изъ этихъ Городищъ должны имѣть и другое происхожденіе и другое назначеніе. Они тянутся непрерывнымъ рядомъ, начиная отъ водораздѣла между Тясминемъ и Высью, гдѣ мы видимъ *Омельгородокъ* (Нерубайка), *Иванъ-Городокъ*, *Китай-Городокъ* на Тясминѣ, всѣ къ западу отъ Чигирина, — до Буга въ Гайсинскомъ и Брацлавскомъ уѣздахъ. Изъ нихъ отмѣтимъ въ ю. з. части Черкасскаго уѣзда — *Райгородокъ*, *Гуляй Городокъ* на Тясминѣ же, *Городищи* у сел. Жаботина, Чубовки и Смѣлой (Фунд. 11); *Самгородокъ* на Ташлыкѣ, къ западу отъ Райгородка, *Городище* на Ольшанкѣ къ ю. в. отъ Корсуня, въ Звенигородскомъ у.—*Ярославка* на Выси, *Васильковъ* и *Княжое* на Шполькѣ, *Звенигородка* на Гниломъ Тикичѣ; *Бастечка* (ср. *Бастьева Чадь* лѣтописи) въ Таращанскомъ у. на границѣ съ Уманскимъ; *Канела* (Куниль 1150. Ипат. 49) на Горскомъ Тикичѣ, *Княжа*, *Китай-Городокъ* и *Васильковъ*, послѣдній съ замкомъ, отмѣченнымъ у Фундуклея стр. 45,—въ Липовецкомъ у.; *Городецкое* къ с. отъ Умани и *Иванъ Городокъ* къ югу отъ нея; *Городокъ*, *Рай-Городъ* и *Стражгородъ* въ Гайсинскомъ у; *Городница* въ Брацлавскомъ у. — Сверхъ того не льзя не обратить вниманія на валъ, извѣстный подъ именемъ Зміева, который, начинаясь у Екатеринополя (Кальниболота) верстахъ въ 15 къ ю. отъ Звенигородки, тянется въ юго-западномъ направленіи вдоль Гнилаго Тикича мимо сел. Латышовой (Звенигородскаго у.) Свердликова, Нерубайки, Подвысокаго, Наливайки (Уманскаго у) къ Бугу и оканчивается у р. Кодымы въ Балтскомъ у. (См. о немъ у Фундуклея). Этотъ валъ могъ составлять порубежное укрѣпленіе *Болоховской земли*, которая въ XII—XIII занимала область верхняго Буга, и которой ю. в. границы должны были проходить именно здѣсь. Замѣчательно также, что въ степяхъ за этимъ валомъ, по Бугу къ Днѣпру и Черному морю, не встрѣчает-

ся, по крайней мѣрѣ, на извѣстныхъ намъ географическихъ картахъ, никакихъ слѣдовъ городовыхъ сооруженій.

[214]) Въ Таращанскомъ у., на правомъ берегу Угорскаго Тикича есть сел. *Бузовка*, въ которомъ донынѣ сохранились едва замѣтные валы и взрытая земля, остатки стариннаго города, по преданію называвшагося Бузомъ. *Фунд*. 55.

[215]) Ипат. 69.—Впрочемъ по извѣстію 1097 слѣдуетъ предположить *Выгошевъ* на сѣверѣ Кіевскихъ владѣній, въ сосѣдствѣ Пинска и Берестья, даже можетъ быть, не во Владимірской землѣ, а въ собственно Кіевской; его пріурочиваютъ поэтому къ м. *Выжвѣ* и сел. *Выжевкѣ* Ковельскаго у.—Но въ такомъ случаѣ Выгошевы 1097 и 1152 года должны быть двѣ различныя мѣстности.

[216]) *Любечъ* (Любецъ) имѣлъ довольно большое значеніе въ X в., что видно изъ лѣтописнаго разсказа о занятіи Олегомъ Поднѣпровья и о войнахъ этаго князя съ Греками (Лавр. 10, 13); но въ половинѣ XII вѣка онъ уже составлялъ только непосредственное владѣніе Черниговскихъ князей Ипат. 37. См. о немъ прим. 252.

[217]) Рисунки и чертежи къ пут. по Россіи (въ Ипат. Публ. Библ.) ч. I, Чертежъ (II) окрестностей древняго Кіева.

[218]) Положеніе Сакова въ XII в. на лѣвой сторонѣ Днѣпра ясно изъ извѣстія 1150: Мстиславъ Изяславичъ изъ Канева... послася *на ону сторону* къ Турпѣемъ и къ дружинѣ, веля имъ ѣхать къ собѣ; Ростиславъ же (Юрьевичъ)... остави брата Перяславли, самъ гна къ Сакову и сгони Турпѣѣ у Днѣпра, и поимавъ ѣ преведе ѣ Перяславлю. Ипат. 50.—На правой сторонѣ Днѣпра есть *Жашковъ* въ южной части Таращанскаго у. и *Сальковъ* въ Гайсинскомъ на р. Бугѣ.

[219]) У *Зарубинцовъ* (Каневскаго у.) до сей поры сохранился городокъ надъ Днѣпромъ, отъ котораго тянется довольно длинный валъ Фунд. 21.—О Зарубѣ см. замѣчанія И. И. Срезневскаго, въ Свѣд. о Малоизв. и Неизв. памятник. стр. 81.

[221]) Максимовичъ,—ср. Погод. Изсл. IV. 162.

[222]) Послѣ Татарскаго погрома крайними на юговостокѣ заселенными мѣстностями являются Курскія волости Липецкъ, Воргола, Рыльскъ, село Туровъ (см. Лавр. 205), опустошенные Татарами въ 1284. Воскр. лѣт. П. С. Р. Л. VIII 176—177. Свѣдѣній о состояніи бывшаго Переяславскаго княжества со второй половины XIII вѣка до появленія въ немъ казачества въ XV—XVI вѣкѣ нѣтъ никакихъ. Если въ немъ и сохранялись остатки прежняго населенія до-татарской эпохи, то оно могло возродиться только при содѣйствіи выходцевъ изъ другихъ болѣе безопасныхъ и сильнѣе населенныхъ мѣстъ Руси.

[223]) Въ новомъ изданіи Начальной лѣтописи Лавр. и Ипатьевскаго списковъ:... „тудѣ бо сѣдять Кривичи. Таже сѣверъ отъ нихъ (т. е. въ смыслѣ—къ сѣверу отъ нихъ) на Бѣлѣозерѣ сѣдить Весь.“ Но здѣсь „сѣверъ“ очевидно „Сѣверяне“; въ описаніи Варяжскаго пути „Двина потечеть *на полунощье*“, а не *на сѣверъ*. Слово сѣверъ извѣстно однако Лаврентьевскому списку лѣтописи; въ описаніи разоренія Половцами Печерскаго монастыря: „зажгоша двери еже къ угу устроеніи, а вторыя же *къ сѣверу* (П. С. Р. Л. I. 99).—*Сербы* (Σερβοί), которыхъ Константинъ Порфиродный упоминаетъ въ числѣ племенъ, данническихъ Руси, вѣроятно Сѣверяне. Ср. Соловьевъ С. М. Ист. Рос. I. прим. 131.

[224]) Лавр. 64.

[225]) Ср. ниже о Карачевѣ прим. 235,—о Мценскѣ, прим. 238.

[226]) Карта Шуб. № XXXVI.—Къ востоку отъ нихъ, въ области Оки, какъ-бы составляя ихъ продолженіе, тянется рядъ городищъ, до Оки—именно: *Молодовое Городище* (въ холмистомъ ю. в. углу Карачевскаго у.) нъ с. отъ названнаго нами Криво-Городища, далѣе *Людское Городище*, при истокахъ рѣчки Людской, впадающей съ ю. з. въ Окскій притокъ Цону; по Цонѣ—два *Городища* въ Орловскомъ у.

[227]) Въ такомъ именно смыслѣ слѣдуетъ понимать *Донъ* Поученія Мономахова (Лавр. лѣт. 107), и извѣстія лѣтописи о походѣ Димитрія Ивановича на Донъ въ 1109. Для этаго заключенія представляетъ данныя подробное описаніе похода русскихъ князей на Половцевъ въ 1111 году, похода, въ который русскіе проникли въ первый разъ такъ глубоко въ Половецкія кочевья. Русскіе князья, выступившіе въ путь *во вторую* недѣлю (т. е. во второе воскресенье поста, что̀ приходилось 26 февраля), въ пятницу на третьей недѣлѣ (т. е. 3 марта) были на Сулѣ; 4-го, въ субботу, были на Хоролѣ, гдѣ покинувши сани, выступили оттуда на другой день, „въ недѣлю, въ нюже хрестъ цѣлують; 7-го, во вторникъ четвертой недѣли поста, вечеромъ достигли Ворсклы, перейдя въ три дня (5, 6, 7) Пселъ и Голтву. Очевидно, путь лежалъ выше устьевъ Хорола и Голтвы, по всей вѣроятности отъ Лукомля, пограничнаго городка (въ XII в. уже городища) Переяславской области на Сулѣ, къ Ворсклѣ въ окрестности Полтавы, или приблизительно по параллели 59° 50′. Здѣсь, по приблизительному разсчоту (Карта Шуб.), между Сулою и Хороломъ около 25 верстъ, между Хороломъ и Пселомъ около 50, между Пселомъ и Голтавой около 20, между Голтавой и Ворксдой около 30,—всего около 125 верстъ. Это разстояніе они прошли въ пять дней (3—7 марта), дѣлая такимъ образомъ въ день круглымъ счотомъ верстъ по 25.—Долѣе до Шаруканя на Дону они шли 14 дней, прибывши туда вечеромъ 21 марта, во вторникъ на шестой недѣли поста. Не-

обходимо допустить, что походъ въ степяхъ совершался медленнѣе, чѣмъ въ русскихъ предѣлахъ что пѣшее войско (*вои*) не могло сдѣлать двухъ — недѣльный переходъ безъ большихъ остановокъ, ибо оно должно было беречь силы для предстоящихъ битвъ съ Половцами, — и что князья въ эти двѣ недѣли едва ли могли сдѣлать болѣе 250 верстъ,—если только не меньше. Но такое разстояніе уничтожаетъ всякую мысль о Донѣ, который въ нижнемъ теченіи своемъ откланяется слишкомъ далеко на востокъ. Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ о Сѣверномъ Донцѣ, и не ниже окрестностей Изюма, и что на немъ слѣдуетъ предположить города *Шаруканъ* и *Сугровъ*, взятый въ разсматриваемый походъ рускими, въ среду 22-го марта... Въ четвергъ (23 марта) русскіе князья идоша съ Дона, а въ пятницу завътра, мѣсяца марта въ 24 день, собрашася Половци, изрядиша полки своя и идоша боеви... и падоша врази наши... на потоцѣ *Дегея*, и поможе Богъ рускымъ княземъ... и заутра суботѣ празднована Лазарево воскресенье и Благовѣщенья день и похваливьше Бога и проводиша субботу, и въ недѣлю придоша (назадъ къ Дону, т. е. къ Донцу?). Въ понедѣльникъ страстной недѣли (27 марта), паки иноплеменницы собраша полкы своя многое множество, и выступиша яко борове (лѣса, а не *боровы*, какъ прочиталъ С. М. Соловьевъ) велиціи.... и побиша я въ понедѣльникъ страстный, мѣсяца марта въ 27 день, избіени быша иноплеменницѣ много множество на рѣцѣ *Сальницѣ*. (Ипат. 2.).. Такимъ образомъ и потокъ *Дегея* и рѣку *Сальницу* или *Сальникъ* надо считать притоками Сѣвернаго Донца. Потокъ Дегея не извѣстенъ; что касается Сальницы, то еще по книгѣ Большаго Чертежа значится рѣка *Салница*, впадающая въ Сѣверный Донецъ ниже Изюма и Татищевъ не безъ основанія указалъ на нее при объясненіи лѣтописной Сальницы 1111 года, вопреки опроверженію Карамзина (II. прим. 204. стр. 92), котрый объяснилъ ее рѣкою Саломъ, впадающимъ въ Донъ, близь Семикарановской станицы. — О Сальницѣ мы имѣемъ еще одно лѣтописное свидѣтельство, и оно не только не противорѣчитъ принятому нами объясненію, но даетъ ближайшее указаніе на положеніе этой рѣчки. Въ лѣтописномъ разсказѣ о знаменитомъ походѣ Игоря Святославича на Половцевъ (Ипат. лѣт. подъ 1185 г.) говорится, что Игорь Святославичъ ...переброде *Донецъ* и тако приде ко *Осколу* и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ *изъ Курска*; и оттуда поидоша къ Сальницѣ... затѣмъ разсказъ о битвахъ на рѣкахъ Сюурліи и Каялѣ (стр. 130—131). И здѣсь Сальникъ въ области Сѣвернаго Донца, не въ дальнемъ разстояніи отъ устьевъ Оскола. Въ своемъ теперешнемъ значеніи *Донъ* является въ Словѣ о полку Игоревѣ. (Донъ Великій, изд. Дуб. 36). Въ Ипат. лѣт. подъ 1140 годомъ: Се бо Мстиславъ

великій наслѣди отца своего потъ Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону... а Мстиславъ мужи свои посла, загна Половцы за Донъ, за Волгу, за Яикъ. Стр. 15.

228) *Гаркави.* Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. 38.

229) ibid. 129—130.

230) На старинныя сношенія русскихъ князей съ Обезами можетъ указывать женидьба Изяслава Мстиславича на *царевой дочери* изъ этаго племени. Ипат. подъ 1154, стр. 74.

231) Это видно изъ лѣтописнаго разсказа о попыткахъ овладѣть Тмутараканью изгоемъ Ростиславомъ Володимировичемъ въ 1064. Лавр. 70—71.

232) Въ описаніи похода русскихъ князей на Донецъ 1111 г. (см. выше пр. 227): „придоша русскіе къ Донови во вторникъ. И оболочишася во бронѣ и полкы изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимеръ *приставизи попы свои ѣдучи предъ полкомъ* пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородицы. Поѣхаша ко граду вечеру суще, и *въ недѣлю* *) выидоша изъ города, и поклонишася княземъ русскымъ и вынесоша рыбы и вино.“ Ипат. 2.—На другой день *Сугровъ* былъ зажжонъ. Отъ Шаруканя и Сугрова на Донцѣ не осталось слѣдовъ, хоть и есть одноименныя мѣстности: *Сугровъ* сел. на Сеймѣ къ югу отъ Львова (Курской губ.), *Шарканы* на восточной границѣ Бессарабіи, близь праваго берега Днѣстра, которыя конечно не могутъ идти здѣсь въ разсчетъ.

233) Ипат. 133. По Большему Чертежу близь впаденія рѣки Харькова въ Уды. (См. *Пассека*, Очерки Россіи II. 196). Впрочемъ названіе этаго города заставляетъ искать его гдѣ нибудь на Донцѣ, на которомъ нѣсколько выше Изюма два селенія носятъ названія *Донецкихъ*.

234) Между прочими *Радомля*, упоминаемая грамотою 1504 года. Собр. Госуд. Вр. и Догов.. I. 365, *Радомльская волость* на Клязмѣ ibid. 369.

235) *Корачевъ* въ лѣтописномъ разсказѣ о борьбѣ Святослава Ольговича съ Изяславомъ Мстиславичемъ 1146 года является внѣ земли Вятичей, отдѣленнымъ отъ нея лѣсомъ: (узнавъ „отъ пріятелей оже Изяславъ Мьстиславичь идеть на нь Кърачеву)... бѣжа за лѣсъ у Вятичѣ Свято-

*) „*въ недѣлю*“ очевидно ошибка или описка. Рускіе вступили въ Шарукань въ тотъ же вторникъ, ночевали тамъ, и „завътра въ среду поидоша къ Сугрову“.

славъ Олеговичъ". Ипат. 28. Но подъ 1185 годомъ: Святославъ князь иде въ Вятичи Корачаву. ibid. 159.

[236]) Ипат. 30, 85.

[237]) Ипат. 28, 47.

[238]) Подъ 1147 годомъ: выбѣгоша посадничи Володимери и Изяславли изъ Вятичь, изъ Бряньска, и изъ Мьченьска и изъ Блове, и оттуда иде Девягорьску, иде заемь *вси Вятичи* и *до* Брянскъ и *до* Воробеинъ *Подесьнье, Домагощъ* и *Мценескъ*. Ипат. 30. Въ описаніи похода Юрія Долгорукаго и его союзниковъ въ 1152 году, точно также Мченескъ не смѣшивается съ землею Вятичей: идоша туда *на Вятичь* и тако взяша я, таже на Мценескъ, оттуда же идоша на Спашъ, также на Глуховъ. ib. 69.

[239]) Подъ 884 годомъ: Иде Олегъ на Сѣверяне и побѣди Сѣверяны, и возложи нань дань легку и не дастъ имъ Козаромъ дани платити рекъ: „азъ имъ противенъ, а вамъ нечему." Лавр. 10.

[240]) ... „велитъ послушати земли незнаемѣ Влъзѣ и Поморію и Посулію, и Сурожу и Корсуню, и тебѣ, Тмутараканскій блъванъ." Изд. Дубенск. Русск. Достоп. III. 39.

[241]) Еще Всеволодъ Ярославичъ, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, посадилъ въ Переяславлѣ сына своего Мономаха *передъ братьею* (Лавр. 103). За тѣмъ Переяславль пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго княженія только на то время, когда Мономахъ, лишившись Чернигова, принужденъ былъ довольствоваться этимъ удѣломъ. По переходѣ на Кіевскій столъ онъ отдалъ, его сыну своему Ярополку, который, занявши въ свое время Кіевскій столъ въ 1132 году, уступилъ Переяславль племяннику Всеволоду Мстиславичу. Въ начавшихся вскорѣ усобицахъ между Ольговичами и Мономашичами, и старшихъ Мономашичей съ младшими почти каждая смѣна старѣйшихъ Кіевскихъ князей сопровождалась смѣною князей въ Переяславлѣ.

[242]) Упоминаемая въ описаніи битвы съ Половцами русскихъ князей 1078 г, *Нежатина Нива* пріурочивается къ теп. городу Нѣжину на р. Острѣ:..„убіенъ бысть князь Изяславъ... и вземше тѣло его, *привезоша и въ лодьи*, и поставиша противу Городьцю." Нѣжатину Ниву слѣдуетъ отличать отъ Нѣжатина 1135 г. (Лавр. 132), который должно искать гораздо южнѣе, и котораго положеніе теперь неизвѣстно.

[243]) См. прим. 242.

[244]) Въ 1095 году къ Переяславлю приходили Половцы Итларъ и Кытанъ къ Володимеру на миръ. Лавр. 97.

[245]) *Пѣсоченъ* показанъ въ этомъ извѣстіи вмѣстѣ съ Переволокою, которая пріурочивается къ теп. м. *Переволочное* на Удаѣ, къ в.

отъ Прилукъ. Вблизи его на Сулѣ *Пески* и *Песочки* въ окрестности которыхъ Городище, къ в. верстахъ въ 7 отъ Лохвицы.—Подъ 1169 годомъ указывается *Песочень* у Перяславля (Лавр. 153): то можетъ быть теп. *Пещаное* на дорогѣ изъ Переяславля въ Золотоношѣ, при впаденіи Кавраи въ Супой.

[246]) Бѣлавѣжа, теп. Белемешь (см. *Лербергъ*, Изслѣд. 385), возникла вѣроятно послѣ 1117 года, когда, по извѣстію Ипатьевск. лѣт., „придоша Бѣловежьцѣ въ Русь" Стр. 8. Она была не Перяславскимъ, а Черниговскимъ городомъ. Ibid. 36.

[247]) Въ области верхней Сулы замѣчается нѣсколько подобно—именныхъ мѣстностей, какъ напр. *Попадино* на рѣчкѣ, съ с. вливающейся въ Сулу нѣсколько ниже м. Недрегайлова, р. *Попадья*, лѣвый притокъ Сулы, впадающій выше того же мѣстечка. Въ области Семи *Бошевка* на Локнѣ притокѣ Вира, къ с. отъ него *Поповъ* и др.

[248]) Поуч. Моном. Лавр. 104. На рѣкѣ Вырѣ, впадающей въ Сеймъ съ лѣвой стороны въ Путивльскомъ уѣздѣ, находятся насел. мѣста: *Виры*, при устьи Синяки, слоб. *Вирки*, (оба въ Сумскомъ у.) и *Виры* (Старые?) въ Путивильскомъ у. на границѣ съ Сумскимъ у. Къ какому изъ нихъ правильнѣе пріурочивать лѣтописный Вырь (Выревъ, Вырьскъ) опредѣлить не льзя.

[249]) Ипат. 35.

[250]) Въ Поуч. Мон.: „и на Богъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка за Рось....паки идохомъ другое съ Вороницѣ". Изъ этаго извѣстія не ясно, на какой сторонѣ Днѣпра слѣдуетъ искать *Вороницы*. На Кіевской сторонѣ есть теперь сел. *Ворсновка* въ с. в. части Звенигородскаго уѣзда, на р. Ольшанкѣ, *Вороное* на границѣ Уманскаго и Таращанскаго уѣздовъ, близь Бузовки и Канелы.

[251]) Подъ 1096 г.: „и посла Олегъ слы свое къ Изяславу (Володиміровичу, который засѣлъ въ Муромѣ), глаголя: иди въ *волость отца своего Ростову*, а то есть волость отца моего. Лавр. 107.

[252]) Какую важность имѣлъ Любечъ для Черниговскихъ князей, видно изъ описанія похода Изяслава Мстиславича подъ этотъ городъ въ 1147 году. Ипат. 37. При немъ доселѣ сохранились остатки земляного укрѣпленія. Въ полуторѣ версты отъ него подъ горою надъ озеромъ *Кораблище* пустань Антоніевская съ обветшалою, деревянною церковью св. Антонія и съ его пещерами. См. *Шафонскій*, Черниговскаго Намѣстничества Топогр. Опис. 1786 г. Кіевъ 1851. стр. 315.

[253]) *Дубенскій* (Сл. о Полку Игор. Русск. Дост. III. 61. пр. 207) совершенно справедливо замѣчаетъ, что дорога, по которой шолъ Игорь, лежитъ по возвышенію между рѣками Донцомъ и Осколомъ, по правой

сторонѣ Оскола, и приводитъ на Донецкій перевозъ у Изюмскаго кургана. Въ Ипат. лѣт. въ описаніи похода Святослава Всеволодовича и Рюрика Ростиславича на Половцевъ: „новоропнцци же перешедше Хоролъ взидоша на *шоломя*, глядающе, гдѣ узрять я (Половцевъ). Кончакъ же стоялъ *у лузѣ*, его же ѣдуще по шоломени оминуша. Стр. 129.

²⁵⁴) Лавр. 163.

²⁵⁵) Д. И. *Иловайскій*, Истор. Рязанск. княж. 142—144.

²⁵⁶) Ближайшее сродство между Новгородскими Славянами и Кривичами указано Шафарикомъ (Слав. Древн. въ пер. Бодянскаго, т. II. кн. 1. стр. 159). Онъ полагаетъ, что Новгородскіе Славяне составляли отрасль, оторванную отъ великой нѣкогда вѣтви того же имени, которая, судя по оставшимся мѣстнымъ названіямъ, въ прежнее время простиралась далеко на югъ до предѣловъ губерній Минской, Волынской и Могилевской. „По переселеніи многихъ славянскихъ родинъ въ VI столѣтіи въ Дакію, Мизію и Паннонію, и по занятіи оставленныхъ ими мѣстъ другими вѣтвями, съ перемѣною обитателей перемѣнились и названія: имена Кривичей, Полочанъ, Радимичей и др. усилились, а имя Славянъ уменьшилось, и осталось только за одними обитателями области Ильменской“.

Гг. *Соловьевъ* (см. выше стр. 60—61., и прим. 104), и *Бѣляевъ* (Разсказы изъ Русск. Ист. I.) считаютъ Кривичей—развѣтвленіемъ Новгородскихъ Славянъ. Опровerженіе мнѣнія г. Бѣляева сдѣлано Д. И. *Иловайскимъ*, который полагаетъ, что скорѣе всего слѣдуетъ признать самихъ Новгородскихъ Славянъ вѣтвью Кривичей (Великій Новгородъ и Бѣлоруссія, по поводу Разсказ. изъ р. Ист. Бѣляева. Русск. Вѣстн. 1864 № 8. стр. 646 и слѣд.). Мнѣніе о сродствѣ Новгородскихъ Славянъ, съ Южно—или Малоруссами, высказанное Н. И. *Костомаровымъ* (Сѣверно-р. народопр. I. 5—13) обстоятельно разобрано Гильфердингомъ (Собр. соч. I.).

²⁵⁷) *Генрихъ Латышъ*, Chronicon Livonicum vetus, in Gruberi Originib. Livon. говоритъ о двухъ русскихъ городахъ—*Gercike* (1202. 26) и *Kukenoys* (1204. 33). Въ послѣднемъ княжилъ *Vesceke* (Вячко, Вячеславъ). Положеніе Кукенойса опредѣляется теп. Кокенгаузеномъ на Двинѣ, который и до нынѣ мѣстные Латыши называютъ *Кокнесе*, *Kohknese*, что, по объясненію И. Я. *Спрогиса*, собственно значитъ: мѣсто сноски, своза дерева, дровъ.—См. Памят. Лат. Творч. I. Что же касается *Герцике*, то еще Груберъ усомнился въ правильности самаго названія его, и основываясь на томъ, что прописныя буквы *G* и *B* въ старинныхъ рукописяхъ такъ сходны между собою, что особенно въ собственныхъ именахъ легко принять ихъ одну за другую, предлагалъ читать „Bercike“ вмѣсто „Gercike“, и объяснялъ этотъ городъ Жмудскимъ городкомъ *Биржи*, волостью Радивилловъ (26. Nota). *Нарушевичъ* (Hist. Polsk. IV

152), указываетъ на замокъ *Берсонъ* къ с. отъ Якобистата, а Нарбутъ (III 360) объясняетъ его какимъ то Царогродомъ, который впрочемъ— сколько извѣстно—никогда не существовалъ. *Полевой* въ Исторіи Р. Нар. III. 217. пр. 207. „*Герсика*, нынѣ *Крейцбургъ*, ниже Динабурга по—латышски *Кревицемепиллисъ*; Руссы называли его *Кружборъ*.“. Грамота епископа Альберта, данная Герцикскому князю Всеволоду (*Wiscewaldo, rex de Gercike*) въ области этаго князя упоминаетъ города: *Antina* (Autina) *Zeesowe* (et *aliae* ad fidem conversae). См. Bunge's Urkundenbuch. 21. N. 15. 1209.

258) Ипат. лѣт. подъ 1195 г. стр. 147.

259) *Карамз.* Ист. Гос. Р. II. 4—10 прим. 23.

260) Лавр. 72: Всеславъ....,„*перепха* въ лодьи *через Днѣпръ*. Изяславу же въ шатеръ предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска.

261) Слѣды Рогнѣдина села *Заруба* (Ипат. 95), съ котораго въ XII-мъ вѣкѣ взималось княжеской дани 30 гривенъ, замѣчаются за правымъ берегомъ Днѣпра въ сел. *Заровцы*, къ с. з. отъ Шклова.

262) Въ Поуч. Моном.: и на ту осень идохомъ съ Черниговцы и съ Половци, Читѣевичи, къ Мѣньску. *Изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины*. Лавр. 103.

263) Изъ нихъ замѣчены нами *Кривичи* на Нѣманѣ къ с. отъ Новогрудка, *Кривичи* къ с. з. отъСлонима, въ сосѣдствѣ Дороглинъ, Деречинъ; въ Новогрудскомъ у. два *Кривыхъ* села; *Кривцы*, близь Яцольцы кѣ с. оть Пинска, (карта Шуб. 34. Кршивиць), на Щарѣ—*Кривошинъ* къ югу оть м. *Великія Луки*, *Кривляне* къ в. отъ Ковеля, на р. Мельницѣ, притокѣ Стохода; въ Бужскомъ бассейнѣ: *Кривляны* къ западу отъ Кобрина; *Кривляне* у Каменца Литовскаго, *Криватиче* (Кршаватице) и Крива (*Кршива*) у *Бѣльска*.

264) И. Д. *Бѣляевъ* считаетъ этотъ *Холмъ*, теп. у. г. Псковской губ. тѣмъ Смоленскимъ городомъ, который упоминается въ Уставной грамотѣ Смоленской епископіи около 1150 (О геогр. свѣд. др. Россіи 174).; но по Новгородскимъ писцовымъ книгамъ 1500 года Холмъ въ 150 верстахъ отъ Новгорода значится въ Деревской пятинѣ (*Неволинъ*, о Пятинахъ. Стр. 176—177). Въ договорѣ, заключенномъ 1471 года Новгородцами съ Казиміромъ Литовскимъ, Холмъ показанъ пограничнымъ съ Литвою Новгородскимъ городомъ См. *Карамз.* Ист. Г. Р. VI. прим. 42.

265 Выписки изъ этихъ сказаній у Карамзина, т. I, прим. 70. — Опытъ разбора ихъ представленъ Н. И. *Костомаровымъ*. Сѣв.—р. Народ. I, 7 и слл.

266) Ср. выше стр. 44. и прим. 69.

[267]) Отдѣльность Бѣлоозера отъ Поволожья въ концѣ XI вѣка не льзя не замѣтить при внимательномъ разборѣ извѣстнаго лѣтописнаго сказанія о явленіи волхвовъ въ области Ростовской... „Встаста два волъхва *отъ Ярославля* ... и придоста на Бѣлоозеро. Въ се же время приключися прити *отъ Святослава* дань емлюще Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци... Янъ же испытавъ, *чья еста смерда*, и *увѣдавъ яко своего князя*, пославъ къ нимъ иже около его суть, рече имъ: выдайте волхва та *оьмо*, *яко смерда еста моего князя*." Послѣ схватки съ приверженцами волховъ... „Янъ же вършедъ въ градъ къ Бѣлозерцамъ, рече имъ: *аще не имете волхву сею*, не иду отъ васъ и за лѣто." Лавр. 75. Очевидно, что Янъ собиралъ дань не у Бѣлозерцевъ, и, если вступилъ въ градъ Бѣлозерцевъ и грозилъ пробыть у нихъ цѣлое лѣто, то только потому, что они не хотѣли выдать смердовъ его князя, возставшихъ отъ Ярославля. Въ концѣ этаго вѣка Бѣлоозеро вмѣстѣ съ Ростовомъ и Суздалемъ составляетъ волость Мономаха и его дѣтей (ibid. 108).

[268]) И. Д. *Бѣляевъ* О геогр. свѣд. въ древн. Росс. 46.

[269]) Таковы между прочими *Славитино* на р. Шахѣ (Юрьевскаго у.), *Числавль* вблизи сел. Б. и М. Вески, *Сеславское* къ с. з. отъ Владиміра, озеро *Словинское* къ с. з. отъ Костромы, *Уславино*, *Вышеславское*, *Сеславино* къ с. отъ Ростова и др. Въ Поволжьи весьма нерѣдки населенныя мѣста, и вѣроятно—также урочища съ названіями, напоминающими еще языческій бытъ водворившагося тамъ Славянства (*Перуново*, *Волосово*, *Велесово*, *Волотово*, *Турово*, *Игрищи*);—и бытъ старо—княжескій, какъ напр. *Гридины*, *Гридинскіе*. О характерѣ первоначальной славянской колонизаціи сѣверо-восточной равнины см. превосходную статью покойнаго *Ешевскаго*: Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. Русск. Вѣст. 1866. № 1, и К. Н. *Бестужева-Рюмина*— О колонизаціи велико-русскаго племени. Журн. М. Н. Пр. 1867. №. 6. И. Д. Бѣляевъ въ статьѣ „о велико русскомъ племени" считаетъ Новгородъ и Смоленскъ гнѣздомъ Славянщины, изъ котораго постоянно напирали въ Поволжье Славянскіе колонисты и постепенно подчиняли тамошнихъ полудикихъ старожиловъ Весь, Мерю, Мурому. 5.

[270]) *Карамзинъ*, основываясь на томъ, что Ярославъ не могъ говорить о церкви Бориса Глѣба, которой при немъ не было, сдѣлалъ два предположенія: или названіе церкви внесено въ Уставъ въ болѣе позднее время, чтобы яснѣе означить мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, или же, что этотъ Уставъ принадлежитъ не Ярославу Великому, а другому: можетъ быть, отцу Александра Невскаго (II. прим. 108 стр 42). И. Д. Бѣляевъ (Разск. изъ Р. Ист. II. 3), не высказывая основаній, прямо приписываетъ его князю Ярославу Ярославичу, брату Невскаго.

[271]) Съ 1264 года. См. Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. 2—2 и слл.

[272]) См. *Карамз.* II. пр. 108.—Дубенскій въ Русск. Дост. II. стр. 27. прим. 24.

[273]) А. К. *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ (Зап. Имп. р. геогр. общ. VI. 1853 стр. 124.). ,,Этотъ погостъ, какъ видно изъ писцовой книги 1500 года, былъ расположенъ по рѣкамъ Назьѣ, Шельдихѣ и Лавѣ (Лавуѣ), и по берегу Ладожскаго озера подходилъ даже къ Орѣшку. На картѣ *Бергенгейма* (Карта бывшихъ губерній Иванъ-Города, Яма, Копорья и Нетеборга, составленная 1817 года, подъ присмотромъ Генералъ-Маіора Шуберта, Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитаномъ Бергенгеймомъ 1-мъ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ Шведскихъ архивахъ, показывающая раздѣленіе и состояніе онаго края въ 1676 году), стоитъ *Loppis* при р. *Seldica*, на лѣвой ея сторонѣ. Нѣсколько ниже на правой сторонѣ той же рѣки стоитъ *Putila*. Это должно быть село *Путилово*, значащееся по картѣ Шуб. на лѣвомъ берегу р. Шельдикѣ, впадающей съ юга въ Ладожское озеро.. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ П. И. Кеппену, а отъ него Неволину, *Hywila* (Поляна Дальняя), *Maitchta* (Майдеухта, Майдеухта, Алексѣевка), *Saamusti* (Замомошье, Замостье), Wauhanmylly (Старая Мельница), Suaasari,—эти пять деревень образовали въ давнее время общину съ небольшою церковью, подъ именемъ *Loppi-Kolka*, и это имя удержалось за ними до нынѣ.

[264]) Уставъ Новгородскаго князя Святослава Ольговича (Русск. Достоп. I), которымъ сборъ десятинный замѣненъ постояннымъ поборомъ. *Оньга*—городъ, къ которому тянутъ,—или область, въ которой находились—погосты:—*Волдоутовъ* (подобнозвучащая р. *Вонгуда*, текущая изъ озера *Вонгуда*; на ней селеніе *Вонгудъ*, въ Онѣжскомъ у., верстахъ въ 30 на ю. в. отъ Онѣги.); *Тудоворъ* (*Тудорскій* у восточнаго берега Онѣжскаго озера, къ с., верстахъ въ 10 отъ Вытегры), *Иванъ* (*Ивановское* озеро съ протокомъ въ *Мошу*, правый притокъ Онѣги въ Каргопольскомъ уѣздѣ); *Ракуль* (*Раколова* дер. въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на с. отъ озера Лача, въ 25 в. на с. з. отъ Каргополя; есть еще Ракульскій погостъ въ Вельскомъ у. на р. Вели,—Ракульская на р. Кокшенгѣ, къ в. отъ Вельска мѣстности, которыя конечно не могутъ быть приняты въ разсчетъ при опредѣленіи Ракули 1137 года, какъ и другія, подобноименныя мѣстности, довольно часто встрѣчающіяся теперь въ Поволжьи и въ Озерной области); *Спирковъ* (Спирково—Ивановское; въ Каргопольскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегу Онѣги); *Вихтуй* (есть озеро *Виштама* въ восточномъ углу Вытегорскаго уѣзда, на ю. в. отъ Комозера, соединяющееся съ Кемью протокомъ).—За тѣмъ Уставъ называетъ: *Пинегу* (на мѣстѣ тен. у. г. того же имени), *Кегрель* (*Кевроли* на ю. в. отъ Пинеги, въ уѣздѣ этаго города, см. Sjögren. Ueber die Jemen 330), *Усть-Емець*

и *Усть-Вагу* (при впаденіи этихъ рѣкъ въ Двину), *Поуите* (лѣвый притокъ Ваги, на Картѣ Шуб.—*Пуя*, въ Спискахъ нас. мѣстъ Арх. губ.—*Пуянда*, въ южной части Шенкурскаго у.: на ней сел. *Нижнепойская*, и *Усть Пуйская*, нѣсколько ниже на Вагѣ; есть еще *Пійтова* на Вагѣ, ниже Вельска, въ его уѣздѣ, *Запуйда* сел. въ Вельскомъ уѣздѣ);—*Чюдинъ, Лигуй, Вавдитъ* (мѣста неопредѣленныя), *Вель* (р. Вель) *Викшента* (есть р. Викшенга лѣвой притокъ Свири, въ Лодейнопольскомъ у., у границы Тихвинскаго у. съ Лодейнопольскимъ); *Борокъ* (—на Борку; есть *Борокъ*—Григорьевская тожь на Двинѣ Холмогорскаго уѣзда—Спис. Нас. м. Арх. губ. N. 1870; кромѣ того: *Борецкая* на правомъ берегу Двины, близь устюжской границы;—почти противъ острова Телячьяго, Карты Шуб. N. 10, *Бараковска* сел. на лѣвомъ берегу Ваги, нѣсколько—выше устья Пуянды),—*Отминъ* (м. н.); *Тойма* (нижняя и верхняя *Тойма*—правый притокъ Двины въ Устюжскомъ уѣздѣ, у Архангельской границы); *Пома* (*Помд—чой—помъ* иначе *Звенигородъ*, въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, по правую сторону отъ торговой дороги въ Ляльскъ (92 версты отъ у. г.); —*Помоздинъ* въ томъ же уѣздѣ, при Помоздѣ, притокѣ Вычегды, *Помычялово* въ 25 верстахъ отъ Вологды, на р. Пажебѣ); *Тотьма*, (теп. Тотьма у. г. на Сухонѣ, нѣсколько выше устьевъ Тотьмы); *Пененичъ* (есть Пельевское на рѣкѣ Устьи Вельскаго у.; кромѣ того въ Устюжскомъ у.: *Пенелы* у Тотемскаго почтоваго тракта, на Бобровкѣ, и три селл. *Пенье*—а) по правую сторону Юга при озерѣ Лывѣ; б) на торговой дорогѣ отъ устья Вычегды къ Архангельску; в) близь Двины,—Сп. Нас. м. Арх. губ. 11 257, 11509.); *Порогопоустьцъ* (*Порогъ*—въ Устюжскомъ у. на р. Сухонѣ; на картѣ Шуберта есть сел. *Подпорожье*, въ Пудожскомъ уѣздѣ, къ с. в. отъ у. т. на в. берегу озера, соединеннаго протокомъ съ р. Водлою; *Порожье*, на р. Водло нѣсколько ниже Пудожа;—на р. Печорѣ—есть *Порогъ-Печоры*, выше сел. Троицко-Печерскаго, Усть-Сысольскаго у.); *Валдитъ*; *Волокъ на Мши, Емь* (мѣста не опредѣленныя).

[275]) См. выше, стр. 89, и прим. 151.

ПОГРѢШНОСТИ.

стр.		*строка.*	*напечатано.*	*слѣдуетъ быть.*
13	сверху	6	*Кавкаисинскихъ*	Кавкаисинскихъ [29])
—	„	17	мѣсяци [31])	мѣсяци [30]).
14	„	4	Двины [32])	Двины [31]).
—	„	13—14	*Заволоцкой Чуди* [33])	*Заволоцкой Чуди* [32]).
15	снизу	13	*Угорское* (10)	*Угорское* (10) [33]).
77	сверху	7	сѣвернаго	восточнаго.
80	„	17	*Horwatezik*	*Horwatczik.*
—	„	18	*Гарбочь* къ ю.в. отъ Кашау	*Гарбовцы.*
—	„	19	Уйчелы	Уйгель.
—	„	—	*Грабочь*	*Грабовцы.*
—	снизу	17	Унгвы	Унга.
—	„	7	*Бѣлохоровка* 1)	*Балагуровка.*
—	„	6—5	Чертковскомъ	Коломыйскомъ
85	сверху	1	*Улицъ* и *Улицъ Крива*	*Улычъ* и *Улычъ Крива*
—	„	2	Унгвы	Унга
—	„	5	р. Свици	р. Свѣчи
—	„	—	*Улучь*	*Улючь*
—	„	—	*Улицне*	*Уличне*
—	„	6	Любашова	Любачева.
87	„	9	(Дублиски)	(Дуплиска)
88	„	10—11	*Буженa*	*Бужска.*

---

1) *Бѣлохоровка* на Картѣ Шуберта. Вообще исправленіемъ погрѣшностей въ собственныхъ именахъ Русской земли по ту и по сю сторону Карпатъ (стр. 80, 85, 87) мы обязаны вниманію знатока Галичины и Прикарпатчины Я. Ѳ. *Головацкому.*

тр.	*строка.*		*напечатано.*	*елпдуетъ быть.*
90	сверху	4	Ростиславича	Ростиславичей
91	снизу	7	сыну; Изяслава	сыны Изяслава
95	,,	5	Поднѣстровьи	Поднѣпровьи
105	,,	12	(на р. Уквѣ)	(на р. Иквѣ)
114	,,	11	Свислочь	Сервячь
115	сверху	5	въ XI вѣкѣ 197)	въ XI вѣкѣ 199)
—	,,	12	на Нѣманѣ 198)	на Нѣманѣ 200)
117	,,	17	въ 1106 году	въ 1006 году
129	,,	7	выше Брянска	выше Брянска 225)
—	снизу	5	въ 1103 г.	въ 1111 г.
114	,,	12	ниже Лубенъ	ниже Лубенъ 144)
151—156			ссылки на прим. 156)—161)	256)—267).

